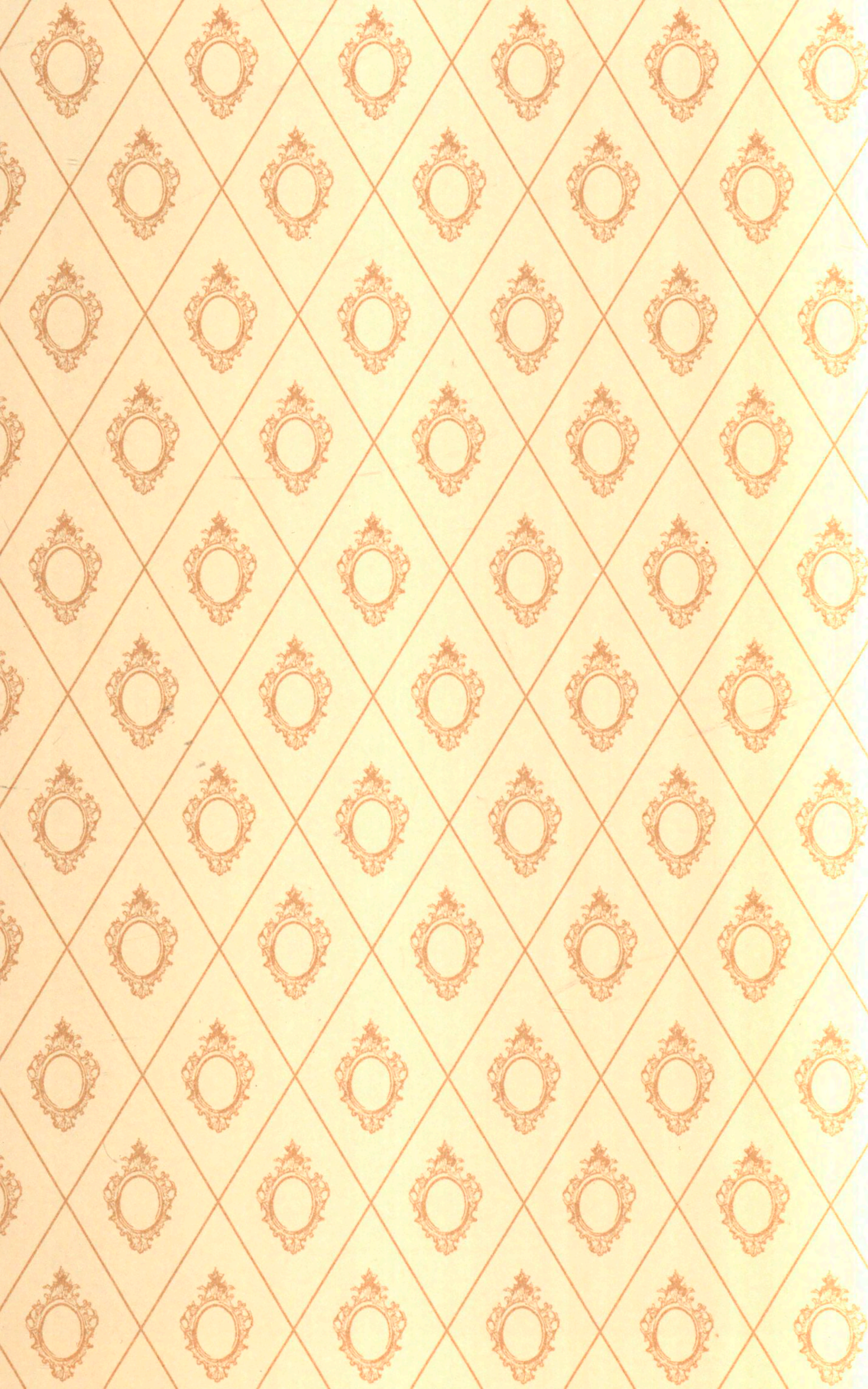
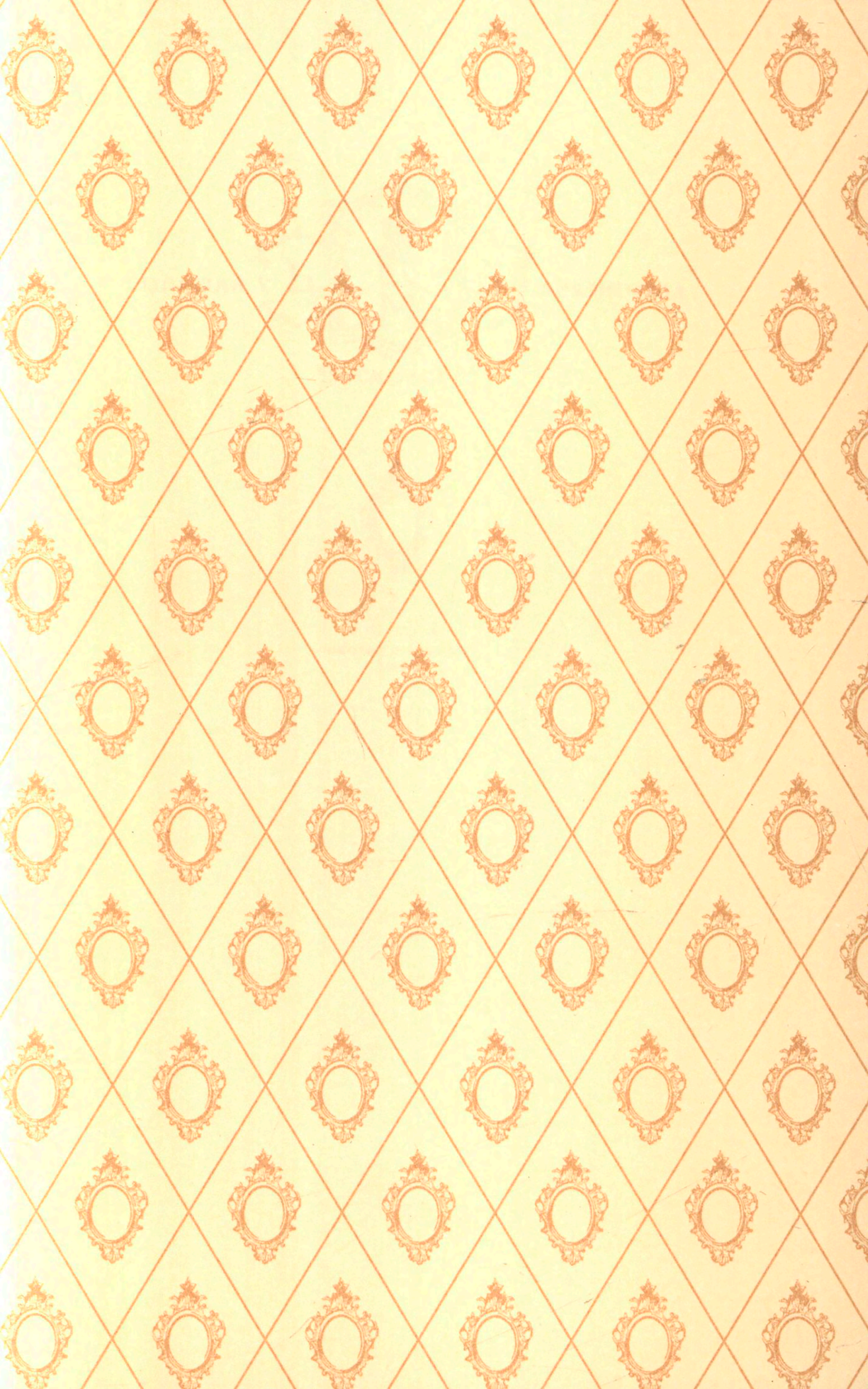
ББМ

Князь А. А. Щербатов

НА СЛУЖБЕ МОСКВЕ И ОТЕЧЕСТВУ

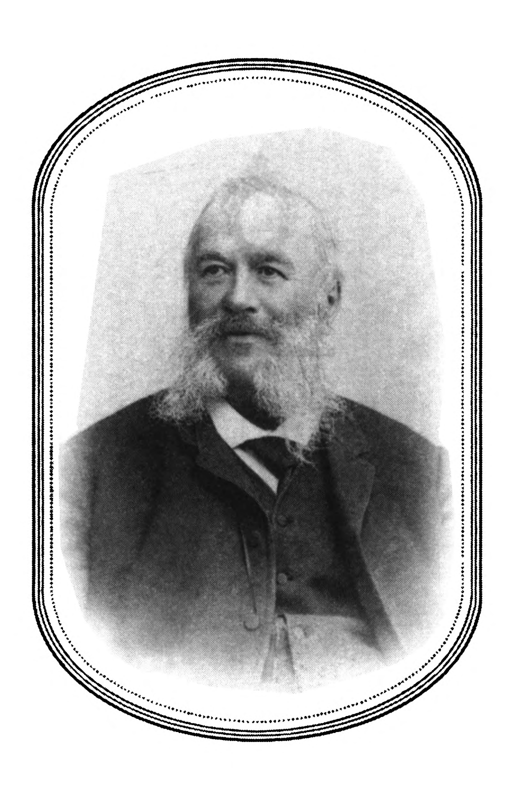
РУССКІЙ МІРЪ

БОЛЬШАЯ
Б
М
Б
БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКАЯ

исторические
лица

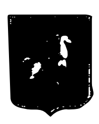

Князь А. А. Щербатов

НА СЛУЖБЕ МОСКВЕ И ОТЕЧЕСТВУ

МОСКВА
РУССКІЙ МІРЪ
2009

УДК 929Щербатов А. А.+94(470–25)(035)(084.121)(093.3)"1860"
ББК 63.214ю14(2)-2+63.3(2-2Москва)522
Щ61

Издательская программа Правительства Москвы

Серия основана в 2001 году

Составление, подготовка текста,
вступительная статья и комментарии
Т. А. Медовичевой

Рецензенты:
доктор исторических наук С. С. Илизаров,
кандидат исторических наук М. В. Мокрова

Художественное оформление серии
С. Ю. Губина

ISBN 978-5-89577-137-2

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

> Бывают моменты в истории, где застой вреден и даже опасен, моменты, когда необходимо двигаться вперед, сохраняя из старины то, что в ней действительно хорошего и полезного, бросая за борт отжившее и помертвевшее <...> Благо общее стоит выше блага сословного; сословная гордость и сословные предрассудки должны замолкнуть при воззвании к любви к Отечеству.
>
> *А. А. Щербатов*

Имя князя Александра Алексеевича Щербатова (1829—1902) известно сегодня немногим. Между тем его по праву можно причислить к кругу замечательных русских деятелей, которые своими делами приумножали славу Отечества.

Жизнь и деятельность А. А. Щербатова тесно связана с Москвой и Подмосковьем, где в Верейском уезде у него было имение Наро-Фоминское. Он был москвичом по рождению, воспитанию, образованию и даже идейно был близок к «московскому» (т. е. славянофильскому) направлению. Его ближайшим другом и соратником стал выдающийся славянофил Ю. Ф. Самарин, в котором, по словам самого Щербатова, он находил нравственную опору — опору для своего ума и сердца. Он был в приятельских отношениях с И. С. Аксаковым и Ф. В. Чижовым. В славянофильстве Щербатова особенно привлекала верность традициям православия, ибо религиозность была основой основ его личности. Будучи аристократом без аристократических предрассудков, Щербатов поддерживал выступления славянофилов против олигархических притязаний дворянского сословия, считая их несоответствующи-

ми духу времени. В своей известной речи, обращенной в 1862 г. к дворянству Московской губернии, он заявил, что и «без искусственных привилегий» оно «не будет затерто», что «первенство его сохранится в силу социального и культурного превосходства».

В московском обществе князь Щербатов занимал особенно видное место. Он пользовался авторитетом и в Думе, и в земстве; к его суждениям прислушивались, его мнением дорожили. Радушный и гостеприимный, Щербатов жил открытым домом, в котором собиралось на еженедельные обеды и «разговорные» вечера самое разнообразное общество. Двери его особняка на Большой Никитской (сохранившегося и поныне) всегда были открыты для людей всех сословий. Добрый и прямодушный от природы, с высоким понятием о чести, обходительный и доброжелательный в общении, Щербатов привлекал к себе сердца людей. В этом отношении он очень походил на своего отца, известного московского градоначальника 1840-х гг., князя А. Г. Щербатова.

А. А. Щербатов немало потрудился на благо Московского края. Он был первым городским головой после преобразования московского городского управления на началах самоуправления и всесословности и пробыл на этом посту шесть лет, с момента введения в действие «Положения об общественном управлении г. Москвы» от 20 марта 1862 г. и по 1869 год. Недаром Москва на нем остановилась: она нашла в нем именно такого человека, который был способен объединить вокруг себя все сословия, понять и направить практическое дело, тонко понимающего людей и умевшего с ними обращаться. На посту головы Щербатов так быстро дал новый толчок городскому хозяйству, что уже в конце первого трехлетия Московская городская дума присвоила ему звание почетного гражданина Москвы. В 1869 г., на последнем под его председательством заседании Московской думы второго состава 18 февраля, выдающийся москвич гласный М. П. Погодин, отдавая должное заслугам Щербатова, сказал: «За это нравственное влияние, за это влияние добра, за спокой-

ное, беспристрастное, благонамеренное, миротворное ведение дела мы должны засвидетельствовать ему глубочайшую признательность и в ознаменование ее поставить портрет князя Александра Алексеевича Щербатова в зале заседаний, чтобы он служил назидательным напоминанием для наших преемников, в каком духе должны происходить русские совещания о делах общественных»*.

Оставив должность городского головы, Щербатов продолжал работать в Московской городской думе до 1883 г. и одновременно был почетным мировым судьей. На протяжении двадцати лет, в 1870—1890-х гг., он плодотворно трудился в Московском губернском земстве, будучи членом нескольких комиссий.

Весомый вклад внес князь Щербатов в дело общественной благотворительности, посвятив ему сорок лет своей жизни. Он был членом созданного в Москве в 1840-х гг. его матерью, княгиней С.С.Щербатовой, Дамского попечительства о бедных. Вместе со своей сестрой, княгиней О.А.Голицыной, он учредил в 1866 г., также в Москве, приют Св. Марии Магдалины для падших женщин. В 1894 г. Щербатов возглавил одно из городских участковых попечительств о бедных, которые были созданы Московской думой для оказания планомерной помощи нуждающимся горожанам. Несмотря на нездоровье, Щербатов возглавлял Пресненское участковое попечительство до самой своей смерти и завещал ему значительный капитал. Он оказывал значительную финансовую помощь и другим городским учреждениям: 2-й Городской больнице, Арнольдовскому училищу глухонемых, Софийской детской больнице, приюту Св. Марии Магдалины, Тверскому женскому начальному училищу.

Благодарные москвичи горячо воздали последний долг князю Щербатову: толпы народа провожали его гроб до места последнего упокоения в Донском монастыре, где погребены и его родители. Тогда же, решением Московской думы имя Щербатова было присвоено трем женским

* Русские ведомости. 1869. 18 февр. №42.

начальным училищам, Детской городской больнице Св. Владимира и 2-й Городской больнице.

К сожалению, впоследствии о деяниях князя А.А. Щербатова основательно забыли. Только благодаря небольшим публикациям последних лет фигура этого бескорыстного деятеля была выведена из небытия.

Предлагаемая книга — очередной шаг на этом пути. В ней представлены совершенно неведомые современному читателю, а также известные только узкому кругу специалистов материалы творческого наследия А.А. Щербатова, относящиеся к разным периодам его жизни.

Открывают сборник не публиковавшиеся ранее «Воспоминания» А.А. Щербатова. Они охватывают период времени с 1829 по 1863 год и являются единственным источником для воссоздания чрезвычайно важного, но почти неизвестного отрезка его биографии, начиная с детских лет и кончая деятельностью по подготовке и проведению крестьянской реформы 1861 года. Мемуары писались в 1886–1888 гг. и не предназначались для издания, поэтому в них много семейного и личного. Автор запечатлел все основные вехи своей жизни с присущими ему искренностью и сердечностью, благородной сдержанностью в суждениях о людях. Щербатов вспоминает свое детство и юность, родителей и родню, среди которых много представителей именитых дворянских родов (Апраксиных, Голицыных, Чернышёвых, Васильчиковых). Много сюжетов посвящено военной службе Щербатова в 1850-х гг., самым знаменательным событием которой было его участие в Крымской войне 1853–1856 гг.

Достоинством «Воспоминаний» является хронологическая последовательность в изложении событий, благодаря чему читатель находится в четких временных рамках. Мемуары дают представление о круге общения Щербатова, который старался в той или иной степени упомянуть многих, с кем судьба сводила его за эти годы — людей обыкновенных и выдающихся. Среди них — светлейший князь Д.В. Голицын, П.А. Муханов, фельд-

маршал И. Ф. Паскевич; герои Севастопольской обороны В. И. Васильчиков, Г. И. Бутаков и В.А. Корнилов; публицисты Н. А. Безобразов, Ю. Ф. Самарин, Б. Н. Чичерин и В.А. Черкасский; поэт А. А. Фет. Написанные человеком думающим, откровенным и чуждым всякого лукавства, «Воспоминания» в полной мере раскрывают личность Щербатова.

Во втором и третьем разделах сборника помещены «Отчет» Щербатова о деятельности Московской городской думы за 1863–1869 гг. и написанные в 1860–1890-х гг. на разные темы и по разным поводам записки и речи. Последние могут служить основой для характеристики общественно-политических взглядов Щербатова и осмысления его роли в русской общественной жизни. Среди них — как неопубликованные, так и печатавшиеся при его жизни, но с тех пор не переиздававшиеся документы. К данным материалам примыкают по тематике и хронологии письма Щербатова к разным лицам (профессору Московского университета и основателю Высших женских курсов В. И. Герье, Дмитрию и Юрию Самариным, Ф. В. Чижову, В.А. Черкасскому, Б. Н. Чичерину). Письма эти во многом публицистичны, ибо трактуют текущие события и факты общественной жизни, внутренней и внешней политики. В них много сюжетов из жизни московского общества и неизвестных фактов биографии Щербатова.

* * *

Александр Алексеевич Щербатов родился в 1829 г. в Москве, в знатной дворянской семье. Он принадлежал к старинному русскому княжескому роду Щербатовых, ведущему свою родословную от потомка Рюрика, князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Потомок его в седьмом колене, князь Василий Андреевич Оболенский, по прозванию Щербатый, живший в XV в., и был родоначальником князей Щербатовых. «Князья Щербатовы российскому престолу служили в боярах и в других знаменитейших чинах. История Российской империи пока-

зывает, что многие из князей Щербатовых, как в древнем, так и в новейшем времени, за службу Отечеству от Государя награждаемы были поместьями, орденами и другими знаками почестей и Монарших милостей», — записано в «Общем гербовнике»*. Из рода Щербатовых вышел известный русский историк XVIII в. Михаил Михайлович Щербатов, автор «Истории российской с древнейших времен». Он же написал и родословную своих предков, напечатанную в томе 9 «Древней российской вивлиофики». Через М. М. Щербатова род, между прочим, соединился с родом Чаадаевых: отец Петра Яковлевича Чаадаева, Яков Петрович, был женат на Наталье Михайловне Щербатовой, дочери М. М. Щербатова; он приходился Петру Яковлевичу дедом. Щербатовы находились в родстве со знаменитыми русскими дворянскими фамилиями Голицыных, Апраксиных, Долгоруковых, Веневитиновых, Новосильцовых, Мухановых, Петрово-Соловово, Паниных и Трубецких.

А. А. Щербатов был сыном князя Алексея Григорьевича Щербатова от брака с Софьей Степановной Апраксиной. Она принадлежала к дворянскому роду Апраксиных–Голицыных, ведущему свое начало с XV в. Дед С. С. Щербатовой, знаменитый фельдмаршал С. Ф. Апраксин, был почитаем императрицей Елизаветой Петровной. Бабушкой Софьи Степановны по материнской линии была знаменитая гранд-дама XVIII в., княгиня Н. П. Голицына, портрет которой А. С. Пушкин отчасти воссоздал в образе старухи-княгини из «Пиковой дамы». «Обожая двор, в сношениях с русскими и иностранными венценосцами никогда и ни в чем Н. П. Голицына не поступалась своим личным достоинством <...> Она всегда умно и строго относилась ко всяким уклонениям в обществе от пути чести <...> При высшем своем аристократизме, она не замыкалась в высшем кругу, ее дом был доступен людям

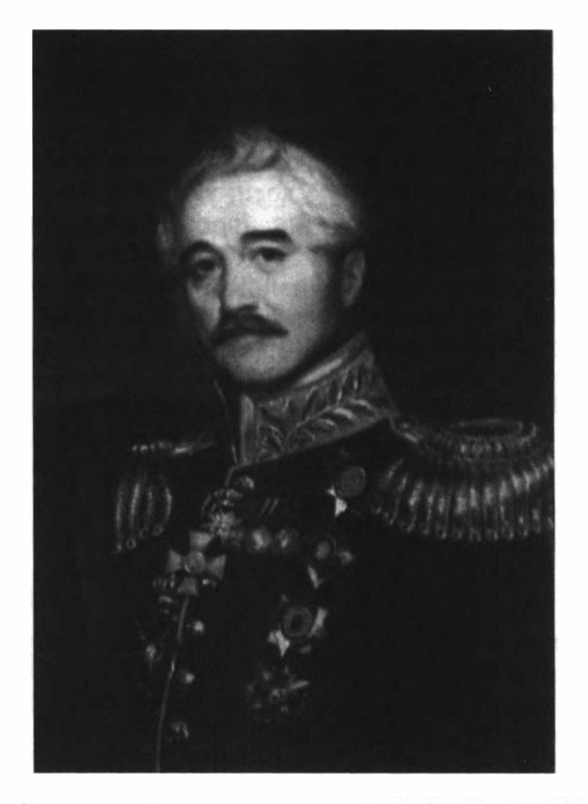
* Цит. по: Потомство Рюрика. Материалы для составления родословной. Т. 1. Ч. 3. Князья Черниговские / Сост. Г. А. Власьев. СПб., 1907. С. 318.

различных состояний, со всеми она умела обходиться и говорить» — эти черты характера княгини Голицыной особенно высоко ценил А. А. Щербатов, реконструировавший образ своей прабабки в «Воспоминаниях».

А. Г. Щербатов был прославленным боевым генералом. Начав действительную военную службу в 20 лет, он уже через четыре года получил чин генерал-майора и стал командиром одного из армейских полков в Петербурге. Участвовал в кампании 1805—1807 гг. против Наполеона, особенно отличившись при обороне Данцига в 1806 г. Во время русско-турецкой войны 1808—1812 гг. Щербатов был тяжело ранен во время штурма турецкой крепости Шумла. В 1812 г. он принял активное участие в первых победоносных боях под Брест-Литовском и Кобрином, а за взятие последнего был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. Следующий орден — Св. Георгия 3-й степени — он получил за сражение при селе Поддубье. Так завершилась для него кампания 1812 г.

В заграничной кампании 1813—1814 гг. Щербатов добился еще больших успехов: за осаду крепости Торунь (в Польше) он получил орден Св. Владимира 2-й степени; в сражении под Кёнигсвартом 7 мая 1813 г. его дивизия разгромила союзный Наполеону Итальянский корпус, взяв в плен четырех генералов и более 750 солдат и офицеров. За это Щербатов был произведен в генерал-лейтенанты, назначен командиром 6-го пехотного корпуса и получил в награду бриллиантовые знаки ордена Св. Анны. За победу под Бриенном, где была захвачена главная батарея Наполеона из 28 орудий, он был награжден орденами Св. Александра Невского и Георгия 2-й степени, а за участие во взятии Парижа — удостоен чина генерал-адъютанта. По возвращении в Россию Щербатов был пожалован чином генерала от инфантерии. В Зимнем дворце, в Галерее героев войн с Наполеоном, можно и сегодня увидеть портрет А. Г. Щербатова работы Дж. Доу.

После восшествия на российский престол императора Николая I А. Г. Щербатов был назначен командиром 2-го пехотного корпуса, с которым успешно сражался против польских повстанцев в 1830—1831 гг. За участие во взятии

Князь А. Г. Щербатов

Варшавы он был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени, шпагой, украшенной бриллиантами, и польским орденом Белого Орла. К этому времени в послужном списке Щербатова значилось тридцать три сражения, в которых он принимал личное участие.

С апреля 1843 по 1848 г. А. Г. Щербатов — московский военный генерал-губернатор. И по отношению к делу и к людям, и по характеру Алексей Григорьевич во многом походил на своего предшественника и родственника, светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына.

По предложению князя А. Г. Щербатова было, хотя и скромно, но все же отмечено 700-летие Москвы. Начала действовать комиссия для проведения, говоря современным языком, экологической экспертизы прибрежных фабрик и их влияния на состояние протекающих по городу рек. Поданное им на Высочайшее имя прошение о запрещении детского труда в ночное время нашло поддержку у императора Николая I. Самым значительным вкладом князя А. Г. Щербатова в создание архитектурного облика Москвы было деятельное участие в сооружении храма Христа Спасителя: Щербатов занимал пост председателя Комитета по строительству храма, когда работы только разворачивались.

А. Г. Щербатов являлся образцовым семьянином в полном смысле слова. У него было пятеро детей от второго брака с Софьей Степановной Апраксиной, на которой он женился в 1817 г., после восьмилетнего вдовства. Его доброта, его рыцарски-благородный характер благотворно действовали на детей; больше своим примером, чем словами, учил он их жизни и правильному ее пониманию. А. А. Щербатов горячо любил и уважал своего отца, который стал для него воплощением любви, нежности и благородства. Память об отце имела влияние на всю его жизнь, и неоднократно Александр Алексеевич обращался к ней для «проверки своей жизни и для поучения, как жить».

Княгиня Софья Степановна Щербатова тоже была замечательной женщиной. Почти всю свою долгую жизнь она провела в Москве. Ее отцу, графу Степану Степановичу Апраксину, принадлежал знаменитый дом-дворец, расположенный на углу Пречистенского бульвара и Знаменки, у Арбатских ворот. Дом славился широким гостеприимством и поддерживал в полном смысле достоинство русского вельможи. В этом особняке, двери которого всегда были раскрыты для москвичей, Софья Степановна имела возможность близко присмотреться к широко развертывавшейся перед нею московской жизни. Она рано стала обнаруживать серьезные интересы, в частности страстную любовь к чтению и самообразованию. Выйдя замуж

за князя Щербатова, княгиня много путешествовала с ним по Западной Европе, знакомясь с лучшими просветительными учреждениями и художественными достопримечательностями. Позднее, когда ее муж был московским генерал-губернатором, Софья Степановна ревностно занялась общественной благотворительностью. Сердечный, приветливый и непринужденный способ обращения привлекал к Софье Степановне всех. Деликатность ее к людям была настолько велика, что если даже она замечала какие-нибудь недостатки, то старалась исправить их, нисколько не затрагивая самолюбия подчиненного. На свою благотворительную деятельность она всегда смотрела как на исполнение долга, к которому, по ее мнению, обязывает людей привилегированное положение. В этом же направлении она воспитывала и своих детей, на которых имела сильное нравственное влияние.

До поступления в Московский университет А. А. Щербатов, вместе с братьями Григорием и Владимиром, воспитывался дома, под непосредственным руководством матери. «Весьма часто матушка вела с нами беседы, — писал он в "Воспоминаниях". — Целью этих бесед по преимуществу было развитие в нас религиозного чувства, понятия о долге в самом разнообразном его применении, а равно и развитие ума при помощи чтения хороших книг (Платона, Сенеки и др.). Родители мои были глубоко религиозны, но без всякого ханжества, даже без особой обрядности <...> Отец — примером, матушка — примером и словами приучали нас применять религиозную идею к жизни во всех ее проявлениях». Воспитанное ими в детях чувство долга основывалось на христианской заповеди о любви к ближнему и на обязанностях гражданина перед обществом. «Тот настоящий дворянин, кто за всех болеет», — эти материнские слова были усвоены юношей Щербатовым как главная жизненная установка; впоследствии она была возведена им в принцип, ставший краеугольным камнем его жизни.

Вспоминая о детских годах, А. А. Щербатов с благодарностью перечисляет всех, кто оказал благотворное

влияние на формирование его личности. Это — и гувернеры, и духовник протоиерей П. Н. Мысловский, известный тем, что постоянно навещал в Петропавловской крепости осужденных декабристов; и дядька Трифон Григорьев. Но с особенной теплотой мемуарист пишет о своей любимой няне Марии Богдановне Венерт: «В правильное понимание жизни, семейных и других отношений она втягивала нас не проповедью, а примером, вовремя и с глубоким пониманием души сказанными кстати словами».

Из воспоминаний детства Щербатову особенно запомнилось время, проведенное в подмосковном имении отца Литвиново. Он любил «литвиновскую жизнь» как саму по себе, так и за сближение с людьми различной иерархии: дворовыми детьми, берейтором Дорофеем, кучерами Арефием и Иваном, конторщиком Орловым и другими. Это общение с людьми низших сословий было очень полезно для дальнейшей жизни князя, приучив его не замыкаться в одной социальной среде, понимать интересы людей из других слоев общества.

Щербатов получил хорошее домашнее образование. В числе его учителей были известные петербургские профессора истории и словесности С. С. Куторга и А. В. Никитенко, драгоман-востоковед М. Д. Тотабашев, математик Ф. Ф. Эвальд. К поступлению в Московский университет Щербатова готовили лучшие его профессора и преподаватели: Н. Е. Зёрнов — по математике, Т. Н. Грановский — по истории, П. М. Терновский — по богословию, К. К. Гофман — по латыни, А. И. Пако — по французскому языку.

В 1845 г., 16 лет от роду, А. А. Щербатов поступил на юридическое отделение Московского университета, которое успешно закончил в 1849 г. Университет стал важным этапом в умственном развитии Щербатова, хотя он учился средне и не был таким блестящим студентом, как его однокурсник Б. Н. Чичерин. Польза состояла, по собственным словам Щербатова, «в самом акте работы мысли и памяти». Особенное значение в этом процессе имело для Щербатова изучение курса римского права, читавшегося профессором Н. И. Крыловым.

Университетская жизнь имела для Щербатова и воспитательное значение. Здесь, как он отметил в «Воспоминаниях», «впервые выучиваешься быть хорошим товарищем», т. е. приобретаешь то, без чего нельзя жить. Товарищеский круг Щербатова в университете был довольно многочисленным. В него входили студенты, ничем не выделявшиеся, и неординарные личности, ставшие впоследствии известными деятелями (например, Н. А. Гладков — будущий профессор Демидовского лицея в Ярославле, А. Б. Лакиер — известный нумизмат, член Русского археологического общества, автор единственной в своем роде «Русской геральдики»; Д. Д. Шумахер — банкир и московский голова). Личное обаяние Щербатова привлекало к нему многих, но дружеские отношения установились у него только с В. Ф. Самариным (братом славянофила), П. А. Талызиным (известным в пореформенное время земским деятелем) и братьями В. Н. и Б. Н. Чичериными.

В своих воспоминаниях о Московском университете 1840-х годов Б. Н. Чичерин так отзывался о Щербатове: «Из наших однокурсников самым близким мне приятелем остался сын тогдашнего московского генерал-губернатора князь Александр Алексеевич Щербатов — человек, высокое благородство и практический смысл которого впоследствии оценила Москва, выбрав его первым своим городским головой при введении всесословного городского управления <...> Знающие его близко могут оценить удивительную горячность его сердца, в особенности редкую участливость ко всему, что касается его близких и друзей. Его дружба — твердыня, на которую можно опереться. Когда мне в жизни приходилось решать какой-нибудь практический вопрос, особенно требующий нравственной оценки, я ни к кому не обращался за советом с таким доверием, как к Щербатову»*. Чичерин на протяжении всей жизни испытывал к своему другу глубокое уваже-

---

* *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 2001. С. 63.

ние, и Щербатов отвечал ему тем же, хотя не все в характере Чичерина ему нравилось. В «Воспоминаниях» он верно отметил присущую Чичерину и неприемлемую для самого себя непримиримость к людям иных убеждений: «Я в нем всегда ценил и ценю возвышенность, благородство и прямоту его чувств и воззрений, можно сказать, даже непреклонность при мягкости и силе чувств. Я часто упрекал и упрекаю Бориса в этой непреклонности, доходящей до утрировки. По моему мнению, Борис не обладает достаточным знанием людей, требуя от них почти безусловного согласия со своим мнением и воззрениями, в особенности в политическом и общественном деле, этим самым он отталкивает от себя, и вследствие этого не был столь полезен служением своим высоким идеалам и людям, как мог бы быть. Не достает в нем вообще такта в высшем значении этого слова». Это слова — настоящего друга, не закрывающего глаза на недостатки тех, кто ему особенно дорог. Сам же Александр Алексеевич был счастливо одарен качествами, которых не хватало Чичерину, поэтому его отношения с друзьями были задушевными, теплыми и искренними. Он желал блага людям, независимо от их политических пристрастий, умел сострадать чужому горю и радоваться чужому счастью.

Итак, в 1849 г. университет был закончен, и Щербатов, по своему собственному выбору, поступил на военную службу, т. к. перспектива чиновничьей карьеры его совсем не привлекала. В течение следующих семи лет он прошел военную школу в двух полках: Кирасирском Военного ордена (с 1850 — до весны 1851 г.) и лейб-гвардии Кирасирском (с весны 1851 — до июля 1853 г.); после этого, до 1857 г., служил адъютантом у наместников Царства Польского фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича и сменившего его князя М.Д. Горчакова. Свою военную службу Щербатов подробно описал в воспоминаниях, перенося нас из провинциального Новогеоргиевска — места расположения Кирасирского Военного ордена полка, в Гатчину, где был расквартирован лейб-гвардии Кирасирский полк; затем — в Варшаву, где находилась штаб-квартира

Паскевича. Перед читателями проходит череда полковых и штабных офицеров: Щербатов помнил почти всех своих сослуживцев.

Князь сохранил о Кирасирском Военного Ордена полке самые лучшие воспоминания, т. к. служба в нем принесла ему много пользы и пригодилась в его дальнейшей жизни; кроме военного опыта, он обогатился знанием быта и психологии простого солдата и офицера. Этому много способствовал офицерский корпус полка и его командир барон А. К. Бюлер — для них служба была на первом месте. Бюлер был в меру строгим и требовательным, равным со всеми, без фамильярности, «этакий тип “немецкого рыцаря”, по определению Щербатова. Начав службу юнкером, Щербатов все свое первоначальное военное образование прошел вместе с рекрутами. Любовь и уважение к солдату, этому, по его словам, «почти что лучшему из всех типов русского народа», зародились в то время в его душе и укоренились во время Крымской войны.

С большинством офицеров Щербатов был в простых и искренних отношениях, так что при общении с ним совершенно не чувствовалась разница в происхождении и состоянии. По воспоминаниям сослуживца Щербатова, поэта А.А. Фета, бывшего в то время полковым адъютантом, усердное занятие службой не мешало Щербатову проявлять небывалое еще в полку гостеприимство. «Каждую неделю дворецкий князя отправлялся за 25 верст, в Кременчуг, за провизией и винами, хотя последних в Крылове было достаточно, — пишет Фет. — Сам я почти не бывал у Щербатова, но, кажется, по вечерам собирались там офицеры и, быть может, играли в карты. Я же был раз или два на больших обедах»*. В карты у Щербатова действительно играли — и не только у него, бывали в полковой жизни и кутежи и дела амурные — но все было в меру и не мешало службе.

О своих отношениях с Фетом Щербатов не мог не упомянуть в «Воспоминаниях», хотя им не суждено было стать товарищами: «Первая личность, к которой я обратился по

---

* *Фет А. А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 451.

приезде, был полковой адъютант Афанасий Афанасьевич Фет, известный поэт. Мне трудно было и тогда и теперь признать в нем поэта; во всяком случае, контраст между Фетом-писателем и Фетом, каким я его знал, — громадный. По приезде моем Фет был со мной очень любезен и облегчил мне первые шаги; но все-таки ни тогда, ни после мы с ним не сошлись».

Прослужив в Кирасирском Военного Ордена полку чуть больше года, Щербатов, не по своей воле, а в силу сложившихся обстоятельств, перешел в лейб-гвардии Кирасирский Е. И. В. полк, который комплектовался недостающими офицерами (преимущественно известных дворянских фамилий) из армейских кирасирских полков. Полк был расквартирован вблизи Петербурга, в Гатчине, а его шефом был наследник цесаревич великий князь Александр Николаевич. Служба в этом полку считалась престижной. Из этого полка, как правило, переходили в конную гвардию или становились кавалергардами. Однако Щербатову этот полк не пришелся по душе, несмотря на хорошие отношения с офицерами и командиром полка М. И. Туманским. Причина была в самом статусе полка — ни подлинно гвардейском, ни настоящем армейском; полк, по определению Щербатова, был «междуумочным», где никакой серьезной службы и быть не могло.

В июле 1853 г. Щербатов, благодаря связям при Дворе, покинул лейб-гвардии Кирасирский полк, получив назначение в Варшаву, адъютантом к наместнику Царства Польского фельдмаршалу князю И. Ф. Паскевичу. Свою службу в Главном штабе Действующей армии в Варшаве и внеслужебную жизнь Щербатов подробно, в лицах, описал в мемуарах. С особой теплотой он вспоминает о своем дальнем родственнике князе Б. Ф. Голицыне, тоже адъютанте Паскевича, с которым познакомился и подружился на всю жизнь в Варшаве: «О том, как Борис Фёдорович меня принял, как он содействовал моему нравственному водворению в Варшаве, в которой он имел твердое положение, о добрых советах всякого рода, которые он мне давал,

я сохранил до сих пор добрую память и вспоминаю с благодарностью».

Б. Ф. Голицын ввел Щербатова в свой приятельский, военный и гражданский, круг, где было немало интересных личностей. Одной из самых примечательных фигур этого сообщества считался известный меломан и стихотворец князь С. Г. («Фирс») Голицын. «Такого второго рассказчика я не знаю, — пишет о нем Щербатов. — Не столько были интересны рассказы сами по себе, как способ рассказа, одинаково хороший и даже изящный, как по-французски, так и по-русски, даже подчас с примесью и польского языка; всеми тремя языками он владел одинаково хорошо и даже изящно». Пребывание в этом товарищеском, преимущественно адъютантском, кругу, в сочетании с посещением театров, светских салонов (польских и русских), балов и пр., делало жизнь Щербатова в Варшаве легкой и приятной.

Собственно адъютантская служба не приносила Щербатову удовлетворения, хотя лично к Паскевичу у него не было претензий. Просто по своей сути адъютантская служба в мирное время всегда была однообразна и скучна и не могла не тяготить деятельные натуры.

Щербатову, однако, не было суждено засидеться в Варшаве.

16 октября 1853 г. Турция объявила России войну, а 28 марта 1854 г. в войну вступили Англия и Франция — началась Крымская война. В конце 1853 г. генерала М.Д. Горчакова отстранили от командования Дунайской армией. На место Горчакова был назначен И. Ф. Паскевич, который с частью своего штаба выехал из Варшавы на Дунай в начале 1854 г. В числе сопровождавших фельдмаршала адъютантов был и Щербатов.

3 апреля 1854 г. Паскевич прибыл в Фокшаны, где принял командование армией, а затем в Бухарест — место расположения его штаб-квартиры. С этого момента и до самого конца отступления русских войск из Молдавии и Валахии, т. е. до августа 1854 г., Щербатов находился на Дунайском театре военных действий.

Все события, очевидцем которых ему довелось быть, он правдиво и подробно описал в «Воспоминаниях», не стараясь преувеличить свою собственную роль и приукрасить свои поступки. «Накануне военных действий, — пишет Щербатов, — я задал себе вопрос, который я и прежде обсуждал сам с собой: храбр ли я или нет? Скажу прямо, я не был в себе уверен, не подвергавшись до того серьезной опасности, даже сомневался в себе. Причиной моего сомнения было то, что в полковой жизни я не отличался той юношеской отвагой, которая была присуща некоторым моим товарищам и которой они щеголяли; не любил, да и не умел сломя голову ездить верхом; не выделывал никаких отчаянных штук ни на охоте, ни при играх; одним словом, был малый смирный <...> Как бы то ни было, эта относительная смиренность меня очень озабочивала в том отношении, буду ли я теперь, на войне, хорошим офицером или нет. Я вовсе не имел в виду отличаться, сделать что-либо необыкновенное; мне хотелось только не быть ниже своего долга и не терять уважение к себе других. Чувство преданности Богу и надежды на него, чувство долга, военного и гражданского, меня поддерживало в трудные минуты». Последующие события показали, что «смирный малый» проявил себя достойным офицером.

В мае 1854 г. Щербатову пришлось непосредственно участвовать в осаде и штурме турецкой крепости Силистрии, о чем он подробно рассказал в мемуарах. Его рассказ исторически достоверен, т. к. подтверждается воспоминаниями других участников. Дело в том, что Паскевич приказал каждому из своих адъютантов постоянно находиться ночью на дежурстве в траншеях, в распоряжении главного их начальника генерала С. Г. Веселитского. Посылка в траншеи вызвала у молодого офицера радостное чувство, которое он объяснил в мемуарах такими словами: «Она дала мне возможность расширить не по чину мой военный кругозор, познакомиться ближе с восхитительным типом армейского офицера и солдата в опасности и в огне. Наконец, дала возможность самому понюхать пороху в достаточном количестве и решить удовлетвори-

тельно столь меня мучивший вопрос: храбр ли я или нет»? Во время штурма крепости, в ночь с 16 на 17 мая, Щербатов находился на передовой, рядом с прославленными генералами — участниками штурма: Л.К. Опперманом, Д. Сельваном, Д.О. Бебутовым, А.С. Костандой. Он самоотверженно подбирал раненых под неприятельским огнем и сам был контужен. За проявленную смелость Щербатов был награжден орденом Анны 3-й степени.

Дунайская кампания закончилась приказом Паскевича о снятии осады Силистрии и отступлением русских войск в Бессарабию, продолжавшемся с середины июля до конца августа 1854 г. Щербатов отступал в составе штаба М.Д. Горчакова, которому Паскевич передал командование армией и у которого Щербатов временно остался адъютантом. Известие об отступлении он воспринял с чувством досады, уныния — чувством, охватившем почти всю Дунайскую армию.

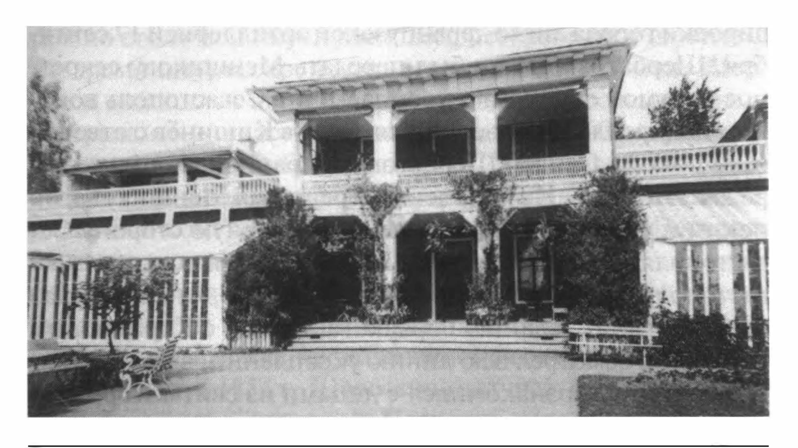
По завершении отступления Дунайской армии, штаб-квартира Горчакова расположилась в Кишинёве, куда вскоре пришло известие о поражении 8 сентября русской армии на реке Альме (в Крыму). Не сумев задержать соединенные силы англичан, французов и турок на Альме, главнокомандующий русской армией в Крыму князь А.С. Меншиков отвел свою армию к Севастополю, но через два дня неожиданно отошел с ней на северо-восток, бросив Севастополь и флот на произвол судьбы. Находясь под впечатлением сражения на Альме, английские и французские военачальники не решились, однако, атаковать Севастополь с севера, а предприняли фланговый марш в обход Севастопольской бухты, чтобы обеспечить себе морскую базу в Балаклаве и затем уже начать действовать против севастопольских укреплений с юга. Это дало защитникам города драгоценное время для подготовки к обороне, которой руководил начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В.А. Корнилов.

Такова была обстановка в Крыму, когда в Севастополь прибыл Щербатов, — незадолго до начала первой бомбар-

дировки города англо-французской артиллерией 17 сентября. Щербатов должен был передать Меншикову секретное письмо Горчакова о посылаемом в Севастополь военном подкреплении и вернуться сразу в Кишинёв с ответом Меншикова. Однако Щербатов не ограничился только передачей письма. Не испросив разрешения Меншикова, он покинул его штаб и перебрался на Северную сторону Севастополя, чтобы увидеться с Корниловым и осмотреть севастопольские укрепления. Не исключено, что он сделал это по устному заданию Горчакова. Вместе с Корниловым Щербатов осмотрел всю линию укреплений, включая Малахов курган, познакомился с лицами из свиты Корнилова, которые ему многое объяснили; общался с адмиралом Г. И. Бутаковым на пароходе «Владимир»; своими глазами увидел титанический труд и энтузиазм простых солдат и жителей Севастополя. Князь хотел подольше остаться в городе, но Меншиков буквально выпроводил его на следующий день. От общения с Меншиковым у Щербатова остался неприятный осадок в душе.

Приехав в Кишинёв, Щербатов рассказал Горчакову и всему штабу обо всем увиденном и услышанном, охарактеризовав ситуацию как опасную, но не безнадежную. Горчаков счел полученную информацию очень важной и поручил Щербатову изложить ее в виде записки. 20 сентября 1854 г. он представил записку Горчакову, который, втайне от него, отослал записку императору. Этим эпизодом кончается его служба в штабе Горчакова.

В конце сентября 1854 г. Щербатов был отозван Паскевичем из штаб-квартиры Горчакова для продолжения адъютантской службы в Варшаве. Весной следующего года он женился на Марии Павловне Мухановой — дочери попечителя Варшавского учебного округа П.А. Муханова и польской графини Жозефины Мостовской. От матери она унаследовала красоту, изящество и обаяние; благодаря отцу получила прекрасное воспитание. М. П. Щербатова была умной женщиной, она отлично понимала мужа, кото-

Фасад дома князя А. А. Щербатова в имении Наро-Фоминское
Фотография. 1888
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

рому соответствовала и характером. Вскоре у них родилась дочь, которую назвали Софьей в честь матери Щербатова.

В 1857 г. Щербатов вышел в отставку в чине гвардии поручика, а в следующем году переехал с семьей в Москву, где безвыездно жила его мать. В Москве князь купил дом, на углу Б. Никитской улицы и Скарятинского переулка, и окончательно в нем поселился. Лето он с семьей проводил в подмосковном имении Наро-Фоминское, подаренном матерью в 1858 г.

С этого времени начинается деятельность Александра Алексеевича на общественном поприще.

В 1859 г. Щербатов был избран предводителем дворянства Верейского уезда Московской губернии. Первым крупным его делом на этом посту стал рекрутский набор. При тогдашних законах он был равносилен народному бедствию, поэтому успешное его проведение во многом зависело от предводителя дворянства. Щербатов напряг все силы, чтобы более или менее справедливо провести набор, и справился с задачей. После этого его вни-

мание переключилось на больницу и тюрьму. Кое-что ему и здесь удалось изменить к лучшему. Так, в тюрьме он ввел артельное хозяйство арестантов с выборным старостой.

Щербатов остро чувствовал напряженность общественно-политической ситуации в стране в конце 1850-х гг. — в сложное и переломное для России время кануна отмены крепостного права. Трагическая судьба Севастополя, неудача в Крымской войне, слабость и растерянность верховной власти — все это, по его мнению, указывало на необходимость коренных преобразований, могущих поставить Россию в уровень с современными требованиями. Решение крестьянского вопроса он считал первоочередной задачей. Помимо искреннего желания облегчить участь крестьян, Щербатов был озабочен опасной перспективой смут и политических потрясений, которыми грозило сохранение крепостного права: «Невозможно, опасно стало оставлять 10 миллионов крестьян в крепостной зависимости, когда эти 10 миллионов за время Севастопольской войны показали такой высокий подъем чисто патриотического духа», — писал он в «Воспоминаниях» о начале «оттепели» (термин тех лет). Тогда вопрос об освобождении крестьян «висел в воздухе», и стали появляться проекты отмены крепостного права. Такой «проект» и сам он набросал (для себя), обозначив три фактора крестьянской реформы: крестьян, помещиков и правительство. Последний фактор вытекал из веры Щербатова в монархию как двигатель реформ, и он готов был поддержать верховную власть в этом ее стремлении.

О своем намерении отменить крепостное право Александр II объявил 30 марта 1856 г. в Москве собранию представителей дворянства Московской губернии. 20 ноября 1857 г. он подписал знаменитый рескрипт на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова, положивший начало подготовке крестьянской реформы.

В 1858 г., по решению правительства, повсеместно стали открываться губернские дворянские комитеты для разработки проектов отмены крепостного права. 21 января начал работу Московский дворянский комитет, в состав которого от Верейского уезда вошел и Щербатов.

В комитете развернулась борьба по принципиальным вопросам реформы (о земле и повинностях), сложились фракции консервативного большинства и прогрессивного меньшинства (8 человек из 27).

Правительственная программа в части решения земельного вопроса вызвала особенно резкую оппозицию со стороны большинства членов Московского комитета, не желавших передавать крестьянам в собственность за выкуп не только находившиеся в их пользовании полевые наделы, но даже усадьбы. Меньшинство, напротив, выступало за освобождение крестьян только при условии выкупа ими у помещиков, при содействии правительства, и усадеб и полевых наделов. Убежденный в необходимости выкупа, Щербатов был одним из наиболее активных членов фракции меньшинства. Вопреки позиции большинства комитета, они составили особое выкупное положение и представили его в Министерство внутренних дел.

19 февраля 1861 г. был подписан царский манифест об отмене крепостного права, и Щербатов с головой ушел в дело проведения крестьянской реформы в своих собственных имениях и во вверенном князю Верейском уезде.

Его первоочередными задачами как предводителя дворянства стали: обеспечение спокойствия в уезде во время обнародования манифеста и своевременное избрание местным дворянством на первые три года реализации крестьянской реформы мировых посредников. Этот новый институт призван был обеспечить введение в действие «Положений 19 февраля 1861 г.» — законодательных актов об отмене крепостного права — и сдержать помещичье своеволие в самый напряженный момент противостояния в деревне. Щербатов в максимально короткий срок провел в уезде выборы мировых посредников, предложив несколько своих кандидатов из числа деятельных и дельных дворян, поддержавших «Положения 19 февраля...». Все они были избраны дворянским собранием, т. к. Щербатов пользовался большим авторитетом в уезде. Со своей стороны, посредники имели к Щербатову доверие, не гнушались его руководства и советов, сохраняя при этом свою самостоятельность. И тогда и в последующей своей деятельности

Щербатов, нуждаясь в помощниках, старался оценивать людей по достоинству и ценным сотрудникам давал необходимый простор, поощрял их к самодеятельности.

Благодаря мировым посредникам и лично Щербатову, крестьянская реформа начала проводиться в Верейском уезде без потрясений и в целом удовлетворительно. К концу 1862 г. было составлено $^{9}/_{10}$ всех уставных грамот (юридических документов, фиксировавших конкретные условия выхода крестьян из крепостной зависимости; грамота подписывалась помещиком или его доверенным лицом и крестьянскими поверенными). Незыблемость основных принципов реформы, при некоторой мягкости в личных сношениях с помещиками и крестьянами, — этим Щербатов руководствовался при урегулировании конфликтов в помещичьих имениях. Особенно тяжелым был период, предшествовавший назначению мировых посредников, когда ему самому пришлось выезжать в имения, по получении известий о волнениях, чтобы направить процесс составления уставных грамот в мирное русло. За успешное проведение крестьянской реформы и в целом за свою деятельность уездным предводителем дворянства он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

В своих имениях (в Московской, Тамбовской, Екатеринославской и Саратовской губерниях) Щербатов провел крестьянскую реформу не без трудностей и не везде так, как бы ему хотелось; об этом он подробно рассказал в «Воспоминаниях». При составлении уставных грамот князь обходился без мировых посредников и лично вел переговоры с крестьянами. Этому способствовали его хорошие отношения с крепостными, положение которых он улучшил до 1861 г., отменив, в частности, барщину. Несмотря на это, только в трех имениях из шести Щербатову удалось прийти к соглашению с крестьянами об обязательном выкупе в короткие сроки обрабатывавшихся ими до реформы земельных наделов и тем самым реализовать на практике то главное условие освобождения, которое он отстаивал в 1858 г. в Московском дворянском комитете. В двух имениях Щербатову пришлось уступить желанию крестьян выйти на четвертной надел, который крестьяне получали в дар при

условии отказа от обязательного пользования остальной частью своего земельного надела (она поступала в полное распоряжение помещика). Щербатов негативно оценивал статью о дарственном или, как говорили ее противники, нищенском наделе, включенную в «Положения 19 февраля 1861 г.» под давлением противников реформы, и предостерегал своих крестьян от поползновений воспользоваться этой, соблазнительной на первый взгляд, статьей. «Зло для крестьян, мною предвиденное, от выхода на даровый надел, действительно обнаружилось впоследствии, — писал он в “Воспоминаниях”. — Крестьяне в большинстве случаев оказались если не юридически, то хозяйственно в полной зависимости от помещика; а при замене прежних патриархальных отношений коммерческими эта зависимость крестьян была крайне тяжела. При даровом наделе крестьяне делались свободными сразу и в юридическом смысле и от всяких платежей за землю, оброка или выкупа; но зато вся их экономическая будущность не имела никакого обеспечения». Чтобы исправить ошибку, допущенную его крестьянами, Щербатов, после открытия в 1881 г. Крестьянского земельного банка, продал им всю недостающую до полного надела землю по выгодным для крестьян выкупным, а не рыночным ценам.

Важной вехой в жизни Щербатова было участие в Московском губернском дворянском собрании, созванном в январе1862 г. по случаю дворянских выборов. Там он произнес свою первую политическую речь, которая повлияла на дальнейший ход его деятельности.

В 1861—1862 гг. дворянские съезды должны были состояться в более чем двадцати губерниях. Эти сословные собрания предоставляли дворянству единственную легальную возможность выразить претензии к правительству в форме не разрозненных частных мнений, а солидарной позиции сословия. Наиболее острыми для помещиков в первые годы после отмены крепостного права были проблемы, связанные с реализацией реформы и перестройкой хозяйств в новых условиях. Почти всеобщая оппозиционность высшего сословия в это время обусловливалась в первую очередь недовольством условиями и ходом рефор-

мы. А поскольку при разработке законодательных актов отмены крепостного права интересы дворянства, по общему мнению, игнорировались, то ответственность за реальные или ожидаемые трудности всецело возлагались на ненавистную бюрократию.

Московские дворяне за несколько месяцев до съезда готовили проекты всеподданнейших адресов, в которых говорилось, что помещики оказались в критическом положении и необходимо принятие срочных мер. Их лидерами были крупные землевладельцы и известные публицисты камергер Н. А. Безобразов и граф В. П. Орлов-Давыдов. Наиболее непримиримую позицию занял Безобразов, который еще в ходе подготовки крестьянской реформы находился в оппозиции к проектам Редакционных комиссий, а после принятия «Положений 19 февраля 1861 г.» отрицал их правомерность и настаивал на возврате к обсуждению основных принципов реформы.

Отмена крепостного права затрагивала все стороны жизни страны, и круг проблем, обсуждавшихся на губернских съездах в первые годы после реформы, соответствовал ее всеобъемлющему характеру. В то же время практически все общие требования, сформулированные помещиками, имели непосредственное отношение к вопросу о том, чем должно быть дворянство в новых условиях. Формально он заключался в том, имеет ли смысл после освобождения крестьян дальнейшее существование дворянства как отдельного сословия. Именно этот вопрос оказался предметом самых острых дискуссий в дворянских собраниях 1861–1863 гг., который интерпретировался как вопрос взаимоотношений верховной власти, бюрократии и дворянства. Общим для всех выступлений дворян, независимо от их политических пристрастий, стало стремление отыскать основу своего будущего независимо от государства*.

Правительство было готово к подобной реакции и постаралось хотя бы отчасти направить энергию дворянства в

* Подробнее см.: *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М., 2002. С. 138–149.

безопасное русло. С этой целью Министерство внутренних дел адресовало в губернии пять вопросов, предложенных дворянству к обсуждению. Два из них (о пересмотре устава о службе по выборам и об управлении земскими повинностями) имели непосредственное отношение к проблеме будущего дворянского сословия и его участия в местном управлении. Еще один касался чрезвычайно актуального для землевладельцев вопроса поземельного кредита.

Для изучения этих вопросов и выработки предложений Московским дворянским собранием была создана специальная комиссия под председательством известного экономиста Н. А. Жеребцова, в которую вошел и Щербатов. Однако составленный комиссией доклад вышел за обозначенные правительством рамки, т. к. в нем был поставлен вопрос о преодолении сословной замкнутости и совместном (т. е. всесословном) обсуждении вопросов общегосударственного значения. Поэтому вынесенный на обсуждение доклад только подлил масла в огонь разгоревшихся на собрании политических страстей.

Среди невиданного количества съехавшихся на выборы дворян (более 400) были защитники самых разных точек зрения: «Ярые аристократы, бары прежних времен, либералы, демократы, демагоги и проч. и проч., — писал участник съезда А. И. Кошелев Ю. Ф. Самарину. — Все это спорит, горячится, и никто ничего не переварил <...> Ералаш страшнейший: кто желает сделать дворянство замкнутым сословием, другой требует отмены вовсе дворянства и переименования его в землевладельцев, третий кричит: давай нам земский собор — выборных от всех сословий»*.

Главными оппонентами политической составляющей доклада были лидеры консервативной дворянской оппозиции Н.А. Безобразов и граф В. П.Орлов-Давыдов — оба прекрасные ораторы. Безобразов озвучил подготовленную им заранее записку, суть которой заключалась в резком осуждении крестьянской реформы, в сочетании с тре-

---

*Цит. по: _Трубецкая О._ Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского. Т. 1. Кн. 2. М., 1904. С. 321.

бованиями вернуть всю землю помещикам, усилить их власть и созвать выборных от дворянства для восстановления попранных сословных прав*. Контраргументы комиссии звучали менее убедительно, поэтому предложения Безобразова были встречены с одобрением значительной частью собрания. После этого Щербатов, с разрешения председателя комиссии Н.А.Жеребцова, вышел на трибуну, чтобы парировать нападки Безобразова и Орлова-Давыдова и защитить идею всесословности. «<...> Когда он встал, — вспоминал присутствовавший на собрании Б.Н.Чичерин, — я, стоя в публике, слышал вокруг себя скептические восклицания, но как только он начал говорить, все собрание было увлечено. Несколько запинаясь, но с тоном глубокой искренности, он сделал воззвание к стоящей выше сословных интересов любви к Отечеству. Он умолял своих сочленов, чтобы они, не отрекаясь от созданного историей государственного положения, не отделялись от других сословий, а протянули им руку для совокупной работы на общую пользу. Взрыв рукоплесканий встретил эту прочувственную речь»**.

Идея «слияния сословий» в интерпретации Щербатова была озвучена такими словами: « <...> Дворянство действительно считает себя и всегда считало сословием передовым, но так как оно всегда действовало отдельно от других сословий, то естественно, что другие сословия не имели случая и не могли признать сознательно первенства за дворянством. Принимая в среду свою представителей других сословий, дворянство будет иметь возможность в виду их, для них осязательно доказать свои способности, так что его достоинства могут быть признаны и другими, и если в самом деле оно из сословий самое образованное, то не в силах его ни затереть, ни поглотить другие сословия. Не само дворянство должно себе возлагать на чело венец первенства, а

* Московские письма. Предложения Н. А. Безобразова московскому дворянству. Берлин, 1862.

** Воспоминания Б. Н. Чичерина. Московский университет. М., 1929. С. 67.

Император Александр II
Портрет работы А. А. Харламова. 1860-е гг.

получить этот венец от других сословий»*. В этом пассаже содержится квинтэссенция политической позиции Щербатова, которую он противопоставил как защитникам узко сословных интересов, так и сторонникам идеи об уничтожении или «самоуничтожении» дворянства. Считая существование дворянского сословия в России необходимым, Щербатов признавал за ним, как самым образованным сословием, руководящую роль в обществе и государстве только при условии «неотделения» себя от остального народа, т. е. при условии отсутствия сословного эгоизма.

Речь Щербатова, как по существу, так и по форме, произвела сильное впечатление и была поддержана многими участниками собрания. Сама же идея о принятии в

* Цит. по: Современник. 1862. № 2. С. 363.

дворянскую среду землевладельцев всех сословий была большинством отвергнута. Не были приняты собранием и предложения Безобразова. Зато громадным большинством голосов (306 против 58) был поддержан проект «всеподданнейшего» адреса подольского дворянства, суть которого заключалась в либеральных требованиях гласности суда, свободы печати и ответственности чиновников*. Доклад комиссии Н.А. Жеребцова был принят только в части, касающейся пяти правительственных вопросов.

Принципам, выраженным в речи 1862 г., Щербатов остался верен в своей дальнейшей жизни — и словом и делом. Сразу после съезда он был избран членом Комиссии о дворянских нуждах, где опять выступил с предложением пополнить дворянство землевладельцами из других сословий, окончившими курс в университете и имевшими в собственности не менее 500 десятин земли. И опять его инициатива не имела последствий. Проработав в комиссии менее полугода, Щербатов, совершенно для него неожиданно, оказался вовлеченным в новую для него сферу общественной деятельности.

В начале 1863 г. должны были состояться выборы Московской городской думы и головы. Выборы проводились по новому «Положению об общественном управлении города Москвы» от 20 марта 1862 г., согласно которому новая Дума формировалась из представителей всех пяти городских сословий: дворян потомственных, личных дворян и почетных граждан, не записанных в купеческие гильдии, купцов, мещан и ремесленников. Выборщиком и гласным Думы можно было стать по достижении 25 лет, а головой — 30 лет. Другим условием для занятия этой должности было довольно высокое имущественное положение: владение недвижимостью или капиталом стоимостью не менее 15 тысяч рублей.

Сначала Щербатов был избран старшиной потомственных дворян. Этой должностью он поначалу собирался ограничиться, т. к. до сего времени чуждался деловой городской общественной жизни. Однако, вопреки ожи-

* *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 147.

даниям Щербатова, выборные от курии потомственных дворян наметили его кандидатом на должность головы, и другие сословия отнеслись сочувственно к его кандидатуре. Без преувеличения можно сказать, что тогда это была самая видная выборная должность в России, должность, облеченная доверием общества, в значительной степени независимая и наделенная большими полномочиями. Голова был руководителем преобразованного общественного управления, он принимал решения о созыве Думы, в его руках были сосредоточены все сколько-нибудь крупные дела городского хозяйства. Щербатов согласился баллотироваться на должность головы, имея в виду общественную пользу и принцип всесословности городского общественного управления.

В день выборов, 16 марта 1863 г., все хоры зала Дворянского собрания на Охотном ряду были заняты зрителями. В выборах головы участвовали сословные старшины, их товарищи и выборные — всего 461 человек. За ходом голосования с хоров зала наблюдало 400 зрителей (равное число представителей от каждого сословия), которым удалось получить входные билеты. Продуманная до мелочей процедура проведения выборов должна была подчеркнуть равенство их участников. Каждому избирателю вручалась вместе с входным билетом печатная программа, которой определялся весь ход выборов. Благодаря этому порядок был необыкновенный и удивил всех, привыкших к беспорядкам и даже безобразиям на дворянских и других сословных выборах. Напряжение общественного интереса было чрезвычайное. По свидетельству очевидца, «вся Россия следила за выборами со вниманием, потому что в них равно принимали участие и сановник и ремесленник, и потомок боярского рода, и мещанин; каждый чувствовал себя не купцом, не мещанином, а равным членом общественного целого, каждый вздохнул шире и глубже»*.

В избирательный список было внесено шесть кандидатов: дворяне (А. И. Кошелев, И. В. Селиванов и

* *Найдёнов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 2. М., 1905. С. 21.

А. А. Щербатов) и купцы (И. А. Лямин, И. Ф. Мамонтов и Г. И. Хлудов). Как только кончился подсчет голосов, «громовые рукоплескания раздались в зале, все слилось в единый гул. Редко такое многочисленное собрание самых разнородных людей, почти в первый раз встречающихся между собой, так единодушно сходились в одном результате»*.

Щербатов получил большинство в 338 голосов. «Я сразу понял, — напишет он впоследствии в «Воспоминаниях», — какая огромная нравственная ответственность легла на меня; она меня, так сказать, давила. Я сделался как бы героем дня; положение лестное, но не легкое: нужно было оглядываться на все стороны, обдумывать каждый шаг, каждое слово, чтобы не сделать оплошности». Выразив обществу свою благодарность за оказанные ему честь и доверие, Щербатов нанес визиты почти всем избирателям из дворян и купцов, а также посетил сословные собрания мещан и ремесленников. Вспоминая об этом, Щербатов приводит любопытный эпизод: прислуга Купеческой управы была поражена скромностью его барашковой шубы, после собольих шуб предшествовавших ему голов. Однако это обстоятельство Щербатова только позабавило и не побудило сменить шубу и всю обстановку: «Все было прилично и скромно, и вся Москва прошла через мой маленький, довольно неудобный кабинет. От этого дело не пострадало, и мой престиж не убавился».

10 апреля 1863 г., после литургии, совершенной митрополитом Московским Филаретом, и приведения гласных к присяге, в арендованном особняке графа С.Д. Шереметева на Воздвиженке открылось первое заседание Общей думы; а в начале мая начала работать Распорядительная дума.

Общая дума собиралась по вторникам в половине седьмого вечера. Голова садился в конце длинного стола. Справа от него занимали места пять сословных старшин, а слева — пять их товарищей, в порядке следования сословий. Гласные (175 человек) размещались сзади старшин и

* *Найдёнов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 2. С. 23.

их товарищей, по обеим сторонам и напротив головы, в несколько рядов. Решения принимались большинством в $^2/_3$ голосов. При Общей думе было создано 4 постоянных комиссии: финансовая, о пользах и нуждах общественных, для рассмотрения проектов и общественного здравия. Во главе их стояли в разное время очень компетентные и ответственные, хорошо известные и уважаемые в Москве лица (Д. А. Наумов, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, Д. П. Шипов, М. П. Щепкин и др.).

Распорядительная дума была исполнительным органом Общей думы и проводила в жизнь все ее решения. Она состояла из 10 членов (по два от каждого сословия), а ее председателем был голова.

Лучшие представители московского общества отдавали работе в обеих Думах свое время, силы и знания. 14% гласных, избранных от дворянской курии в 1863 и 1866 гг., принадлежали к аристократическим фамилиям. Гласные от купечества в большинстве своем также принадлежали к именитой части своего сословия — к почетным гражданам и купцам 1-й гильдии. Представленные в Думе сословия отличались не только разной активностью, но и разной степенью участия в городских делах. Наибольшим влиянием пользовались гласные из дворян. Они задавали тон всему городскому самоуправлению, выступая инициаторами многих хозяйственных начинаний. Они же работали, как правило, и в думских комиссиях. Лидерство дворян в Думе в то время никто не оспаривал и не мог оспаривать по ряду причин: из-за лидирующего положения в обществе, высокого образовательного уровня, лучшей подготовленности к управлению городским хозяйством. Во многом благодаря князю Щербатову разрозненные элементы городского общества действительно сплотились в одно целое для совместного служения общему делу. «Мы все, — говорил позднее князь Щербатов, характеризуя первый состав нового общественного управления, — все без исключения, были люди новые на том поприще, на котором были призваны действовать. Опыта у нас не было и быть не могло. Этот опыт, умение вести общее дело надо было приобре-

тать, а между тем жизнь не ждала, общество относилось к преобразованному управлению с требованиями, отчасти справедливыми, отчасти и преувеличенными, не взвесив иногда трудности дела»*.

Оказавшись во главе городского общественного управления, Щербатов принялся за работу со всем пылом души и с тем практическим смыслом, которым он отличался. Надо было все изучить и всему дать направление. Для человека, совершенно незнакомого с городским хозяйством, это был целый новый мир практических дел, требовавших от него много личной инициативы и упорного труда. И Щербатов, опираясь на поддержку своих соратников и горожан, старался трудом и любовью к делу восполнить недостаток опыта и умения.

К началу 1860-х гг. Москва по уровню развития, благоустройству и условиям жизни значительно отставала от многих европейских городов. Она была единственной столицей в Европе, не имевшей газового освещения. В городе не было канализации и нормального водоснабжения. Булыжные или немощеные улицы летом покрывались невообразимой пылью, а осенью — непролазной грязью. Целые районы требовали прокладки дренажа. Трубы для стока дождевых вод были сделаны в большинстве случаев из дерева, имели неправильное устройство и переполнялись к тому же спускавшимися из домов нечистотами. Не только во время ливней, но и во время обычных летних дождей низины покрывались водой, затоплявшей подвалы и нижние этажи зданий. Берега рек почти не имели набережных и во время половодья обрушивались вместе с расположенными на них строениями. Для сообщения между разделенными рекой частями города существовало всего два постоянных моста, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Таким образом, при начале своей деятельности по внешнему благоустройству новое городское управление было поставлено в крайне неблагоприятные условия: предстоял большой объем работ, чтобы привести

* Русский архив. 1894. Кн. 1. Вып. 3. С. 421.

город в более или менее удовлетворительное состояние, а тогдашнее состояние городского бюджета оставляло желать лучшего.

С 1849 г. расходы и доходы ежегодно возрастали, но равновесие между ними было настолько нарушено, что недочеты сделались хронической болезнью городского хозяйства Москвы, достигая 30% всей суммы доходов. Начиная с 1855 г. стал иссякать единственный источник запасных городских средств — поступление недоимок, и общественное хозяйство Москвы начало возбуждать тревожные опасения. Наконец, в 1858 г. запасные средства города были совершенно истощены, и по распоряжению генерал-губернатора приступили к затратам на текущие городские надобности из других капиталов города, считавшихся неприкосновенными. Благодаря принятым чрезвычайным мерам, в 1859 и 1860 гг. бюджет города стал понемногу улучшаться. Между тем городу предстояли многие весьма значительные расходы на самые неотложные надобности, в том числе на усиление городской полиции, замощение улиц, постройку постоянных мостов и пр. Городские же доходы все еще не представляли никаких новых источников для покрытия усиленных расходов*.

В этих условиях первым делом головы и Общей думы стало изучение тогдашнего положения городского хозяйства и состояния городских финансов. Сначала надо было обратить внимание на сбережение городских сумм, которые до того времени расходовались на внегородские надобности, выяснить размеры расходов, производившихся вопреки существовавшим узаконениям. Дело это было исполнено Финансовой комиссией Общей думы, которая, изучив в течение двух лет городские сметы 1864 и 1865 гг., смогла раскрыть причины плачевного состояния городских финансов. Результатом работ, представленных головой на суд правительства, было снятие с города до 100 000 руб. ежегодных расходов, неправильно начислявшихся на него в прежнее время.

* *Щепкин М. П.* Общественное хозяйство города Москвы. Ч. 1. Вып. 1. М., 1888. С. 144.

Кроме урегулирования текущих расходов на внегородские нужды, необходимо было также ликвидировать излишние затраты на них, произведенные в прежнее время: к 1863 г. на городском управлении лежало до 800 000 руб. долгов по числившимся за городом займам на постройки, произведенные не самим городом, а различными ведомствами. Усилиями городской Думы и лично головы в течение первых десяти лет, начиная с 1864 г., было погашено более половины лежавшей на городе общей суммы долгов.

На протяжении всего периода существования московского общественного управления одним из главных источников пополнения бюджета были городские налоги. Вот почему решающим средством восстановления нарушенного городского бюджета стало упорядочение городских сборов. Свою деятельность в этом направлении Дума начала в 1863 г. ходатайством о скорейшем окончании оценки московских недвижимых имуществ, предпринятой еще до реформы городского управления. Законченная в 1864 г., оценка способствовала значительному увеличению установленного еще в 1823 г. оценочного («процентного») сбора с недвижимых имуществ. Был упразднен сбор с пустопорожних мест и архаический «водопроводный сбор». В 1866 г. был уничтожен еще один из дореформенных сборов — так называемый «квартирный» сбор с домовладельцев за освобождение их от воинского постоя, установленный еще в конце XVIII в. и после устройства воинских казарм утративший всякое значение. Вместо этого Дума рассмотрела вопрос о введении других налогов, более соответствовавших современным условиям. Была создана особая комиссия для пересмотра системы городских акцизов, возбуждено ходатайство перед правительством об обложении страховых обществ особым сбором в пользу города со страхуемых в Москве движимых и недвижимых имуществ.

Устранение недостатков в порядке пользования городскими суммами было в значительной степени достигнуто благодаря передаче в ведение городского управления имущества, находившегося ранее в управлении других ве-

домств. Так, в 1867 г. городу была передана из Управления IV округа Министерства путей сообщения и публичных зданий вся строительная и инженерная часть. Таким образом, Щербатову удалось решить одну из главных управленческих задач — нормализовать городской бюджет путем восстановления равновесия между муниципальными доходами и расходами.

Из построек и сооружений, самостоятельно предпринятых городом, а частью и законченных в бытность Щербатова головой, самыми значительными были: Бородинский мост через Москву-реку, построенный на месте деревянного Дорогомиловского моста, разбиравшегося во время половодья; Комиссариатский мост через Обводный канал; реконструкция Хамовнических и Титовских казарм. Последние были приспособлены для размещения временной городской больницы и городского арестантского дома. Благодаря усилиям Общей думы Москва в 1866 г. получила газовое освещение.

Другим насущным хозяйственным вопросом явилось водоснабжение, т. к. недостаток воды в Москве давно был вопиющим злом. Для решения этой проблемы были проведены работы по устройству дополнительного водопровода из Ходынских ключей, а также предпринята попытка устройства артезианского колодца для дополнительного водоснабжения столицы.

Во всех этих городских проектах Щербатов принимал живейшее участие. В качестве головы он трудился во многих комиссиях, занимавшихся разработкой наиболее сложных вопросов, лично осматривал переходившие в ведение города имущества; прилагал усилия к скорейшему разрешению в установленном порядке различных городских ходатайств.

Более всего его озабочивало крайне неудовлетворительное состояние в Москве врачебной помощи населению и учреждений для начального образования. Первым делом Обшей думы в области больничного хозяйства было ходатайство перед правительством о передаче городу 1-й Градской больницы. Получая почти все содержание из городского бюджета, она не была обязана отчитываться перед городским управлением, т. к. находилась в подчине-

нии Ведомства учреждений императрицы Марии. Но дело, как это часто случалось, затормозилось, и, несмотря на настойчивость головы, больница была передана городу лишь в 1880-х гг.

Началом самостоятельной деятельности Думы в сфере здравоохранения можно считать устройство на Калужской улице в 1866 г., ввиду эпидемии тифа, городской временной больницы. Все строительные работы по приспособлению для больницы зданий Титовских казарм производились под личным наблюдением Щербатова; все внутреннее устройство больницы и ее оборудование велись по его указаниям и под его непосредственным надзором. Со временем эта больница стала постоянной — под названием 2-й Городской больницы. После смерти А. А. Щербатова, в 1902 г., ей было присвоено наименование «Щербатовская».

При Щербатове были учреждены первые городские начальные женские училища. На заседании 3 декабря 1865 г. Дума приняла решение о выделении 9500 руб. на открытие городских училищ для девочек на 157 мест. Училища были открыты в 1867 г. в пяти городских районах; три из них впоследствии получили наименование «Щербатовские». С этого времени развитие народного образования становится одной из главных задач городского общественного управления Москвы. Город начал выделять пособия женским гимназиям и стипендии учащимся мужских гимназий; принял под свое покровительство частное Арнольдо-Третьяковское училище для глухонемых, в котором Щербатов был членом Попечительского совета и судьбой которого до конца жизни живо интересовался.

Щербатов придавал большое значение просветительской работе основанного в Москве в 1862 г. Румянцевского публичного музея. По его инициативе, Общая дума постановила отпускать средства на содержание музея и сделала вход в музей в воскресенье, в праздничные дни и один день в неделю бесплатным. По инициативе Щербатова, Дума учредила 10 стипендий для особо одаренных студентов Московской консерватории и пять Ломоносовских стипендий в Московском университете для студентов из бедных семей.

В 1867 г. в Москве проходили выборы головы на следующее четырехлетие. Кандидатом опять был выдвинут Щербатов, хотя он и отказывался, заявляя, что устал и едва ли будет в состоянии прослужить весь срок. Тем не менее князь был избран большинством голосов. При этом выборные от всех пяти городских сословий, желая навсегда сохранить в Москве память о его заслугах перед москвичами, собрали по добровольной подписке капитал, названный Щербатовским. Он предназначался для содержания по одной стипендии имени А. А. Щербатова в Московском университете и Мещанском начальном училище, а также по одной койке во Временной городской больнице и в Андреевской богадельне.

Прослужив головой только два года, Щербатов, к сожалению многих, по состоянию здоровья решил оставить этот пост. Немалую роль в этом сыграло и личное его горе: смерть в 1868 г. недавно родившегося сына Александра. По этому поводу С. М. Сухотин записал 16 декабря 1868 г. в дневнике: «Все это время было много печального в Москве: милые Щербатовы потеряли сына, и они так симпатичны в своем горе; никакой комедии не разыгрывают, не рисуются; они утешают себя, принимая участие в горе других»*.

18 февраля 1869 г. состоялось последнее заседание Общей думы второго состава под председательством Щербатова. Со свойственной ему деликатностью и честностью он напомнил собравшимся гласным о том, что в 1867 г., во время выборов головы, он заявил, что из-за личных обстоятельств не берет на себя нравственной обязанности дослужить до конца срока на этой должности. «Да не покажется же вам непоследовательностью с моей стороны тот поступок, — сказал Щербатов, — на который я решился после зрелого размышления — просить об увольнении меня от должности головы. Нелегко мне сделать это заявление, не без сильного внутреннего волнения высказываю я вам эти прощальные слова <...> Шесть лет совокупных трудов, пережитых вместе надежд, радостей, а подчас и огор-

* Из памятных тетрадей С.М. Сухотина // Русский архив. 1894. Т. 1. Вып. 4. С. 609.

Княгиня М. П. Щербатова

Фотография. 1868 (Из собрания Российской государственной библиотеки)

чений, установили между нами непрерывную связь. Добросовестное служение общему делу возбуждало и направляло деятельность нашей Думы, и дай Бог, чтобы эта сила не оскудевала и в будущем <...> Не все задуманное удалось осуществить, ибо требования идут всегда далее средств. Единственным мне утешением представляется то, что, прощаясь с вами как городской голова, я надеюсь остаться навсегда в среде вас, постоянно и долго трудиться вместе с вами для нашего общего дела, которому я был и сам предан всей душой»*. На этом заседании Щербатов подвел итоги деятельности Думы за шестилетие, сконцентрировав внимание гласных на том, чтó *не* было сделано. Составленный под его руководством подробнейший отчет о развитии всех отраслей городского хозяйства, доведенный до 1 марта 1869 г., был роздан гласным и в том же году опубликован.

* Русские ведомости. 1869. 18 февр. № 42.

Московской думе 1860-х годов справедливо ставили в заслугу то, что она была чужда чисто сословных или односторонних стремлений, — и в этом видится огромная заслуга Щербатова как головы. Новая Дума стала для московского общества своеобразным полигоном, где на его глазах шел процесс преодоления сословной разобщенности. Неудивительно, что думские заседания вызывали интерес не только у журналистов, но и у многочисленной публики, которую вначале пускали в зал заседаний по пропускам, а потом свободно.

28 февраля 1869 г. Щербатов был уволен от должности головы, но продолжал работать в Общей думе в качестве гласного. Он остался членом нескольких думских комиссий (финансовой, о городском освещении, училищного комитета). Из числа старого московского дворянства он и братья Д. Ф. и Ю. Ф. Самарины считались самыми влиятельными гласными, с которыми всегда совещались по всем важным делам. Так, во время думских выборов 1872 г. авторитет Щербатова и его соратников принес победу выборным из дворян и интеллигенции, которые получили в Думе более половины мест.

В марте 1876 г. в Думе была создана специальная комиссия для пересмотра правил выборов гласных, в состав которой вошел и Щербатов. Для упорядочения избирательной системы и повышения активности избирателей он считал необходимым проведение выборов по территориальным участкам, введение предвыборных собраний для обсуждения списков кандидатов и, наконец, сокращение числа избирателей. Князь Щербатов предлагал проводить городские выборы по принципу земских, где мелкие собственники пользовались избирательными правами через своих уполномоченных. Этот способ, по его мнению, должен был не только упростить выборы гласных, но и дать большее разнообразие законодательству. «Теперь же владелец 199 десятин земли в Московском уезде не имеет самостоятельного голоса, а владелец нескольких сажен земли у московской заставы имеет. Первый из них платит

около 70 руб., а последний нередко 70 копеек»*. Большинство членов комиссии поддержало предложение Щербатова относительно территориального принципа в организации выборов. Однако, в силу ряда причин, вопрос тогда не был решен, и Московская городская дума продолжала его обсуждать на протяжении 1870–1880-х гг. И только выборы 1889 г. проводились по 9 территориальным округам. Они подтвердили справедливость мнения Щербатова о том, что территориальный принцип в организации выборов, даже при сохранении курий, положительно скажется на результатах.

В 1870-х годах Щербатову пришлось много потрудиться на пользу Москвы при сооружении первой городской детской больницы (Св. Владимира) на средства, пожертвованные для этой цели крупным железнодорожным предпринимателем П. Г. фон Дервизом. Александр Алексеевич был председателем комиссии уполномоченных, которую, по назначению жертвователя, составляли бывшие головы первого десятилетия существования городской Думы: А. А. Щербатов, В. А. Черкасский и И. А. Лямин — всем им Дервиз полностью доверял. В самостоятельное и безотчетное распоряжение этих лиц был, по воле жертвователя, предоставлен строительный капитал больницы. Щербатов привлек к организации больницы сведущих специалистов во главе с известным петербургским врачом-педиатром К. А. Раухфусом. Князь не считал себя вправе вмешиваться в подбор кадров для больницы. По выработанному им уставу, такое право было предоставлено только главному врачу. «Иначе, мне кажется, — писал он Б. Н. Чичерину 2 августа 1875 г., — и быть не должно, ибо для оценки специалистов нужно быть самому специалистом. Притом вся ответственность за медицинскую часть лежит на главном докторе, а потому ему и должна быть предоставлена возможность окружить себя личностями, которым он доверяет. Я, безусловно, отклоняю от себя все просьбы по медицинской части» (полностью письмо Щербатова публику-

* Доклад комиссии, образованной для пересмотра правил, относящихся до выборов гласных, от 13 августа 1876 г. // ОР РГБ. Ф. 70. Карт. 74. Ед. хр. 11. Л. 7об.–8.

ется в третьем разделе настоящего сборника). Открытая в 1876 г. в зданиях, устроенных по образцовой павильонной системе, эта больница была для того времени последним словом науки. До конца жизни Щербатов являлся попечителем больницы, а за год до своей смерти участвовал в торжествах по случаю ее 25-летия. Впоследствии Московской думой была устроена при больнице амбулатория имени князя А.А. Щербатова*.

Одновременно с городской деятельностью Щербатов был гласным московского земства. Кроме участия в заседаниях, он работал в нескольких комиссиях (дорожной, санитарной, о преобразовании учреждений по крестьянским делам, по народному образованию, исследованию причин упадка сельского хозяйства в Московской губернии, по вопросу о приходских попечительствах). Например, в дорожной комиссии он председательствовал более 20 лет.

На заре земской деятельности состояние дорог в Московской губернии было таково, что западная половина губернии была фактически отрезана от сообщения с центром. В сентябре 1867 г. состоялось единогласное постановление губернского земского собрания — поддерживать полотно грунтовых дорог лишь в пределах крайней необходимости, по мере же накопления свободных денежных средств губернии приступать к сооружению шоссейных дорог. Такое решение вопроса естественным образом перенесло центр тяжести дорожного дела в губернское земство. В 1870-е гг. дорожное хозяйство губернии получило широкое развитие, было завершено сооружение Волоколамского и Дмитровского шоссе, чему во многом способствовала и деятельность дорожной комиссии. В 1880-е гг. продолжавшееся развитие сети шоссейных дорог сопровождалось усилением земского технического надзора за выполнением дорожных работ. В 1891—1895 гг. возглавляемая А.А. Щербатовым дорожная комиссия обследовала

* Очерк возникновения и 25-летней деятельности Московской городской детской больницы Св. Владимира. М., 1901. С. 5–9.

Детская больница Св. Владимира.
Корпуса имени князя А. А. Щербатова
Фотография. 1900-е гг.

дороги Московской губернии и представила новый план развития дорожного хозяйства*.

В 1879 г. Щербатов, по приглашению правительства, вошел в состав Высшей совещательной комиссии, учрежденной под председательством графа Э. Т. Баранова для подробного исследования состояния сети российских железных дорог. Ему предложили возглавить одну из подкомиссий, которой надлежало обследовать железные дороги на территории от Вологды до Севастополя: Московско-Ярославскую с веткой до Вологды, Московско-Курскую, Курско-Харьковско-Азовскую, Донецкую Каменноугольную и Лозово-Севастопольскую. Таким образом, Щербатову с коллегами надо было проехать почти всю Россию,

* *Родионов С. К.* Московское губернское земство в полувековую годовщину основания земских учреждений. М., 1917. С. 11–12.

от севера до самой южной оконечности. Кроме него, в подкомиссию входили инженеры по технической части, профессора Московского университета, члены Московского биржевого комитета.

Завершив основную работу, подкомиссия Щербатова составила несколько подробнейших докладов о состоянии дорог и сооружений, о грузопотоках и пр., которые стали базой для разработки проекта «Общего устава паровых российских дорог». Деятельность комиссии Баранова продолжалась до июня 1885 г., но Щербатов вышел из нее раньше из-за того, что был совершенно проигнорирован доклад его подкомиссии по вопросу о строительстве Екатерининской дороги. Узнав о том, что эту дорогу решено было строить вопреки мнению подкомиссии, Щербатов отправился к Баранову и объяснил свою позицию. Суть ее заключалась в том, что работа независимых экспертов должна быть принята к соображению, а не положена просто под сукно. Тут же он заявил, что выходит из комиссии*.

Много внимания Щербатов уделял вопросам народного образования, участвуя в обсуждении земских программ перестройки школьного дела в Московской губернии. Он был соратником видных деятелей московского земства в этой области, братьев Юрия и Дмитрия Самариных, возглавлявших в 1870–1880-х гг. Училищную комиссию Московской губернской земской управы. Поддерживая развитие собственно земской школы, Щербатов был сторонником усиления влияния земства на деятельность церковно-приходских школ, имея в виду повысить в целом низкий уровень грамотности народа.

Проблема повышения уровня народного образования в России рассматривалась Щербатовым и в связи с принятием в начале 1870-х гг. закона о всеобщей воинской повинности. Тогда в правительственных кругах и в обществе дебатировался вопрос о введении льгот по образованию. Наиболее острые дискуссии велись весной 1872 г. в заседаниях Комиссии для составления нового положения о личной воинской повинности; Щербатов участвовал в по-

* Воспоминания Б. Н. Чичерина. Земство и Московская дума. М., 1929. С. 92.

лемике как представитель московского земства. Он был сторонником сокращенного срока действительной военной службы для грамотных призывников и изложил свою точку зрения в специальной записке. «В даровании льгот грамотности в военной службе, — писал он, — я вижу могущественный рычаг к поднятию общего уровня развития грамотности в народе, причем дарование этой льготы произошло бы, по моему мнению, не в ущерб, а в пользу военной организации армии. Польза эта отзовется в самом непродолжительном времени через постоянное возрастание процента грамотных людей, ежегодно поступающих в ряды армии» («Записка по вопросу о сроках военной службы» впервые публикуется в настоящем издании).

Не только практическая деятельность в Думе и земстве занимала Щербатова в 1870-е годы. Его тревожило обострение ситуации на Балканах в связи с возобновившейся в 1875—1876 гг. национально-освободительной борьбой славянских подданных Османской империи и возможным вступлением России в войну с Турцией. Щербатов верил в освободительную миссию русских на Балканах и с воодушевлением воспринял публичное заявление Александра II о готовности России начать войну с Турцией в том случае, если она будет продолжать военные действия против Сербии, Черногории и Болгарии. Князь также поддержал начавшуюся, по решению правительства, в начале ноября 1876 г. частичную мобилизацию русской армии. Щербатов и сам был готов внести посильный вклад в освобождение единоверных братьев-славян. Однако, в силу сложившихся семейных обстоятельств, он был вынужден отказаться от предложения поехать на Балканы в качестве уполномоченного Российского общества Красного Креста. Об этом Александр Алексеевич с горечью сообщал Д. Ф. Самарину в письме от 23 ноября 1876 г. из французского курорта Ментона: «Я пережил одну из труднейших минут моей жизни — борьба внутренняя была страшно тяжелая. Скромный долг отца семейства взял верх, совесть моя меня одобряет, но тяжело было, тяжело и поднесь, и каждая приносимая газета растравляет раны. Ни в какой форме участие мое в настоящей борьбе не было мне более по сердцу, как именно та, которая мне предлагалась. А мне пришлось отказать.

На добавок всю эту борьбу я должен тщательно скрывать от семьи, в особенности от моей больной дочери <...> И я безропотно покоряюсь моей судьбе, моля Бога, чтобы цель моего путешествия — здоровье моей дочери — была бы достигнута»*. Из Ментоны Щербатов ездил в Ниццу за политическими новостями, которые привозили туда русские.

Где бы ни находился Щербатов, он всегда стремился быть в гуще событий, интересовался многим из того, что происходило в русской экономической, общественной и культурной жизни. Международный статистический конгресс в Петербурге, Всероссийская политехническая выставка в Москве, поездка российской делегации в Белград на чествование совершеннолетия нового сербского князя, судьба Народного театра на Варварской площади в Москве, возникновение дворянских земельных банков и ссудо-сберегательных товариществ, учреждение в Московском университете премии имени Ю. Ф. Самарина — все это нашло отражение в публикуемых в данной книге письмах Щербатова 1870-х гг.

В августе 1883 г. Щербатов вышел из состава гласных Московской городской думы в связи с отстранением от должности головы Б. Н. Чичерина. Он так поступил не только потому, что считал себя нравственно обязанным поддержать лучшего друга и соратника, но и потому, что считал его отставку несправедливой. Были, однако, и другие причины ухода Щербатова из Думы — состояние здоровья, препятствующее активной деятельности, и накопившаяся со временем неудовлетворенность положением дел в самой Думе. Наблюдая за развитием городского общественного управления с 1870-х гг., Щербатов начал опасаться нарушения в нем социального баланса в сторону преобладания одного сословия.

Первые симптомы этой российской «болезни» проявились во время выборов головы в декабре 1872 г., когда купеческая фракция усиленно проталкивала на второй срок своих кандидатов, игнорируя позицию дворян. В итоге, выборы были провалены и перенесены на более поздний срок, и город, как выразился Щербатов в письме

* ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 209. Ед. хр. 6. Л. 3.

к Б. Н. Чичерину от 29 марта 1873 г., «пострадал из-за купеческого самолюбия». Но тогда открытого противостояния сословий в Думе еще не существовало, т. к. позиции дворян были достаточно крепки. Впервые это произошло на выборах в Думу в ноябре 1876 г., когда усилившая свои позиции купеческая курия выступила единым фронтом с другими сословиями против дворянской фракции и получила в Думе подавляющее большинство мест (почти 80%). Получив от Д. Ф. Самарина сведения о результатах выборов, Щербатов расценил ситуацию в Думе как «отсутствие политического и даже простого здравого смысла». Однако, несмотря на такой печальный для дворянства исход городских выборов, Щербатов считал необходимым оставаться в Думе даже в меньшинстве и призывал своих соратников не падать духом (см. публикуемое в книге его письмо к Д. Ф. Самарину из Ментоны от 22 декабря 1876 г.).

Щербатов был не одинок в своих опасениях касательно превращения Московской городской думы в трибуну для купеческих домогательств. Его соратник, авторитетный гласный Ю. Ф. Самарин, выражал подобные настроения в письме к княгине Е. А. Черкасской от 23 декабря 1875 г. Сравнивая нынешнюю Думу с Общей думой 1860-х гг., он писал: «Грустно видеть, как скоро и легко вырождается у нас учреждение, которому, по-видимому, с легкой руки двух князей (подразумевает А. А. Щербатова и В. А. Черкасского. — *Т.М.*), предстояла счастливая будущность. В каких-нибудь 2 года тон Думы совершенно испортился; прежнюю добродушную простоту вытеснила какая-то глупая, невежественная и дерзкая притязательность. Того и гляди, придется оттуда бежать»*.

Оставаясь верным принципу социального равновесия, Щербатов, как и Самарин, не допускал формального его нарушения в учреждениях местного управления. Однако, уловив тенденцию к поглощению одного сословия другими, он скорректировал свою идею «всесословности». «В настоящее время, — записал он в 1886 г. в “Воспоминаниях”, — сочувствуя этой мысли по существу, я сделал бы оговорку в том смысле, что, при соединении сословий

* ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 30. Ед. хр. 1. Л. 178 об.

в совместной общественной работе, законодателю следует оградить интеллигентный элемент общества от натиска более многочисленного грубого и неразвитого элемента. Рассчитывать исключительно на нравственное преобладание образованности над необразованностью в современный момент русской жизни опасно; нужны переходные меры, впредь до поднятия общего уровня образования. Но и всегда образованность и государственный смысл будут достоянием меньшинства, хотя это меньшинство не будет всегда носить название дворянства».

Перестав быть гласным Думы, Щербатов по-прежнему интересовался городскими делами и по мере возможности принимал в них участие. Он был попечителем нескольких городских учреждений, участвовал, по приглашению городского управления, в обсуждении отдельных вопросов городского хозяйства, откликался на важнейшие события городской жизни. Много времени князь уделял делам Попечительского об Арнольдо-Третьяковском училище глухонемых общества, товарищем председателя которого был с 1869 г. Когда же расстроенное здоровье заставило его отказаться от общественной деятельности, Щербатов всецело отдался работе на поприще благотворительности, которой так или иначе занимался уже с конца 1850-х гг.

Почти сразу после своего окончательного переселения в Москву, в 1858 г., он стал помощником своей матери С. С. Щербатовой по учрежденному ею Дамскому попечительству о бедных. Поощряемое покровительством всех московских генерал-губернаторов, попечительство приступило к устройству семейных приютов, учебных, ремесленных и рукодельных классов, богаделен, дома призрения для неизлечимых больных, специальных учреждений для девушек, желающих покинуть путь разврата. К началу 1890-х гг. попечительство содержало Мариинское и Александро-Мариинское училища, развившиеся в высшие учебные заведения, восемь начальных школ, в которых обучалось более 1000 детей. Заботясь о религиозно-нравственном воспитании призреваемых, попечительство устроило при разных учебных и благотворительных учреждениях восемь домовых церквей. Княгиня

Княгиня С. С. Щербатова
Фотография. Конец 1870-х гг.

С. С. Щербатова возглавляла Дамское попечительство о бедных 31 год и имела на его деятельность огромное влияние. Жажда добра и правды, светлый ум, неустанная энергия были отличительными чертами ее разносторонней деятельности. Она умела и в других вдохнуть веру и зажечь огонь, умела сплотить вокруг себя единомышленников и помощников. Щербатов был почетным членом Совета Дамского попечительства о бедных и тех его отделений, в которых работали члены его семьи: сестра О. А. Голицына,

жена Мария Павловна и дочери. О.А. Голицына была постоянной сотрудницей своей матери и основала, сверх того, приют Св. Марии Магдалины, упрочив его существование значительным капиталом. М.П. Щербатова более 30 лет являлась попечительницей Пресненского отделения, которому она посвящала много личного времени. Признавая ее заслуги, Дамское попечительство о бедных почтило ее память присвоением ее имени приюту Пресненского отделения. Дочери Щербатова, Софья и Мария, были попечительницами отделений в 1879 и 1887 гг.

С 1875 г. Щербатов исполнял обязанности правителя канцелярии Дамского попечительства о бедных, которая была частично размещена в его доме на Б. Никитской, во флигеле, во дворе. На этой должности он находился до 19 апреля 1876 г. и покинул ее в связи с уходом матери с поста председательницы Совета попечительства по состоянию здоровья. Софья Степановна осталась почетным членом Совета и попечительницей двух отделений: Городского и Рогожского. Александр же Алексеевич оставался почетным членом Совета попечительства до своей смерти.

После кончины матери, в 1885 г., Щербатов осуществил ее заветную мечту — учредил приют для неизлечимо больных детей, которых больницы или вовсе не принимали, или принимали на короткий срок. Приют открыли 12 ноября 1887 г. в доме С.С. Щербатовой на Садовой-Кудринской улице; он был назван в ее честь приютом Св. Софии. К 1 января 1888 г. в приюте находилось 12 детей, преимущественно из крестьянского сословия, в возрасте от 3 до 12 лет. После смерти Щербатова приют преобразовали в Софийскую детскую больницу; одному из ее отделений было присвоено его имя.

5 ноября 1869 г. Щербатов был избран товарищем председателя Попечительского об Арнольдо-Третьяковском училище глухонемых общества и занимался делами общества до самой своей кончины.

С открытием в конце 1894 г. в Москве городских участковых попечительств о бедных Щербатов горячо отдался зарождающемуся делу. Он принимал деятельное участие

О. А. Щербатова (в замужестве Веневитинова)
Фотография Р. Ю. Тиле. 1889
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

в выработке временных правил для попечительств и одним из первых возглавил попечительство о бедных 1-го участка Пресненской части. В октябре 1896 г. Щербатов был избран членом Комиссии по вопросу о налоге на нужды городской общественной благотворительности, учрежденной собранием городских участковых попечителей для изучения проектов специальных налогов в пользу бедных и выработки собственной позиции по этому вопросу. Инициатива введения таких налогов исходила от членов некоторых участковых попечительств, считавших денежные средства этих благотворительных учреждений, основанных преимущественно на частных пожертвованиях, крайне скудными. Их предложения поддерживались частью городского общества; сторонники налогов в пользу бедных имелись и в Московской городской думе.

Для Щербатова была очевидной и бесспорной необходимость усилить финансовую базу участковых попечительств и вообще городских благотворительных учреждений. Однако он являлся принципиальным противником установления специальных налогов на нужды благотворительности, считая призрение бедных прежде всего нравственной обязанностью городского общества. «Установление специальных налогов в пользу бедных устанавливает право бедных, или считающих себя таковыми, получать пособие и даже спорить о его размерах. С этим явлениям Думе и попечительствам не справиться. Существенно важно сохранить за пособиями, оказываемыми городскими попечительствами, значение благотворительности, на которые бедные имеют нравственное, а не юридическое право. Независимо от сего, установление специальных налогов в пользу бедных убьет частную благотворительность. В обществе распространится убеждение в том, что Дума этими налогами освобождает частных лиц от нравственной обязанности помогать бедным. Чем значительнее будет сумма налогов, тем более это убеждение будет иметь основание» — таков в понимании Щербатова главный принцип общественной благотворительности, обозначенный им в «Записке о призрении бедных», составленной в конце 1896 г. для вышеназванной комиссии (впервые «Записка...» публикуется в третьем разделе настоящей книги). В качестве альтернативы проектам налога в пользу бедных Щербатов в той же «Записке...» предлагал Думе выделять на цели благотворительности значительно больше средств из городских доходов, полагая, что обязанность призрения бедных возложена на общественное городское управление законом. Будучи реалистом, он понимал, что без поддержки Думы попечительства смогут зачахнуть, т. к. уровень частной благотворительности невысок.

Делу Пресненского попечительства о бедных Щербатов отдал много сил, времени и собственных денежных средств. Его ежегодные пожертвования попечительству составляли от 1000 до 2000 руб., а всего с 1894 по 1901 г.

он пожертвовал свыше 30000 руб. Из них 10000 руб. — на строительство богадельни и 5000 руб. — на строительство детского приюта в память известного благотворителя купца С. И. Прохорова, одного из владельцев Товарищества Трёхгорной мануфактуры. Под руководством Щербатова попечительство устроило ряд благотворительных учреждений, сняло для нуждающихся в жилье множество дешевых и бесплатных квартир. В них проживало около 300 человек, или $^{3}/_{5}$ всех обитателей попечительских квартир в Москве. Пресненское попечительство одним из первых устроило в Б.Девятинском переулке коечную квартиру для бедных, на 25 человек, снабженную отоплением и водопроводом. Щербатов тем не менее считал этот вид помощи нуждающимся в жилье недостаточным и вынашивал идею строительства дешевых многоквартирных домов для бедных. Для реализации этой идеи им было задумано общество на паях (см. его письмо к В. И. Герье от 27 ноября 1898 г.) и разработан план осуществления этого предприятия на Пресне, где проживало много рабочего населения с низкими доходами; но смерть помешала реализации этого проекта.

Мечта Щербатова об улучшении жилищных условий бедных москвичей стала реальностью только после его кончины. 13 марта 1902 г. собрание городских участковых попечителей приняло решение о строительстве дома дешевых квартир. Это решение поддержала Московская городская дума, выделив из городского бюджета 50 тыс. руб. и земельный участок за Пресненской заставой. 24 марта 1913 г. состоялось освящение так называемого «Щербатовского» дома дешевых квартир в Трёхпрудном переулке.

До последних своих дней князь А. А. Щербатов сохранил ту необычайную ясность ума, ту кристальную чистоту и красоту души, то высокое благородство, которые красной нитью проходили через всю его личную жизнь и общественную деятельность и которые позволили современникам по праву называть князя одним из благороднейших и лучших людей своего времени.

* * *

Представленные в настоящем сборнике неопубликованные документы А. А. Щербатова печатаются по автографам и рукописным спискам, хранящимся в личных архивных фондах Российской государственной библиотеки.

В основу публикации текста его «Воспоминаний» положен беловой список, сделанный О. А. Щербатовой под диктовку отца. По спискам публикуются «Речь Щербатова в Верейском уездном дворянском собрании» и записка «О сроках военной службы». Письма печатаются по автографам.

Впервые, после прижизненных изданий, публикуются «Отчет князя А. А. Щербатова о деятельности Московской городской думы за шестилетие с 1863 по 1869 год» и «Записка о призрении бедных».

Тексты печатаются по современным правилам, но с сохранением особенностей авторской орфографии, пунктуации и стиля. Явные описки устранены без оговорок. Предположительные или точно установленные составителем даты, недописанные автором части слов или пропущенные слова приводятся в угловых скобках, за исключением общепринятых сокращений (например, титулов, денежных единиц и т. п.). Ввиду неразборчивости почерка Щербатова отдельные слова, выражения, а в некоторых случаях и целые абзацы прочесть не удалось, что также отмечено в угловых скобках. В подстрочнике приведены текстологические примечания и перевод иноязычных слов и выражений.

Материал внутри трех разделов расположен в хронологическом порядке. Каждый раздел завершают комментарии к текстам. В конце книги помещен аннотированный именной указатель.

Т. А. МЕДОВИЧЕВА

Часть I

Воспоминания князя А.А.Щербатова.

1829–1863

Нара. 22 сентября 1886 г.

Сегодня я долго разговаривал с Оленькой. Темою нашего интересного разговора были различные, выписанные ею из прочитанных книг, мысли; мы их разбирали и анализировали; при этом мы коснулись различных вопросов: религиозных, политических, социальных и воспитательных; разговор коснулся и моей жизни и личных моих сношений с людьми.

Оленька стала просить меня написать мои воспоминания и тем дала толчок осуществлению давнишней моей мысли — изложить их на бумаге. Мысль эту я не осуществлял частию по неимению свободного времени, частию по лени, а частию не давая себе ясного ответа на вопрос: зачем? Но на этот вопрос я нашел ответ — буду писать для своих детей и исключительно для них, причисляя к ним и моих зятьев.

Жена — спутница моей жизни, слава Богу, уже 31 год[1], а потому мои воспоминания, по крайней мере за зрелый период моей жизни, почти можно назвать «нашими воспоминаниями»; для детей же моих, особенно для младших, моя жизнь представляет собою нечто вроде древней истории, которую узнают из чтения. Зная их любовь ко мне, думаю, что эта моя скромная история будет для них, пожалуй, интереснее даже истории египтян; притом она будет иметь достоинство необязательности. Наконец, мне самому будет приятно для самого себя воскресить многое из прошедшей жизни, пережить ее, так сказать, вновь со многими, уже отошедшими в могилу, дорогими мне лич-

1. 2

Нара 22 Сентября 1886 г.

Сегодня я долго разговаривалъ съ Оленькой. Темою нашего интереснаго разговора были различныя, выписанныя ею изъ прочитанныхъ книгъ, мысли; мы ихъ разбирали и анализировали — при этомъ мы коснулись различныхъ вопросовъ: — религіозныхъ, политическихъ, соціальныхъ и воспитательныхъ; — разговоръ коснулся и моей жизни и личныхъ моихъ сношеній съ людьми.
Оленька стала просить меня написать мои воспоминанія и тѣмъ дала толчокъ осуществленію давнишней моей мысли. — Изложеніемъ ихъ на бумагѣ мысль эту я не осуществилъ, частію по неимѣнію свободнаго времени, частію по лѣни, и частію не-давая себѣ яснаго отвѣта на вопросъ: зачѣмъ?; но на этотъ вопросъ я нашелъ отвѣтъ — буду писать для своихъ дѣтей и, исключительно для нихъ, причисляя къ нимъ и моихъ зятьевъ.
Жена, спутница моей жизни, слава Богу, уже 31 годъ, а потому мои воспоминанія, по крайней мѣрѣ, за зрѣлый періодъ моей жизни, почти можно назвать „нашими воспоминаніями"; для дѣтей же моихъ, особенно для младшихъ, наша жизнь представляетъ собою нѣчто въ родѣ древней исторіи

Фрагмент «Воспоминаний князя А. А. Щербатова...»
Список из собрания Российской государственной библиотеки

ностями, не говоря только о семейных, но и посторонних, с которыми меня жизнь сводила или только сталкивала. К тому же придется говорить и об интересном в России времени или, лучше сказать, временах, ибо за эти 60 лет характер политической, общественной, даже семейной и частной жизни значительно изменился.

Мне 58-й год. Если я еще не старик, то, во всяком случае, нахожусь на рубеже старости и чувствую, хотя не в сердце, ее приближение. Из недостатков старости желаю избегнуть одного: это — частого повторения рассказов о собственной жизни, о собственных впечатлениях, которыми можно быть докучливым даже детям, злоупотребляя их любовью. С моими детьми я живу современною жизнью, забегаю в будущую, преимущественно их, жизнь.

Подчас они даже меня упрекают, что я мало говорю им о прошлом — не их, а моем; пусть мои записки будут ответом на этот упрек.

Коснусь сперва моего младенчества и детства, хотя бегло и вскользь. По милости Божией, благодаря отцу и матери[2], оно было так счастливо, что вовсе не упоминать о нем (как бы мало интересно оно не было) было бы своего рода неблагодарностью относительно как родителей, так и некоторых личностей, так сказать, опекавших мое детство.

Родился я 12 февраля 1829 года в Москве, на Тверском бульваре, в доме Голохвастова (теперь принадлежащем Полякову и им искаженному). Самое первое воспоминание мое относится ко дню возвращения моего отца из Польской кампании (в 1831 году)[3]. Упоминаю об этом в пример детской памяти ребенка на третьем годе.

Как теперь помню залу Лазаревского (ныне князя Урусова) дома на Михайловской площади, служившую и кабинетом отцу. Было воскресенье; все у обедни; кроме меня никого не было дома, а потому я один и первый встретил отца; как он радовался, что я его сейчас узнал. Помню и столовую Лазаревского дома, длинную комнату, с мраморными полуколоннами, в конце стоял бильярд, а за ним отведено было место для моих многочисленных

игрушек. Детская была в верхнем этаже. Лучшие комнаты были отведены старшим сестрам. Комната сестры Катеньки, по достижении ею 18 лет, была даже нарядна; рядом с нею была комната Ольги, через которую проходили в комнату m-elle Schmidt — с одним окном (œil-de-boeuf*). Моя с Володей спальная выходила на двор, рядом с нею была классная, а затем комната нашего дядьки Трифона Григорьева. Марья Богдановна, наша добрая няня, занимала комнату вроде антресоля, выходящую на площадь. Гриша, как взрослый, жил отдельно внизу. В Лазаревском доме мы жили долго, чуть ли не пятнадцать лет. Дом был обширный, весьма приличный, но не щеголеватый. Платилось за него 500 рублей ассигнациями или 1500 руб. серебром. Покинули мы его вследствие перестройки, кажется, в 1840 году, чтобы переехать на Литейную, в дом Пельта (ныне — дом Синодального ведомства). Этот дом, уже новейшей, утилитарной конструкции, с квартирами, выходящими на общую лестницу, был довольно удобен, но отнюдь не имел характера барского дома, каким был Лазаревский.

Из воспоминаний детства сохранилось и воспоминание о моей прабабушке, княгине Наталье Петровне Голицыной, рожденной Чернышёвой, знаменитой Princesse Moustache**, дожившей до 99 лет. Портрет ее отчасти воссоздал Пушкин в своей Пиковой даме[4]. Она поистине была представительницею высшего аристократического общества, не только петербургского, но, можно сказать, европейского, ибо и за границей она сумела завоевать себе высокое светское положение. Очень интересны были рассказы о ней и ее времени матушки. Прабабушка довела знание света, его законов (которые она отчасти и издавала) до систематического совершенства — это была grande dame 18 века в высшем значении слова. Если, с одной стороны, светскость того времени, обращенная почти что в науку, с непреложными законами, составляющая как бы одну из главных целей жизни, поражает нас, поколение

* Овальное окно *(фр.)*.

** Усатая княгиня *(фр.)*.

XIX века, своею условностью, сухостью и, сказать просто, простотою, то, с другой стороны, нельзя не признать некоторой величавости за лучшими представителями того времени. Двор играл первенствующую роль в жизни высшего общества того времени; он играет ее и теперь, но гораздо мельче.

Прабабушка моя, обожая двор, в сношениях с русскими и иностранными венценосцами никогда и ни в чем не поступалась своим личным и своим аристократическим достоинством, своею в этом отношении выдержкою и последовательностью через всю жизнь, и отчасти благодаря своему долгоденствию она довела дело до того, что считалась с царями de puissance à puissance*. Несмотря на просьбу императора Александра Павловича, прабабушка не позволила Коленкуру, послу Наполеона, приехать к себе. Во время процесса декабристов не велела к себе пускать генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышёва (впоследствии военного министра, приближенного и фаворита Государя) за предосудительное его поведение во время этого процесса[5]; подобно этому, она всегда умно и строго относилась ко всяким уклонениям в обществе от пути чести. Нельзя мимоходом не указать на наследственное сходство в этом отношении прабабушки и матушки; есть даже сходство в отношениях со Двором, с тою только разницею, что прабабушка без Двора жить не могла, а матушка не любила придворной атмосферы. Есть еще одна сходственная черта: при высшем своем аристократизме, прабабушка не замыкалась в высшем кругу, ее дом был доступен людям различных состояний, со всеми она умела обходиться и говорить. То же самое, но в гораздо более развитой и гуманной форме, встречаем в жизни матушки. Не богатству своему прабабушка обязана была своим высоким положением и авторитетом в обществе — состояние у нее было небольшое; но она, при всей своей светскости, вела свои дела сама, внимательно управляла своими имениями, много жила в деревне и значительно увеличила свое состояние — опять общая черта с матушкой.

* Как равная с равными *(фр.)*.

Упоминая об этом, я вовсе не имею в виду разыскивать тождество в характерах прабабушки и матушки, указывая только на наследственность в некоторых свойствах характера и главное — ума; ума обе они были громадного, но развивался ум у них розно, как вследствие влияния времени, так и условий жизни. Несомненно, что на развитие серьезности, глубины и вместе с тем правды и сердечности в характере и уме матушки, независимо от пристрастия ее к серьезному чтению, почти философскому, имел огромное влияние характер и склад ума моего отца.

Отец мой был олицетворенным протестом против всего искусственного, условного и ложного в складе ума, в жизни моей прабабушки и отчасти бабушки[6]. Женившись на моей матери, когда ей было только 18 лет, а ему за 40[7], имея уже за собой сложившуюся славную репутацию, при самой искренней и нежной взаимной любви, его влияние было огромное, и матушка часто о нем нам говорила.

Все, что я пишу о прабабушке, я, разумеется, говорю со слов матушки, но все-таки я ее и всю ее обстановку помню.

Только по достижении 7 лет ее правнуки допускались до ее лицезрения. Помню, как меня готовили к первому представлению, между прочим приказывали целовать руку при входе и уходе от нее; второе я забыл, но прабабушка меня вернула для соблюдения этого этикета. Помню многолюдные приемы в торжественные дни и семейные обеды, приборов на 60. Прабабушка сидела за главным столом, с зеленым абажуром, перед свечами. Помню ее домовую церковь, с походным иконостасом, подаренным ей императором Александром I. Помню, наконец, ее кончину в день пожара в Зимнем дворце 20 декабря 1837 года. Дом ее на Малой Морской, после смерти ее, был продан в казну и подарен Николаем Павловичем тому самому князю Чернышёву, которого прабабушка презирала.

У княгини Н. П. Голицыной было два сына: князь Дмитрий Владимирович, знаменитый московский военный генерал-губернатор, и князь Борис Владимирович, умерший в молодости, и две дочери: Екатерина Владими-

Светлейший князь Д. В. Голицын

ровна Апраксина, моя бабушка, и графиня Софья Владимировна Строганова.

Дядю моего, князя Дмитрия Владимировича, я отлично помню, как он приезжал в Литвиново[8]. Это был благородный и привлекательный тип вельможи, истый русский, да даже истый москвич, хотя по-русски говорил плоховато.

Бабушка моя, тоже grande dame, красавица собою, воспитанная в преданиях XVIII века, но, однако, не столь типичная, как ее мать; к тому же она была проста. Положение ее при Дворе и в обществе было хотя хорошее, но далеко не так авторитетно, как положение прабабушки. Она была статс-дамой и гофмейстериною в. к. Елены Павловны, к которой питала положительный и искренний культ, отчасти утрированный; нельзя сказать, чтобы взаимность была полная.

Из своих дочерей она положительно предпочитала тетушку Н. С. Голицыну, которая имела с ней сходство ума и характера; а потому в воззрениях на жизнь и житейские приемы матушку она находила слишком серьезною, слишком нелюбящей большого света, слишком простою в жизни. С отцом моим они тоже характерами не сходились, и бывали столкновения, в особенности при вспыльчивости обоих, но столкновения — без последствий. Интимности между нами и бабушкой не было, и поездки к ней в официальные семейные дни не были приятны. Впоследствии, когда я был уже офицером, она сделалась ко мне ласковою, приглашала на партию, страстно ею любимую: она играла с такою страстью и вспыльчивостью, что делалась грозою своих партнеров. Памятна мне осталась искренность, любовь и нежность, когда она благословила меня маленькою грудной иконой на войну[9] (эту икону я сохраняю); этот случай проявления любви с ее стороны — последнее мое о ней воспоминание, оставившее глубокие следы в моем сердце.

Где я любил видеть бабушку — так это в ее подмосковном имении Льгове[10], куда матушка выезжала ненадолго, но, кажется, ежегодно; иногда она брала меня с собою. Бабушка там мне нравилась гораздо больше, чем в Петербурге. При всех приемах настоящей châtelaine*, в ней было столь много искреннего и любезного гостеприимства, и вообще в деревне она была проста; она действительно любила деревенскую жизнь и агрономию, думая даже, что понимала в ней толк, в этой иллюзии поддерживал ее типичный льговский управляющий Иван Маркович, искренне любивший бабушку, которая платила ему взаимностью.

О прежнем Льгове, этом памятнике жизни вельмож XVIII столетия, а равно и о московском доме-дворце на Знаменке, где теперь Юнкерское училище[11], матушка много и с любовью говорила, соединяя с ним воспоминания о своем детстве. Много говорила она и о своем отце Степане Степановиче Апраксине, которого страстно любила и с которым, кажется, она имела гораздо больше общего в уме и характере, чем с матерью.

* Здесь: помещицы *(фр.)*.

Из Петербурга мы весною выезжали, с восторгом стремясь в Литвиново, наше летнее Эльдорадо. Самое путешествие, несмотря на страдания от тошноты, было приятно; до Москвы мы ехали не менее пяти дней.

Помню еще время до шоссе — с песками и бревенчатыми, в топких местах, мостовыми. Затем явилось шоссе с благоустроенными станциями, казавшимися вначале верхом совершенства. Выезжали мы в 2-х экипажах: желтом дилижансе с кабриолетом; в нем помещалось молодое поколение, до 6 человек внутри; и в дормезе — для отца и матери, с огромным кожаным чемоданом сзади. Спереди ехала перекладная с поваром Андреем, со складными деревянными кроватями и холодной провизией. Воспоминания об этой холодной провизии особенно живо сохранились в моей детской памяти; приезжая на ночлег, мы заставали ее уже расставленною на столе, рядом с кипящим самоваром, и жадно на нее накидывались. После ужина для отца и матери разбивались складные деревянные кровати (которые я помогал свинчивать), сестер с гувернанткой укладывали в одной комнате, на диване; мы же с Володей выпрашивали разрешение спать на сене. Насколько весело было прибытие и расположение на ночлег, настолько отвратительно было вставанье до света и умыванье при сальных свечах.

У нас были три любимые станции: Померанье, с толстою немкой и замечательными вафлями; Валдай, с бойкими торговками баранками и колокольчиками, и Торжок, со знаменитыми котлетами Пожарскими и кожаными изделиями; помню, как мне там купили поясок, от которого я был в восторге.

В Москве мы останавливались на неделю и более у дяди, князя Николая Григорьевича, в доме его на Воздвиженке, против церкви Бориса и Глеба, где ныне помещается магазин Мора. Не любил я этих остановок весною, хотя дядю и тетушку Анну Григорьевну[12] я любил; в Москве было мне скучно, и слишком уже тянуло в «обожаемое» нами Литвиново.

Зато сколько радости испытывалось при переезде и приезде в Литвиново. Первая станция — Перхушково —

35 верст, чай и холодный обед; вторая — Подлипки, с содержателем Иваном Васильевым, антипатичным человеком, но имевшим хороших лошадей; от Подлипок начиналось настоящее блаженство. Въедешь в Кубинский лес — обдаст запахом рощи. Затем, вскоре, верст за пять, открывается Литвиново: высовывание в окна, крики, восторги, затем — вечные лужи у Любанова, и наконец — оно самое Литвиново. Уже под вечер подъезжаем к крыльцу — встречает дворня, обегаем дом и укладываемся спать с надеждой увидеть Литвиново, проснувшись, во всем его блеске; и что за чудные минуты, когда утром, вставая и отворяя окно, увидишь липовый, столь знакомый сад. Не стану, впрочем, распространяться о Литвинове. Оно играло в моей жизни ту же роль, какую играет Нара в жизни моих детей, а потому и без всяких пояснений чувства к этой колыбели нашего семейства им будут понятны. Скажу одно, что эти чувства к Литвинову сохранились во всю мою жизнь, хотя я уже более тридцати лет в нем не живу, — сохранились они до смерти матушки.

Во время первого моего детства в Литвинове проводил лето со всем своим семейством дядя Николай Григорьевич Щербатов; впоследствии он купил Васильевское, проданное им графу Буксгевдену и затем купленное графинею Паниною для своего внука и моего племянника Саши[13].

Дядя Николай Григорьевич оставил по себе во мне хорошее воспоминание; это, кажется, тот член семьи отца, с которым он был в особенности дружен, хотя был дружен и с другим братом Сергеем и с сестрами[14]. Со всеми ними отец сохранил через всю жизнь самые искренние и простые семейные отношения, несмотря на огромную разницу в развитии, образе жизни и взглядах.

Дедушка Щербатов, сколько я мог понять из рассказов, был человек очень честный, очень добрый; тип простой, небогатой патриархальности того времени. Бабушка Щербатова, рожденная княжна Долгорукова, была красавицею. Дом их в Москве был на Петровке, где ныне жандармские казармы[15].

Отец мой выделялся из всей семьи с раннего возраста своею любовью к чтению и серьезным занятиям; кроме того, его развила та среда, в которой он жил, и важные исторические события, в которых он, как отличный и доблестный военный, принимал участие. Император Александр I очень любил отца и его к себе приблизил, сделавши его своим генерал-адъютантом, которых в то время было немного — всего 6 человек. С самых молодых лет отец, видя стесненное состояние своих родителей, жил исключительно одним жалованьем и, кажется, еще помогал родителям.

Литвиновскую жизнь я любил, как все дети любят деревенскую жизнь, за относительную свободу, ею предоставляемую; впрочем, летом учение не прерывалось, ежемесячно матушка производила довольно строго экзамены, которых я очень боялся. Любил литвиновскую жизнь и за то сближение с людьми, которое только в Литвинове я имел (в городе у меня товарищей не было); люди эти были различной иерархии, начиная с берейтора Дорофея, кучеров Арефья и Ивана и кончая конторщиком Владимиром Орловым и управляющим Штолем. Игры же мои происходили с различными дворовыми мальчиками и девочками. Эти сношения с людьми низших сословий, кроме удовольствия, которое они мне доставляли, были мне очень полезны, по моему мнению, для всей жизни, приучив меня не замыкаться исключительно в моей семье и ее социальной среде, вникать и понимать интересы и кругозор людей других слоев общества, начиная с низших, — одним словом, они положили во мне начало демократическому направлению, которое, правильно понимаемое, составляет, по моему убеждению, необходимую принадлежность настоящего дворянства, в особенности русского. «Болярин, коль за всех болеет», — часто говаривала матушка, переводя это понятие на простой язык и вместе с тем придавая ему более глубины; такого рода демократизм есть только проявление христианской любви к ближнему и служение ему; этим, по моему мнению, хотя отчасти, оправдывается то льготное положение, в которое Бог не

случайно и не напрасно поставил людей высшей и более образованной среды.

Это направление во мне развила и дальнейшая жизнь, дав ему силу, стройность и последовательность, и возвела в принцип. От этого принципа я никогда не отрекусь, несмотря на неосуществление. Новейшие социалистические учения не поколебали моего демократического направления и не заставили меня примкнуть к так называемой консервативной партии, так как реакция, застой — ее лозунг. Учение социалистов считаю за недодуманное и подбитое разными дурными страстями. Думаю, что даже в точках отправления я с социалистами ничего общего не имею: у меня краеугольным камнем относительно к людям считаю любовь, у них — больше зависти, чем любви, по крайней мере у большинства. Допускаю, что некоторые из них чисты в своих стремлениях, но они увлекаются ложными и несбыточными теориями.

Перейду к воспитательному периоду моего детства. Не могу не упомянуть о первом моем говении, по тому сильному впечатлению, которое оно на меня произвело. Духовником нашим был Пётр Николаевич Мозгов, человек огромного роста, с суровым лицом, с нависшими бровями. Эта наружная суровость не помешала ему тепло отнестись к жертвам 14 декабря, которых поручено ему было напутствовать[16]; рассказы об его поведении в эту трудную минуту, его наружность и самую обстановку исповеди я до сих пор помню. Исповедь происходила в темной комнате (спальной), с горящими только перед киотами свечами; разумеется, меня к ней серьезно приготовили, и я по-детски серьезно к ней отнесся.

Когда мне стукнуло 7 лет, поручили меня обучать грамоте Денису Ларионовичу Ларионову, главному домовому конторщику при моем отце. Скажу о нем несколько слов. Отец искал конторщика и, по газетной публикации, нашел Дениса Ларионова. Оказалось, что эта лотерея вышла удачной, чему и отец постоянно удивлялся. Ларионов показал себя очень дельным, честным и аккуратным конторщиком, homme d'affaires*; он вел переписку с имениями и

* Деловой человек *(фр.)*.

домовые счета и был моим ментором, когда в первый раз, 20-ти лет, я поехал в Хорошее[17]. Был у него порок — пил; сначала запоем, но временно; его подвергали лечению, и последнее оказалось удачным.

Должен я упомянуть еще о двух личностях, из которых одна играла огромную роль не только во время моего детства, но и впоследствии: Марье Богдановне Венерт и дядьке моем Трифоне Григорьеве Пономарёве.

Марья Богдановна поступила нянькой еще к сестрам моим и жила у нас в доме лет почти сорок, скончавшись в 1861 году. Что за высоконравственное, любящее и умное существо была эта Марья Богдановна! О заслугах ее как няни свидетельствую я своим цветущим здоровьем; не миновали и меня разные болезни, но Марья Богдановна проводила их успешно при содействии добрейшего доктора Доберта, своего друга. Но не этот уход за мною Марии Богдановны оставил по себе во мне самые благодарные воспоминания; эти последние относятся к тому нравственно-воспитательному влиянию, которое эта полуграмотная женщина, разучившаяся писать, имела на мое развитие как ребенка и впоследствии — как человека. Кроме редкой чистоты душевной, самоотверженной и горячей любви к нам, детям, она была еще умна и обладала большим таком: в правильное понимание жизни, семейных и других отношений она втягивала нас не проповедью, а примером, вовремя и с глубоким пониманием души сказанными кстати словами.

Ее влияние в семействе не ограничивалось детскою, без всякого на то посягательства; скромно державшись положения заслуженной няни, она имела влияние и на моих родителей и на всю семейную жизнь, с любовью и тактом устанавливая между всеми хорошие отношения, сглаживая неминуемые во всякой семье шероховатости или столкновения. Последние годы своей жизни Мария Богдановна была не то что больна, но малоподвижна. Вследствие своей тучности и расположения к водянке, мало выходила из своей комнаты. Нельзя сказать, чтобы в этой комнате воздух

Вид на Михайловский замок с набережной Фонтанки
Фрагмент литографии Б. Патерсена. Первая четверть XIX в.

был бы всегда чист, но мать и мы подолгу у нее сиживали и вели не мудрые, но теплые и разумные разговоры, преимущественно о наших семейных делах; для нее я не имел тайн, даже о юношеских шалостях. Марья Богдановна имела ко мне почти материнские чувства, а я отплачивал ей тем же.

Второстепенную, но памятную роль играл в моем детстве дядька Трифон Григорьев, привезенный из Хорошего дворовый. Он был очень нравственный и добрый человек, преданный своему делу, исключая случаев, когда он выпьет лишнее; но при других его качествах, родители были снисходительны к этому пороку, проявлявшемуся во время нашего детства в терпимых размерах; мы же, Володя и я, чрезвычайно любили Трифона, и я вспоминаю о нем с благодарностью. У него была особенная страсть к письму; ради процесса писания и относительно каллиграфии он исписал стопы бумаги без всякой цели; это его писание нас очень забавляло.

Итак, я начал учиться. Около 10 лет учение стало принимать серьезные размеры. При нас, Володе и мне, был гувернер Унгерер, эльзасец, умный и знающий человек, но он сшибся в поведении и был отставлен. После него поступил голландец Tom Hasse, бездарный и неспособный человек; продержали его недолго. Затем матушка отказалась от мысли иметь настоящего гувернера, при неуспехах найти такового надежного. Был приглашен вроде дядьки некто Александр Иванович Герц. Я его довольно любил, и он пробыл у нас в доме до поступления моего в университет. Личность, впрочем, ничем не привлекательная, скорее даже, ниже посредственности; к счастью, дурного влияния на меня он не имел, да и иметь не мог при той счастливой семейной обстановке, в которой мы жили. Преобладающий характер нашей жизни был чисто семейный, домашний, простой.

Отец мой довольно долго был в отставке, покинув блестящую свою военную службу вследствие неудовольствия на Николая Павловича; во фраке сохранился единственный его бюст. По настоянию Государя, он вновь надел военный мундир Костромского егерского полка, которого он был шефом[18]. Вслед за тем отец был назначен председателем Комитета о раненых и членом Государственного совета[19]. Служба и общество его занимали, но не отвлекали от семейного очага, и он был семьянином в полном смысле слова. Его нежная доброта, его рыцарски-благородный характер с самых юношеских лет благотворно действовал на всех нас детей. Больше своим примером, чем словами, учил он нас жизни и правильному ее пониманию. Собственно педагогическою частью отец не занимался, но следил за нашим нравственным развитием и, в случае какого-либо уклонения, с любовью делал замечания; одно из таковых, сделанное мне им, когда мне было, может быть, лет 12, за какой-то неправильный поступок относительно брата, я до сих пор помню.

Гулять с отцом было для меня всегда большою радостью. По воскресеньям мы всегда всей семьей ездили в церковь, большею частью к Татьяне Борисовне Потём-

киной[20]. В театры с 12-летнего возраста нас почти всегда брали с собой, и я страстно любил это развлечение. Завтракали, обедали мы всегда почти всем семейством вместе, равно как и собирались к вечернему чаю; гостей почти никогда не было, кроме как в известные дни приезжали не без помпы бабушка Апраксина и тетушка Голицына[21]. Стол был хороший, обильный, но не изысканный. Помню, что, когда приезжали гости, к чаю посылали за сухарями, а то пробавлялись одним хлебом. Одевали нас очень просто: до 7 лет — в русских рубашках, потом — в синих куртках с золотыми пуговицами; шили одно одеяние на целый год. Денег в руки, до университета, почти что не давали. Вся обстановка дома была простая, но ни в чем не узкая; когда давали балы, то они были блестящи. На что никогда денег не жалели, так это на уроки и докторов — всегда приглашали лучших учителей, платя им по 15 руб. ассигнац. за урок. Докторов, когда являлась в них потребность, приглашали Мандта, Буша и других знаменитостей. Собственно домашним доктором у нас был в Петербурге Добберт, в Литвинове — Станислав Онуфриевич Мальдзиневич. Отец привез его в 1831 году из Вильны, недокончившим там курса по случаю закрытия университета[22], и поручил ему лазарет в Литвинове. Впоследствии он держал экзамен в Московском университете и, когда основалась в Наре фабрика[23], перешел туда на службу. Без малого шестьдесят лет Станислав Онуфриевич послужил нашему семейству верою и правдою. Его безграничная к нам всем преданность и любовь сделали из него как бы члена нашей семьи, и, не говоря о несомненных его заслугах как врача, я сохранил о нем самую благодарную память как об из ряда выходящем добром человеке.

Воспитание наше матушка сделала целью своей жизни. Как определить мои отношения к матушке во время моего детства? Была любовь, было почтение, но прямо скажу — был и нравственный страх. По мнению многих, это как бы упрек, но не в таком смысле я о нем упоминаю; только возмужав, я понял, что этот страх к лицу, безгранично нас любящему, был смолоду страх благодетельный.

Сначала это был детский страх; когда я возмужал и вполне понял мать, детский страх прошел — мы жили душа в душу. Под конец жизни матушки Бог и сподобил меня даже сделаться ее опорою, я любил ее, как кажется мне, нельзя более и любить; остался все-таки страх перед ее нравственным авторитетом, но сколько любви было в этом страхе: не уподобляется ли несколько этот страх тому, который церковь предписывает нам иметь к Богу? Значит, разного рода есть страх: страх рабский <и> страх любовный, дающий точку опоры для души. Весьма часто матушка вела с нами беседы и преимущественно по утрам, когда мы присутствовали при ее туалете. Целью этих бесед по преимуществу было развитие в нас религиозного чувства, понятия о долге в самом разнообразном его применении, а равно и развитие ума при помощи чтения хороших книг. Родители мои были глубоко религиозны, но без всякого ханжества, даже без особой обрядности; религию ставили краеугольным камнем своей жизни и желали, чтобы она была таковою и для нас. Я помню, как матушка мне говорила: «Certainement que je t'aime et pourtant je préfererais te voir mort, que de te savoir sans réligion»*. Отец — примером, матушка — примером и словами приучали нас применять религиозную идею к жизни во всех ее проявлениях; самое понятие о долге (du devoir), столь часто упоминаемое матушкою, должно быть преимущественно основано на религии и на обязанностях к обществу — devoir de citoyen**.

Матушка ужасно много читала, читала со страстью, притом книги самого разнообразного содержания, от самых серьезных (так, она очень любила Платона, Сенеку и т. п.) до повестей и романов, и часто говорила с нами о прочитанном. Сказать правду, мне, мальчику, беседы эти были подчас в тягость, но они вошли почти в привычку, и думаю, что я им многим обязан.

Когда матушка решила не иметь гувернера, она сама составляла учебный план, набирала, по расспросам, луч-

---

* «Воистину, я тебя люблю и, однако, предпочту увидеть тебя мертвым, чем узнать о твоем безверии» *(фр.)*.

** Долг гражданина *(фр.)*.

ших учителей и присутствовала при уроках почти весь день, начиная с раннего утра, при свечах. Помню, как девушка приносила в классную мешок с вязаньем, это был предвестник прихода матушки; она приходила и садилась в стороне, молча следила за преподаванием, за нашим пониманием и прилежанием. В 12 лет у меня были уже такие учителя, как Куторга, профессор истории в университете. К нему я с братом Володей ездили одни на Васильевский остров, рано утром, на урок, который он давал в халате, едва встав с постели; Фёдор Фёдорович Эвальд — учитель математики из гимназии, его я просто детски обожал; Никитенко, профессор словесности в университете, давал мне уроки русского языка; и я помню, как матушка была довольна, когда Никитенко, разбирая одно мое сочинение (мне было около 13 лет), заметил: «В нем есть искра поэзии». Учился я вообще хорошо, прилежно и, кажется, был восприимчивым учеником; во всяком случае, все учителя меня любили, а в особенности Эвальд. Предметов было много: Закон Божий, латынь, греческий язык (один только год), русский язык, математика, история, английский язык, итальянский язык (учителем итальянского языка был Suistiniani, известный импровизатор) и, наконец, две зимы персидский язык. Имелось в виду мое поступление на факультет восточных языков. <Учителем> персидского языка был профессор и драгоман Мирза Дориафар Топтабашев, толстый и постоянно сопевший человек, в персидском платье. Уроки итальянского и персидского языков брал вместе со мною брат Григорий, что очень меня забавляло и поощряло.

Моим сверстником, другом и товарищем вообще по учению был брат Володя; я по многим предметам шел с ним рядом; мы росли вместе, так что неравенство в летах почти совсем сгладилось, но свое старшинство надо мною он выказывал самым нежным уходом за мною. Матушка, отказав гувернерам, сказала Володе, что она рассчитывает на его помощь в моем воспитании, и Володя серьезно отнесся к этому ее призыву.

Сестра Катенька была 11 годами старше меня — различие в летах в детстве столь огромное, что настоящего

сближения и общения быть не могло; только позднее состоялось это сближение, притом самое искреннее и задушевное, вследствие некоторого сходства в характерах. Из детских моих воспоминаний, относящихся до нее, сохранились в памяти отголоски о ее блестящем вступлении в свет, смутное воспоминание о балах, даваемых в честь ее у нас, и наконец, о ее выходе в замужество[24]; свадьбу ее, присутствие на ней Николая Павловича я отлично помню.

Брат Гриша был 9 годами старше меня — тоже разница огромная; я был мальчиком 10 лет, он был красавец-офицер, гусар, затем блестящий кавалергард. Недолго прослужив военным, он вышел в отставку и жил в особой от нас квартире, а я к нему бегал и благоговел перед ним, как перед старшим недосягаемым существом. Сближение наше началось уже в Москве, когда мне было около 16 лет. В ту пору он положил основание тому огромному влиянию, которое имел впоследствии на мое развитие и за которое я по гроб буду ему благодарен.

Гриша, сблизившись со мной и войдя в мои интересы, стал понемногу расширять мой кругозор, развивать во мне мышление и энергию, анализировал глубоко и тонко явления жизни и человеческие отношения; подкрепляя собственным примером служенья и любви к ближнему, он и меня приохотил к этому служению.

Сестра Ольга была старше меня 6 годами и потому тоже для моего детства не товарищ, но зато каким другом она сделалась впоследствии. Когда ее любящая и скромная душа осиротела после постигшего ее несчастья, потери мужа[25], она всем существом своим возвратилась в свою семью и почти исключительно вращалась в ней до конца жизни. Я, жена и дети нашли в ней не только друга, но лицо, вполне слившееся с нашим семейством, ничего для себя не требующее, но все от себя отдающее; последние ее, почти предсмертные, мысли и слова относились к моим детям.

Воспоминая о своем детстве, я не мог, хотя бегло, не охарактеризовать моих семейных отношений, не только по чувству благодарности, но и для объяснения той сре-

ды, в которой мое детство протекло, того влияния, которое она имела на меня. Из личностей, игравших немалую, но все-таки второстепенную роль в моем детстве, я должен упомянуть о Семёне Логиновиче Пашковском и о m-elle Schmidt. Первый был гувернером Гриши, но, и окончив его воспитание, остался другом дома; он был отличный человек, небольшого ума, но высокой нравственности и твердых правил; я его очень любил и уважал. M-elle Schmidt была гувернанткой при моих сестрах и давала мне первоначально уроки музыки, французского, немецкого и английского языков. Она была очень умна, с живым характером, но характера не безупречного; не прочь была бы она получить влияние, не всегда полезное для семьи; в этом отношении противовесом ей была Мария Богдановна. Меня m-elle Schmidt очень любила, хотя, по вспыльчивости, не обходилось без наказания меня линейкой по пальцам во время урока музыки. Хорошие и даже лучшие отношения с m-elle Schmidt установились после того, как она оставила нас и поступила в дом Тучковых; они сохраняются и до сих пор.

К любимым слугам, кроме Трифона Григорьева, принадлежит Тарас Никитин, литвиновский уроженец. Он прошел в нашем доме все ступени служебной иерархии, начиная с форейтора, делал походы с отцом берейтором, после был выездным лакеем и наконец умер на должности швейцара, лет 10 тому назад. Это был честнейший и преданнейший человек; он гордился нашим домом и своею службою в нем; единственный его порок был по временам культ Бахуса, но притом был он скромен и не шумлив.

Все, что я до сих пор писал о своем детстве, относится к периоду жизни в Петербурге.

В 1843 г. отец получил назначение на должность военного генерал-губернатора в Москве. В Москву же вскоре перешел на службу, первоначально советником Губернского правления, а потом помощником попечителя, и старший брат Гриша[26]. Володя, поступивши в Петербургский, перешел на 2-й курс в Московский университет. Началась новая эра нашей жизни — в общем более бле-

стящая, с обширным кругом общественной деятельности для отца и для матери. Матушка тяготилась большими приемами и представительством, но, со свойственным ей взглядом на жизнь и на свои обязанности, не уклонялась от них и воспользовалась своим официальным и влиятельным положением, чтобы основать благотворительное общество Дамского попечительства о бедных.

Я отлично помню возникновение и первые, скромные и трудные, шаги этого общества. Чуть ли не первым учреждением была Никольская община сестер милосердия, устроенная в доме, пожертвованном Е. А. Новосильцовой у Новоспасского монастыря[27]. В свое время это было (кроме Вдовьего дома) единственное учреждение этого рода. Впоследствии мысль получила большое развитие, образовались широко ознаменованные: Покровская община, Община «Утоли моя печали» и, наконец, учреждения Красного Креста[28]. Собственно Никольская община потеряла свое первоначальное значение и была упразднена. Дом, занимаемый ею, был обращен в богадельню и, с присоединением к ней лечебницы, школы и, после смерти матушки, приюта Св. Софии для неизлечимых детей[29], образовал целую группу благотворительных учреждений, которым, по ходатайству Совета попечительства, Высочайше присвоено было наименование «Учреждений имени княгини Софии Щербатовой».

Мне был 14-й год, когда мы переехали в Москву; оставалось только два года до поступления в университет и требовалось много усилий для окончания курса. Как в Петербурге, так и в Москве матушка составила план занятий, набрала учителей и лично продолжала следить за уроками, хотя, за неимением свободного времени, и менее интенсивно, чем в Петербурге. Развитие общественной и светской жизни семейства имели мало влияния на мой ученический образ жизни; жили мы с Володей одни, в левой половине третьего этажа, до которой вела лестница в 85 ступеней. Учителя были: П. М. Терновский, профессор университета — по Закону Божию; человек очень сухой; Гофман, профессор университета — по латыни; огром-

Здания Учреждений имени княгини С.С.Щербатовой
Фотография. Конец XIX в.

ного роста, рыжий немец, большой музыкант, очень добрый человек; я его любил. Впоследствии, в 1848 году, его выпроводил из Москвы Закревский, подозревая в нем революционера[30]; мне он таковым никогда не казался, и на мнение графа Закревского положиться трудно. Зёрнов, профессор университета — по математике и физике, маленький человек, вечно в сальном вицмундире — гоголевский тип. Я любил математику и Зёрнова любил, несмотря на его внешность, мало привлекательную.

К Грановскому, знаменитому профессору истории, я ездил на дом; но должен сознаться, что я был слишком молод и недостаточно для него развит, чтобы вполне оценить его, и только впоследствии стал я вникать и призадумываться над этой личностью, имевшею столь громадное влияние на современников. Собственно, как учитель, преподаватель 14-летнему мальчику, он, как мне помнится, ничем не отличался, и его преподавание не оставило по себе во мне много следов — даже менее, чем преподавание Куторги, которого я слушал уже совсем ребенком, кото-

рый своею поэтичностью и пламенною любовью к Греции воодушевлял меня.

Русский язык преподавал мне некто Преображенский, по рекомендации Шевырёва, — тупица и антипатичный человек, кажется, и плохой учитель; по крайней мере, я чувствую, что основательного и правильного изучения русского языка я не имел и ему научила меня жизнь; до университета я даже не бойко говорил по-русски: в семье более говорили по-французски. Французский язык преподавал г. Пако — воспитатель Самариных и лектор университета, очень добрый и хороший человек, но преподавание его для меня прошло бесследно.

Учился я, последние два года до университета, очень много; вставал в шестом часу и готовил заданные уроки от 9 до 3-х; вечером готовился долго, до 11 часов; помню, что насчитывал до 14 часов ученья в некоторые дни. Учился добросовестно, но без увлечения; сознаюсь, что более имел в виду практический результат — вступление в университет. Особой любви к науке не имел, хотя она мне и давалась: понимал все скоро и удерживал хорошо, но накоротке; это свойство моей памяти, практически удобной для экзаменов, не особенно, однако, существенно для прочного знания. Почти все учителя меня любили, и я их любил. Последние три года учился я совершенно один (Володя был уже в университете), и никого из моих сверстников я не знал, ни к кому не ходил, и никто ко мне не ездил. Развлечением для меня была верховая езда в манеже Колымажного двора[31] и театр. Последний я страстно любил и, благодаря генерал-губернаторской ложе, пользовался им очень часто, что, однако, не отвлекало меня от ученья. Был в то время в Москве балет, русский и французский театр[32]; этот последний матушка в особенности любила, и туда мы всегда ездили вместе.

Наконец настал 1845 год — год вступления моего в университет; мне было 16 лет; экзамены были в августе. Как дико, как страшно было мне из моего классного одиночества вдруг попасть в университетскую аудиторию. Нас собралось к вступительному экзамену на один юри-

дический факультет более 200 человек; из них было принято 175 — курс, по тем временам, огромный.

Первый экзамен был из русского языка у профессора Шевырёва. Дали написать коротенькое сочинение, и я сделал орфографическую ошибку: слово «семейство» написал с «ѣ»; отвечал хорошо, мне поставили «4». По остальным предметам, которые я сдал хорошо, получил я все больше пятерки, так что я вступил вторым; первым — Борис Чичерин, третьим, кажется, — Василий Чичерин.

В первый раз на экзаменах, на университетской скамейке, сошелся я с Б. и В. Чичериными. С этих пор завязалась та дружба, которая проводила Василия до его смерти, а с Борисом продолжается и, Бог даст, продолжится до гроба, будучи утверждена на твердых незыблемых устоях.

До университета я Чичериных и не знал, да, кажется, они в Москве вовсе и не жили или очень мало. Вся их многочисленная семья жила и воспитывалась в тамбовском их имении Карауле; воспитывалась систематично, благодаря влиянию отца[33], очень образованного человека, друга Грановского. Важную роль играл в их воспитании какой-то перл, гувернер — англичанин, большой классик. Семья переехала в Москву ко времени вступления старших сыновей в университет (или год до того) и поселилась в Кривом переулке, близ Мясницкой, в доме Певцовой. Познакомившись с Борисом и Василием на экзаменах, я стал ходить к ним в семью, которая мне очень понравилась, в особенности мать[34]. Сношения с Борисом и Василием, сначала поверхностные, становились более и более искренними, в особенности это заметно было в отношении Василия. Борис, в котором хотя и не было ни педантизма, ни надменности, несколько меня импонировал своим многосторонним знанием, страстью к науке, уменьем с нею обращаться и несколько отталкивал от себя своими взглядами, впоследствии, впрочем, изменившимися, на религию; взгляды его настолько изменились, что она сделалась потом краеугольным камнем его жизни. Для меня же религия составляла главный нерв жизни, хотя в студенческие годы она и для меня была предметом недоумений и смятений в душе.

Через такой же фазис развития проходил и Василий Чичерин. Много и подолгу говорили мы с ним о религии и христианской нравственности; душа его была поэтичная, любящая и мягкая; мы говорили с воодушевлением и страстностью, не доходя, однако, до полемики. Эти разговоры были полезны, и, смею думать, что я имел некоторое влияние на сохранение в неприкосновенности в душе Василия религиозной основы, которая осталась непоколебимою в нем и во всю жизнь его. Временно, под влиянием его жены и madame Andre[35], религиозное чувство приняло у него не симпатичное мне направление, но затем крайности и утрировка сгладились.

В последнее время его жизни я помню его только как христианина в полном значении этого слова и несколько идущего вразрез с индифферентизмом и робостью современного общества относительно религии; общество за то на него нападало, безапелляционно, окрестив его радетокистом* или чем-то в этом роде; я таковым его не считал и не считаю. Как характерно следующее в жизни Василия, или, как его звали, Базиля Чичерина. Будучи советником нашего посольства в Париже, его сумасбродный Мейендорф вызвал на дуэль по весьма глупой причине. Базиль, не приняв вызова, отказался исключительно по своему религиозному чувству; этого было достаточно, чтобы товарищи (в том числе самые пустые) и почти все общество отвернулось от него, бросая в него, этого ничем не запятнанного, благороднейшего человека, каковым его все знали, грязью и клеветою, обвиняя его в трусости; ему было под 40 лет[36]. Базиль не пошел напролом общественного мнения, да и не мог идти; он пожертвовал собою, своей семьей, почти средствами к жизни и вышел в отставку, даже сам за себя мало заступался, да оно ни к чему бы и не повело ввиду непреклонности вердикта общества; он смиренно, но с достоинством принял на себя крест общего отчуждения. Тем не менее рядом с религиозными у Базиля заявились и чувства мира сего: заподозренный в трусости (lâcheté), он тяготился. Когда была объявлена Вос-

* Неологизм; вероятно, от слова «радеть» *(примеч. сост.)*.

точная война[37], он вызвался на службу в Красный Крест в район войны и с самоотвержением подвергал себя если не пулям (что было бы глупо), то тифу и другим заразам. Он не открывал причины, побудившей его на такой шаг, но я знаю, что в погибели он искал удовлетворения оскорбленному клеветою чувству самолюбия.

Замечательно, что при настоящей дружбе, основанной на твердых устоях, ни время, ни разлука, ни даже некоторые частные разномыслия не вредят ее прочности. С Базилем мы жили много вместе, во время студенчества и моей службы в полку в Петербурге; с тех пор мы на долгое время расставались, редко и не надолго встречались, но ни искренность, ни взаимность глубокой дружбы от того не пострадали, жалею только о том, что не мог свидеться с ним до его смерти.

С Борисом мы сначала были менее дружны, чем с Базилем, но еще в университете отношения наши выровнялись. Затем, почти всю нашу жизнь, мы провели вместе в Москве, где редкий день, до своей женитьбы, он не бывал у нас. Я говорю у нас, потому что он так же, как меня, полюбил и мою жену, которая даже более меня могла оценить, так сказать, научную сторону Бориса. Я же в нем всегда ценил и ценю возвышенность, благородство и прямоту его чувств и воззрений, можно сказать, даже непреклонность при мягкости и силе чувств. Я часто упрекал и упрекаю Бориса именно в этой непреклонности, доходящей до утрировки. По моему мнению, Борис не обладает достаточным знанием людей, требуя от них почти безусловного согласия со своим мнением и воззрением, в особенности в политическом и общественном деле, — этим самым он отталкивает от себя и вследствие того не был столь полезен служением своим высоким идеалам и людям, как мог бы быть. Недостает в нем вообще такта в высшем значении этого слова.

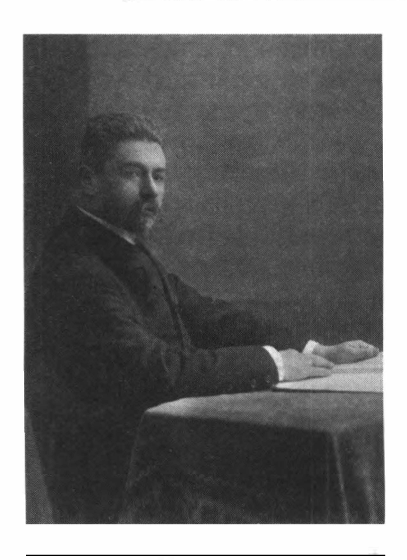
В политических воззрениях мы почти расходились с Борисом[38], но так как наше несогласие относилось более к развитию мыслей, чем самих принципов, то оно никогда не колебало нашей дружбы и взаимного уважения. Не сде-

лала ущерба нашим искренним дружеским отношениям, как часто бывает, и женитьба Бориса; с его женою[39], столь симпатичною, высокоразвитою и привлекательною женщиною, мы, т. е. жена и дочери, сделались и будем друзьями, несмотря на некоторые ее недостатки, в которых дружба не мешает мне дать себе отчет. Считаю даже полезным отдавать себе отчет в недостатках своих друзей; обходить их подчас с большою осторожностью, влиять на них, сглаживая их, считаю признаком действительной дружбы.

На экзаменах же познакомился я с будущими моими товарищами: Петром Талызиным, Фёдором Алябьевым, Николаем Корсаковым (по математическому факультету), Хвощинским, умершим молодым, — эти составляли ядро нашего товарищеского круга, к которому примкнули в большей или меньшей степени: Владимир Самарин (старший одним курсом), 2 брата Гладковы, Шумахер, Скалон, Лакиер, Неклюдов Михаил. С большинством нашего курса мы были знакомы, равно как и со многими студентами других курсов и факультетов. Из этих последних я хочу упомянуть о Ваничке Новосильцове в отношении, что я помню то детское благоговение, которое я имел перед его элегантностью; на элегантности он остановился и до днесь.

Вообще отношения между студентами были в то время очень хорошие, сближались на симпатии по однородности среды и воспитания, но не было никакого предвзятого разделения по социальным или политическим наружным признакам. Политикою мы не занимались, были и в наше время студенческие истории и волнения, но обуславливались только университетскими внутренними вопросами. Так, например, я помню, что, будучи уже на 4-м курсе, я в числе депутации отправился к попечителю Голохвастову, кажется, в числе заступников за студентов против какой-то несправедливости (не личной).

Собственно товарищеский кружок наш был довольно многочисленный, но вполне дружеские отношения установились у меня только с Чичериными, Владимиром Самариным и Петром Талызиным. К сожалению, жизнь

Б. Н. Чичерин
Фотография. 1860-е гг.

А. А. Чичерина
Фотография И. Дьяговченко. 1860-е гг.

отсекла сего последнего и несколько других, зато дружба с Чичериными выдержала все испытания жизни и не пострадала ни от продолжительных разлук, ни от временных разногласий.

Как теперь помню чувство, испытанное мной по выдержании экзаменов: я — студент, самостоятельная личность — сразу как будто вырос в собственном мнении; с какою радостью я вернулся на короткое время в Литвиново, с какой гордостью надел студенческий мундир и серую (почти офицерскую) шинель.

Сначала в университете мне было жутко, но все-таки точка опоры уже была, кружок обрисовался при экзаменах. Помню, как вскоре я почувствовал необходимость выказать «свой» характер и выгородить себе «известное» положение. Не помню с точностью, что именно было предложено сделать Николаем Корсаковым, считавшимся у нас заправилом и затевалом: что-то такое, что было

противно моим правилам и не согласно с нашим семейным воззрением. Нужно было дать отпор и не быть увлеченным; при этом, как теперь помню, представилась сейчас идея о дуэли, а дуэли я ужасно боялся, отнюдь не из трусости, а по религиозным моим убеждениям. Это воззрение я сохранил во всю жизнь; хотя три раза были поводы к дуэли, и все три раза Бог помог мне выйти из трудного нравственного положения и без ущерба для достоинства, но при условии твердости и умеренности.

Первый искус представился на 1-м курсе по поводу столкновения с Корсаковым. Я твердо, но скромно (и не глупо) высказал свое мнение, противное Корсакову, и помню, что это заслужило уважение, как Корсакова, так и многих, присутствовавших при столкновении, товарищей. Столкновение было пустяшное, но первое, а потому важное. Впоследствии, когда я был офицером, произошло столкновение более серьезное и сложное, но благодаря Бога также кончившееся скоро. Из этого я вывожу следующее заключение, которое знать, может быть, полезно моему милому сынку: в сношениях с товарищами, в молодости и потом, и вообще с людьми, не нужно выставлять все свои принципы; эти последние не должны распространяться на мелочи, в которых, как и во всем несущественном, необходима уступчивость, но в коренных правилах религии и чести уступчивым быть не следует; в случае крайности, не парадируя этими принципами, что раздражает противника и пользы не приносит никакой, нужно все-таки их проявлять просто, сдержанно и умно, т. е. применяясь к характеру и к степени развития того или тех, с которыми имеешь дело.

Упомянув «о первом» незначительном казусе на 1-м курсе, я должен сказать, что этим не ограничилось число «трудных» случаев товарищеской жизни в университете; но их было, однако, благодаря Бога не много и, сколько мне помнится, ни один из них не оставил по себе во мне тяжелого впечатления, что я поступал не так, как следовало, а показывал себя дурным товарищем. Бывали в мое время и массовые неудовольствия между студентами на

младших курсах, но с осторожностью можно было от них отстраниться. На старших же курсах, в особенности на 4-м, была нравственная необходимость становиться иногда во главе движения, руководить им; таков был случай, о котором я уже упомянул; в подробностях он, однако, из моей памяти изгладился.

Все, происходившее в нашей университетской жизни, не кажется важным впоследствии; но в свое время оно имело большое значение. Во всяком случае, университетская жизнь, независимо от образования, имеет значение и воспитательное. В университете впервые выучиваешься быть хорошим товарищем, а быть таковым я считаю необходимым; через всю жизнь проходит понятие о товариществе, разумеется, в изменяющихся видах. Несложно в университете и в полку — а затем и на общественном поприще; разве можно жить, действовать одиноко, быть полезным — особняком; та же идея товарищества, примененная к жизни, но в более серьезном виде — товарищество по мысли и по убеждениям.

Однако, будучи студентом, я должен дать отчет, каков я был студент в научном отношении. Откровенно должен сказать — средний. Учился я хорошо на 1-м и 4-м курсе; на 2-м и в особенности на 3-м — плохо, будучи очень развлекаем светской и товарищеской жизнью. К экзаменам я всегда был приготовлен, работая как вол с начала Великого поста и в особенности во время экзаменов; технику этих скороспелых приготовлений я довел до совершенства. Прямо скажу, что от подобного ученья толку мало; в этом не виноват ни университет, ни профессора, из которых многие были очень хорошие, ни товарищи, ибо в числе их были замечательные студенты: Борис Чичерин был одним из таковых; виноват я сам и я один. Не виновато и семейство, что меня не подталкивало на ученье: 20-летнего малого подталкивать уже нечего, как в детстве; неминуемо и решительно, он один ответчик за свои занятия и таковым и должен быть. Все-таки не бесследно для моего умственного развития прошел университет, полезен самый акт работы мысли и памяти, хотя неправильный. Помнится мне,

как я ломал себе голову на 1-м курсе, чтобы понять энциклопедию права с ее философскими абстрактами; и хотя должен признаться, что непосредственною целью была сдача экзамена, все-таки я работал и понял эту энциклопедию, перед которой вначале я стал в тупик. Читал ее знаменитый профессор Редкин. Изучение римского права, при строгой и выдержанной логике и систематичности профессора Крылова, было мне очень полезно; некоторою систематичностью моей мысли и моей работы я многим обязан Крылову: точность, определенность и сила его положений делали на меня сильное впечатление.

Лекции я посещал довольно аккуратно, но не записывал их, что намного убавляло пользу слушания; слишком уже я надеялся на записывание Бориса Чичерина, который это делал превосходно; стенографических лекций в наше время не было, и это очень хорошо. С нетерпением ожидал я звонка, означающего конец лекции, и очень любил следующие за тем ¼ часа, а если профессор манкировал, то и целый час проходил до следующей лекции. Любил происходящие в это время сходбища всех студентов в большой передней и на парадной лестнице. С швейцаром, знаменитым Михаилом Андреевичем, а равно с солдатами я был на дружеской ноге. Он был живою летописью университета и удивительно приноровлялся как к студентам, так и к профессорам.

Должен признаться, что с профессорами я был менее на дружеской ноге и не ездил к ним, как некоторые образцовые по ученью студенты, на дом для ученых разговоров; был только раза два; впрочем, я был и с ними в хороших отношениях. Памятна мне многоуважаемая всеми личность инспектора Платона Степановича Нахимова в морском мундире. Это был идеал инспектора: соблюдая разумную дисциплину, он не был мелочен, но любил молодежь, и молодежь отплачивала ему любовью и уважением. Памятен мне, но в другом отношении, и его преемник Шнеер — личность глупая, чиновничьего закала; с ним я имел даже какое-то серьезное и неприятное столкновение на 4-м курсе.

Как о боевом времени, вспоминаю я об экзаменах. Еще недавно старик Грудев, имевший близкое отношение к университету, мне о нем напомнил, так как оно доходило до высшего начальства. Собирались мы преимущественно у Чичериных, живших на Тверском бульваре, в доме Майкова, 3-й или 4-й дом, не доходя обер-полицмейстера. Готовились к экзамену человека 4—5, у всех у нас в руках были списанные писарем Борисовы лекции — читаем, заучиваем, что не поймем, спросим у Бориса. Впрочем, я приспособил для себя лично своеобразный и весьма недурной прием приготовления к экзаменам: прочитав лекции, я на бумаге составлял конспект всего предмета, даже в графической форме — главные мысли писались крупнее, развитие главных мыслей мельче; по возможности, все приводилось в систему. Усвоив себе эту главную путеводящую схему, легче было ее дополнять и развивать; для этого достаточно было накануне экзаменов бегло прочесть весь предмет; чтобы эта последняя работа не испарилась бы перед экзаменом, я не спал ночи, или спал очень мало. Нервное возбуждение, да еще, при помощи крепкого кофе, немало способствовало «удаче» экзамена.

Со второго курса я стал слишком развлекаться выездом в свет, чему способствовало официальное положение моего отца и приемы дома; плохой я был танцор, но свет мне нравился, и я хорошо был в нем принят. Разумеется, дело не обходилось и без того, чтобы я не влюблялся; думаю, однако, что моя ранняя светскость была мне не во вред; не она помешала мне лучше заниматься наукою; но она помешала мне предаваться менее невинным развлечениям молодежи. В особенности памятны мне балы у графа Панина (тестя Гриши), у графа Орлова-Денисова (на Лубянке) и у Корсакова; последние были очень веселы и оригинальны, отзываясь старинною Москвою, как и весь их дом. Товарищеская жизнь шла рядом со светскою, но почти без кутежей.

Год пребывания моего на 4-м курсе был помрачен первым великим для меня несчастием в жизни: отец мой года два уже был болен. Чувствуя себя ослабевающим, он от-

казался в 1848 году от своего генерал-губернаторского поста, хотя он и любил сопряженную с ним деятельность. В этой деятельности и я принимал некоторое участие. Когда летом летучая казачья почта привозила толстые портфели с делами в Литвиново, я, для облегчения труда отцу, читал ему присланные бумаги, а брат Григорий помогал иногда и в редакции ответов, чего я, разумеется, делать еще не мог. Лето 1847 года впервые мы провели не в Литвинове, а в Петровском-Разумовском, чтобы быть ближе к доктору Оверу, пользовавшему моего отца, очень его любящего и очень им любимого. Затем переехали мы, на зиму, в нанятый дом князя Голицына на Большой Никитской (теперь Батюшкова).

Все усиливающаяся болезнь причиняла отцу моему жестокие страдания, которые он переносил безропотно, с преданностью воле Божией и с огромною силою воли. Несмотря на расстройство нервной системы, отец, в отношениях своих не только к нам, детям его, но и ко всем приближенным и к прислуге был не только ровен, но еще, по мере потери сил, выказывал все более и более нежности и ласки. Помню, как отец, узнав, что я раз, в морозную ночь, поехал за Овером, который жил далеко, беспокоился, не простудился ли я. Помню, как он этою, свойственною ему любезностью, обворожил и привязал к себе молодого врача, сухого по натуре, который был призван для ухода за ним. Несмотря на болезнь, отец мой был на ногах и мало изменял обычную свою жизнь. В конце ноября 1848 года болезнь приняла острый характер. К несчастью, сестра Васильчикова и брат Владимир были вдали: первая — в Киеве[40], второй — в Штутгардте; в то время телеграфа не было, а почта ходила медленно, а потому они приехали в Москву уже после кончины отца. Матушка, брат Григорий с молодой женой, у которой незадолго родился сын Алексей, сестра Ольга и я находились безотлучно при отце, и, как ни боролся Овер с болезнью, она развивалась быстрыми шагами.

Не стану описывать всего перечувствованного и перенесенного мной за это время — потерять отца, такого отца, каким был наш — ужасно; к тому же смерть, так ска-

зать, в первый раз за мою память вторглась в нашу семью и унесла того, который, вместе с матерью, составлял главное ее звено; в первый раз я встретился с нею лицом к лицу, и произведенное ею на меня ужасное впечатление смягчалось только религиею.

15 декабря 1848 г. отец скончался, приобщившись за несколько дней до кончины, в полной памяти, Святых таин и пособоровавшись в день кончины. Духовником его и нашим был протоиерей Казанской, близ Калужских ворот, церкви Сергей Алексеевич Владимирский. Я его очень любил и уважал; и между прочим помню случай — редкий случай, когда Сергей Алексеевич пришел раз ко мне, молодому студенту, переговорить о слышанном им от меня на исповеди. Величественность обряда соборования при одре горячо любимого нами отца врезалась глубоко в мою память; мы все — все домашние и прислуга — присутствовали при соборовании. Последнюю чашку бульона я поднес отцу, и эту чашку я сохраняю при своих иконах. Отец скончался, оставя по себе в своей семье память, которая действительно продолжала жить после кончины и до сих пор во мне живет в образе идеала любви, благородства и нежности. Память об отце имела влияние на всю мою жизнь и неоднократно я обращался к ней для проверки своей жизни и для поучения, как жить; желаю и себе такой кончины, какова была его — в мире с Богом, с присными, со всеми людьми, с собою.

Жизнь взяла свое; избегая развлечения и усердно принявшись за учение, я в мае 1849 года отлично сдал выпускной экзамен кандидатом. Лето провел в Литвинове и в первый раз был послан матушкой в Хорошее для ревизии управления Форсмана, которого она подозревала в злоупотреблении доверием. Здесь будет у места упомянуть несколько о деятельности моих родителей по управлению имениями.

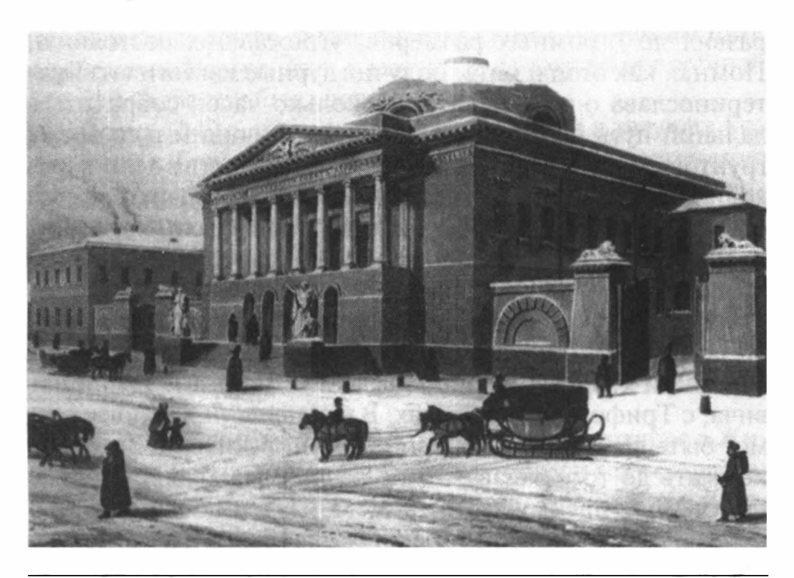
Отец мой, женившись, владел только Литвиновским имением, почти бездоходным. Матушка получила в придание Усовское имение, 1000 душ, как тогда считали, в Саратовской губернии, и маленькое Московское имение, ко-

торое вскоре было продано. Дохода было всего около 70 т. ассигнациями или 20 т. серебром. Кроме того, отец получал жалованья тысяч 15 ассигнациями. Не следует упускать из вида, что матушка выходила замуж из одного из богатейших в то время в России домов. Дедушка Апраксин имел огромное состояние, жил очень и даже слишком широко, оставив по себе огромные долги. Матушка любила рассказывать, как из великолепного Льгова она, по замужестве, переехала в скромное Литвиново, в котором дом был полуразрушен, с соломенною крышей et tout à l'avenent*.

Между тем стали родиться дети. Нас было семеро, из которых двое, Борис и Наталья, умерли в малолетстве. Благосостояние наше родители и имели в виду с самого начала жизни, и своей цели, при Божьей помощи, достигли вполне, при разумной, отнюдь не утрированной, бережливости и разумном кредите. Свои имения они закладывали, покупали и новые. Первым было куплено, кажется, Улыбовка за 175 т. руб. ассигнациями (50 т. руб. серебром), Елшанка, затем Хорошее — за 525 т. руб. ассигнац. (150 т. серебром) и, наконец, уже несколько после смерти отца, матушка купила у тетушки Голицыной Корбулак[41] за 200 т. руб. серебром. Покупки имений и вообще главные обороты по состоянию принимал на себя, по совешании с матушкой, отец; текущие административные дела по имениям и дому вела более матушка, собственно к текущим счетам отец имел отвращение.

Помню, как матушка рассказывала про покупку Хорошего. Кто-то указал отцу, что будет продаваться с аукциона великолепное имение Писемского. Отец вошел с ним в переговоры и посылал Семёна Логинова Пашковского для осмотра имения. Вдруг отец узнает, что это же имение имеет в виду купить и граф Гурьев, богач, министр финансов — соперник опасный. Отец лично отправляется на аукцион в Опекунский совет[42]. Граф Гурьев послал только уполномоченного. Оба горячатся, но управляющий Гурьевский оробел, и имение осталось за отцом, за небольшую наддачу. Когда отец вернулся с аукциона, ма-

* И всё прочее в том же духе *(фр.)*.

Здание Опекунского совета на Солянке
Литография. Первая половина XIX в.

тушка обомлела, узнав про цену имения. «Nous sommes ruinés!»* — воскликнула она, и много бессонных ночей стоило ей это дело; отец же был уверен в том, что он сделал хорошее дело, и не ошибался.

Тут явилось новое затруднение: нужно было внести всю сумму к указанному сроку, а столько в запасе не было; один ростовщик, кажется Мазурин, за умеренные проценты и без поручителя, выручил отца, доверив его репутации.

Много тревог и хлопот причинил моим родителям, вскоре по покупке Хорошего, процесс, внесенный прежним владельцем за движимость**. В купчей недостаточно ясно было выражено, что она продается вместе с имением. Иск свой Писемский, при содействии местных сутяг,

* «Мы разорены!» *(фр.)*

** Так в рукописи *(примеч. сост.)*.

развил до огромных размеров, угрожавших состоянию. Помню, как отец и мать, получив дурные известия из Екатеринослава о ходе дела, в несколько часов собрались в дальний путь по единственно существующим в то время грунтовым дорогам. Помню их тревоги, когда дело переходило через все <инстанции>, кончая Государственным советом[43], где мы окончательно дело выиграли, хотя и заплатили за движимость по размерам, определенным правительством.

Вот это-то самое Хорошее и поручено было мне, 20-летнему юноше, осмотреть и обревизовать. Поехал я в огромной коляске, в сопровождении Дениса Илларионовича, с Трифоном[44] на козлах. В управлении имением я не мог быть сведущим, по неопытности; в Литвинове, однако, мать до того задавала мне различные хозяйственные поручения, преимущественно по изучению конторы. В первый раз выезжаю из Московской губернии и приезжаю в огромное имение с сложным барщинским хозяйством; притом в бедственный на юге год от бескормицы половина овцеводства пропала.

Управляющим в Хорошем состоял Карл Иванович Форсман, человек чрезвычайно дельный, отличный администратор и долго бывший отличным управляющим, но в то время уже избаловавшийся и зазнавшийся. Помню, как заметивши, что я делаю серьезное исследование и вхожу в непосредственные расспросы крестьян, он захотел меня осадить, указывая на доверие, которое имели к нему мои родители. Помню барскую обстановку Форсмана, жившего в большом доме, принимавшего у себя все местное дворянство d'égal à égal*, и, как подробность — двух казаков у дверей гостиной, всегда на часу, на случай вызова. С Форсманом я не поссорился, но свое дело делал, изучал контору, вникал в хозяйство и даже сделал некоторые распоряжения. Одно из них я помню, ибо оно действительно было недурно: я приказал устроить временно депо волов, из которого крестьяне поочередно пользовались, покуда

* Как равный с равными *(фр.)*.

не обзавелись вновь, после падежа, своим — в чем им тоже помогалось. Вернувшись к матушке, я отдал ей подробный отчет, и Форсман был уволен.

Осень 1849 г. матушка поехала со мною к тетушке Голицыной в Гринёво[45] навестить ее, а главное, сестру мою Ольгу, которая там проживала с мужем своим, симпатичным и мною очень любимым, князем Сергеем Фёдоровичем Голицыным. Гринёво — очаровательное имение, в особенности хорош дом, почти что дворец, построенный, как говорят, Растрелли; жилось нам там хорошо и весело. Как могли мы предвидеть, видя действительное счастье сестры Ольги, что над нею так скоро должен был обрушиться страшный удар.

Вместе с нею и матушкой поехали мы в сентябре в Житомир, где Васильчиков был губернатором и где сестра Катенька только что родила сына Сергея, к крестинам которого мы и приехали. Жили мы там счастливо, в семейном кругу, как вдруг Васильчиков получает эстафету (телеграфа не было) из Брасова (имение Виктора Апраксина[46]), что Сергей Фёдорович Голицын умер, нечаянно застрелившись на охоте. Голицын с другими охотниками возвращался на линейке, ружье спустилось с подножки, он стал его поднимать; в это время курок, зацепившись за подножку, поднялся и спустился, ружье выстрелило, и картечный заряд попал в грудь Голицыну. Много тому лет прошло; самой бедной Ольги уже нет на свете, но, как сегодня, помню поистине ужасающую сцену, когда наш добрый Васильчиков должен был как бы вонзить нож в сердце моей несчастной сестры объявлением о смерти ее мужа. Она долго и с отчаянием не хотела верить; мне самому все казалось, что, по приезде в Брасово, услышим, что известием поторопились и что Сергей Фёдорович ранен, но жив.

Ольга была душевно и физически разбита, тем не менее в тот же день решен был отъезд в Брасово. Глубокая осень, ночь, зги не видать; мы выехали, предшествуемые, по распоряжению Васильчикова, конными с факелами, для освещения пути, отчего поезд наш, состоящий из двух экипажей, поистине имел вид погребальной процессии. Я

ехал в одной карете с Ольгой; она была чуть живою, бледною, как полотно, как будто сразу похудевшею. Тяжело было смотреть и на камердинера Сергея Голицына, Василия Михайлова. Он был не просто слугою, а другом покойного; преданность ему он перенес на Ольгу, на службе которой он и умер от чахотки. Приехали мы наконец в Брасово; там были тетушка Наталья Степановна, Апраксин; приехали Гриша, Александр и Борис Фёдорович Голицыны. Братья проводили тело Сергея Фёдоровича до Зубриловки, а мы поехали в Москву: матушка с Гришей, и я с Ольгой. Мы, т. е. тетушка, Ольга и я, должны были на неделю остановиться в почтовой гостинице в Орле, вследствие упадка сил несчастной сестры. Мы кое-как довезли ее до Москвы, откуда она отправилась к тетушке в Петербург.

Жизнь в Петербурге была тяжела для сестры во всех отношениях. И при жизни мужа она не особенно любила жить там; теперь же, с разбитым сердцем и жизнью, ей еше стало там труднее. Года через два она переехала в Москву и с тех пор до смерти матушки не разлучалась с ней. Почти ежегодно, однако, Ольга ездила в Петербург к тетушке Наталье Степановне и в особенности к своей свекрови княгине Анне Александровне Голицыной, с которой она была искренне связана любовью и некоторою общностью в свойствах характеров.

Под конец 1849 года предстояло мне поступление на службу, что составляло в то время безусловную необходимость. Вопрос, на какую именно службу поступить, представлялся трудным и серьезным. Отец, хотя сам военный, и мать прочили меня более для гражданской службы; но служба эта, с ее необходимым канцелярским дебютом, представлялось мало привлекательною мне. Меня тянуло более к военной.

Матушка, хотя и не сочувствовала этому роду службы, но в выборе мне не мешала и не относилась к нему враждебно. Возникал затем вопрос: куда поступить? Так как в то время кандидатский диплом давал право льготного срока службы юнкером только для армии, то, кроме последней,

другого выбора для меня и не было. Считаю эту случайность весьма для себя счастливою, ибо благодаря ей я попал в настоящую военную среду, а не в ту условную, полувоенную, полупридворную и светскую среду, которую составляли тогда (думаю, и теперь) кавалергарды и конногвардия. По телосложению своему, я мог быть только кирасиром, и, по указанию графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена, командира Кирасирского корпуса, я был определен в Кирасирский Военного Ордена полк[47], ввиду того, что этот полк, превосходный сам по себе, имел командиром отличного человека, барона Александра Карловича Бюллера.

В начале 1850 года я отправился к своему полку, при рекомендательном письме брата Григория к графу Ламберту (начальнику штаба Кирасирского корпуса). Сборы мои имели мало военного характера: ехал я в огромных санях с кибиткою, с сидевшим рядом со мною Трифоном Григорьевым и на козлах — поваром Данилою, с массою вещей и поклажи. При этой помещичьей дорожной обстановке, ввалился я наконец в Крылов или Новогеоргиевск[48] — военное поселение, верстах в 30 от Кременчуга и невдалеке от Днепра. Остановился на постоялом дворе, на котором, заняв его весь (кроме одной комнаты для извозчиков), я и остался жить на все время нахождения моего в Орденском полку.

Странно и жутко показалось мне первоначально в новой для меня среде и среди незнакомых мне условий жизни. Первая личность, к которой я обратился по приезде, был полковой адъютант Афанасий Афанасьевич Фет (впоследствии Шеншин), известный поэт. Мне трудно было и тогда и теперь признать в нем поэта; во всяком случае, контраст между Фетом-писателем и Фетом, каким я его знал в Крылове, громадный. По приезде моем, Фет был со мной очень любезен и облегчил мне первые шаги; но все-таки ни тогда, ни после мы с ним не сошлись[49]. С большинством офицеров я был в лучших отношениях, чем с ним.

Я счастлив, что первым начальником был барон Бюллер. Высокий, рыжий, сильный, он имел тип немецкого рыцаря и таковым, по душе, он был и в действительно-

А. А. Фет

Фотография. Начало 1850-х гг.

сти. Строгий к службе без педантизма, требовательный к солдатам без суровости, при полном соблюдении дисциплины, в наилучших отношениях с офицерами, равный ко всем без фамильярности, он представлял собою тип отличного полкового командира. Меня он принял хорошо, но просто и без всякой мнимой любезности; ко мне никогда не ходил, но приглашал меня к себе обедать, притом не одного, но почти всегда с двумя другими юнкерами или офицерами. Когда впоследствии один майор полка, не вполне благонадежная личность, стал втираться в мою интимность, Бюллер осторожно и через третье лицо предупредил меня быть осмотрительным. Далее его опека не шла и не должна была идти, хотя я был ему особо отрекомендован. В полку я прослужил с бароном Бюллером только один год, но за этот год завязались хорошие отношения, которые остались на всю жизнь, так как неодно-

кратно я сходился с ним впоследствии. Под конец жизни своей он был генерал-адъютантом и помощником инспектора всей кавалерии.

До сих пор помню многих офицеров полка, но остановлюсь на более типичных из них или тех, с которыми я более сблизился. Мой эскадронный командир был Цынгот — образцовый служака; зато и эскадрон был образцовый во всех отношениях. Как личность — не симпатичный. Командиры 2-го и 4-го эскадронов были братья Петровы — чудные типы настоящих офицеров, для которых честь полка — их честь, а эскадрон — семья; даже жены их разделяли те же чувства и мысли. Петровых я встретил лет 8 тому назад в Кременчуге, оба были давно в отставке; они оставили службу, когда полк был переформирован в драгунский, что им было не <понятно>, хотя в статском платье они продолжали носить белые кирасирские фуражки. Увидев меня, они встретили меня, как будто вчера только мы расстались. Назову еще братьев Пилипенко — малороссы, гиганты-добряки, отличные офицеры; Дурасевича, женатого на красивой женщине, — гостеприимный и хлебосол; Ривелиоти, Каза (грек) — лихой офицер; 2-х братьев Безродецких, Манделя, Коншуля и проч. Из почти полного состава всех офицеров полка, я помню только две предосудительные личности: один — майор, красавец собою, перешедший, по бедности, из конной гвардии и занесший в Крылов много гвардейских ухваток. Он пользовался протекцией разных петербургских аристократов; получил впоследствии отличное место в одном из портовых городов, кончил плачевно, будучи замешан в очень грязном деле. Другой — п.[50], не глупый, но развратный человек; его Бюллер спустил; кажется, он же спустил и майора. Общий тип орденцев и дух полка был отличный, благородный: служба — на первом плане, об интригах я не слыхал. После Бюллера командовал полком князь Владимир Дмитриевич Голицын[51]. В моих отзывах об Орденском полку я смело могу сослаться и на свидетельство этого отличного человека.

Мое демократическое направление, о котором я упомянул в воспоминаниях моего детства, получило в Ор-

денском полку новую почву и развитие. Будучи юнкером при полку, все свое первоначальное фронтовое образование прошел я вместе и в обществе рекрут; вместе учился маршировке в конюшне, вместе обучались верховой езде в манеже. Экипажа юнкерам не полагалось, и я ежедневно, утром рано, бегал из дому в 1-й эскадрон, версты за 2—3, и был аккуратным по службе. Неприятно только было мне ломать шапку перед офицерами, но делал это по требованию дисциплины. С рекрутами и солдатами я был на дружеской ноге, а вахмистра, красавца Митрофана Михайловича Иванова, немного даже побаивался. Инструкторами были у меня унтер-офицер Прусенко и злой взводный Савченко; последний обходился со мною не шутя. Знание солдатского быта, солдатского образа мыслей было полезно мне даже, для общего развития. Любовь и уважение к нашему солдату — этому типу, почти что лучшему из всех типов русского народа, запали в мою душу в то время и развились до энтузиазма во время войны.

Прослужил я в Орденском полку с небольшим год, в том числе около 6 месяцев юнкером, проделал полковой, дивизионный и корпусный кампаменты (лагеря). Последний — в Елизаветграде, куда приехал нас смотреть Государь Николай Павлович. Я был исправным офицером, но не особенно бойким ездоком, что меня особенно смущало. Раз, хотели меня послать ординарцем к Государю (в Гатчину), но я оказался непригодным к этому высшему в то время призванию кавалериста «в мирное время».

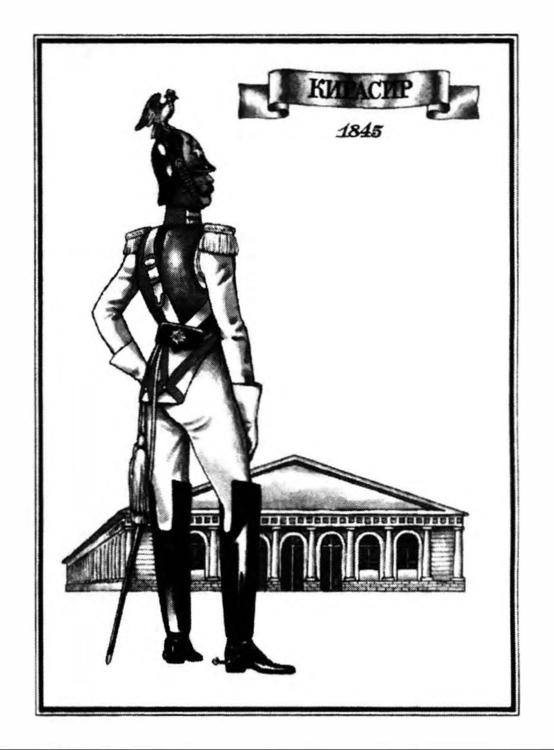
Солдаты меня любили, офицеры — тоже, и я был с ними на отличной товарищеской ноге. Разница в состоянии и происхождении как-то вовсе не чувствовалась. Отношения были простые и искренние, и я из моего, к сожалению, слишком краткого пребывания в Орденском полку вынес и сохранил самые лучшие воспоминания. Кутили и играли в карты, но как-то все в меру и прилично. Одна полковая жжонка[52] осталась в моей памяти: как-то вышло в особенности весело и красиво. Собрались вечером в городской сад, прелестно расположенный на полугоре; погода отличная, трубачи играли; жжонка горела, устраиваемая тем же

весельчаком майором — мастером на это дело; он же был запевалою нашего довольно складного офицерского хора, который он поддерживал своим прекрасным голосом.

Впервые познал я, что значит безденежье, но не вследствие того, что бы я сорил деньгами, но бюджет мой был небольшой, и я не сумел с ним справиться. Помню, как мило и деликатно выручила меня старушка помещица (Картавцева), соседка по Крылову; все офицеры, и я в том числе к ней ездили. Узнав о моих стесненных обстоятельствах, она мне предложила взаем; о процентах и речи не могло быть, а она была не богатая; расплатившись с нею, я подарил ей красивый молитвенник, это она приняла с благодарностью. Другой раз занял рублей 500 у содержательницы гостиницы в Елизаветграде, еврейки; но и она обошлась со мною не по-жидовски.

Я сказал, что с сожалением расстался с Орденским полком; и действительно я его покинул не по своей воле. В Гатчинском гвардейском кирасирском полку (тогда — полку наследника Цесаревича[53]) недоставало много офицеров. Велено было укомплектовать <его> из армейских кирасирских полков, по два с каждого; в числе двух из Орденского полка я был назначен весною 1851 г.

Вот я и попал в гвардию, притом в междуумочный, так сказать, полк — ни настоящая гвардия, ни настоящая армия. Чины были армейские, обмундирование гвардейское. Не в этом, однако, главным образом выражалась странность и особый, исключительный характер этого полка. В него поступали преимущественно воспитанники Пажеского корпуса[54] и других военно-учебных заведений Петербурга, невыдержавшие экзамена на настоящую гвардию. Междуумки по образованию, они были таковыми же и во всем. В Гатчинский полк они поступали только потому, что Гатчина близко от Петербурга, и более или менее постоянною мечтою этих офицеров был переход их в конную гвардию или в кавалергарды, что при первой возможности и приводилось в исполнение. Правда, было ядро настоящих гатчинских офицеров, в которых я подметил некоторые общие с орденцами черты, но не было той, чисто военной, простоты.

Штаб-офицер лейб-гвардии Кирасирского полка. 1845
Художник В. И. Семёнов. 1986

Типичнее всех из числа их был Мишка Болдырев, лихой офицер, умный, добрый малый, кутила; он имел большой вес среди молодежи. Более дружен я был с Коробьиным (очень порядочным малым, но держащим себя очень одиноко) и Баташевым; но настоящей дружбы я из Гатчинского полка не вынес ни одной; со всеми офицерами был, впрочем, хорош и, как я мог убедиться впоследствии, оставил по себе между ними добрую память. В Гатчинском полку (впрочем, как и везде, но в Орденском полку всего менее) на первых порах предстояло мне решить вопрос: как себя поставить? Одна часть офицеров жила петербург-

ской жизнью, приезжая в Гатчину только для ученья; другая, оседлая, проводила свое время преимущественно в очень непривлекательном клубе или собиралась на довольно скучные вечеринки; о каких-либо умственных интересах и речи не было. Образ жизни петербургской партии мало меня привлекал: выезжать в свет Петербурга, при условии делать 100 верст туда и обратно три раза в неделю, мало было привлекательно (железная дорога шла только до Царского, а 25 верст нужно было ехать на лошадях). Я ездил частенько в Петербург, но только для свидания с братом Григорием, его женою и Чичериными, которые нанимали нижний этаж в доме брата; Моховая — только она одна привлекала меня в Петербурге, там мне жилось очень хорошо семейною и товарищескою жизнью. Круг товарищества расширился сближением с Николаем Орловым, Николаем Васильчиковым, Александром Мейендорфом, Эмериком Чапским и многими другими, на втором плане. Много я жил в Гатчине, где я отлично и даже нарядно устроился в очень красивом доме, на углу площади, где финская кирка. Занимался чтением довольно усердно и начинал втягиваться в управление имениями.

В 1851 году матушка распределила свои имения на три части, приблизительно равные, и положила жребия, кому какие достанутся, в киот[55] под иконы; на мой жребий вышли Хорошее и Улыбовка. В управление Хорошим, полное и безотчетное, я вступил немедленно, при условии ежегодной уплаты матушке 8000 р., через год — и в управление Улыбовкой, при ежегодной уплате 2 т. руб.

В Гатчину приезжали ко мне Чичерины и другие товарищи, а осенью 1852 года приехала на несколько дней матушка. Испытанное мною во время ее пребывания у меня наслаждение до сих пор не изгладилось из моей памяти. Помню, как я провожал <ее> обратно в Москву, где она меня с таким удовольствием и радостью приняла в только что купленном ею у графа Ростопчина (за 65 т.) великолепном доме на Садовой[56]. Несколько ей и мне попортил первые впечатления тот инцидент, что у меня глаз порядочно заболел от попавшей в него локомотивной искры.

Итак, я жил в Гатчине «своей» жизнью, но не в моем характере было, и не следовало уединяться от полковых товарищей — я этого и не делал; ходил иногда в клуб и на вечеринки, но при условии мало пить — на этом последнем я сразу себя поставил; в бильярд я тоже не играл, был для этой игры неловок, да и никогда ее не любил. Чтобы себя хорошо поставить в среде молодежи, важно было сразу заручиться хорошими отношениями с Мишкою Болдыревым, я это и сделал; к счастью, он был умен и однажды, после неглупого моего ему ответа, он сразу понял меня и не старался более втягивать в свою «сферу влияния»; по части выпивки впоследствии я имел, однако, с ним серьезное столкновение, о котором поговорю особо.

Полковым командиром был у нас генерал-майор Михаил Иванович Туманский, человек умный, но мало в сущности образованный, хотя вырос и вращался все в петербургском обществе. К солдатам он был суров, к офицерам неровен и подчас грубоват; вообще, личность не симпатичная. Жена его, рожденная Опочинина[57], сделавшая mésalliance* выходом за него замуж, была в высшей, даже до тонкости, степени образованная женщина, крайне любезная хозяйка, но некрасивая. Лето проводила у нее племянница Нина Пилер, очень милая и образованная девушка, недурной наружности; элегантная.

Чета Туманских, в особенности она, принимали меня очень хорошо и часто приглашали то на обед (отличный), то на вечер, последнее чаще. С Михаилом Ивановичем мы мало чего имели общего, но с его женою мы очень сошлись, несмотря на разницу лет (ей было под 40). Мне было очень приятно найти именно в Гатчине un milieu civilisé** и вести не полковой исключительно разговор. M-me Туманская ко мне благоволила и, кажется, была очень хорошего обо мне мнения; это-то ее ко мне благоволение и поставило меня раз в положение очень трудное.

Туманский однажды на учении нагрубил одному молодому офицеру Дицу. Все офицерство, с Мишкою Бол-

* Мезальянс, неравный брак *(фр.)*.

** Ппросвещенную среду *(фр.)*.

дыревым во главе, и я в том числе, было возмущено; решено было сделать какую-то манифестацию; на беду, в самый разгар общего возбуждения m-me Туманская обычным образом пригласила меня и человека два из старших офицеров на вечер. Помню, как это приглашение было для меня неприятно, но отказаться от него я не счел возможным, не желая сделать жену ответственной за поступок мужа (при моих же, к тому, хороших, почти дружеских к ней отношениях, пригласила меня она, а не он). Я поехал, поехали и другие 2 офицера (из старых); об истории, бывшей накануне, разумеется, ни полслова; с генералом я был сух, но вечер прошел как всегда.

Уже ехавши на вечер, чувствовал, что на другой день будет гроза; она и не миновала. Было полковое ученье. Болдырев проезжает мимо меня и в соседнем эскадроне с офицерами громко, так что я мог и должен был слышать, начал весьма энергически (хотя не называя никого) порицать вчерашний вечер у Туманских и участие в нем офицеров. Не понять, что он говорит обо мне, и преимущественно обо мне, было трудно. Тут я смолчал, но вернувшись домой, стал глубоко обдумывать предвиденное мной столкновение. Пахло дуэлью, а ее-то, как и всегда, я желал избежать, смело скажу, не по трусости, а по серьезным убеждениям. Призвав Бога на помощь, стал действовать. Пригласил к себе одного старого уважаемого штаб-офицера Штендера, объяснил ему мотивы моего поступка, как, по моему убеждению, я не мог поступить иначе, не манкируя дам; как во всяком другом виде, но не в этом, я согласен идти рука об руку с моими товарищами в заслуженной манифестации против полкового командира. Подполковник Штендер одобрил мой взгляд на дело и взял на себя быть посредником между мною и Болдыревым. Дав им время переговорить и объяснить дело, я виделся с Болдыревым, и произошло полное примирение.

Дицевская история, впрочем, кончилась без скандала; кажется, с обеих сторон были сделаны шаги к примирению, которое и завершилось большим вечером у Туманских, на котором обе хозяйки были в лентах цвета полка, и на вечере были все офицеры, кроме Болдырева.

Жизнь и служба в Гатчинском полку мне не нравились, и я желал исхода; в этом помогла мне моя сестра Катенька, горячо принявшая к сердцу мое положение. При содействии и протекции великой княгини Елены Павловны, она устроила мое назначение в адъютанты к генерал-фельдмаршалу князю Паскевичу, наместнику Царства Польского[58]. Тут, однако, на первых порах вышла неудача: князю Паскевичу я представился, он принял меня благосклонно, ибо с отцом моим он был хорош, и сделал доклад Государю Николаю Павловичу о назначении меня к нему адъютантом, позабыв при этом испросить на то предварительное согласие Наследника Цесаревича (Александра Николаевича), бывшего в то время шефом Гатчинского полка и корпусным командиром[59]. Приказ о моем назначении был изготовлен и даже напечатан, как вдруг Цесаревич вломился в амбицию, что дело было сделано мимо его и, придравшись к тому, что еще не истекло трех лет фронтовой моей службы (что требовалось по закону), он остановил мое назначение до истечения этих трех лет. Это было для меня крайне неприятно, и, кроме того, тянуть еще более года службу в нелюбимом полку было очень тяжело, — но делать было нечего. Проделал еще лагерь в Кавилахтах — чухонской деревне близ Красного Села, красиво расположенной, маневры и еще целую зиму с вечными поездками в Петербург и обратно.

Наконец в июле 1853 года 3-годовой срок фронтовой моей службы истек, и мое назначение в адъютанты состоялось. Простившись с полком, я поехал в Литвиново, где провел отлично время, в семейном кругу, в обществе Володи и его молодой жены Марии Афанасьевны[60], с которой очень подружился и которую нашел очень милою, радушною и привлекательною.

По выезде из Москвы в Варшаву со мной случилось довольно неприятное приключение. В этом году была холера. Не помню, вследствие ли неосторожности или вследствие поветрия, не доехав до 4-й станции от Москвы, Каменки (откуда несколько раз впоследствии сворачивали в Нару), я почувствовал себя нездоровым и остановил-

ся ночевать. Всю ночь проболел признаками холерины, на другой день решил вернуться в Москву тайком, так чтобы в Литвинове не узнали о моем возвращении — это мне удалось. Полечившись дня с три, я оправился настолько, что мог выехать в Варшаву.

Фельдмаршал был в городе, где я ему представился; он меня принял хорошо, слегка, впрочем, попрекнув меня сделанной ему из-за меня Наследником маленькой неприятностью.

Вот я в Варшаве, при совершенно новой обстановке и новых условиях жизни, в полуиностранном неизвестном мне городе, к которому, равно как и к его особенностям, надо было примениться; притом, необходимо было в общем складе тамошней жизни выгородить то личное положение, которое я желал иметь.

Остановился я у Бориса Фёдоровича Голицына на Хмельной улице и был принят им крайне радушно, почти родственно[61], хотя до того времени я его мало знал; вскоре мы подружились. О том, как Борис Фёдорович меня принял, как он содействовал моему нравственному водворению в Варшаве, в которой он имел твердое положение, о добрых советах всякого рода, которые он мне давал, я сохранил до сих пор добрую память и вспоминаю с благодарностью.

Несмотря на временные неудовольствия и кратковременные размолвки, несмотря на то, что, по прошествии трех лет сожительства, жизнь разлучила нас и повела по разным путям, мы остались дружны и до сих пор; эту дружбу не уничтожила даже придворная жизнь Бориса за последние годы. Не могу скрыть, что я никак не предполагал, что Борис Фёдорович сделался придворным человеком, не видел к тому никаких задатков; однако я уверен, что, и сделавшись придворным человеком, он сохранил те же свойства характера и высокого благородства, которые ему свойственны и которые во всю его жизнь привлекали к нему любовь и уважение. Я его застал в Варшаве уже авторитетным, в особенности среди молодежи, лицом; также молодежь относилась к нему и после.

Светлейший князь Варшавский И.Ф.Паскевич

Итак, поселился я у Бориса Фёдоровича и сразу окунулся в его обширный товарищеский, военный и невоенный, круг, которого он был центром. Почти постоянным сожителем был кн. Сергей Григорьевич (Фирс) Голицын, один из милейших людей и собеседников, которых я когда-либо встречал; впрочем, то не личное мое мнение, ибо репутация Фирса Голицына была всеобщая и, так сказать, бесспорная. Образ жизни нашей, не отличаясь существенностью и деловитостью, был очень приятен; постоянно или даже долго так жить было бы не по мне, но я жил этою жизнью только несколько месяцев, до приискания и устройства собственной квартиры на Братской, и эти месяцы оставили по себе самое приятное впечатление. По утрам нас собиралось к Борису много; шла оживленная беседа, в особенности воодушевляемая Фирсом Голи-

цыным; такого второго рассказчика я не знаю. Не столько были интересны рассказы сами по себе, как способ рассказа, одинаково хороший и даже изящный, как по-французски, так и по-русски, даже подчас с примесью и польского языка; всеми тремя языками он владел одинаково хорошо и даже изящно. Введя меня в свой товарищеский круг, Борис Фёдорович ввел меня и в более обширный военный и светский круги, и везде его патронатство было для меня полезно, ибо везде его личное положение было отличное.

Мой дебют в военной фронтовой среде был неудачен. Поехал я на ученье или маневры, которые производил генерал Панютин, на более красивой из моих лошадей — рыжей, купленной мною в Петербурге, где я ездил на ней только в манеже. Оказалось, что лошадь была чрезвычайно пуглива: как только двинулась артиллерия, она шарахнулась, и я очутился на земле; очень стыдно было мне перед моими новыми товарищами; еще стыднее стало, когда на другой день добрейший генерал Панютин прислал узнать о моем здоровье, видев мое падение: не расшибся ли я? Расшиблено было только мое самолюбие.

Мой дебют в светской жизни был более удачен. На большом вечере у фельдмаршала, на котором впервые я увидел польское, в то время блестящее, общество, было мне жутко, но медведем я себя не показал.

Собственно об адъютантской службе моей до войны[62] нечего говорить; она была пуста и бесцветна, ограничивалась не частыми дежурствами, ибо нас было много, кажется, 8 адъютантов и 4 — по особым поручениям. Не знаю ничего скучнее адъютантского дежурства в мирное время — есть в этом даже несколько унизительного; в особенности неприятны были мне обеды. Когда фельдмаршал, приглашая гостей к обеду, приглашал и дежурного адъютанта, то положение последнего, хотя и скучное, но было сносно; но когда он обедал совершенно en famille*, то дежурные адъютанты и чиновник обедали в особой комнате, за маленьким столом, президируемым за-

* В тесном кругу *(фр.)*.

служенною гувернанткой m-elle Сестье. Этот своего рода «лофис» мне казался несколько унизительным, и я всячески старался его избегать, но не всегда удавалось. Впоследствии мне случались на войне дежурства у фельдмаршала. В Калараше пришлось спать в передней, в обществе простых казаков, и в этом ничего унизительного я не находил; не то что обеды с мадамою или посылка навстречу с кухнею, при проезде через Польшу разных князей, великих и малых. Подобное поручение на встречу маленьких Лейхтенбергских князей[63] было каплею, которая переполнила мой сосуд долготерпения, побудив меня бросить адъютантскую службу навсегда. Кроме обедов с мадамою, за мирное время я ни на что не могу жаловаться, ни на отношения ко мне фельдмаршала, впоследствии сделавшиеся из ряда вон отличными. Фельдмаршал умел обходиться со своими адъютантами (хорошим составом которых он гордился), ни в чем не переходил той довольно деликатной черты, которая отделяет службу приближенного офицера от иного рода его службы.

Князь Михаил Дмитриевич Горчаков, при котором я, по смерти князя Паскевича, оставлен был адъютантом[64], был гораздо образованнее своего предшественника, но этой деликатной черты не понимал; адъютант был его чтецом книг (в дежурной форме, он заставлял читать ему traité sur l'astronomie d'Arago*[65]). Раз дал мне поручение по домашнему обиходу, которого я и не исполнил, но все-таки оно было дано. Чтобы несколько путно занять мои дежурства, я, кроме книг, приносил с собой свой портфель с перепиской по имениям, которой тут же занимался.

Совершенно верно граф Толстой, в своей «Войне и мир», обрисовывает значение адъютанта и вообще штабной жизни. Сам по себе адъютант — обыкновенно мелкий военный чин, но, находясь близко к солнцу (в данном случае фельдмаршалу), он для всех, окружающих это солнце и от него зависящих, получает некоторый отблеск его лучей. Вследствие того он, в орбите солнца, получает неко-

* Сочинение об астрономии д'Араго *(фр.)*.

торое исключительное положение, вовсе уже не по чину и совершенно независимое от личных достоинств или недостатков. В военное время носить на себе этот отблеск очень приятно и интересно, но в мирное время положение адъютанта — фальшивое.

Из путных моих занятий при фельдмаршале за мирное время помню только данное мне поручение исследовать прохождение одной партии рекрут, потерявшей много людей. Ко мне был прикомандирован пожилой и очень вульгарный штаб-доктор Добродеев, с которым мы проезжали от Варшавы до Харькова, останавливаясь следствия ради во всех городах, больших и малых, по пути; особенно в малых меня принимали, как важное лицо, и тут впервые я вошел в соприкосновение с гражданскою администрацией. Помню мою неопытность и промахи, преимущественно в формальных приемах; самое же следствие я произвел хорошо, и строго докапываясь до корня. Из Харькова заехал в Хорошее, которое незадолго до того получил в свое управление.

Первую зиму 1853–54 года в Варшаве провел я очень весело. Познакомился со всем польским и русским обществом, хотя и тогда они составляли два мира, но на почве общественности сходились очень хорошо. Разумеется, некоторых разговоров нужно было постоянно избегать, но это делалось как-то по обоюдному, хотя молчаливому, согласию. Я лично могу только похвалиться приемом, оказанным мне высшим варшавским обществом, во главе которого стояла старая графиня Ржевусская, тип несколько сходственный с типом моей прабабушки Голицыной. Ее мать умерла в Париже на эшафоте, потому что обмакнула свой платок в кровь Marie Antoinette[66]; сама она ребенком осталась у прачки до конца революции, когда была отыскана своими дядями. У нее сохранились записки матери, писанные кровью из тюрьмы. Графиня Ржевусская была очень умная и образованная дама a les traditions du plus beau monde ancien regime*. Она имела первенствующее зна-

* С великосветскими традициями былых времен *(фр.)*.

чение в Варшаве, несмотря на свою положительную бедность, жила в 2–3 маленьких комнатах, при одном, но весьма приличном слуге Charles, старом французе. Графиня Ржевусская, не отрекшись ничуть от своей польской национальности, не враждовала, однако, к русским и даже к русской администрации.

Другим хорошим типом польской аристократки была (kroléwa Polska) графиня Августова Потоцкая, хотя в этом типе была некоторая фальшь. Огромное ее состояние, часть наследства князя Потёмкина через Энгельгардт[67], заключалось в имениях чисто русских, с которых доходами она пользовалась, питая, однако, полную враждебность к России. Она была ярая полька, но в лучшем значении этого слова, и притом настоящая аристократка; она не ограничивалась высоким положением своим в свете, но и трудилась на пользу своего края. Имениями своими она, говорят, управляла отлично; основала и занималась многими благотворительными заведениями в самой Варшаве. Принимала она мало, но когда принимала, то отлично, даже великолепно. Русских вообще чуждалась, но не без исключения, в числе таковых был и я. Муж ее Август Потоцкий был полнейший нуль, притом вульгарный. Брат его Маврикий принадлежал почти к нашему адъютантскому кругу, — добрый, но пустой малый. Жена его, рожденная Бобр, была умнее его, но не важная птица; мы с нею были, впрочем, очень хороши по-светски. Третий его брат Стас — личность вообще очень плохая, женат на графине Сапеге, в то время безупречной и очень привлекательной женщине.

Губернским предводителем дворянства (по назначению) был граф Урусский; он и его жена были очень скучны, но принимали часто и радушно; но балы у них были плохи. Впоследствии Урусский себя очень хорошо показал во время революции; бывши до того на стороне русского правительства по убеждению, он и остался таковым и во время революции 1863 года[68].

Назову еще несколько лиц из тогдашнего польского общества: графиню Ростворовскую, очень хорошую и добрую даму, не враждебную русским и всегда оставшуюся

таковою; графиню Косаковскую (Лаваль) — русскую по происхождению, оставшуюся верной православию, хотя сделавшуюся ярою полькой; графиню Шембек — очень образованная и приятная, почти без политической окраски; у нее были очень красивые и веселые вечера. Муж, как часто случается в Варшаве, — ничтожество; два брата графы Замойские[69]; из них Андрей привлекал к себе своим grand air* — настоящий аристократ с виду и по существу — был человек серьезный, работящий; впоследствии играл видную роль во время революции. Недостало у него, однако, политического смысла, чтобы из своего выдающегося положения извлечь пользу для своего отечества. Он не понял Велипольского[70], за которым одним во время событий 1863 года можно было принять значение государственного человека, и с ним был в постоянной вражде. Соединив же свои силы, Замойский — огромной популярности, а Велипольский — умной политики, они могли бы многое сделать для Польши, разумеется, во вред России, чего оба желали.

Ездил я на поклон к графу Красинскому, генерал-адъютанту императора Александра Павловича, но он был так стар, что нигде не показывался и роли не играл. Его родственник или, во всяком случае, однофамилец был вместе с Курнатовским лучшими двумя дирижерами мазурки; и действительно, были мастера — можно было на них заглядеться. Отец Курнатовского, бравой военной наружности, был адъютантом у великого князя Константина Павловича и командовал егерским конным полком, кажется, единственным, оставшимся верным великому князю[71].

Назову затем Ленского, Гурского, Пшездецкого, Островского, Молодецкого, 2-х сестер-красавиц: Пшездецкую и Швейковскую, львиц низшей пробы (одна из них, Швейковская, вышла впоследствии за Duc de Noailles), Браницких, Константина и Владислава; с последним, а равно с женою первого я был почти в дружеских отношениях; Тишкевич, Потоцкую, Варецкую — вот некоторые

* Важным видом *(фр.)*.

лица и имена, которые я вспоминаю из тогдашнего польского общества.

Скажу еще несколько слов о самой светской жизни в Варшаве в то время. До Рождества не было никаких сборищ; с Рождества же и до Великого Поста все время посвящалось обществу и светской жизни. Эти 6–8 недель называли карнавалом, и, действительно, это время походило на продолжительную масленицу: оживление на улице, театры полны и столько почти ежедневных танцевальных вечеров и балов.

Кроме официальных, блестящих по численности и великолепию зал, балов у фельдмаршала, собственно блестящие, но редкие балы бывали только у графини Августовой Потоцкой, красивые — у Шембек, но везде было весело и оживлено. Оживление доходило до высшего градуса во время мазурки, долго продолжавшейся; эта мазурка была так увлекательна, что впервые я пожалел о своем неумении танцевать; делал даже опыты, но неудачные, несмотря на несколько обидную снисходительность дам. Обстановка балов вообще была скромная, но туалеты хороши; ужин простой и у многих плохой; вина — с расчетом, но обязательно с Венгерским, более или менее старым. Интересным моментом в польской светской жизни были тоже Свенцены, нечто вроде нашего разговенья на Пасху, но носящие гораздо более светско-приемный характер.

Поговорив о польском обществе 50-х годов, следует сказать несколько слов и о русском варшавском обществе того времени. Можно смело сказать, что центром его была чета Потаповых: Александр Львович и Екатерина Васильевна. Ils en faisaient du reste métier*, в полном значении этого слова.

Когда я приехал в Варшаву, они жили на Новогрудской улице, потом переехали более в центр города, против Банка. Несмотря на скромность квартиры, в ней можно было видеть поочередно все русское общество, почти всех категорий: и светское, и военное, и высшее чинов-

* Они к тому же были мастерами своего дела *(фр.)*.

ничество; всякий, приезжий из Петербурга или Москвы, считал своею обязанностью, проездом через Варшаву, побывать у Потаповых, а Потаповы считали своею обязанностью пригласить всех проезжих на чашку чая, длившуюся всегда очень долго и всегда за полночь. Несколько лиц, в том числе и я, были les habitués, les amis*. Что за уменье группировать и принимать! Это отличало чету Потаповых; как правильно были у них распределены роли хозяина и хозяйки. Екатерина Васильевна, в то время еще миловидная и вкрадчивая, группировала дам и мужчин, могущих и желающих разговаривать; сама она разливала чай с необыкновенным искусством из крошечного чайника. Александр Львович со своей стороны устраивал партии, и хотя очень любил сам играть, но, если было нужно, поддерживал разговор, отказываясь от карт. Какое уменье сводить в общий разговор мужчин и женщин самых разнообразных свойств. Я бывал у Потаповых почти ежедневно, и быть у них обратилось для меня в привычку и потребность. Хорошие отношения мои с Екатериной Васильевной сохранились до ее смерти, а с мужем ее — весьма долго, покуда они не сошли на нет вследствие слишком большой разницы в дальнейшем развитии наших жизней и, наконец, умственной болезни Потапова.

Потапов как государственный деятель подвергнулся большому и, считаю, справедливому нареканию; он отчасти его не заслужил, но более виноваты и те, которые приняли его слишком всерьез как государственного деятеля. Таковым его не следовало делать; сохранили бы его для административной деятельности средней руки, он был бы отличен; так, он был отличным обер-полицмейстером в Москве и Петербурге; выше поднимать его не следовало, и это даже бросалось в глаза. Потапов — весьма честный и добрый человек, отличный и совестливый работник, далеко не глупый, но с ограниченным и несколько мелким кругозором. Не нужно было из него делать государственного человека — преемника Муравьёва в Северо-Западном крае. Контраст государственного ума был слишком велик[72].

* Завсегдатаями, друзьями *(фр.)*.

Большой театр в Варшаве
Фотография. Конец XIX в.

Воспоминание о варшавском салоне — укромной комнатке Потаповых — приводит на память почти всех русских, живших в то время в Варшаве. На первом плане штаб фельдмаршала: Шаховской, Панютин, Канкрин (Виктор), чета Рейтерн, чета Протасовых, чета Игельстром, Остерман, Паулуччи, Орлов-Денисов, Кузнецов, Столыпин, Адиль-Гирей, князь Бебутов, Асланбек, Ковалинский, Фролов, Фуман, Дитрих, Гурко (отец и сын).

Затем из гражданских: Честилин, Очкин, кн. Голицын (почт-директор), Менгден, Крузе, Крузенштерн, чета Софиано, Муханов Алексей, изредка бывал и Павел Александрович Муханов, мой будущий тесть, и многие другие, которых позабыл. Помню, что у Потаповых по вечерам бывало ежедневно, редко менее 5, а часто до 10–15 и 20 человек гостей. Русское общество было, разумеется, по преимуществу своим для меня, в особенности таковым

был наш товарищеский адъютантский круг, в нем жилось дружно, согласно и весело.

Устроившись на собственной квартире, я по утрам в особенности жил собственною личною жизнью; имениями, хотя заглазно, занимался пристально. Переписка с матушкой, братьями, сестрами шла очень исправно и последовательно и, только при этих условиях, переписка несколько восполняет отсутствие; учился польскому языку; вскоре стал почти все понимать и даже читать. Нанял я хорошую, в бельэтаже, квартиру на Братской улице, в угловом доме, недалеко от костела Св. Александра; меблировал я хорошо, мебель кабинетная, с буфетом, до сих пор цела в Хорошем, а турецкий диван — в Москве. Стол был у меня хороший, мы устроились с Борисом Фёдоровичем держать его сообща и, когда обедали дома, то почти всегда приглашали товарищей или гостей, от 2 до 10 человек; в последнем случае после обеда играли в карты и проводили вместе часть вечера. Прислуга моя состояла из камердинера Афанасия, очень ловкого и презентабельного; Ивана Васильевича, бывшего долго кучером у брата Володи, обращенного мною в форменного лакея, и повара Никанора — Karl, как его поляки звали, — вся она скоро обжилась в Варшаве и даже слишком скоро применилась к местным нравам и обычаям. Экипажа не держал, пробавляясь, как и все, дрожками.

Театр, разумеется, играл в моей варшавской жизни немалую роль; там он совершенно plante du terroir*, в особенности отличен балет с первою танцовщицею Strauss и комедия Rozmaitości[73]; была и итальянская труппа, на $^3/_4$ польская, <*нрзб.*>, довольно посредственная, но зато недорогая. Вообще, жизнь в Варшаве, при всех ее удобствах, была недорога, даже никто из тех, которые вели очень веселую жизнь, не разорялся; о долгах было мало слышно; крупной игры тоже не было; в этом отношении я не нашел Варшаву заслуживающей репутацию «ville de perdition»**, которую она имела. Серьезности вообще в варшав-

---

* Специфически местный *(фр.)*.

** «Развращенного города» *(фр.)*.

ской жизни было мало, но и особенного разгула тоже не было. По моему мнению, Петербург гораздо опаснее для молодежи: столько в нем лжи и условно фальшивого, даже по части удовольствий и развлечений. Стоит молодому человеку, офицеру в особенности, попасть в Петербурге в известный водоворот, редко будет жить он по состоянию — пойдут долги, делаемые большею частью напоказ из чванства, даже без особенного веселья; хорошо еще, если ограничится дело долгами и не заденет чести. Жизни напоказ, чванства, запусков в роскошь и транжирства в Варшаве вовсе не было в мое время ни в русском, ни в польском обществе.

Есть в Варшаве опасный тип для русского молодого и немолодого человека. Вследствие действительной привлекательности варшавской жизни (в особенности для человека несерьезного), некоторой ее легкости, можно слишком к ней привязаться; если это случится, то человек теряет под собою действительную почву, перестает быть русским и, не делаясь ни европейцем, ни даже поляком, делается варшавянином — это совершенно особый тип русского, мало привлекательный и даже мало почтенный. В этом случае, относительно себя, должен сказать, что у меня русская национальная струна слишком существенна и сильна, чтобы я когда-либо мог опасаться сделаться варшавянином или, еще менее, ополячиться. С поляками я жил хорошо, за многое их уважаю и во многом хорошем отдаю им справедливость. В сношениях с ними держал себя всегда русским, без всякого компромисса; может быть, за это-то и они меня уважали. Жалею поляков за их несчастную историческую судьбу.

Отдавая справедливость вообще даровитости поляков, их в низших классах трудолюбию, высшему, в среднем сословии, против русских, развитию, я не особый поклонник их высшего класса и не восхищаюсь пресловутым польским патриотизмом. Серьезного и настоящего патриотизма ни в польской истории, ни в явлениях современной польской жизни я не усматриваю и в недостатке оного по преимуществу укоряю высшее сословие. Везде оно при-

звано руководить нациею, опираясь преимущественно на сельское население; между тем, что же мы видим? В Северо- и Юго-Западном краях[74] (которые поляки считают своими), где действительно большинство помещиков поляки, они не только не старались сблизиться с крестьянами, но стали к ним в чисто враждебные отношения, не признавая и попирая в них все человеческое: религию, национальность, и трактуя их только как рабочую силу (bydlo). В самом Царстве Польском, где национальность и религия у помещиков с крестьянами общая, первые не поняли политической необходимости в своем же польском интересе иметь за себя массу сельского народонаселения, позаботившись своевременно об устройстве быта крестьян.

Батрачество, чинши[75] не могут быть прочною и постоянною формою пользования землею нигде, а в особенности в Польше — в стране, покоренной и желающей освободиться от своих завоевателей. Своею политическою оплошностью, своим неполитическим эгоизмом польское дворянство дало русскому правительству в руки оружие, которым оно наконец, после революции 1863 года, и воспользовалось — наделение крестьян землею и устройство им самоуправления, независимо от помещиков[76]. Вместо того, чтобы опираться преимущественно на крестьянство, польское дворянство всегда и за последнюю революцию 1863 года опиралось преимущественно на духовенство, которое, ориентируясь постоянно на Рим, действовало фанатически, вследствие чего, хотя и было ближе к народу, чем дворянство, но не могло принести ему пользы и не приносило. Мудро поступило наконец и наше правительство (лучше сказать, Милютин и Черкасский), что оно, не касаясь самой религии, как там ни говори, ослабило политическое влияние и духовенства, ослабив его отношения к папе[77].

Возвращаюсь к моей жизни в Варшаве. Как я уже сказал, сложилась она приятною и веселою для меня; но политический горизонт начинал заволакиваться тучами. Оккупация нашими войсками придунайских княжеств, под предводительством князя Горчакова, уже состоялась, и с этой стороны мало было радостного и утешительного[78].

Потеряли мы сражение при Ольтенице, неудачи нас преследовали под Калафатом; но зато громовым ударом отозвалось повсюду Синопское сражение[79].

Явно было, что гроза приближается и что война неизбежна. Кроме общего живого интереса, вызываемого событиями, в нашем штабе обсуждался жгучий вопрос: кто будет назначен главнокомандующим, в случае объявления войны? Имя фельдмаршала князя Паскевича было у всех на языке, у нас в особенности. Вот, наконец, в начале 1854 г., Государь вызывает князя Паскевича в Петербург[80]; Паскевич едет, взяв с собою только двух адъютантов, остальные, и я в том числе, остались в Варшаве. Проходит несколько времени — фельдмаршал назначен главнокомандующим всей действующей армии.

Война объявлена[81], и мы примем в ней личное участие. Сердце забилось сильно от восторга; нужно было готовиться. Отъезд на театр военных действий был назначен на апрель. Я поехал в Петербург прощаться со своими. Матушка приезжала туда, были в Петербурге и оба моих брата и сестра Ольга. Бабушка[82] и матушка благословили меня нагрудными иконами с надписью: «спаси и сохрани», последние я до сих пор всегда ношу; брат Владимир подарил мне часы, с которыми я тоже не расстаюсь. Обзавелся я и кое-какими нужными и ненужными походными вещами, в том числе сшил себе военное пальто из солдатского сукна, как то было приказано, вследствие того, что при Ольтенице турки преимущественно убивали офицеров, различая их по одежде. Это пальто я носил, как и все, во все время похода, сохранив его затем на память как простреленное пулями.

Пробыв недолго в Петербурге, я возвратился в Варшаву. Первым делом я стал говеть; времени было мало, говел наскоро, но редкое говенье оставляло по себе во мне такое сильное и возвышенное впечатление; я готовился сознательно на случайность смерти: не было во мне страха перед нею, не было равнодушия и к жизни, в которой все мне улыбалось. Духовником моим в Варшаве был соборный протоиерей Александр Метаниев, личность очень симпатичная.

Затем наступило время приготовления «к походу». Мы устроились с Борисом Фёдоровичем ехать вместе — обзавелись двумя повозками — взял я с собою верховую лошадь Полкана, которую привел еще из Орденского полка и, кроме того, купил отличную казацкую лошадь «Буцефал». В Бухаресте купил еще очень доброезжую. Отправивши обоз, сами поехали на почтовых догонять фельдмаршала, что нам удалось где-то в Подольской губернии. Наконец доехали до границы России с Молдавией, кажется, в Унгенах. Странное впечатление — первый раз в жизни я переступал русскую границу и это при военной обстановке.

Собственно новый край не поразил меня своими особенностями, тот же степной тип, да и костюм, несколько сходный с малороссийским. Произвел только впечатление новый говор и новая оригинальная, дикая запряжка цугом от 4 до 10 лошадей, несущихся во весь опор под ударами бича, при диких криках возницы. Остановки обязательно делаются всегда на полпути — мейжитатедрум.

Первая наша остановка была в Яссах, где мы пробыли дня три; окрестности весьма живописные, и очень мне понравились; здесь впервые я увидал горы. Проехавши Рымник, с его доблестными Суворовскими воспоминаниями[83], остановились мы в Бузео, Фокшанах и наконец доехали до Бухареста. Это очень обширный и типичный город, с узкими, неправильными и запутанными улицами; Бухарест напомнил мне несколько Москву, и особенно часть города, населенная русскими раскольниками. Эти раскольники, а равно и липоване[84], в совершенстве сохранили чистоту русского говора, привычки и обычаи, хотя живут там со времен Екатерины. Значит, только русским из высших слоев свойственно скоро и вполне терять свой национальный колорит, обезличиваться и делаться ни тем, ни другим.

В Бухаресте мы пробыли, кажется, с неделю; нам, адъютантам, отвели какой-то княжеский дворец с залами и роскошною обстановкой; одна зала была обращена в нечто походящее на бивуак, будучи уставлена кроватями.

Харчились мы в лучшей гостинице города, европейского типа, вполне запруженной офицерством и потому получившей довольно некрасивый тип военного трактира. Да и вообще, пребывание в Бухаресте не оставило по себе во мне приятного воспоминания, так как от безделья там проявились именно непривлекательные стороны военной, преимущественно штабной жизни. Игра в карты, между прочим, приняла большие размеры, притом именно игра в банк — с грудами золота на столе. Зеленый стол сделался местом сближения штабных с местною, весьма непривлекательной аристократией; я лично почти не участвовал в игре, и одною из причин того было мое несовершенное равнодушие к проигрышу.

К счастью, я и не домогался, как многие о том хлопочут, выработать из себя un beau joueur*. Этот тип, единственно возможный для приличной игры, неоднократно встречался в жизни, да иным и нельзя быть, если уже захочешь играть, но думаю, что он дается не без труда и не без сильного, вполне ненужного нравственного напряжения. Я почти никогда не играл в азартные игры, а в коммерческие играл по маленькой, причем остается только забавная их сторона. Игру в коммерческие игры я всегда любил и, при тех условиях, при которых я играл, ничего не нахожу в них дурного, напротив того, если только не обращать ее в занятие; при серьезном напряжении мысли и даже ее усталости — это отличное развлечение; кроме того, когда нужно проводить время с людьми скучными или мало развитыми это terrain neutre**, на котором можно, не скучая, сходиться.

Из Бухареста мы уже верхом отправились ближе к театру войны. Штаб-квартирою был назначен Калараш, в 3–4 верстах от Дуная и Силистрии. Обстановка, при которой началась моя военная карьера, т. е. в тех местах, в которых отец мой, хотя и в высших чинах, проходил ее, значительно влияла на мою впечатлительность. В кам-

* Смелого игрока *(фр.)*.

** Нейтральное место *(фр.)*.

панию 1828 года отец командовал отрядом, осаждающим Силистрию[85]; он сильно заболел, кажется, тифом и еле-еле живым был перевезен адъютантом своим <Никитой> Егоровичем Паниным сперва в Калараш, а потом в Россию. Отец мой рассказывал мне и об этом эпизоде своей жизни; между прочим рассказывал, как на него, по болезни удалившегося с театра войны, «доброжелатели», в особенности из петербургских, хотели свалить неудачу осады Силистрии в 1828 году. Этот рассказ повторился впоследствии в мемуарах графа Киселёва[86]; в них несколько строк, касающихся отца, меня возмутили: отец упрекается в барской лени. Понятие о лени несовместимо было с пылким характером отца, точно так же, как и о барстве. Жалею, что я не знал о записках, которые пишет граф Киселёв, не мог переговорить с ним об упомянутых строках, относящихся до моего отца. Впоследствии я у графа Киселёва был отлично принят в Париже[87], отчасти в память моего же отца, и лично он меня полюбил и отличал.

Итак, мы поселились в Калараше, небольшом и довольно бедном городке. Квартиру отвели нам человека на четыре, на постоялом дворе, в одной, довольно большой комнате; устроившись на ней артелью, меня выбрали ее распорядителем. Из-за этой артельной жизни вышла моя единственная, но довольно крупная размолвка с моим любимым товарищем Борисом Фёдоровичем. В числе его поклонников был некто Г. Гизетти, личность плохенькая. Он был мне противен еще в Варшаве, и я его мало допускал до себя; в Калараше я продолжал оттирать его от нашей артельной жизни; это не понравилось Борису, к тому присоединились еще мелкие недоразумения и, слово за слово, дошло до экспликации*; опять явился призрак дуэли. Взамен ее я предложил Борису, благо военное время, дождаться случая стать обоим под пули турецкие с некоторою оттого пользою. Экспликации, благодаря Бога, окончились благополучно: мы обнялись, взаимно заверив друг

* *Экспликация* (от *лат.* — объяснять); здесь — в значении выяснять отношения (***примеч. сост.***).

друга в дружбе и уважении; после этого неприятного инцидента наши отношения восстановились по-прежнему, только первое время я был очень во всем осторожен.

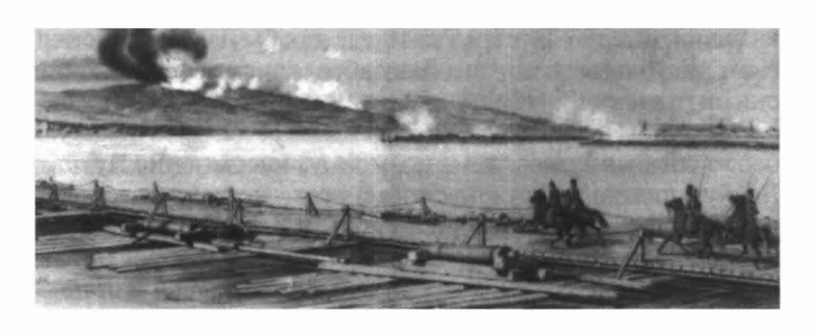
Фельдмаршал занял лучший, довольно обширный дом в Калараше; этот дом и сделался центроям всей вообще военной, нашей штабной жизни в особенности. Ежедневно весь штаб и приезжие генералы обедали у фельдмаршала, человек 30–40; стол был простой и хороший; у него был хороший повар — француз Humbert. Он сделался и нашим штабным маркитантом; между прочим у него на позициях можно было добыть за полуимпериал бутылку шампанского frappé — что при жаре было очень приятно. Фельдмаршал сам президировал за столом; после обеда беседовал с нами, совершенно запросто оживляясь, когда говорил о своих походах. Дежурство приняло серьезный характер и было суточное.

Помню первый наш выезд к Дунаю: проехали мимо Ольтеницы, кровавое и грустное воспоминание о которой было еще свежо. Подъехали к самому берегу Дуная! Как-то особенно звучало это слово, звучало не наименованием реки, а целым рядом военных событий, связанных с этим названием, — событий многих прошедших веков, событий грядущих, в том числе и тех, которые должны были совершиться на наших глазах, так сказать, завтра. В первый раз я услышал свист пуль от береговой, весьма, впрочем, слабой перестрелки; но это были первые для меня пули. Помню, что некоторые из моих товарищей принимали и личное участие в этой перестрелке, пробовали свои штуцера: мне это не понравилось; столь серьезному, как война, делу придавать характер охотничьего развлечения, мне кажется, не следует, да и не дело офицера, по моему мнению, стрелять самому, самому убивать, если он не вынужден к тому необходимостью или самообороной; по крайней мере себе я положил не делать из своего оружия другого употребления, кроме обороны. Пистолеты свои я носил, разумеется, заряженными в карманах пальто; оно и не дурно было в том отношении, что тем я избегал всякой театральной обстановки вояки; несколько забавными

казались мне те офицеры, которые как бы напоказ носили свои пистолеты за поясом или забавлялись другими воинскими ухватками. Чем проще отношения к серьезному делу, какое бы то ни было, чем меньше разыгрывать какую бы то ни было роль, тем, по-моему, несомненно лучше. Всякую театральность я всегда и везде подмечал; вероятно, другие тоже подмечают, — пользы от нее никакой.

Накануне военных действий я задал себе вопрос, который я и прежде обсуждал сам с собою: храбр ли я или нет? Скажу прямо, я не был в себе уверен, не подвергавшись до того серьезной опасности, даже сомневался в себе. Причиною моего сомнения было то, что в полковой жизни я не отличался той юношескою отвагою, которая была присуща некоторым моим товарищам и которою они щеголяли; не любил, да и не умел сломя голову, как говорится, ездить верхом; не выделывал никаких отчаянных штук ни на охоте, ни при играх; одним словом, был малый смирный; а дуэли я просто страшился; имел, однако, твердое сознание, что боялся ее только по религиозному чувству, не боясь, однако, смерти. Как бы то ни было, эта относительная смиренность меня очень озабочивала в том отношении, буду ли я теперь, на войне, хорошим офицером или нет. Моя тяжеловесность, некоторая неловкость, в особенности в верховой езде, меня тоже немало смущала; мне казалось, что я вовсе не того склада, какого требуется быть от адъютанта в военное время. Я вовсе не имел в виду отличаться, сделать что-либо необыкновенное; мне хотелось только не быть ниже своего долга и не терять уважения к себе других. Это смирение, хотя и не выказываемое, но искреннее, было мне на пользу. На Бога надеялся, и Он меня не оставил в те минуты жизни, когда мне пришлось быть мужественным, как на военном, так и на гражданском поприще. Чувство преданности Богу и надежда на Него, чувство долга военного и гражданского меня поддерживало в трудные минуты.

Итак, я на берегу Дуная; течет он плавно, величественно и спокойно; этот берег наш, тот, поросший виноградниками, неприятельский; вдали видна крепость Си-

Плавучий мост на Дунае
в виду турецкой крепости Силистрии. Июнь 1854 г.
Литография. Вторая половина XIX в.

листрия. Не такая она крепость, какие я видел: Новогеоргиевск, в Варшаве и в других местах; нет, или по крайней мере не вижу стен-бастионов, башен, и видны только коекакие земляные возвышенности, земляные верхи, с которыми пришлось мне вскоре познакомиться; только на пригорке, выше Силистрии, виден какой-то правильный каменный форт: Абдул-Меджидом[88] его звали.

После этой первой поездки на Дунай положено было через него переправиться и приступить к осаде Силистрии. Всем штабом с войсками сзади подошли к берегу и ждали там известия о том, что войска, которые шли другим берегом (из перешедших прежде в Галаце), подошли бы к Силистрии[89]. Приехали из того отряда посланные с известием, что идут, и с рассказами об эпизодах, впрочем, мелких, относящихся до перехода и стычки с некрасовцами[90] (русскими беглецами-казаками, находящимися на турецкой службе, особенно жестокими к русским). Наконец на противоположном берегу показались и передовые колонны; наступило время и нашей переправы. Фельдмаршал со свитой сел на баркасы, и мы пристали к турецкому берегу, верстах в трех ниже Силистрии[91]. Опасности покуда не было никакой, ибо войска наши успели подойти, но все-таки какое-то особенное ощущение наполняло мою

душу. Оживленность чисто военной сцены — переправы через Дунай — этого рубежа между миром и войною, вступление на неприятельский берег, уже в сферу войны, — и много нового, интересного, величественного, истинно военного. По переправе, сейчас заняли гору на берегу Дуная и начали раскидываться лагерем, который и остался там на все время осады. Гора эта была очень живописна; когда мы на ее пришли, она была покрыта виноградниками и изредка плодовыми деревьями, в том числе и персиковыми; о них вскоре и помину не было.

Самая большая ставка была поставлена для князя М.Д. Горчакова, который до приезда фельдмаршала командовал оккупационными войсками и теперь снова поступил под начало фельдмаршала; сам фельдмаршал остался жить в Калараше, но ежедневно приезжал на позицию. В самый же день переправы начали наводить через Дунай мост на плашкотах, который и был окончен в очень скорое время, так что движение по нем немедленно было открыто.

Помню, как в первый же день отважный генерал Хрулёв предлагал немедленно идти на Силистрию и взять ее штурмом, но предложение это было отклонено и решено было приступить к правильной осаде. Несколько дней прошло в закладке первой параллели.

Однажды ночью батальон, посланный для работ или рекогносцировки, не помню, наткнулся на турок и сробел (первый раз был в бою); произошло замешательство, о котором было доложено фельдмаршалу. Он приказал, чтобы с этого дня один из штаб-офицеров его свиты и один адъютант постоянно, каждую ночь, находились при осадных работах, в распоряжении траншей-майора (главного в них непосредственного начальника). Таковым был безрукий храбрый генерал Веселицкий. Нам поручено было подробно доносить обо всем происшедшем за ночь. Началось дежурство настоящее, уже не в передней, а в траншее; вот когда я был рад своей, именно адъютантской, службе. Она дала мне возможность расширить не по чину мой военный кругозор, быть близким к начальствующим, распоряжа-

ющимся лицам, познакомиться ближе с восхитительным типом армейского офицера и солдата, в опасности и в огне. Наконец, дала возможность самому понюхать пороху в различных видах и в достаточном количестве и решить удовлетворительно столь меня мучивший вопрос: храбр ли я или нет?

Разумеется, не без волнения отправился я на первое мое траншейное дежурство; ничего не произошло в ту ночь особенного, но все-таки я сразу ознакомился и с пчелиным звуком пуль и с треском и свистом бомб, гранат и всякого рода снарядов. Школа — не дурная: стоя или проходя по траншеям (в особенности в 3-й параллели) — опасность ежеминутная, которой и избегнуть нельзя; опасность, так сказать, холодная — без порыва и увлечения. Все в траншеях тихо (говорят даже мало или негромко), в особенности в ближних траншеях; солдаты делают свое дело тоже тихо, спокойно, по временам постреливая. Идешь мимо или стоишь рядом — и слышишь неприятельскую пулю, точно пчелу; подчас видишь, как она наизлет уходит в землю на месте, где за минуту перед тем сам стоял. Придешь на батарею: артиллерист заряжает оружие, не торопясь, чтобы ответить на неприятельский выстрел. Снаряды описывают по небу дугу. Сядешь рядом поговорить с офицерами, и, несмотря на близость бочонков с порохом, они и вы курите папиросы. Опасность везде так велика, что ни увеличивать, ни уменьшать ее нельзя. Могу сказать по совести: я не робел и свыкся с этою обстановкою очень скоро, — уж очень-то она меня интересовала и возвышенно волновала. Не робел, но вместе с тем и не фанфаронил: где можно было найти место менее опасное, там и проходил; где нельзя было укрыться или где это могло быть в соблазн (не скажу в пример — того не требовалось) другим, там шел кратчайшим или опаснейшим путем. Раз я хотел решиться на отчаянную штуку. Разговор шел о том, чтобы выведать о состоянии неприятельских работ, подкравшись к ним; я хотел предложить свои услуги не подвига ради, а думал, что я должен был это сделать. Борис Фёдорович отговорил меня от этого, я успокоился тем, что никого не послали.

Осада Силистрии, начавшаяся в первых числах мая, шла правильным ходом, без особенных, насколько я помню, важных инцидентов. Заложили первую параллель, затем вторую и наконец приступили к третьей, ближайшей. Сколько раз пришлось мне дежурить в траншеях до 16 мая, не помню, но на ночь с 16 на 17 вышел мой черед с полковником Опперманом. Как всегда явились к генералу Веселицкому, присутствовали и принимали участие в общем разговоре. Генерал послал меня посмотреть, что делается на месте новых траншейных работ, уже весьма близко от Арабия-Табия, главного земляного форта с правой стороны и главного объектива осадных работ[92]. Я пошел по траншеям. Выхожу на открытое место: батальон уже приступил к работе тихо, без всякого шума, даже без разговоров; секреты (скрытые часовые) были расставлены; офицерство батальонное с его командиром легло на траве несколько поодаль; мы начали разговаривать о всяких посторонних предметах; между прочим, помнится, офицеры говорили о выгодности службы в военное время вследствие получения двойного оклада. Контраст жизни и смерти в этом разговоре был поразительный; через час или $1^1/_2$ все почти участвовавшие в работах, в том числе майор и офицеры, с которыми я говорил, были перебиты сделавшими вылазку турками. Пробыв довольно долго на работах, я вернулся к генералу Веселицкому доложить, что все обстоит при них благополучно; и опять завязался у нас какой-то обыкновенный разговор. Вдруг, слышим необычную ружейную трескотню. Очевидно, что произошла вылазка и притом большая; мы все бросились на какую-то, недалеко находящуюся батарею, туда прибыл генерал-лейтенант Сельван (Дмитрий), командовавший всеми осадными войсками, много других генералов, в том числе и флигель-адъютант полковник князь Орлов, прикомандированный Государем к Главной квартире фельдмаршала. Подходит полковник Опперман, и верхом подъезжает генерал Костанда — начальник артиллерии. Они двое с горячностью стали докладывать о вылазке турок с значительными силами на наши передовые траншейные работы и что вылазка отбита

(сильно пострадал тот отряд, при котором я за час до того был). Тут явилась мысль воспользоваться отбитием вылазки, чтобы по пятам неприятеля ворваться в Арабию-Табию и завладеть ею. Мысль соблазнительная, ничего безрассудного не представляющая; на сколько правильно она была обсуждена в военном отношении, не мне, неопытному и молодому офицерику, было судить[93].

Я присутствовал при совещании, разумеется, не принимая в нем участия. Как бы то ни было, решено было идти на Арабию-Табию с наличными в траншеях и прикрывающими их войсками, придвинувши резервы. Нужно было за ними кого-нибудь послать. Сельван долго колебался в выборе для этого поручения офицера между мною и князем Орловым, который напирал на то, чтобы ему было позволено идти с штурмовою колонною. Неприятно мне было уступить ему эту честь, я должен был беспрекословно подчиниться приказанию генерала Сельвана. К тому же, я был младший.

Войскам был объявлен штурм, воцарилось молчание, и без всякого приказа солдаты сняли шапки и осенили себя крестным знамением. Я же должен был в эту торжественную минуту удалиться, чтобы исполнить данное мне приказание.

Ночь была темная; пошел я по траншеям назад в том направлении, где, мне сказали, должны были находиться резервы; места этого я в точности не знал, встречавшиеся со мною тоже не могли его указать в точности: темнота не позволяла не только видеть вдаль, но и в нескольких шагах. При этой неопределенности, мне пришла счастливая мысль — говорить всем, на пути попадающимся генералам и офицерам, какое мне дано было поручение и просить их, в случае, <если> кто из них наткнется на резервы, передать им приказание идти на подкрепление атакующей колонны. Когда я шел и потом поехал верхом, с моим расторопным и верным казаком Степаном, я слышал вдали шум атаки и страшный огонь <из> Арабии-Табии.

Не находя резервов, я ужасно волновался; чтобы успокоить свою совесть, я доехал до самого лагеря, оттуда вер-

нулся сперва верхом, а затем, траншеями, пешком. Как я успокоился, когда увидел, что тем временем резервы (а именно, Александропольский полк) все-таки подошли; кто их привел, не узнал; может быть, хотя и не утверждаю, передача попадающимся мне навстречу лицам полученного мною приказания помогла прибытию резерва. Немедленно повели александропольцев в атаку на подкрепление штурмующей колонны, и я к ним присоединился. Мы вышли из траншей на свободное место, саженей на 200, отделявшие наши передовые работы от укреплений Арабии-Табии. В первый раз я участвовал в деле; в траншеях, как я сказал, опасность была холодная (à la lonque énervante*), исключающая всякое понятие о порыве или воодушевлении; тут явилось и то и другое. Живо вспоминаю, как построился батальон, со всеми офицерами впереди, без всякой на то команды (я присоединился к ним). Батальон быстро двинулся к форту. Теряя уже на пути людей, пришли мы на контрэскарп (исподволь поднимающаяся местность по сю сторону крепостного рва). На нем толпились, суетились и метались солдаты первой, до нашего подхода, пришедшей штурмовой колонны. Эта колонна отступила, получив, говорят, на то приказ. Кто дал отбой — осталось неизвестным; между прочим, говорили впоследствии, что турки прибегнули к хитрости, приказав своим горнистам протрубить русский сигнал к отступлению[94]. Как бы то ни было, первый штурм произведен, вдобавок без лестниц и шанцевых инструментов, был неудачно, хотя мы еще видели полковых смельчаков, взбирающихся на неприятельскую батарею. Крепостной ров кишел солдатами, стремящимися выбраться из него на контрэскарп. В том положении, как было дело, подоспевшие подкрепления не могли быть и не были полезны, несмотря на хороших и воодушевленных офицеров и солдат, несмотря на то, что атаки повторялись со вновь подошедшими силами до трех раз.

Указывать ошибки в распоряжении штурмом — не мое дело, и я за него не берусь; могу засвидетельствовать

* Под конец обессиливающая *(фр.)*.

Турки в траншее под Силистрией в мае 1854 г.
Литография. Вторая половина XIX в.

одно, — что атакующие войска вели себя отчаянно храбро. Огонь из турецких укреплений был адский и почти в упор, от пушечного и ружейного огня было светло, несмотря на темноту ночи; в неприятельских амбразурах можно было даже разглядеть движущиеся фигуры; гам, шум, крик ужасные. Я был на берегу рва; быть в такой драматический момент и в таком огне без пользы мне показалось странным, но какую же пользу я мог принесть? Мне пришла мысль помогать солдатам, находящимся во рву, выбираться на контрэскарп: ров был глубокий, лестниц не было. Я взял ружье, и, цепляясь за него, несколько человек могли вылезть изо рва; в ту минуту, как я одному из них протягивал ружье, я почувствовал что-то, точно кипятком обварило мне спину; привстав, встрепенулся, жив и, слава Богу, даже не чувствовал ни боли, ни слабости; пуля, пущенная с высоты неприятельского вала (на расстоянии каких-нибудь 5–6 сажен), контузила меня в полунагнутую спину —

в этом я убедился по окончании дела, увидев простреленное мое пальто сзади вдоль позвоночного столба. Но тут было не до того, чтобы разглядывать пальто; я остался при штурмующих колоннах; кажется, еще раз ходил в атаку; свою личную деятельность, вместо вытаскивания солдат изо рва, переменил на убирание из сферы огня раненых; помню их раздирающие крики о помощи; кажется, унес человека 3–4. Помню одного из них, молодого солдатика, у которого обе ноги были прострелены так, что он даже привстать не мог. Взвалив его на плечи, вынес в безопасное место; очень он меня благодарил и спросил, за кого молиться, а я просил помолиться за упокой души Алексея, моего отца, который был ранен в грудь под Рущуком[95], почти при тех же условиях, как и я был контужен. Память о нем вообще сопровождала меня, одушевляла мою жизнь и служила ей нравственною проверкою.

Штурм, несмотря на все усилия, окончательно не удался. Форт Арабия-Табия был отлично выстроен инженером-англичанином; в нем всегда был значительный гарнизон, который удобно и скоро, как это говорилось впоследствии, мог получить значительное подкрепление. Мы возвратились в свои траншеи еще за ночь. Наконец солнце взошло, и мы увидели открытое перед фортом место, усыпанное ранеными, разными жестами взывающими о помощи. Были единичные смельчаки-солдаты, которые, под прикрытием накатываемой туры (цилиндра из хвороста, наполненного землей), пытались спасти некоторых, ближе лежащих. Наконец видим, как выехал из форта какой-то турецкий паша и со свитой объезжал свой уцелевший форт Арабию-Табию.

Мое дежурство кончилось, и я направился домой. Я был очень тронут тем, что мой повар Никанор, услыхав страшную пальбу ночью и зная, что я дежурный, переправился через Дунай узнать, что со мной делается. Это было очень мило с его стороны, и я ему очень обрадовался, когда встретил его между лагерем и траншеями. Прошел я мимо перевязочного пункта, на котором шла деятельная работа, и перебрался через Дунай.

Я был в сильно возбужденном состоянии и, только вернувшись в Калараш, я почувствовал себя очень нехорошо. Фельдмаршал принял очень горячее участие во мне и прислал мне своего штаб-доктора Розета, доброго, но, думаю, мало сведущего старичка; он определил мою болезнь столбняком и, между прочими средствами, приказал пустить кровь (единственный раз в жизни, что я пускал кровь). Мне думается, что никакого столбняка не было, но что мое действительно незавидное состояние происходило от сильного напряжения нервной системы, от роду у меня очень чувствительной; на нервы же, вероятно, дурно подействовала и контузия вдоль спинного хребта. Как бы то ни было, острый характер болезни не долго продолжался, затем — некоторая слабость и наконец, благодаря Бога и вопреки лечения, настало полное выздоровление.

За дело 16 мая я получил орден Св. Анны 3-й степени. Товарищи думали, что я получу больше, но и это мне было приятно; еще более, не только приятно, но положительно лестно было то нравственное положение, которое я с тех пор получил как военный в Главной квартире[96] и, как отголосок ее, в Москве; в Москве, где жила матушка, это было для меня особенно ценно. Матушка, которой о деле 16 мая и моей контузии я писал только слегка, с материнской гордостью говорила, как меня называли «le héros de Silistrie»*. В этом смысле писал мне и брат Гриша из-за границы (не особенно щедрый на комплименты); письмо его, сопровождаемое присылкой револьвера (в то время — новость), было мне очень приятно.

Слово «герой» очень приятно щекотит ухо — пусть так некоторые и выражались, но поистине я этим не возгордился и не думал и не думаю, чтобы я был героем. Это очевидное преувеличение, которому способствовал и сам фельдмаршал, который очень полюбил меня и, гордясь мною как адъютантом, нередко даже в моем присутствии с похвалой рассказывал о том, как я хорошо вел себя под Силистрией, чтобы дети мои (для которых одних я пишу

* «Герой Силистрии» *(фр.)*.

это так подробно) поверили, что в написанном мною выше сейчас нет ложной скромности, которая, как всякая ложь, никуда не годится. Я скажу, что после имел и имею сознание, что в ночь с 16 на 17 мая под Силистрией, в деле действительно жарком, я вел себя как храбрый и находчивый офицер, — это очень много, но этого довольно.

Какое тяжелое, неприятное и вовсе не геройское, но весьма естественное чувство я имел, когда, по моем выздоровлении, пришла опять моя очередь идти на дежурство в траншеи. Мне казалось, что вот теперь-то я наверно буду убит, а мне этого вовсе не желалось, жизнь мне особенно улыбалась. Особенного ничего, однако, в последующие мои дежурства не произошло; помню только, как за время моей болезни работы значительно подвинулись и обратились уже в минные; в одну из мин я взошел, чтобы посмотреть, что такое — жутко.

В конце мая и в начале июня фельдмаршал назначил усиленную рекогносцировку (до того я уже участвовал в двух); сам он был впереди, верхом; вся свита, конвой — за ним; по нам, разумеется, стреляли, но не попадали. Вдруг, небольшое ядро попадает в свиту; кажется, однако, никого не убило, кроме казацкой лошади. Фельдмаршал остановился, большое волнение в свите; он слезает с лошади, говорят, контужен; его перевезли в Калараш, откуда он, при донесении Государю, просил возвратиться в Варшаву[97]. Главное командование фельдмаршал передал князю Горчакову, взял с собою двух адъютантов, Протасова и Потапова; остальных, и меня в том числе, оставили князю Горчакову.

Осада между тем шла чередом, с удачами и неудачами, и, кажется, последних было больше, чем первых; на всех нападает, если не уныние, то некоторая тоскливость; все одно и то же, существенного ничего не прибавляется: все та же Силистрия, с ее минаретами, цитаделью Абдул-Меджид и нетронутыми фортами перед нашими глазами, т. е. целого отряда, значительно усиленного новыми, подошедшими из России войсками. Все спрашивают: когда же конец, когда будет назначен общий штурм? И наконец общий штурм назначен[98].

Я был назначен состоять при князе Бебутове, которому поручено было обойти Силистрию и сделать диверсию с противоположной осаде стороны. Крепость не была обложена, по недостатку войск или другим причинам, — не знаю, а потому турки беспрепятственно снабжались подкреплениями и провиантом из Шумлы, где находилась главная квартира и армия турецкого главнокомандующего[99].

Отряд кн. Бебутова был значительный, и в состав его входили все роды оружия. Выступив ночью, мы шли с осторожностью, к утру обогнули Силистрию и предполагали обратить на себя внимание неприятеля, чтобы отвлечь его с правой стороны, с которой был назначен штурм. Кажется, наше предположение не удалось; мы видели, и то издали, один только полк башибузуков[100] и несколько эскадронов регулярной кавалерии.

Штурм был назначен на раннее утро. Стоим, ждем, что вот услышим усиленную канонаду и стрельбу; проходят часы, а ничего особенного не слыхать. Прискакавший адъютант положил конец нашему недоумению. Штурм отменен, и нашему отряду приказано возвратиться в лагерь. Весьма незадолго до часа, назначенного для штурма, прискакал от фельдмаршала адъютант Протасов и привез от него категорическое и безусловное приказание не только отменить штурм, но и самую осаду снять, перейти через Дунай и возвратиться в Россию.

Не берусь объяснять эту внезапную перемену во всем плане войны, об этом много уже писано. Кажется, фельдмаршал неохотно отнесся к плану войны с самого начала, имея в виду враждебную нам Австрию на фланге; ему приписывали мнение, что путь в Константинополь лежит через Вену (позволяю себе думать, что это правда). Все время осады Силистрии до нас доходили слухи, что фельдмаршал не уверен в Австрии, что он ведет осаду медленно, чтобы понапрасну не терять много людей. Кажется, за последнее время Австрия из пассивного положения перешла в активно-враждебное; стали собирать войска на границе, они действительно и вошли по пятам наших войск, уходящих из Княжеств[101]. Вот что говорили в нашем штабе, что-

бы объяснить причину всеобщего отступления; но военные не дипломаты.

Известие о снятии осады и об отступлении как гром грянуло в нашей армии. Досада, уныние, злоба были видимы на лице каждого; эти чувства глубоко запали и в мою душу, и помню, как тогда впервые я усомнился в непогрешимости и величии императора Николая; это тогдашнее сомнение перешло уже в сознание во время Севастопольской войны. Россия надрывалась для своего военного могущества, в ущерб всем остальным; армия истощила народ и казну; военная служба, со своим 25-летним сроком, со своею тактикою и слепым фронтовым педантизмом, была своего рода каторгою для солдат; и что же — позорно отступать от турок и австрийцев; может быть, это и было необходимо, но кто виноват в этой необходимости?

Отступления армии за Дунай я не видел, но слышал о нем надрывающие сердце рассказы, видел целые обозы несчастных, нами обманутых, болгар, тянувшихся за армией. Весь обратный поход до границы наш штаб сделал верхом[102]. Тяжело было проходить опять прежними местами, которыми тому два месяца шли, с совершенно иным настроением духа; товарищеская приятная жизнь, притом в большом обществе, отчасти смягчала тяжелое впечатление, и мне было нескучно. Так добрались мы до Кишинёва, где остановилась армия и Главная квартира князя Горчакова.

Упомянув о товарищеском круге, я сказал, что он расширился. Действительно, к нему примкнули многие, о которых мне приятно вспомнить: Александр Мейендорф, офицер Генерального штаба; два брата Столыпины, Алексей и Дмитрий; с первым я очень сошелся; Салтыков (bouton de rose*), Корсаков Николай, чьи-то ординарцы и многие другие. Об Александре Мейендорфе, с которым я положительно был дружен, скажу несколько слов.

Впервые я познакомился с ним в Москве, будучи еще студентом; он был привезен туда своими родителями из Вены, чтобы обрусеть, и поражал меня своею иностран-

* Бутон розы *(фр.)*.

Князь М.Д.Горчаков
Литографированный портрет работы Фаинса. 1850-е гг.

ною элегантностью. Потом он поступил в военную службу уланом (портрет его у меня сохранился), учился в Военной академии и вошел в наш чичеринский дружеский петербургский кружок (на Моховой). Вновь сошлись мы с ним на Дунае и на обратном пути уже сделались camarades de chambrée*, и наша дружба вполне упрочилась. Он был из ряда выходящим, умным, образованным и приятным малым, когда хотел быть таковым; со мною он всегда был таков, но с некоторыми, в особенности с теми, которых он недолюбливал, он был очень резок и ироничен; а как он был очень умен, то ирония его была вовсе не невинная. Тем самым он многих отталкивал и нажил немало врагов; с друзьями же своими, и в том числе со мною, он был прелестен. Он был убит под Севастополем, на Малаховом, в

* Товарищами по комнате *(фр.)*.

последний день. Мать его подарила мне впоследствии его крест Св. Владимира с бантом, на память о нашей дружбе.

Итак, целой армией, с огромным штабом, мы остановились в Кишинёве, и там месяца два велась довольно однообразная, но не скучная жизнь. Между тем надвигались грозные тучи со стороны Севастополя. Слухи и газеты говорили о предполагаемой союзниками высадке десанта, но этому плохо верили; к несчастью, не верили и в высших военных кругах в С.-Петербурге; не верил даже, повидимому, на месте, в Крыму, и князь Меншиков; полная почти неподготовленность к отражению десанта заставляет так думать[103].

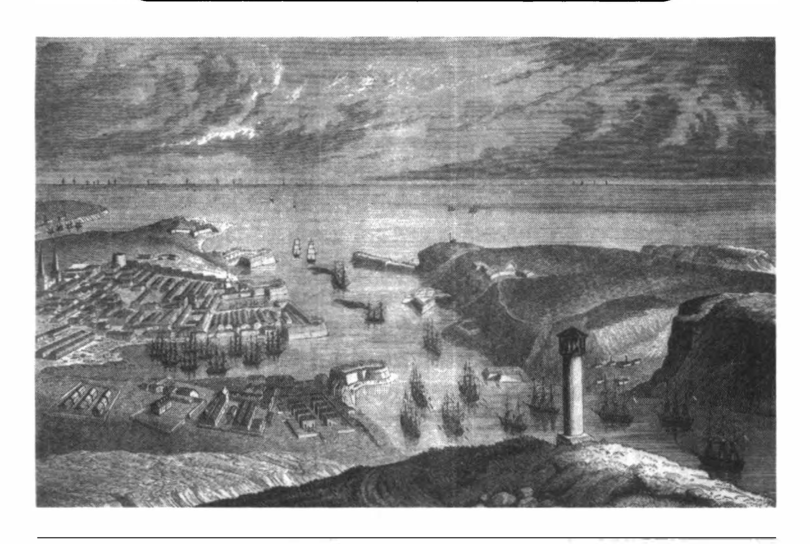
Громом грянуло известие о совершившемся около Евпатории десанте и последовавшее вслед за тем известие о потерянном под Альмою сражении[104]. Ужасные о том известия повез в Петербург Государю флигель-адъютант Грейг, которого Государь принял со взрывом негодования («ты врешь»), немедленно, впрочем, смягчившимся; что должен был в эту минуту почувствовать гордый, но все-таки истинно русский император Николай?!

Известие об Альменском поражении привез в нашу Главную квартиру тоже флигель-адъютант князь Лобанов — зять фельдмаршала Паскевича. Я его и прежде знал: в высшей степени образованный, элегантный и красивый мужчина; но образование его было исключительно европейское, с преобладающим французским оттенком. Русского в нем было мало, и это отсутствие патриотической струны болезненно отозвалось на всех, когда он, именно он, привез в Кишинёв известие об Альменском поражении: его несвоевременные упреки русской армии, правда, дурно вооруженной, дурно руководимой, но и под Альмой оказавшей чудеса стойкости и храбрости. Его восхищение от французских и английских войск, передаваемое в штабе из уст в уста, производило тяжелое впечатление, независимо от самого существа дела — потери в Крыму первого и важного сражения.

Как только князь Горчаков получил известие об Альменском сражении, он немедленно решил послать в Се-

вастополь своего адъютанта, назначивши для этой цели меня. Нужно ли пояснять, как я принял это назначение: к высшей степени почетности его присоединилось и понимание всего его значения и важности. Мне князь Горчаков вручил письмо к князю Меншикову, уведомляющее его о немедленно (частью на подводах) высылаемой дивизии пехоты, кажется, 12-й, и кавалерии, т. е. первого подкрепления, могущего иметь влияние на дальнейший ход дела. Посылку этого подкрепления князь Горчаков, подчас нерешительный в своих действиях, сделал совершенно по личной инициативе[105]; в трудных случаях князь Михаил Дмитриевич — вполне рыцарь истинно русского типа. Он вызвал меня, передал лично конверт и приказал доставить во что бы ни стало; при сем снабдил меня письмом к одесскому генерал-губернатору Анненкову и предоставил мне самому взять с собою или по дороге людей, сколько и кого захочу. Я взял только своего казака Степана, уже испытанного, и стремглав мы покатили на курьерских, на перекладной. Мой Степан, однако, оказался мало пригодным для меня в пути, — что значит привычка: он мог вести самую трудную жизнь на коне, перекладная же его так разбила, что мне же пришлось несколько хлопотать об нем. В Одессу мы приехали 17 сентября. Помню это число, ибо это день Св. Софии — именины матушки, и я успел на минуту забежать в церковь и помолиться о ней. Анненков, разумеется, принял меня отлично; затем, ни минуты не останавливаясь, доехали мы до Бахчисарая, куда приехали в лунную прекрасную ночь. Как теперь помню впечатление, которое этот чудный уголок Крыма произвел на меня, — ничего до того времени более поэтичного я не видал. Заехал к коменданту с немецкой фамилией, и мне странно показалось видеть у него нормальную обстановку обыденной жизни, когда рядом происходило необыкновенное и чрезвычайно важное.

Еду дальше, останавливаюсь на Бельбекской почтовой станции; сведения, переданные мне станционным смотрителем и несколькими встретившимися там офицерами, были для меня гораздо важнее и полнее сведений, со-

Вид Севастополя в 1854 г. до начала военных действий
Литография. Вторая половина XIX в.

общенных мне бахчисарайским комендантом. Я узнал, что французы только что произвели знаменитое (столь ошибочное для них) фланговое движение и перешли или даже переходят только на Южную сторону[106]. Смотритель мне сказал, что теперь уже нет опасности в проезде до Севастополя, но все-таки советовал быть осторожнее ввиду могущих встретиться отсталых партий неприятеля; колокольчиков к дуге я не приказал привязывать. Остался, наконец, последний перегон, который совершил, благодаря Бога, благополучно. Проезжая лагерем нашего отряда, остановился на минуту, чтобы переговорить с Николаем Васильевичем Исаковым, который, кажется, был начальником штаба. При восходе солнца подъехал к Севастополю. Что за зрелище, что за чудная картина мне представилась, — в век ее не забуду. Севастополь тогда был еще во всей своей красе. Живописно раскинутый и хорошо обстроенный, город виднелся на горах противоположного берега; чудная величественная освещенная восходящим солнцем

бухта кишела движением переправляющихся на барках и лодках войск. По сю сторону, левее Северного, уже тогда, кажется, существовавшего, но еще незначительного укрепления, на батарее, которую, кажется, называли батареей № 4, стояла ставка главнокомандующего князя Меншикова, окруженная палатками его штаба. Везде, несмотря на раннее утро, — кипучая военная жизнь. Правда, это было чудное зрелище — оно пленило мою душу, оставя в ней неизгладимые следы первого впечатления. Меня немедленно проводили к князю Меншикову; он был задумчив и сух; принял от меня конверт, почти ничего мне не сказал и не распростился; сказал, впрочем, что долго меня не задержит. Впечатление, вообще, он произвел на меня неприятное. Приехав в Севастополь я, разумеется, захотел с ним и его главными деятелями ознакомиться, а потому без ведома и, не испросив разрешения главнокомандующего, переехал на другую сторону и попал прямо к адмиралу Корнилову — душе обороны[107] — статного, скорее худощавого человека, с очень умным и привлекательным лицом; жил он на Екатерининской улице.

Он принял меня очень хорошо, удостоивши разговором о недавних событиях, и, так как собирался в объезд существующих и строящихся укреплений, предложил мне ехать в его свите верхом. Начиная с батареи с левой стороны входа в бухту (кажется, № 10), мы объехали всю линию до Малахова кургана включительно; на этом последнем стояла в то время еще совсем не тронутая, не очень высокая башня-форт. Везде шла лихорадочная работа, рыли землю, подвозили орудия, и вообще, готовили эту, чудом и энергией Корнилова в несколько дней воздвигнутую, оборонительную линию. С одного из ее пунктов видели мы издали густую массу войск — то были французы, которые только что занимали свою новую южную позицию, и в этот момент, как мне сказали имевшие зрительные трубы, варили пищу. Везде кишело солдатами, матросами, но, кажется, в особенности на Малаховом кургане. Со многими лицами из свиты Корнилова я познакомился; они ласково отнеслись ко мне, доброму вестнику о подкреплении,

и многое мне объясняли; эти объяснения и внимательное наблюдение всего виденного мною очень мне пригодилось впоследствии, как я потом скажу. Где-то мы встретились с князем Меншиковым, от проезда которого меня обдало холодом; я от него даже прятался.

Ночевать пригласил меня на пароход командир игравшего впоследствии столь славную роль в обороне «Владимира», на сколько помню, адмирал Бугаков[108]; кажется, в то время значительное и столь полезное заграждение бухты потопленными кораблями еще не состоялось. Как сквозь сон помнится мне, что мы на лодке проходили мимо гиганта, трехдечного деревянного корабля «Трех Святителей», но утверждать не буду[109]. Очень жалею, что хотя бегло не записал всего виденного мною: оно бы мне пригодилось и для дела тогда, а теперь пригодилось бы для большего интереса моих воспоминаний об этом достопамятном историческом событии. Несмотря на силу и живость произведенного на меня виденным, время несколько сгладило в памяти следы этого впечатления; тогда я рассчитывал на память действительно острую, и она тогда меня выручала, хотя не предвидел, что должен буду к ней прибегать.

Вечер, проведенный на пароходе «Владимир», характерная дружеская беседа с адмиралом и офицерами остались в моей памяти. Как-то сразу и сильно я полюбил севастопольских моряков, да и кто их не полюбил и не восхищался ими впоследствии. На другой же день (как мне ни хотелось продлить мое пребывание) князь Меншиков, опять молчаливо и сухо, отправил меня обратно к князю Горчакову с конвертом, содержания которого я не знал.

Тем же путем, еще с меньшими остановками, ехал я обратно в Кишинёв; дорогой встречал войска, о высылке которых я привез известие в Севастополь; они, видимо, торопились, ибо помню, что часто солдаты везены были на подводах. При них, кажется, начальником штаба находился мой друг с детства и еще больший друг впоследствии, князь Виктор Илларионович Васильчиков — этот действительно будущий герой Севастополя[110]; мы с ним

виделись на переходе, но коротко и приятно поговорили. На какой-то станции я имел крупное столкновение со станционным смотрителем, задержавшим мне выдачу лошадей; церемониться было некогда, и я действовал по-военному.

В Кишинёв приехал поздно вечером, прямо к князю Горчакову; его разбудили (камердинер Леонтий); он принял меня в постели; сейчас прочел письмо князя Меншикова и жадно меня расспрашивал. Я описывал положение дела живо, точно, не прибавляя и не убавляя ничего из слышанного и виденного мною, — описывал всю опасность положения, но не считая его безнадежным. К счастью, видевшись с Корниловым, я мог и засвидетельствовать ему о восторженно высоком и готовом на всякие жертвы духе войск (не от Меншикова я это слышал). Рассказ мой, видимо, интересовал почтенного Михаила Дмитриевича, и он приказал мне на другой же день изложить все письменно и подать ему в виде записки.

На другой день, с утра, сбегались в мою квартиру, где я жил с Мейендорфом и Корсаковым, чтобы услышать привезенные мною вести из Севастополя. Передав все подробно Мейендорфу, я поручил ему сообщать остальным, которых не пускал к себе, разве только на минуту, потому что готовился к составлению записки: все пришлось брать с памяти и говорить, между прочим, военным языком, который, в особенности по фортификационной части, был мне мало известен; в последнем случае выручал меня Мейендорф, который описываемым мною простым языком различным работам давал точные, научные определения. Как бы ни было, вволю потрудившись, и, при сильном напряжении памяти и всех способностей, я сладил записку в одно утро и отвез князю Горчакову.

От других слышал, что князь моей запиской остался очень доволен и послал к Государю; мне он об этом не говорил. Чем все без условий были довольны, так это моими рассказами; я чувствовал, что вовсе без предвзятой мысли я поднял дух в Главной квартире, на которую рассказ князя Лобанова произвел раньше удручающее действие.

Вице-адмирал В. А. Корнилов

Меня рвали на куски, хвалили, благодарили, величали, — и этот порыв общий выразился вскоре довольно многочисленным обедом, данным в мою честь Главною квартирою, в коем приняли участие многие генералы и в том числе столь симпатичный генерал Веймарн, убитый впоследствии под Чёрной[111]. Список подписавшихся на обед я послал матушке как некоторого рода трофей; чтобы сохранить его, она послала вместе с моими письмами в переплет, а переплетчик Зенгбуш, приняв этот список за оберточную бумагу, уничтожил его. Матушка очень об этом горевала.

Я горюю о том, что не оставил себе на память черняка с поданной мною князю Горчакову записки о Севастополе от 20 сентября 1854 года[112]. Впрочем, то и другое, пожалуй, к лучшему: зачем сохранять документы, которые, воскрешая в памяти приятные воспоминания, могут отравить чистоту их примесью чувства гордости и тщеславия; то и другое чувства вкрадчивы, и следует их бояться, чем я и озабочиваюсь постоянно.

Этим эпизодом кончается моя военная служба в точном смысле слова. Она была коротка: с апреля по октябрь 1854 года, но долга по обилию и силе впечатлений, ею во мне оставленных; она была полезна по тому влиянию, которое она имела на мое развитие, на мой взгляд на людей и на многое в жизни.

В конце сентября я был отозван фельдмаршалом в Варшаву. До севастопольской поездки я того и желал, скучая кишиневскою жизнью. В Варшаву поехал через Москву. Помню, как матушка выбежала ко мне в переднюю навстречу, помню как обнялись; остальное тускло помнится; но помню, что в Москве было получено в мою бытность известие о первом бомбардировании Севастополя и о смерти Корнилова[113] — этой светлой и высокой личности, которую я имел счастие видеть и говорить с ним за несколько дней до того в Севастополе.

1888 год. Сентябрь.

Записки мои я прекратил два года тому назад: с тех пор житейский водоворот отвлек меня от их продолжения; но так как дети просили меня не останавливаться на написанном, то я опять берусь за перо, пользуясь досугом и безмятежностью пребывания моего в Хорошем, осенью 1888 года.

Действительно, жизнь здесь досужна и безмятежна, но она так полна настоящим и будущим, что не знаю, удастся ли мне сосредоточиться на прошедшем, притом далеко прошедшем. Хозяйственные занятия в этот мой переезд в Хорошее, пожалуй, менее отвлекают меня от всех других, чем когда я приезжаю сюда один, без семьи, или сам, вдруг, единственно с хозяйственной целью. В этом году я живу в Хорошем семейной жизнью, что редко мне доводилось: последнее наше пребывание относится к 1878 году, т. е. 10 лет тому назад, когда мы, семьей, приехали сюда после свадьбы Сонички[114]. Живо помню, как тяжело было, при всей надежде на ее счастье, прощаться с нею, отпускать ее из своего дома. Чтобы несколько облегчить себе этот трудный перелом в жизни, я и предложил семье провести осень в Хорошем.

Перемена обстановки предупредила тягостные впечатления возвращения в Нару без Сонички. В настоящем году, 1 сентября, опять из Хорошего, я послал Соничке поздравительную телеграмму по случаю исполнившегося десятилетия ее счастливого замужества. Из глубины души благодарю Бога, благословившего ее и Машенькин[115] брачные союзы, и молю о продолжении дарованного им счастия, которым обе мои замужние дочери умеют пользоваться. Они поняли жизнь, как следовало ее понять, работая и трудясь над прочным основанием и развитием счастья своих семей, и в этой области только труд имеет своим последствием наслаждения.

Нынешний год уже давно был мысленно намечен мною для семейной поездки в Хорошее; раньше мне и не хотелось приезжать сюда с семьею. Удаление бывшего управляющего Мирного, обманувшего мое доверие, произвело в имении целый переворот. Мирный не столько принес мне материального вреда, во многом уравновешенного сделанной им пользою, сколько введением элементов лжи и обмана, пошатнул имение в нравственном отношении. Нелегко было мне очистить имение от этого элемента и опять поставить его на прочную почву в экономическом и нравственном отношении. К счастью, Бог послал мне двух главных помощников в лице Петрова и Вехова, которые помогли мне достигнуть цели. Пришлось многое ломать; много удалять людей, которых я считал, и кажется, имел право считать преданными; пришлось подтягивать и крестьян. Все это далось нелегко, много тяжелых дней и впечатлений было мною пережито. С сердечной благодарностью вспоминаю о Соничке, которая пожелала сопровождать меня в Хорошее в самый момент главной ломки, т. е. удаления Мирного; при его запальчивом и, как потом обнаружилось, злом нраве, момент этот даже был не вполне безопасен. Вдвоем с Соничкою мы были у себя как бы в осадном положении, окруженные недоброжелательными наблюдателями над нашими словами и действиями, о которых немедленно доносилось Мирному, умевшему, для своих проделок, закупить или застращать служащих.

Потребовалось с моей стороны немало энергии, чтобы вывести себя и, главное, мое имение из затруднительного положения. У Петрова, при его молодости, энергии и уме, опускались руки, и раз он даже выразил желание отказаться от управления, несмотря на выгодность своего положения; а тут еще наступил бедственный 1885 год, в котором существование всего моего овцеводства — этой главной отрасли хозяйственной — было поставлено на карту.

Но все это пережито, и в настоящее время я только могу благословлять Бога, благодарить моих сотрудников, вкушать мир после бури, радоваться благоустройству, после анархии и неустройства, и двум подряд, после бедственного 1885 года, урожайным годам. Чтобы всем этим со мною вместе насладиться, я пригласил с собою в Хорошее на осень жену, Верочку и Серёжу[116], в сопровождении друга и члена семьи m-elle Кемпфер и симпатичной Александры Фёдоровны Матвеевой.

Этот год представлялся мне удобным и для первой поездки Серёжи в Хорошее, не считая той, когда он был здесь ребенком, одного года и четырех лет. Ученье его год от году усложняется и, может быть, с будущего года он поступит в гимназическую колею, что потребует возвращения в город в августе. В настоящем году он относительно свободен; ученье его, при двух репетиторах, хотя и женского пола, но с мужскою энергией, не должно потерпеть ущерба; наконец, он в той поре жизни, когда он может наслаждаться новыми впечатлениями, еще, к счастью, подетски, но самые эти впечатления могут ему пригодиться и оставить по себе следы и при возмужалости. В настоящую помещичью работу я его еще не втягивал, но указываю ему, в чем она должна заключаться. Главное — не учу, а показываю ему, как нужно относиться к людям всякого звания и как с ними обращаться; это очень важно в жизни на всех поприщах.

На 30 августа, день моих именин, я назначил народный праздник, чтобы сделать приятное народу и оставить память о моем приезде с семьей в первый раз после 10 лет. На этом празднике мы накормили и напоили более 2 т. че-

ловек, своих и соседей, и одарили всех своих крестьян подарками. Вместе с Серёжей мы обошли все столы и приветствовали народ; вместе с ним мы угощали всех служащих обедом в доме управляющего (причем, я и Серёжа получили на память от Петрова по серебряному бокалу). Одного Серёжу, не без волнения, я послал вместо себя сопровождать церковную процессию на молебен в волостное правление; как вообще я, народ и все, принимавшие участие в празднике, кажется, остались довольны. Подобные впечатления в деревне, а в особенности в глуши, сильны и долговечны; пожалуй, Серёжа, когда он сделается со временем хорошевским помещиком, будет вспоминать об этом дне.

Но я замечаю, что я увлекся описанием настоящей моей жизни; между тем, как я взялся писать мои воспоминания. Не зачеркивая написанного под впечатлением минуты, возвращаюсь к прошлому, легко сказать, за 34 года назад. На 1854 году остановлю мои записки и именно на осени, когда я из армии вернулся в Москву.

Пробыв некоторое время в Москве, глубоко насладившись свиданием с матерью и сестрою Ольгою, насладившись и доброй репутациею, которая мне в Москве предшествовала, я в несколько возбужденном состоянии должен был возвратиться к месту моего служения в Варшаву.

Там также, выше моих заслуг, я был приветствован фельдмаршалом и всем нашим русским кружком; князь Паскевич, даже в моем присутствии, рассказывал о моем поведении под Силистрией и другим говорил, что он гордится своим адъютантом. Все это, разумеется, льстило моему самолюбию, но это прошло, оставя по себе, однако, благодарную память князю Паскевичу за его действительно дружественные отношения ко мне. Эти отношения, неизменно сохранившиеся до его смерти, и между прочим заявились им при моей женитьбе, когда, принимая, уже очень больной, мое приглашение, он сказал: «Я очень болен, едва хожу, но на вашу свадьбу непременно приеду», — что и сделал.

Варшавская жизнь, сама по себе, потеряла в моих глазах ту прелесть новизны, которая была до отъезда моего на

войну; собственно служба, состоявшая почти исключительно из бессмысленных дежурств, даже опротивела мне после волнений и ощущений военного времени.

Но не долго пришлось мне пожить без сильных ощущений, без сильного биения сердца, хотя совершенно другого рода, — скажу короче: не прошло 6 месяцев, по возвращении моем в Варшаву, как я уже был женат. Как это все сделалось, трудно не только передать, но даже самому себе отдать отчет, — ни тогда, ни теперь. Верно одно, что ничего преднамеренного не было; я жил жизнью полною, никакой пустоты в ней не ощущалось; напротив, от успехов за мою кратковременную деятельность я был как бы несколько в чаду; свободу, полную свободу я очень ценил, об устройстве собственного семейного очага, своего home* вовсе и не думал, а между тем женился и вовсе не исключительно в порыве сердечного увлечения.

При несомненной любви, действовал и разум и рассудок. Решаясь на столь важный перелом в жизни, очень ясно отдавал себе отчет в своих намерениях и действиях; и должен был действовать осмотрительно еще более потому, что в Варшаве я был один, вдали от семьи, не имея никого, с кем мог бы переговорить, обдумать, проверить себя. Знал отлично, что я был ответственен не только перед собой, но и перед своей семьей, преимущественно же перед матерью, которая была для меня не только горячо любимым, но и авторитетным лицом, и на принципиальное сочувствие которой моей женитьбе, вдали от нее, да еще в Варшаве (при репутации этого города), я никак рассчитывать не мог.

Значит, в жизни есть предопределение, воля Божия для человека, полагающегося на Него, которая выражается не всегда объяснимыми, а часто ускользающими от анализа путями. Какое тут предопределение может быть, скажут мне, да еще с усмешкой, когда человек — просто влюбился, да женился. Бесспорно, я влюбился, но не просто; влюбленным же я бывал и до того, и раз серьезно. Ма-

* Дома (*англ.*).

rie Муханова[117] была редкою красавицею — это правда; но были и другие в самой Варшаве, были соперницы ей по красоте. Отчего именно в нее, которую я знал еще менее других, я влюбился; отчего, влюбившись, я не ошибся в своей любви? Где искать ответа на все эти вопросы, как не в руководяшем нами промысле Божием?

Я сказал, что мою будущую жену я знал менее других. Могу добавить, что почти ее и не знал; видел ее почти еще ребенком, гуляющею со своею гувернанткой m-elle Frezard по Новому Свету[118] или ездившей в красной, несколько допотопной коляске со своим отцом, известным в Варшаве по своей строгости в наблюдении за дочерью. Эта самая строгость побуждала меня вовсе отстраняться от мухановского дома и даже несколько враждебно к нему относиться. С Павлом Александровичем я только кланялся, никогда не разговаривал и в первый раз переступил порог его дома, когда приехал просить руки его дочери.

Выезжая в свет в Варшаве в сезон 1854–55 года, я на балах встречал Marie; пораженный ее красотою, я все-таки всматривался в нее, в ее обхождение с другими, а с молодыми людьми в особенности; и мог убедиться в отсутствии малейшего кокетства, при подобной ее красоте и сонме поклонников, — заслуге не малой.

Убедился в ее уме и остроумии в ответах, несколько затруднительных; убедился в простоте воспитания и образа жизни, о чем и наводил очень осторожно и даже лукаво справки через моего соперника Алексея Муханова, вхожего в дом его дяди. Сам я немного говорил с Marie; и как же на бале говорить серьезно, только одну мазурку я с нею танцевал на бале в Фраскати у Браницких, а то довольствовался кадрилями. Все мои наблюдения я крепко держал про себя, про себя одного. Между тем любовь делала свое дело; и когда после многих дум, анализа чувств, вопроса, созрело в душе, в смысле бесповоротного решения, я поделился своими намерениями с тремя друзьями: Голицыным, Шаховским и Пушкиным и написал длинное письмо матушке. Прошло 33 года с тех пор, а помню и чувствую, как я это письмо писал, — оно было длинное, про-

П. А. Муханов
Фотография. Начало 1860-х гг.

чувствованное и вместе с тем разумное. В нем не высказывалось самоуверенности; напротив того, относительно всего, что сулило счастие, письмо заключало в себе суждения, проникнутые надеждою на Бога.

В то время не было железных дорог, почта шла медленно — дней шесть до Москвы; около 12 дней, minimum, следовало ожидать ответа — мучительные и тревожные дни. Моя добрая сестра Ольга облегчила мне эту пытку, сообщив по телеграфу кратко, что я могу надеяться на благоприятный ответ матушки.

Телеграмма была в нескольких словах — длиннее она и быть не могла, — но за этими немногими словами ее я предчувствовал волнения и даже бури в сердце матушки и сестры, пламенно меня любивших и неизбежно ошеломленных моим, столь неожиданным, ничем не подготовленным письмом. Я не ошибся; на Садовой волнение

было большое; матушка и сестра ночей не спали, тяжело было им. В Москве про Павла Александровича Муханова и его дочь ничего наши не знали и даже не были в сношениях с Мухановыми, живущими в Москве[119]. Из знавших Павла Александровича по Варшаве, были в Москве княгиня Горчакова и г-жа Uranie Волкова.

От этой последней, останавливающейся иногда с мужем Сергеем Аполлоновичем, проездом через Варшаву, у Павла Александровича, матушкою и были получены, через посредство Марии Аполлоновны Волковой, первые, самые одобрительные и успокоительные сведения о произведенном мною выборе невесты. Разумеется, отказа благословить мой выбор со стороны матушки не могло быть; но как мучительно было бы мне получить от нее согласие, данное не от души, а с оговорками. Слава Богу, это испытание миновало меня. Знаю, что этому главным образом обязан я моей добрейшей сестре и ангелу-хранителю Ольге, а затем и неведомому мне почти лицу, г-же Волковой, и княгине Горчаковой.

10 мая 1855 года я получил письмо от матушки, а 11-го поехал к Павлу Александровичу — просить руки Marie, причем сообщил ему всякие справки относительно самого себя. Разговор происходил в его кабинете, длился недолго, и в заключение Павел Александрович сказал мне, что он спросит свою дочь и сообщит мне ответ; к счастью, ответ не замедлился. Павел Александрович поехал обедать с дочерью к баронессе Засс (рожденной Штакельберг), а по возвращении я получил от него краткую, по-французски написанную, пригласительную записку, что он и дочь ждут меня к себе. Стремглав отозвался я на приглашение, вошел в гостиную, куда из кабинета вошла Marie, и в ответ на мои слова изъявила свое согласие, подав мне руку.

Был восьмой час вечера, и мы с невестою пошли в сад. Помню, как странно казалось мне сходить с Marie с той же лестницы, по которой, за несколько часов до того, притом в первый раз, я поднимался, полный тревоги и волнения, теперь уже как жених; озадаченная фигура Франциска (камердинера П. А.) врезалась в моей памяти.

Лучше было провести эти первые часы полного счастья в саду, чем в комнатах: была весна (11 мая); чудный сад Казимировского палацо[120], с великолепным видом на Вислу, был в полной красе; все соответствовало счастливому моему настроению. Пробыв некоторое время с невестою, я вернулся домой (на Братскую улицу). К счастью, дома я не был один, моя невестка София Александровна, с детьми[121], приехала за несколько дней до того из-за границы в Варшаву; с нею я поделился первыми моими впечатлениями, и она отзывчиво откликнулась на мое счастье.

На другой день, первым делом, я поехал в замок — заявить фельдмаршалу о моей помолвке; в дежурной комнате находился один из безнадежных поклонников Marie — Гурко[122], и я ему сообщил великую новость. Он стремглав, бросив даже дежурство, поехал сообщить о том более серьезному моему сопернику, Алексею Муханову; в тот же день, как бы моментально, известие о нашей помолвке распространилось по Варшаве.

К завтраку поехал я к невесте, куда вскоре приехала и Софья Александровна с детьми, затем стали приезжать родственники, друзья и общие знакомые с самыми горячими пожеланиями. Для всех, безусловно, наша помолвка была неожиданностью. И единственные, знавшие о том, мои трое друзей выдержали характер и не проболтались. Е. В. Потапова была даже несколько обижена тем, что и она ничего не знала и не предвидела.

Мне был приятен похвальный отзыв баронессы Засс, очень умной и образованной женщины, о том, как я себя вел. Избежать сплетен везде трудно, а в Варшаве, пожалуй, еще труднее; сплетен, глупых намеков, вопросов не было никаких; пришлось только поздравлять. Поздравления были горячие и искренние; Marie все любили, да и меня тоже. <*Нрзб.*>. Приятны и лестны были для меня поздравления Павла Александровича, адресованные ему князем Михаилом Дмитриевичем Горчаковым, главнокомандующим Южной армией[123]. П. А. показал мне его письмо, в котором князь отзывался обо мне с большою похвалою, упо-

миная об отличной репутации, которую я оставил по себе в Главной квартире.

Не стану описывать двухмесячного нашего промиза — фактов было мало, но душа была полна жизни до края, и прошедшие после того 35 лет не изгладили из моей памяти следов тех мыслей и чувств.

В интимности мы с невестою делали быстрые успехи, а затем скоро же последовало сердечное и умственное сближение. С какою гордостью я прохаживался под руку с невестою по Брюловскому саду или ездил в той же красной коляске по Уяздовской аллее, Лазенкам, Бельведеру[124] и прочим окрестностям Варшавы. С каким особым чувством я принял первое посещение невестою моей холостой квартиры; причем я поднес ей букет в фарфоровой саксонской вазе, сохранившейся до сих пор у нас.

Но среди наслаждений этой упоительной жизнью, следовало все-таки дело делать — устроить в двухмесячный срок наше житье-бытье. Павел Александрович уступил нам верхний прелестный этаж своего дома, а сам перешел в нижний и низкий, далеко неказистый. Немедленно было приступлено к отделке нашей квартиры, по нашему указанию. Кабинет будущей жены моей назначено было оклеить голубыми гладкими обоями (цвет, с тех пор сохранившийся во всех наших квартирах), мебель в него, ореховую резную, взялся заказать А. И. Шаховской знакомым ему жидам по старинному, имеющемуся у него образцу (эта мебель и доднесь жива на Никитской, в так называемой библиотеке[125]). Гостиную устроили белую, с гипсовыми отводами и украшениями; мебель красная, бархатная (часть ее тоже сохранилась на Никитской, в спальной жены, до сих пор). Кабинет Павла Александровича (прелестная комната, с фонарем, из которого был чудный вид) сделался моим кабинетом (мебель из моей холостой квартиры — теперь в Хорошем; кавказский диван — в Москве, в зале).

Подчеркивая в Варшаве мое русское происхождение, всю прислугу и упряжь я выписал из Москвы. Прислали мне очень видных людей, но, к сожалению, пьяниц. Пре-

Фасад императорского Лазенковского дворца
Гравюра. XIX в.

лестную пару гнедых лошадей подарил мне брат Владимир. Поваром остался мой прежний Никанор (Карл, как его звали в Варшаве); камердинером — Иван Васильев — бывший кучер, отличный человек, но тоже спившийся. Столпом женской половины дома стала с тех пор горничная жены Вероника Сыпневская, уже находившаяся при ней года 3–4 раньше, и Марфа Сергеевна Грязнова, всю жизнь свою проведшая в доме Павла Александровича.

Сестра Васильчикова обещала и пламенно желала приехать в Варшаву к моей свадьбе. Какие-то уважительные обстоятельства тому воспрепятствовали. За несколько дней до свадьбы приехал из Штутгардта брат Владимир с женою, которые и были моими посажеными отцом и матерью; дня за два из Берлина — Артур Моренгейм[126], подаривший Marie прелестную коляску и золотой восхитительный сервиз.

Наконец наступило и 13 июля (среда) — день, назначенный для свадьбы. Венчание происходило в домовой, только что отделанной моим тестем церкви, в Шляхет-

ском (дворянском) институте[127]; церковь была полна народа. Фельдмаршал сдержал свое слово и больной присутствовал на свадьбе; было много гостей из польского и русского общества. Бракосочетание совершал мой духовник, отец Александр Метаниев, которого я очень любил (в последний мой проезд через Варшаву я его видел дряхлым стариком). Из церкви мы поехали на нашу квартиру в Казимировский палаццо, где последовало краткое обычное угощение. Дворняжка Шарик, которая меня сопровождала во всю мою холостую жизнь, начиная с Новогеоргиевска и кампании включительно, ворвалась в гостиную и легла на диван; разумеется, я ее оттуда не изгнал.

Вот, наконец, мы зажили новой жизнью вдвоем. Счастлив и странен этот перелом в жизни: душа едва успевает переработать новые ощущения и впечатления; дела, разумеется, не делали никакого, все больше разговаривали. Tom Jones[128], чтение которого нам навязал Павел Александрович, плохо подвигалось вперед; плохо читались и газеты, которых целые пуки доставлял мне ежедневно Павел Александрович. Между тем предстояла нам поездка в Москву, чтобы представить жену моей семье и водворить ее в ней — минуты важные и несколько страшные, при отсутствии всякого предварительного знакомства.

Во второй половине сентября 1855 г. мы пустились в путь в допотопном и довольно странном экипаже Павла Александровича — шестиместном дилижансе; хотя шоссе проведено было до Москвы, но путешествие длилось долго, дней 5–6. Думая застать матушку и Ольгу еще в Литвинове, мы из Малоярославца свернули проселком на Литвиново. Узнаем, что все выехали; сознаюсь, меня это не огорчило — была отсрочена трудная минута, и я без тревоги мог показать жене дорогое для меня семейное гнездо, с которым связано для меня столько воспоминаний. На другой день, к вечеру, мы были уже на Садовой. Первой минуты встречи я не помню, но помню последовавший за нею разговор с матушкой с глазу на глаз, в ее спальной. Матушка лежала на диване, я сидел возле. Она была за-

думчива и старалась быть для меня ободрительною; почти первые, сделанные ею мне замечания, относились к приятному выражению во взгляде Marie.

Сестра Ольга, для которой моя женитьба не могла не быть трудным переломом в ее собственной жизни, вследствие нашей особой близости, как всегда отклонила всякий эгоизм, была приветлива и внимательна к Marie, всячески стараясь предупреждать или сглаживать шероховатости первых сношений. Любовь ее ко мне тогда и всегда руководила ею: она приняла Marie, так сказать, под свое нравственное покровительство в семейной среде, никогда не давая его чувствовать, радуясь всякому шагу в развитии и затем успехам нравственного положения Marie в ее новой семье.

Marie бодро проходила через испытание; только в первый вечер, наедине, она молчаливо заплакала; эти слезы я помню, я их понял и благодарен ей за молчаливость этих слез; благодаря Бога, они не повторялись. Нравственное водворение жены в ее новой семье пошло скорыми и успешными шагами; натянутость скоро исчезла, и не прошло месяца, как ее полюбили, признали своею, и жизнь пошла своим новым течением, счастливо и правильно. Жили мы в нижнем этаже дома на Садовой, в комнатах, выходящих в сад, из которых гостиная только в следующий мой приезд была несколько мною отделана.

Московское общество, в то время многочисленное и довольно полное по своим элементам, встретило нас с большим любопытством, но и с большим доброжелательством. На балах Marie производила фурор: становились на стулья, чтобы смотреть, как она танцует мазурку. Но много мы жили домашнею жизнью и, кроме балов, вечера всегда проводили дома; однако не исключительно в семейном кругу, ибо в то время матушка по вечерам играла в карты; к ней съезжались, а вследствие нашего присутствия приезжали и молодые. Всеобщие одобрительные отзывы о Marie были приятны матушке.

Из Москвы, в начале января 1856 г., мы поехали с женою на несколько дней в Петербурге, где остановились на

Караванной, в hôtel garnie* Гулевича. В Петербурге нас приняли тоже очень хорошо, мы тоже выезжали в свет. На бале у графа В. Н. Панина Marie перепутала как-то приглашения на танцы, из-за чего я имел неприятный разговор с гр. Чапским — единственный глупый инцидент во всей нашей светской жизни, когда-либо случившийся.

В эту же зиму я поехал один, в первый раз, в имение, которое П. А. дал в приданое Marie, Нарму[129]. Имение это, впоследствии вполне оправдавшееся и оказавшее большое влияние на развитие нашего материального благосостояния, преимущественно своими лесами, в то время произвело на меня невыгодное впечатление: доходность его выражалась в какой-либо 1 т. рублей, леса стоили с землею 25 руб. за десятину; управление было запущено.

Первым делом было сменить управляющего; таковым я назначил Ивана Петровича Скворцова. На первых же порах совершил удачную спекуляцию с лесом, продав до 1000 десятин за 30 т. рублей Клименскому и Мошковскому, которые почти первые открыли сбыт лесу сплавом на Москву; цена по-тогдашнему была выгодная, и вырученный капитал, хотя небольшой, много содействовал моему успокоению на счет средств к жизни, бывших в то время далеко не блестящими. Скворцов, при своей ограниченности, оказался полезным мне слугой; его безусловная честность, деятельность и преданность оказали мне большие услуги. Между прочим, при своей ограниченности, он отлично повел сахарное дело в Нарме, которое я преобразовал при его помощи.

Первые годы жили мы очень скромно, проживая не более 10 т. в год. Я и жена были очень расчетливы, обдумывали расходы в какие-нибудь 25 рублей; это дало повод думать многим, что мы скуповаты, но скупыми мы не были, а соображались только с нашими средствами; счета свои мы вели в порядке и систематично; собственно по хозяйству — жена, по имениям — я.

---

* Отель с меблированными комнатами *(фр.)*.

Пребывание мое в Москве было прервано известием о кончине фельдмаршала[130]; я поскакал один на его похороны. Они были блестящи, с царскими почестями, но оставили во мне тяжелое впечатление. Между прочим, вся пышность окончилась тем, что князя Паскевича похоронили в имении его под Иван-городом, в какой-то небольшой часовне, имеющей вид павильончика, среди небольшого озера.

После смерти фельдмаршала некоторые из его адъютантов (Борис Голицын, Шаховской и Рейтерн) были сделаны флигель-адъютантами, меня же перечислили адъютантом к преемнику князя Варшавского, князю М.Д Горчакову[131]. Сознаюсь, в то время, это был не малый удар моему самолюбию, в особенности ввиду заслуг моего отца и после случайно выдавшейся моей лично служебной деятельности; не я один тем был удивлен. Неприятные для меня впечатления длились, впрочем, не долго, а впоследствии я оценил, насколько эта служебная неудача была для меня благотворна. Сделавшись флигель-адъютантом, я попал бы на торную, несколько банальную дорогу, с которой не мог бы свернуть. Между тем в России открывалась новая эра, полная жизни и одушевления, в которой и мне пришлось принять участие, соразмерно сил и соответственно моим наклонностям. С восторгом я вернулся из Варшавы в Москву, тем более что мое семейное счастье венчалось надеждою быть отцом.

В марте мы с женой вернулись в Варшаву, и там зажили своим домком, отнюдь не чуждаясь общественности. Несмотря на наши скромные средства, мы принимали; почти еженедельно у нас обедало от 8 до 12 человек, как русских, так и поляков; обеды эти были хорошие, но довольно простые, что не мешало их приятности.

В это время поселился в Варшаве Дмитрий Николаевич Долгорукий с женою Натальей Владимировною. Отличаю это обстоятельство особо, ибо тогда же было положено основание той искренней, глубокой дружбе, которая соединила нас с Naly Долгорукой до ее, к несчастию, преждевременной смерти в 1885 году. Жили они на Медо-

вой, где-то очень высоко. Часто бывали они у нас, не менее часто бывали мы у них.

Еще два новые лица вступили в ту пору в наш интимный дружеский кружок — Стааль (теперь посланник в Лондоне) и Феликс Мейендорф. Последний был очень умен и остер; но нельзя было не предпочесть ему доброго, любезного, всегда равного Стааля, le rose*, как мы его называли, потому что, несмотря на то, что он не был первой молодости, он имел особую способность краснеть, как девушка, в особенности, когда Marie была тут. Военная свита князя Горчакова мало внесла приятного элемента в общество и в нашу интимность не вошла.

Счастливая моя семейная жизнь не мешала мне страдать за многострадальный Севастополь, дни которого были уже сочтены: 26 августа 1856 года он пал[132]. Известие это, хотя и предвиденное, произвело, однако, на меня потрясающее впечатление; тяжело было переносить это ощущение в городе, где на общее сочувствие никак уже нельзя было рассчитывать, да и близких русских было в то время мало.

Помню, как, по получении роковой телеграммы, я поспешил к князю Яшвилю (женатому на Орловой), чтобы вместе с ним, в буквальном смысле, плакать о нашем великом русском горе. Помню, как в этот самый день у меня был званый обед, почти исключительно с поляками; этот обед был для меня пыткою, но должен признаться, что мои гости, поляки, держали себя с безукоризненным тактом.

27 сентября 1856 года Бог осчастливил нас рождением нашего первенца, милой доброй Сонички; и тут года не изгладили из моей памяти страха и радости, через которые я пронесся. Подобные ощущения не раз испытывались мною и впоследствии, но при рождении первого ребенка они сопровождались новым, совсем неведомым, сильным и возвышенным чувством, которое наполняло душу. В ожидании этого события, приехала к нам заблаговременно добрая сестра Ольга. С глубокою благодарностью помню, как она вошла в нашу жизнь, как она наслаждалась ею, наслаждалась и лично пребыванием своим в Варшаве.

* Роза *(фр.)*.

Дворец Мостовских в Варшаве
Фотография. Конец XIX в.

Она была крестной матерью Сонички, и это звание она приняла действительно к сердцу на всю свою жизнь. Любя всех моих детей, она питала как-то особую любовь к Соничке. Ольга привезла с собою из Москвы нянюшку Авдотью Ильиничну, вынянчивавшую всех наших детей, кроме Верочки и Серёжи. Кормила Соничку сама мать. Помню Соничкины крестины, на которых присутствовала, кроме нас, Naly Долгорукова; часто она об этом впоследствии вспоминала.

Этим семейным событием закончилась наша жизнь в Казимировском палацце. Князь Горчаков, немедленно по вступлении в должность наместника, назначил моего тестя, с которым он был связан давнишнею дружбою, главным директором (министром) внутренних и духовных дел в Царстве Польском. Пришлось ему и нам перебираться в Мостовский палацц[133]. Наша в нем квартира была обширнее, чем в доме попечителя, в Казимировском палацце, но нельзя сравнить их в отношении комфорта и красоты. Из

Мостовского палацца не было никакого вида и не было при нем сада; тем не менее и в нем нам жилось хорошо, и новая наша сожительница Соничка во многом тому способствовала. По странному стечению обстоятельств, внучке и правнучке пришлось жить в доме деда моей тещи, графа Мостовского[134], имя которого сохранил дом, им занимаемый. Marie, по матери, была внучкой графа Мостовского, бывшего при Александре I министром внутренних дел, притом хорошим, в Царстве Польском. Комната Marie была комнатою ее матери, в которой она жила еще до замужества, по первому браку, с бароном Моренгеймом[135].

Зима 1856–57 г. в Варшаве ничего особенного не оставила по себе в моей памяти. Но из России веяло новым чистым воздухом, по воцарении Александра II[136]. Неудачная война 1854–56[137], трагическая судьба Севастополя, в защите которого сказалась мощь русского народа, слабость, отсутствие предусмотрительности и какая-то растерянность правительства, при казавшейся за время Николая Павловича его силе, — все это указывало на необходимость преобразований, могущих поставить Россию в уровень с современными требованиями истории. Россия от них отстала за предшествующее царствование, горделиво закосневшая в застое даже по военной части, для которой, однако, истощались постоянно жизненные и материальные средства страны. Переменить форму головного убора — введение французских кепи (как это было сделано немедленно по окончании войны), — было недостаточно. Историческая необходимость заставляла вглядеться глубже во весь строй русской жизни и произвести в ней коренные преобразования. Невозможно, опасно стало оставлять 10 миллионов крестьян в крепостной зависимости, когда эти 10 милл. за время Севастопольской войны показали такой высокий подъем чисто патриотического духа. Об этом не столько говорилось, сколько чувствовалось всеми; вопрос об освобождении крестьян был, так сказать, в воздухе; этим воздухом и я дышал, но трудно было им дышать в Варшаве, вдали и почти на чужой стороне. Помню, однако, что и я взялся за перо, чтобы для собственного

удовлетворения набросать проект крестьянской реформы, в которой, по моему мнению, должны были быть три фактора: крестьяне, помещики, правительство. На деле, как увидим впоследствии, третий фактор — правительство — ограничилось в финансовом отношении только ролью маклера или банкира.

В Варшаве мне стало душно, я хотел жить русскою жизнью, и с тех пор возникла во мне мысль об оставлении военной службы. Недоволен я был тоже, после пережитого волнения военной жизни, службою, выражавшеюся почти исключительно в дежурстве. Посылка меня для встречи, сопровождения до границы и кормления детей Лейхтенбергского были каплею, переполнившей сосуд моего неудовольствия; как ни мелочен этот факт, момент выхода в отставку был мною решен.

В данном случае, как и во всех важных в моей жизни случаях, я не могу не отдать моей жене долга искренней и глубокой благодарности за то, что никогда, из эгоистических соображений, она не тормозила и не препятствовала течению моей жизни, как обстоятельства и разум ее слагали. Я очень хорошо понимал, что для Marie разрывать связь со своим прошедшим, окончательно пустить корни в новой для нее почве было не легко. Душевное спасибо ей за то, что обо всем этом она мне ничего не говорила; и без ее слов я понимал, что должно было происходить в ее душе. Много своим поведением в эту минуту облегчила она мне исполнение задуманного мною плана возвращения на родину, чтобы жить общею с нею жизнью.

Весною 1857 года я довольно серьезно заболел воспалением в боку; меня послали за границу, в Карлсбад. В первый раз в жизни я очутился в Европе, и помню сильное впечатление, произведенное ею на меня; к сожалению, я был один, жена кормила Соничку и поехала с ней в Литвиново. Шесть недель я пил воды в Карлсбаде, оттуда проехал на Вену, спустился по Дунаю до Одессы. Проездом мимо Силистрии, вспомнил недавние еще события. В Одессе встретил <...>* с женою, которые угостили меня

* Имя в рукописи пропущено (*примеч. сост.*).

прекрасным обедом с ботвиньею, за что чуть-чуть дорого не поплатился, ибо, приехав в Николаев, я не на шутку заболел, так что двинуться не мог. К счастью, в этом неизвестном для меня городе я нашел князя Дмитрия Александровича Оболенского[138], которого в то время еще мало знал. Он приютил меня у себя и имел за мною самый любезный уход.

Оправившись от болезни, я поехал прямо в Литвиново. Живо помню, как я был обрадован, увидев в окне верхнего этажа Marie в белом платье; как я счастлив был увидеть ее и нашу малютку.

В первый раз привелось мне прожить с женою лето в деревне; вспоминаю наши, по лесам и по долам, прогулки вдвоем. Матушка остерегалась нарушать при этом наш tête-à-tête*, а мы им очень наслаждались.

Осенью вернулись мы в Москву, где приняли некоторые меры уже относительно оседлости, поселились в доме матушки.

Весною 1858 года, в первый раз, мы с женою и Соничкой поехали в Хорошее и провели там очень приятно все лето. Скажу здесь несколько слов об этом имении, игравшем столь значительную роль в нашей жизни; оно главным образом обеспечило и обеспечивает наше благосостояние.

После Форсмана, уволенного вследствие сделанной мною ревизии по поручению матушки в 1849 г., несколько месяцев управлял поляк, рекомендованный В. В. Апраксиным, Клемантович; затем, рекомендованный Н. Д. Лукиным, очень хороший человек Деев, умерший в 1850 году, при передаче мне, 20-летнему юноше, матушкою имения в полное и бесконтрольное владение. Преемником Деева я назначил поразившего меня своим умом и дельностью верхосамарского приказчика Семёна Фомича Краснова. Первоначально он получал 500 р. ассигн. жалованья, т. е. 150 руб. серебром в год. Семён Фомич — наш улыбовский крепостной крестьянин, верою и правдою прослуживший мне 25 лет.

* Разговор с глазу на глаз *(фр.)*.

В 1875 г. мы всею семьею праздновали в Хорошем его 25-летний юбилей, причем, кроме денег, я подарил ему 250 десятин земли; он казался тогда еще крепким, но болезнь точила его, и 28 октября 1875 года он скончался. Нарочно я приехал из Москвы на его похороны, которым я придал довольно торжественный народный характер. Несмотря на строгость и взыскательность Краснова, до последнего дня его жизни народ его любил и уважал; я же ему многим, весьма многим обязан. Независимо от правильного честного ведения текущего дела по хозяйству, значительно им поднятому по доходности, незабвенная его заслуга состоит в том, что <он> почти один (я слишком был занят службой) разумно, твердо, спокойно провел в имении всю крестьянскую реформу[139]. Реформа эта в степной местности была очень трудна, ибо пришлось прямо от барщины, в полном смысле слова, перейти на вполне свободный труд, ибо при самом составлении уставных грамот имение перешло на обязательный выкуп. Краснов никогда не впадал в малодушие перед возникавшими трудностями, спокойно принимал все надлежащие меры, так что имение без всякого нравственного и материального потрясения перешло на новый лад. Из того, что он установил в то время, и теперь еще многое приносит добрые плоды. Другая огромная заслуга Краснова состоит в том, что во время самой крестьянской реформы он, не думая об увеличении своих трудов, посоветовал мне купить и приторговал великолепное соседнее имение Бразоля, около 7 т. десятин, по весьма дешевой цене (17 руб. за десятину). Отведя крестьянам в надел около 4 т. десятин и получив за то около 120 т. руб., я почти за эти деньги, при незначительной доплате, приобрел 7 т. десятин лучшей и более удобной для меня земли. Эта операция была самая выгодная во всей моей хозяйственной деятельности; покупка Воробьёва[140], по выгодности, следует за нею.

Независимо от выдающейся хозяйственной способности, признанной во всей местности, безупречной честности и личной преданности мне, Краснов во всем был мне человеком по душе. Мы вместе учились хозяйничать,

каждый в своей роли, причем восполняли взаимные недостатки. Мало-помалу отношения наши из чисто хозяйственных перешли в отношения дружеские. Сама внезапная смерть не раскрыла никаких темных уголков в 25-летнем управлении Краснова. Часто ли это бывает, и как не ценить мне и с глубокою благодарностью не вспоминать подобного человека.

Своих сотрудников в жизни, не только на хозяйственном, но и на общественном поприще, я всегда старался близко узнавать; не гоняясь за невозможным совершенством, я не затруднялся устранять или отстранять неподходящих; зато умел ценить и сердечно привязывался к тем, которые того заслуживали. Число таковых было не малое, и это я считаю за особую Божию благодать.

Но, возвращаюсь к моему рассказу: остановился на том, что мы лето 1858 г. провели, и очень приятно, в Хорошем — много тому содействовало то, что жена, перекинутая в совершенно новую для нее жизнь в степях, очень хорошо в ней осмотрелась. Хорошевское житье-бытье ей понравилось, несмотря на свое однообразие; дома пусто не было. Маленькая Соничка уже ходила и бегала по нашему незатейливому саду, в котором, постукивая палочкою по деревьям, говорила, что рубит дрова. Сохранилась в Хорошем и та тележка, в которой она каталась, и качели, которые висели в двери между столовою и гостиною.

В августе мы поехали в Святые Горы, верст за 100 от Хорошего. Это — великолепный по своей красоте оазис среди здешних однообразных степей — впечатление, которое он производит, потому еще сильнее. В Св. Горах приветливо мы были приняты Татьяною Борисовной Потёмкиной, другом матушки, и настоятелем монастыря отцом Арсением, человеком очень умным, отличным хозяином и организатором.

В генваре 1859 года были дворянские выборы, на которых я и был выбран кандидатом предводителя Верейского уезда. По назначению предводителя Н. Н. Павлова членом Редакционной комиссии по крестьянскому делу[141], я вскоре вступил в должность.

Помню мой первый приезд в Верею: было дико и неловко, не знал я ни людей, ни дела. Весьма не торжественное представление верейских чинов, происходившее у меня на квартире, на постоялом дворе, и то меня сконфузило. Не долго, однако, я оставался в этом состоянии гражданской невинности; первым крупным моим действием на новом поприще был рекрутский набор. При тогдашних законах, набор был равносилен народному бедствию: город заполонен был семьями рекрут, плач и вой стояли в воздухе. Многое зависело от предводителя. Я напряг все свои силы, чтобы справедливо справиться с делом: днем работал, ночью грезилось; но благодаря Бога, труды мои были не напрасны, и я слышал от посторонних, что народ остался доволен справедливостью и порядком приема. Очень и очень приходилось мне остерегаться моего секретаря, чиновника старинного закала, с сомнительной репутацией; но умом и делом подтянув его и держа в страхе, я благополучно с ним дослужил свою предводительскую службу.

Я старался вникать во все обязанности предводителя по Верейскому уезду, впрочем, в то время немногочисленные и не сложные; да и уезд маленький. Особое внимание обратил на тюрьму, и кое-что там мне удалось преобразовать к лучшему; между прочим, ввел артельное хозяйство арестантов с выборным старостой. Занялся и больницею, бывшею в весьма неудовлетворительном состоянии. Но все это было, так сказать, текущее дело; рядом стояло более важное и живое дело — участие в крестьянских комитетах[142] и затем введение в действие Положения 19 февраля.

Еще в 1858 г. появился рескрипт Государя на имя виленского генерал-губернатора Назимова, обращенный к дворянству губерний Северо-Западного края. Дворянству разрешалось, по его ходатайству, приступить к обсуждению вопроса об улучшении быта крестьян[143]. Об уничтожении крепостного права тогда еще опасались говорить открыто и прямо.

Примеру дворянства Северо-Западного края предлагалось последовать и дворянству других губерний. Странным казалось и тогда, что столь важное дело, как крес-

тьянская реформа, началось как бы по почину полупольского дворянства, но и тогда фикция была очевидна[144].

Решился приступить к освобождению крестьян сам Государь, даже не все правительство, а только часть его, имеющая во главе министра внутренних дел Ланского и графа Блудова. Окольным же путем пошло сначала дело, и думается, что дворянство Северо-Западного края явилось первым только потому, что ему можно было, так сказать, приказать просить об освобождении крестьян. Следует навести на справку, что в эти губернии вводилось (если не было уже введено) Инвентарное положение, очень энергично и дельно уже введенное Бибиковым в Юго-Западном крае[145]. Инвентарное положение очень стесняло произвол помещиков и служило отличною переходною мерою к полному освобождению крестьян.

Из русских губерний на призыв царя первым отозвалось нижегородское дворянство; вторым, и то вяло — московское. Причину тому следует, кажется, искать в обскурантизме генерал-губернатора графа Закревского и в недостатке самостоятельности и решимости губернского предводителя П. П. Воейкова, человека очень хорошего, честного, <но> не особенно развитого и принадлежащего скорее к крепостнической партии. В свой приезд в Москву Государь попрекнул ее за медлительность[146]; но она ли была виновата, когда во главе ее стояли люди, несоответствующие важности исторической минуты.

С каким недоумением читался рескрипт об учреждении по губерниям крестьянских комитетов; как сам рескрипт был написан осторожно, чтобы не сказать, боязливо: упомянуто в нем только о выкупе крестьянской оседлости. Тем не менее страх нашел на большинство помещиков, да и сочувствующее меньшинство вряд ли отдавало себе отчет в том, что будет.

Московский комитет был открыт зимою 1858–9 года; я вошел в его состав в числе двух членов от Верейского уезда. Не особенно радужное воспоминание сохранилось в моей памяти об этом комитете, заседавшем в малой зале Дворянского собрания (курильня во время балов). Судить

собственно о его деятельности я и не берусь, ибо я в то время был очень неопытен, боязлив и весьма редко принимал участие в прениях, но помню, что большинство в комитете было так называемым консервативным. Я говорю «так называемым», ибо бывают моменты в истории, где застой вреден и даже опасен; моменты, когда необходимо двигаться вперед, сохраняя из старины то, что в ней действительно хорошего и полезного, бросая за борт отжившее и помертвевшее. Консервативное большинство, не задаваясь коренными вопросами предстоящей реформы, цеплялось, так сказать, за детали ввиду, кажется, единственно или, во всяком случае, преимущественно помещичьего интереса. Между прочим, сделало на меня впечатление предложение, ввиду неустойчивости ценности рубля, определить повинности крестьян к помещикам не деньгами, а количеством зерна. Меньшинство комитета было, однако, не слишком малое, человек 7 или 9 из общего числа 27. Кроме оппозиции большинству по детальным вопросам, изгладившимся из моей памяти, это меньшинство, так сказать, оформилось и выразилось, когда в заключение трудов комитета им был составлен и представлен проект о выкупе не только оседлости, но и наделов[147].

В то время вопрос о выкупе представлялся совершенно новым и не входил в рамки Высочайшего рескрипта, которого велено было держаться; поэтому требовалось некоторой смелости, чтобы поднять этот вопрос. Справедливость требует сказать, что не в Москве впервые он был поднят, а, кажется, в Твери, по инициативе Унковского, прослывшего за то «красным» и чуть-чуть не революционером[148].

Не помню, как та же мысль возникла в среде Московского крестьянского комитета, да и трудно выследить возникновение какой-либо мысли; знаю, однако, что подражания Твери не было. Я лично, несмотря на свою неопытность, всегда думал, что освобождение крестьян только при условии выкупа может дойти до благополучной и правильной развязки, поэтому я всей душой принял участие в составлении выкупного проекта, представленного от Мо-

сковского комитета. Редакцией его были заняты человека 3–4, и главным деятелем был Дмитрий Александрович Ровинский, бывший тогда прокурором в Москве (теперь сенатор). У него мы собирались, обсуждали, писали и наконец подписали и представили проект; он был принят косо и несочувственно. Тем не менее он пошел в ход, и если не на долю Московского комитета выпала честь почина в этом деле, тем не менее хорошо и то, что Московский комитет внес и свою лепту в это дело.

Если не московское дворянство в совокупности двинуло крестьянскую реформу, то с некоторою гордостью за Москву следует сказать, что двое из ее детей, воспитанников Московского университета, Юрий Самарин и кн. Черкасский, были выдающимися деятелями и, с Милютиным во главе, вынесли, так сказать, на плечах крестьянское дело в Главном комитете[149].

На работы губернских комитетов можно вообще скорее смотреть как на подготовительные для работ Главного комитета. В сем последнем сосредоточивалась не только переработка доставляемого материала, но и вполне самостоятельная работа. От Главного комитета исходила инициатива всех руководящих принципов, между прочим, и о необходимости наделения крестьян землею, кроме усадебной оседлости, о которой одной, как выше сказано, было упомянуто в Высочайшем рескрипте. В Главном же комитете эта инициатива исходила преимущественно от Милютина, Самарина и Черкасского; зато, какой злой критике или, лучше сказать, нападкам она подвергалась; имена их пронеслись, яко зло, если не по всей земле Русской, то во многих помещичьих кругах. Сознание гражданского долга перед отечеством давало этим деятелям неослабную силу проходить свое многотрудное и тернистое поприще, а суд истории вознаградит их труд.

И в Главном комитете была так называемая консервативная партия, но выдающихся личностей, могущих бороться с Милютиным, Самариным и Черкасским, не было. Кроме того, опорою последних был сам Государь, и сделался таковым и Ростовцев — первый председатель

Главного комитета, замененный, по его смерти, ultra консерватором графом Виктором Никитичем Паниным; но до него уже дело было сделано более чем наполовину, а идти вспять и он не решился[150].

Попытка объединить деятельность Главного комитета с деятельностью губернских комитетов мало удалась; призыв депутатов от последних, кажется, мало принес пользы делу, но отношения обострил[151]. Кого в том винить — не знаю; думается, обе стороны. С обеих сторон разыгрались уже в то время и страсти; и тут самодержавие либерального царя оказало историческую пользу.

Как вообще крайне симпатичным представлялся в ту пору император Александр Николаевич. Предшественники оставили ему тяжелое наследство. Говорили, будто Николай Павлович, на смертном одре, завещал сыну совершить освобождение крестьян (которого он неоднократно хотел, но, при всей своей железной воле, не имел силы совершить сам). Справедливо или нет это предание, но факт тот, что император Александр, при слабой своей воле, при желании, как можно менее прибегать к самодержавной силе, взялся за трудное дело, выдержал ропот, борьбу, угрозы и провел, при Божией помощи, дело до конца.

Без гордости, хотя и с энергией, он обращался в Георгиевской зале к патриотизму московского дворянства. С смирением, в моем присутствии, во время представления предводителей, он выслушал дерзкую аллокуцию предводителя Московского уезда Головина, разыгрывавшего роль представителя консерватизма[152]. Юрий Федорович Самарин любил мне рассказывать, как, подписавши акт 19 февраля, Государь, с своею малолетнею дочерью[153], поехал вдвоем, без всякой огласки и помпы, молиться в Казанский собор. Лично я с тех пор возлюбил своего Государя Александра Николаевича всем сердцем. Любовь и беспредельная преданность моя ему длилась во всю его жизнь и пережила его, несмотря на позднейший нравственный его упадок, несмотря на несправедливое личное отношение Государя ко мне, о чем скажу впоследствии.

Возвращусь к частной семейной моей жизни. Я должен упомянуть о покупке нашего дома весною 1859 года.

«Красная гостиная» в доме князя А. А. Щербатова на Б. Никитской улице. На стене портрет П. А. Муханова
Фотография. Вторая половина XIX в.
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

В комнатах нижнего этажа матушкина дома[154] можно было жить временно; трудно и неудобно было бы оставаться мне с семьею в нем навсегда. Помню, как матушка измышляла различные способы сделать наше помещение в ее доме более просторным, но это было невозможно и могло повлечь за собой неудобства, как для матушки, так и для сестры.

Я решился купить дом поближе к матушке, и выбор мой пал на дом Заборовского на Никитской, который и купил за 30 т. рублей. Дом этот, при покупке, далеко не был привлекательным, и наш приятель граф Ф. Л. Гейден между прочим рассказывал брату в Петербурге, что я купил самый некрасивый дом во всей Москве. При покупке его, я имел в виду ремонт тысяч в 10, но немедленно вложил 30 т., что было для меня тяжело, и наличных денег

не хватало. Хотел занять деньги у знакомого мне банкира; увидел, как это трудно и сопряжено с несколько даже обидными предосторожностями; впечатление от этой неудачи было для меня полезно. Слава Богу, я обходился всю жизнь без займов у частных лиц, кроме как у сестры Ольги, у которой я в то время и занял 14 т. рублей. Вскоре я тоже убедился в щекотливости давать деньги взаймы, в особенности знакомым, — лучше дарить, чем давать взаймы.

В 1857 году матушка купила у Лукина и Скуратова Нарское имение (220 т.), и осенью 1858 года мне его подарила. Я так был еще неопытен в то время в делах, что чуть было не отказался от этого подарка, сопряженного с обязанностью платить только 2400 руб. в год. 8 мая 1859 года мы туда переехали и, за неотделкою большого дома, оставались в павильоне, что теперь кухня.

В воскресенье, 10 мая, во время обедни, родилась наша милая и добрая Машенька — единственная из моих детей, при рождении которой я не присутствовал, о чем я искренне жалею. Не ожидая вовсе столь скорого ее появления на свете, я должен был 9 мая поехать в Москву приветствовать (по званию предводителя) нового генерал-губернатора графа Сергея Григорьевича Строганова; он мне доводился дядей, я его очень уважал, даже любил как человека, и он всегда был ко мне очень доброжелателен. По возвращении с официального обеда, нахожу нарочного с известием о рождении Машеньки. Это меня очень обрадовало и вместе с тем испугало, и было чего пугаться: акушерки в Наре не было, а Станислав Онуфриевич Мальдзиневич вернулся в Нару только за несколько чесов до события, которое на этот раз вовсе не было вполне нормально.

По ужасной дороге и погоде (шел снег) я немедленно поехал в Нару, полный мучительной тревоги; приезжаю 11-го утром; благодаря Бога опасность миновалась. С каким восторгом я увидел в колыбельке маленькую черноглазую Машеньку, которая и тогда как-то приветливо меня встретила, скажу, почти улыбнулась; это выражение ее крошечного личика я не забыл и уверяю большую Машеньку, что она его сохранила и до сих пор. Серафима

Христиановна, акушерка, уже приехала из Боровска, и добрый Мальдзиневич рассказывал мне пережитые тревоги. Вскоре приехали в Нару матушка и Ольга, и мы водворились в большом доме, причем Соничка стала уже сидеть за столом; жена и Машенька оставались до 6 недель в павильоне. 21 мая были крестины. С этого года ведет начало наша нарская жизнь, игравшая и играющая столь важную роль в нашей семейной хронике; на Нару дети смотрят, как на семейное гнездо по преимуществу, и я признаю это ее значение; то же, однако, значение придается и московскому нашему дому, против чего дети протестуют.

Устройство Нары в лето 1859 года очень занимало нас. Со страхом вспоминаю, что в то время я замышлял, ради экономии, продать так называемый скуратовский дом, сделавшийся в настоящее время столь необходимым для замужних наших дочерей. Устройство московского дома шло рядом и было сопряжено с немалыми трудностями и неприятностями. При своей неопытности, я наскочил еще на неопытного архитектора — к счастью, однако, человека со вкусом. Хорошо еще, что предводительство в то время меня мало тревожило, однако требовало ежемесячно двух поездок в Верею (за 45 верст). С благодарностью вспоминаю по этому случаю добрые советы брата Григория, который постоянно подталкивал меня шевелить мозгами и возбуждал мою энергию при исполнении моих обязанностей.

В августе жена с двумя детьми, нянькою, Сипневской и Иваном Михайловичем[155] поехали в Варшаву к Павлу Александровичу. Иван Михайлович был отлично расторопный и умный человек, но, к сожалению, частенько выпивал. Жена провела приятно около 2 месяцев в Варшаве, где в первый раз виделась и разговаривала с Государем; в октябре она вернулась прямо в Москву.

С лихорадочной деятельностью, от которой я едва не заболел, я успел отстроить дом, который вышел красивым и довольно удобным, но не вполне: спальня была удушлива, находясь над кухнею, мой кабинет холодноват; из него вела круглая лестница, соединяющая на женской половине нижний этаж с верхним.

7 декабря 1859 года, после молебна с Иверской, мы водворились. Матушка благословила нас иконою Иверской Божией Матери, которая поставлена в моем кабинете. Слова «наш дом» тогда как-то странно звучали. Вскоре, однако, мы с ними освоились и обзавелись вполне, завели собственный экипаж; кучерами были: Игнатий и Егор Терентьевич, только в этом 1888 году скончавшийся, хороший был человек. Обзавелись прислугою, из которой уцелел до сих пор только повар Семён Степанович — и смолоду дурного характера, что искупалось и искупается другими его качествами.

Наши приемы были по преимуществу обеды, почти еженедельные; было несколько разговорных вечеров. Все общество очень любило Marie и охотно к нам ездило, и в то время оно было очень приятно и разнообразно. Из новых интимных я должен помянуть о Михаиле Андреевиче Рябинине, очень образованном и добродушном человеке; из старых друзей — Бориса Чичерина, поступившего профессором в Московский университет.

12 ноября 1859 года была получена телеграмма о кончине, после кратковременной болезни, моего доброго и почтенного шурина князя Иллариона Илларионовича Васильчикова. Я его очень любил; с сестрою Ольгою мы немедленно поехали в Киев и приехали к похоронам, происходящим в Лавре[156], где в особом склепе, у выхода из ближних пещер, он и похоронен. Состояние здоровья сестры Катеньки, при экзальтированной любви ее к мужу, было ужасное, с нею делались припадки, почти каталепсические; да и кроме потери страстно любимого мужа, Катеньке предстояла жизнь не легкая. Вера и Серёжа были еще детьми, следовало их воспитывать; состояние было пошатнутое. Сестра сама энергично принялась за управление. По управлению имениями сестра обратилась ко мне за помощью. С полною готовностью и радостью я отозвался на ее приглашение, но, к сожалению, вскоре осложнившаяся моя служебная деятельность, поглощавшая все мое время, заставила меня отказаться от мысли быть ей полезным. Год спустя она переселилась в С.-Петербург.

Во время моего отсутствия из Москвы, Государь приехал в Москву и провел там несколько недель. Жена и я часто приглашались на вечера во дворец, Государь и императрица были к нам очень милостивы и любезны.

Осенью 1860 г., как ежегодно, я поехал в Хорошее, этот раз только с женою, оставив детей в Литвинове. Эта поездка осталась в моей памяти, потому что с нею сопряжены были распоряжения, вызываемые ожидаемою реформою — отменою барщины. Между прочим, тогда я начал строить осадчий хутор, чтобы вывести хозяйство из усадьбы, и купил первую у меня (вторую во всем околодке) паровую молотилку. Помню, как смотрели тогда на нее, как на диво; и помню, как крестьяне говорили: «а, посмотрим, как пан без нас обойдется».

Из Хорошего мы в первый раз поехали с женою в Крым и жили в Ялте, в гостинице Галахова.

Наконец наступил 1861 год. Ожидали появления Манифеста 19 февраля, но, за различными второстепенными затруднениями (кажется, даже типографическими), он, хотя подписанный 19 февраля, появился только в начале марта, кажется, 6-го числа. Манифест читался во всех церквях. Одновременно были высланы толстые, в листовой формат и в зеленой обложке, «Положения 19 февраля об улучшении быта крестьян»[157]; об отмене крепостного права упоминалось только в тексте. Книг этих первоначально прислано было мало и раздавались они только должностным. Нетерпение массы было удовлетворено только несколько времени спустя.

Никаких особенно торжественных воспоминаний не связано в моей памяти с этим событием. Манифест я, разумеется, прочел тотчас же дома. Публичное чтение, притом плохое, слышал в приходской церкви Вознесения. Не помню, чтобы в Москве (или в Петербурге) чтение Манифеста вообще обставлено было бы особою торжественностью. Несомненно, опасение народного волнения влияло на приятые по этому случаю меры. Картина, которую написал какой-то иностранный художник, представляющая Государя на Дворцовой площади среди толпы, — чистый вымысел.

Манифест и Положение произвели первоначально впечатление некоторого недоумения; и действительно, трудно было, в особенности массе, ухватить сразу все значение пространного Манифеста и целой книги Положения. Редакцию Манифеста приписывали митрополиту Филарету[158]; видна в нем мысль, логическое ее развитие, но мало того, что могло произвести впечатление на массу — разве заключительные слова: «Осени себя, православный народ, крестным знамением на свободный труд» — это выражение было немедленно понято и произвело хорошее впечатление; остальное не произвело никакого. Сам я засел за изучение Положения и, хотя к нему подготовленный, не скоро одолел и освоил; а между тем мне предстояло самому вводить его в действие в Верейском уезде и в своих имениях. Немедленно, в распутицу, я поехал в Верею.

При самом введении крестьянской реформы была сделана, хотя временная, но крупная ошибка. Главными деятелями по введению Положения предназначались быть мировые посредники[159]. К сформированию же этого института и не было еще приступлено. До назначения же посредников все дело поручалось только уездным предводителям. Подобное междуумочное состояние продолжалось несколько месяцев, а в такое трудное время это было много. Благодаря Бога, общественное спокойствие не слишком дорого поплатилось за эту оплошность законодателя; но однако все-таки поплатилось.

Посылка по губерниям флигель-адъютантов не предупредила местных волнений и предупредить не могла. Некоторые назначения этих импровизированных администраторов были к тому же неудачны. Несчастный эпизод в одной из Приволжских губерний, где граф Апраксин стал стрелять в толпу, получил громкую огласку. Кажется, из крупных случаев этот был единственным[160].

Мировые посредники должны были быть назначаемы губернаторами, по соглашению с уездными предводителями, и утверждаемы Сенатом. Я собрал дворян Верейского уезда у себя в Москве и произвел если не выборы,

то заручился по крайней мере их санкцией намеченных мною кандидатов: Клименко, Мейнике и Анитова, которые и были утверждены. Благодаря Бога, выбор был удачен, все трое оказались людьми дельными, деятельными и преданными делу. Посредники имели большое доверие ко мне, не гнушались моего руководительства и советов, сохраняя при том свою самобытность, на которую я и не посягал. Тогда и впоследствии, когда обстоятельства ставили меня во главе какого-либо дела, я, принимая лично на себя главную ответственность, стремился получить необходимый авторитет и пользовался им не из самолюбия, а для пользы дела. Никогда при этом, однако, не задавался мыслью один вести дело; сознавая необходимость в сотрудниках, ценил каждого по достоинству и полезным из них давал полный простор, поощрял их в самостоятельности и в самодеятельности. Из трех верейских посредников даровитее всех был Н. М. Клименко, с ним всего более приходилось обсуждать возникавшие вопросы. Главная моя роль состояла в влиянии на разрешение столкновений в миролюбивом и справедливом направлении.

Благодаря Бога крестьянская реформа прошла в Верейском уезде вполне благополучно, без потрясений, волнений и, в общем итоге, кажется, справедливо.

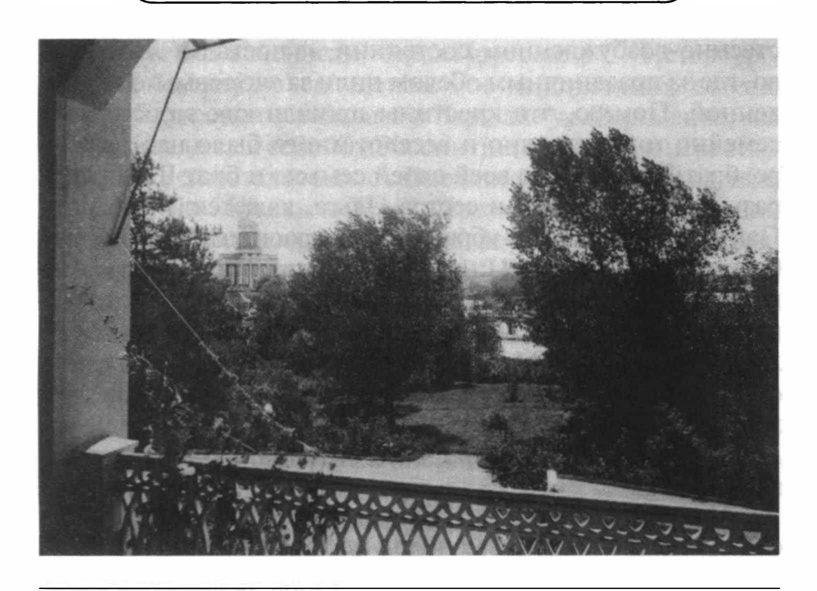
Народонаселение, как помещики, так и крестьяне, относились доверчиво к мировому институту, но и работали мы не мало. Кроме введения уставной грамоты[161], мы следили и за самым, только что введенным, крестьянским самоуправлением, ездили по волостным правлениям[162], установляли и наблюдали за порядком.

Как везде, так и в Верейском уезде введение уставных грамот не шло без затруднений; но они устранялись, за немногими исключениями, кажется, к удовольствию обеих заинтересованных сторон. Перелом в образе жизни, в нравах помещиков, вызванный Положением, был крутой; но частью по убеждению, частью, сознавая бесповоротность совершившегося факта, они ему подчинились без особенного ропота или противодействия. Выдержка основных принципов реформы, при некоторой мягкости в личных

сношениях с помещиками, в особенности с стариками, — была моим лозунгом.

В то время много жаловались на посредников. Причину жалоб я преимущественно усматривал не столько в их действиях, сколько в способе действия, в бестактности, в некоторого рода дразнении помещиков. Этого мы тщательно старались избегать. С крестьянами, в общем итоге, дело шло довольно гладко; нельзя было, между прочим, не радоваться, как вновь созданные старшины поняли и освоили сразу свои обязанности.

Главные случаи столкновения с крестьянами выпали на меня лично в период, предшествовавший назначению мировых посредников. Самые серьезные из них были в Шуваловском имении Вышгороде (потом Скарятинском, ныне Шлиповском), в Рюминском имении Шлебурове и в Жарковском имении Петровском. В первом — из-за запутанных расчетов с владельцем. Как только я узнал о происходящем волнении, я поехал на место, надеясь только на Бога, да на себя, чтобы его умиротворить; посредников еще не было, и полиция имела своим представителем неспособнейшего исправника Андреева — мокрую курицу. С большим внутренним волнением вышел я к тысячной толпе, собравшейся на господском дворе; требовалась огромная осторожность при быстром разборе дела; виновность была обоюдная, как крестьян, так и управляющего (немца). Но претензии крестьян скорее были основательны; при этом, однако, не следовало давать крестьянам повода думать, что они безусловно правы и найдут во мне безусловную поддержку; нужно было учинить компромисс между крестьянами и управляющим; слава Богу, это мне удалось, волнение утихло и более не возобновлялось. Подобные случаи, хотя и в меньшем размере, встретились и в других имениях, куда я выезжал немедленно, по получении известия о волнении. Моя помещичья деятельность и некоторая, уже приобретенная, опытность в сношениях с крестьянами очень мне пригодились говорить с недовольною толпою, чувствующей свои новые права. Пришлось говорить авторитетно и громко, взвешивая при том каж-

Вид с балкона дома князя А. А. Щербатова в имении Наро-Фоминское
Фотография. 1888
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

дое слово — практика была очень полезная и для последующей моей общественной деятельности; она научила меня обращаться с массою, придавать вес своим словам и чувствовать за них личную ответственность. Когда мировые посредники вступили в свои обязанности, волнения, предупреждаемые ими, прекратились.

Но возвращусь к своей семейной и частной жизни. Она шла, слава Богу, мирным течением, и наше семейное счастье получило новое и дополненное развитие рождением моей милой и доброй Олиньки. Она родилась утром 15 августа 1861 года, в Успеньев день, когда звонили к обедне. Все обошлось, слава Богу, совершенно благополучно и радостно.

Несмотря на храмовой праздник в Литвинове, сестра Ольга тотчас приехала в Нару, и с нею, в сильно нрав-

ственно-возбужденном состоянии, я поехал в Литвиново, где за праздничным обедом пили за здоровье новорожденной. Помню, что крестины прошли как-то особенно семейно торжественно и весело; много было нас в соборе: брат Григорий со всей своей семьею и брат Владимир, разумеется, матушка и сестра Ольга, кажется, и графиня Панина. Купель была убрана очень красиво цветами; обед был многочисленный, а вечером братья остались, и мы с ними и со Станиславом Онуфриевичем весело попировали и сварили жженку. К рождению Олиньки водворилась в нашем доме Марфа Сергеевна Грязнова, почтенная старушка, бывшая в доме Павла Александровича еще при жизни belle-mère* моей жены. Она оставалась при Павле Александровиче нечто вроде экономки а, главное, верного человека.

По отъезде нашем из Варшавы, в 1860 г., Павел Александрович женился на молодой вдове Казимире Казимировне Лубенской, впоследствии принявшей православие под именем Марии. Польский мятеж[163] вынудил Павла Александровича покинуть службу в Царстве Польском; он был, так сказать, козлом отпущения за многие ошибки нашей в том крае политики, в которой, во всяком случае, не он один был виноват. Не войду в оценку деятельности Павла Александровича в Царстве Польском; я не довольно с нею знаком, но знаю, что Павел Александрович неуклонно держался в Царстве, и как попечитель и как министр внутренних дел, русского знамени — в этом отношении он не виновен. Но наша политика того времени была шатка, без определенной программы, и Павел Александрович поплатился за эту шаткость, не от него происходящую.

Ему было приказано как можно скорее сдать свою должность и выехать из Варшавы; от этой малодушной уступки дела пошли не лучше, а все хуже и хуже. Ночью Павел Александрович выехал с женою из Варшавы; про-

* Здесь: мачеха *(фр.)*, т. е. К. К. Лубенская — вторая жена П. А. Муханова (***примеч. сост.***).

брался, не без опасности, через Пруссию в С.-Петербург, куда он был назначен членом Государственного совета. Марфа Сергеевна оставалась в Варшаве у г. Верневича, мы и пригласили ее к себе. От России она отвыкла, и первоначально все ей казалось дико. Впечатления ее, когда я с нею проезжал из Москвы в Нару через возмутившееся село, где должен был, для водворения порядка, остановиться, не могли быть для нее приятны. В Наре она успокоилась, вскоре вошла в нашу жизнь и сроднилась с нею. Так прожила она у нас до самой смерти своей в 1873 году. Добром мы ее поминаем за то нравственно-воспитательное влияние, которое она имела на наших детей; много она содействовала развитию в них религиозного чувства не сухою проповедью, а пониманием детского ума и сердца, руководимым любовью к детям.

В зиму 1861–62 года работала в Москве комиссия, избранная дворянством (под председательством Николая Арсеньевича Жеребцова, человека очень умного), над изучением различных вопросов, касающихся дворянства, заданных министром внутренних дел[164]. В состав ее вошел и я; ход дел в этой комиссии изгладился из моей памяти, но помню, что в ее заседаниях я сделал первые шаги в области публичных прений. Пришлось проводить идеи, преимущественно либерального свойства; сам удивляюсь, как слова мои слагались в плавные речи и достигали такого успеха, что не только их одобряли, но и рукоплескали, что вовсе не в обычаях комитетских работ. Эти первые успехи по ораторской части, хотя и в тесном круге, были для меня приятны и ободрительны.

В начале 1862 года состоялось экстренное собрание дворянства, в котором, между прочим, обсуждался доклад нашей комиссии. Это собрание, под влиянием только что совершившейся крестьянской реформы, имело какой-то особенный отпечаток, более живой, чем в обыкновенных собраниях, отчасти даже страстный. Если не ошибаюсь, на нем был поднят вопрос и возбуждено ходатайство о преобразовании судопроизводства введением гласного суда. Доклад наш подвергался оживленному обсуждению; он

должен был касаться исключительно <дворянских> интересов, но мы расширили рамку. Главными представителями дворянских интересов были граф В. П. Орлов-Давыдов и Безобразов[165] — предводитель одного из петербургских уездов, известный и весьма запальчивый оратор. Эти два корифея «консервативной» дворянской партии или, лучше сказать, партии реакции и косности жестоко напали на одно из заключений нашего доклада о совместном с представителями других сословий обсуждении вопросов, имеющих общее значение и важность. Комиссия наша защищалась вяло. Не только с разрешения, но и по желанию председателя нашего Жеребцова я попросил слова. Жутко мне было говорить в огромной зале дворянства перед многочисленным собранием и массою публики на хорах, притом публики очень возбужденной. Меня как общественного деятеля в то время почти не знали, и я сам не доверял своему дару слова. Мне было передано впоследствии, что когда я спросил слова, на хорах говорили: «Этот толстый Щербатов только погубит все дело, охота ему говорить?» На деле, однако, вышло не так: я произнес целую, вполне импровизированную, речь, сначала спокойную, но затем все более и более воодушевленную, отпарировав нападения графа Орлова-Давыдова и Безобразова настолько успешно, что одержал над ними полную победу. Вся зала огласилась взрывом рукоплесканий, в буквальном смысле слова. Со всех сторон ко мне кинулись с рукопожатиями и заявлениями горячего сочувствия, чуть ли не поднятием на руки. В Современнике появилась хвалебная статья о моей речи, как по существу, так и по форме[166]; между прочим в ней говорилось, что впервые была услышана импровизированная речь политического содержания в дворянском собрании; речь эту я впоследствии записал, но утратил ее[167]. Должен сказать, что устно она произвела и не могла не произвесть большее впечатление, чем в письменном виде; к тому же сказанное в ней было сказано неоднократно впоследствии с большим еще развитием главных мыслей. Ее заслуга состояла в том, что она явилась первою в своем роде и что, излившись из глубины души

и убеждения, она, под влиянием борьбы, произнесена была с большим жаром, даже увлечением; нервы мои были в сильном напряжении, и этому напряжению я приписываю силу впечатления, произведенного мной на моих слушателей. В обиходной жизни я вовсе не обладаю даром слова, даже говор мой вовсе не изящен, не ровен и с запинкой, но, да не будет это приписано хвастливости, когда скажу, что в важные минуты, под влиянием сильного и глубокого чувства, я речами своими неоднократно увлекал слушателей. Так было в дворянском собрании, позднее в Думе и в земстве[168]. Откуда брались сильные слова и удачные обороты речи, действующие на слушателей? Способность увлекать речью признавалась за мной не только массою, но и вполне компетентными людьми; одна из моих речей, после трагической смерти Александра Николаевича, была напечатана в нескольких стах тысяч экземпляров[169].

Дар говорить, подчас увлекательно, признаю за собою как дар Божий; стараясь употреблять его на пользу, я испытывал высокое наслаждение. За это наслаждение, впрочем, я поплачивался несколько и здоровьем, ибо в тех случаях, когда мне приходилось говорить с увлечением, по вопросам, глубоко затрагивающим мою душу, моя нервная система приходила в сильно напряженное состояние, от которого не скоро я мог освободиться: часто слезы готовы были брызнуть из глаз, я чувствовал спазматическое состояние в горле, и требовалось усилие, чтобы всего этого не проявлять.

Такие сильные высокие ощущения пришлось мне впервые испытать в упомянутом дворянском собрании, я был ошеломлен моим успехом, отчасти был даже им напуган, узнав, что хотят меня величать на большом обеде в зале дворянского собрания. Я поехал к губернскому предводителя дворянства Воейкову просить его, чтобы он отказал в зале; обед все-таки состоялся, но в ресторане Шевалье, в скромных размерах. Между прочими присутствовал на нем Пётр Фёдорович Самарин, который недавно напомнил мне о различных его инцидентах, изгладившихся из моей памяти, но не из его.

Неловко было мне несколько дней спустя встретиться на вечере с графом Орловым-Давыдовым, человеком намного старшим меня, очень самолюбивым и претендующим на ораторское искусство. Он действительно говорил недурно, хотя выходило как-то по-английски. Несмотря на нанесенное ему мною поражение его самолюбию, он относился ко мне без всякой желчи. На общественном поприще мы были с ним постоянно противоположного мнения, на частном мы были всегда в самых лучших отношениях — дружба его дочерей[170] ко мне, думается, тому много содействовала.

Что касается до сущности моей первой политической речи, произнесенной в дворянском собрании в 1862 году, то я с утешением могу себе сказать, что принципам, тогда мною выраженным, я остался верен во всю жизнь, словом и делом. Вопреки теориям об уничтожении или самоуничтожении дворянства, я исходил из того положения, что, признавая существование сословий необходимым как исторического продукта в России, первенствующее значение признавал за дворянством как за руководящим сословием, но только при условии неотделения себя от остальных — от всего народа; при условии отсутствия сословного эгоизма. Не само дворянство должно себе возлагать на чело венец первенства, а получить этот венец от других сословий — эти слова произвели какой-то особый фурор в зале, но они не были фразою, а выражали мое убеждение. В настоящее время, сочувствуя этой мысли по существу, я, при большей опытности, сделал бы, однако, оговорку в том смысле, что при соединении сословий в совместной общественной работе законодателю следует оградить меньшинство, т. е. интеллигентный элемент общества, от натиска более многочисленного, но грубого и неразвитого элемента. Так как в России покуда интеллигентный элемент, если не безусловно, то преимущественно, представляется дворянством, то следует его ограждать от захвата влияния другими, покуда необразованными сословиями. Рассчитывать исключительно на нравственное преобладание образованности над необразованностью в современ-

ный момент русской жизни опасно; нужны переходные меры, впредь до поднятия общего уровня образования; но и всегда образованность и государственный смысл будут достоянием меньшинства, хотя это меньшинство не будет всегда носить исключительно название дворянства.

После этого эпизода жизнь моя, как общественная, так и частная, пошла своим обычным чередом. Успел съездить летом в Хорошее и в Нару, где лично приступил к составлению уставных грамот.

Несмотря на то, что в обоих имениях, а в особенности в первом, крестьяне меня хорошо знали и несмотря на то, что отношения наши были наилучшие и много было сделано мною на пользу крестьян за крепостное время, — несмотря на все это крестьяне отнеслись ко мне недоверчиво. Этим, однако, я не смутился, не обиделся, и благорасположение мое к крестьянам не изменилось, не изменяется и до сих пор.

Введение уставных грамот представлялось важным бесповоротным переломом: эту бесповоротность крестьяне поняли и довольно естественно они робели перед решительным шагом. Личного, пожалуй, доверия к помещику было недостаточно, чтобы преодолеть эту робость за всю их будущность.

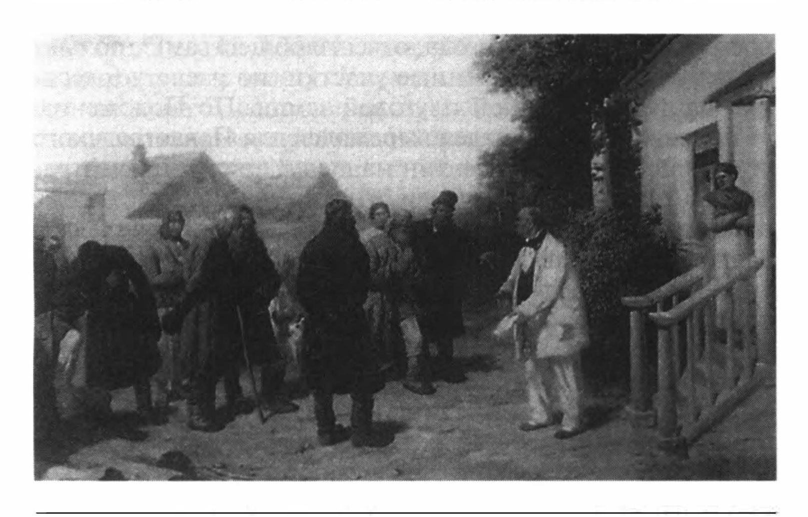
Положение 19 февраля допускало всякого рода соглашения между помещиками и крестьянами. Там, где оно достигалось, уставные грамоты подписывались как помещиком, так и крестьянами. Мне очень хотелось добиться в своих имениях подобного рода уставных грамот, но соглашение это удалось мне только в Наре, Саватьме и в Улыбовке; в последнем могу сказать «к сожалению», ибо пришлось уступить желанию крестьян выйти на даровой надел[171] — исхода, ни тогда, ни после мне не сочувственного.

При даровом наделе крестьяне делались не только сразу вполне свободными в юридическом смысле, но делались свободными и от всяких платежей за землю, оброка или выкупа; но зато вся их экономическая будущность не имела никакого обеспечения. На добровольные сделки с помещиками относительно найма земли трудно рассчи-

тывать навсегда, при выгодных для крестьян условиях, — это я предвидел при самом прочтении в Положении так называемой гагаринской статьи. Она так называлась потому, что провел ее председатель Государственного совета князь Павел Павлович Гагарин, несомненно, под давлением «консервативной», вернее сказать, крепостнической партии дворянства. Я остерегал крестьян от поползновения воспользоваться этою соблазнительною для них, на первых порах, статьею Положения; везде это мне удалось, кроме Улыбовки.

В приволжских губерниях народное влечение выйти на даровой надел, впоследствии названный сиротским, нищенским, было, пожалуй, слишком сильно, чтобы ему противостоять. Зло для крестьян, мною предвиденное, от выхода их на даровой надел, действительно обнаружилось впоследствии и даже довольно скоро. Крестьяне, в большинстве случаев, оказались, если уже не юридически, то хозяйственно, в полной крепостной зависимости от помещиков; а при исчезновении прежних патриархальных отношений и замене их коммерческими, эта зависимость крестьян крайне тяжела для них. Правительство, хотя и поздно, усмотрело, однако, сделанную им крупную ошибку; только в 1884 году учрежден был Крестьянский земельный банк[172] для борьбы с этим злом.

В Улыбовке хозяйственные отношения к крестьянам были тоже не нормальны, хотя в обратном смысле, во вред мне, ибо слишком дешево бралось за землю. Чрезвычайно был я рад открытию Крестьянского банка; чтобы разрешить неправильность аграрных отношений моих с крестьянами, я в 1884 г. продал улыбовским, а в 1888 году дмитриевским крестьянам всю недостававшую у них до полного надела землю по расчету выкупному. Таким образом, по своему неразумию, улыбовские крестьяне потеряли 22 года, а дмитриевские, и по злому умыслу, 26 лет; в течение этого срока они выплатили бы почти половину выкупа, которым могли бы воспользоваться при самом объявлении Положения 19 февраля. Относительно дмитриевских я прибавил слова «злой умысел», ибо он действительно таковым был. Крестьяне этого селения по

Спор о земле
Художник П. П. Соколов. 1860-е гг.

природе строптивы; кроме того, подпали под влияние революционной пропаганды, гнездо которой было недалеко от них — в Нессельродовском имении.

Во всех своих имениях, кроме Улыбовки, я лично вел переговоры с крестьянами об уставных грамотах. Положение 19 февраля я хорошо изучил и, для удобопонятности его для крестьян, применяемо к их пониманию, сделал из него краткое письменное систематическое извлечение. Переговоры с крестьянами меня очень волновали; на грубые или явно подозрительные ко мне отношения их я жаловаться не мог, но все-таки дело шло не гладко: подозрительность я ощущал. К ней следует прибавить и то, что Положение 19 февраля не соответствовало преувеличенным ожиданиям крестьян, в особенности относительно размера их наделов. Чувствовалось, что крестьяне ожидали получить все те земли, которыми они пользовались за крепостное время, если не более. В степной местности и, в частности, в Хорошем, это пользование было очень неопределенное. К счастью, я успел за крепостное

время, задолго до 1861 года, отвести обществам[173], по плану и в натуре, определенные участки, по расчету 6 десятин на душу, пахотной плуговой земли. По Положению 19 февраля, полный надел выражался для Павлоградского уезда в количестве 4 десятин на душу; приходилось отрезать по 2 десятины на душу и отнять луга, которые, кроме ценности, были бы черезполосны; все это было не легко. Задавшись мыслью составить уставные грамоты по соглашению, я предлагал крестьянам значительное количество земли сверх надела, только бы они подписали грамоту; они уперлись: «не хай будет по царскому», — говорили они, выражая тем ссылку на закон 19 февраля, против которого они явно возражать не могли. Истощив все способы соглашения, я решился написать уставную грамоту на точном основании закона, оставляя притом в барыше около 700 десятин. Крестьяне впоследствии очень жалели о своем поступке.

Одновременно с составлением уставных грамот, я сделал заявление об обязательном выкупе, т. е. со скидкою 20%, так что надел выкупался в 120 руб. с души (30 руб. за десятину). Только по Наре я не почел справедливым делать уступку крестьянам в выкупе, и 9 лет они платили оброк[174]; после чего, снисходя их просьбе, согласился выпустить их на выкуп без приплаты; эту приплату они фактически внесли мне за 9 лет, что они платили оброк.

По званию предводителя, за лето 1862 года я продолжал иметь много дела по Верейскому уезду, хотя менее, чем в 1861 году. Введение в действие Положения 19 февраля было организовано; посредники приобрели нужную опытность и вели свое дело отлично. Все недоразумения восходили в мировой съезд[175], который я собирал то в Верее, то в Наре. Съезды эти были полны жизни и воодушевления. К концу 1862 года, помнится, $^{9}/_{10}$ всех уставных грамот были введены, но не довелось мне, однако, довести дело вполне до конца, и мирное течение жизни было прервано совершенно для меня неожиданно.

В Москве вводилось новое Городовое положение; над этим работала особая комиссия при генерал-губернаторе П. А. Тучкове[176], под председательством очень опытного

чиновника его Н.Д. Игнатьева; работы ее к концу 1862 года приходили к концу. Упразднялась отжившая Шестигласная дума[177], состоявшая только из членов от купечества и мещанства, представлявшая собою как бы отделение, и то плохое, генерал-губернаторской Канцелярии. Вместо нее учреждалась Общая дума из представителей 5 городских сословий, по 50 человек от каждого, под председательством избранного выборными от всех 5 сословий городского головы. Исполнительная власть предоставлена была Распорядительной думе, тоже под председательством городского головы, из 10 членов, по 2 от каждого сословия. К Распорядительной думе примыкали все другие городские исполнительные органы: торговая депутация, торговая полиция, оценочная, трактирная и другие комиссии.

Я, равно как и все дворяне, был совершенно до того времени чужд деловой городской общественной жизни; даже отголоски о ней редко до нас доходили, и мы ею не интересовались. Новое Городовое положение призывало к участию в общественном городском управлении и делах все сословия, но каждому, отдельно, предстояло избрать 100 выборных[178].

Помню, как кто-то нас собрал в зале предполагаемой новой Думы (на Воздвиженке, у графа Шереметева[179]) для обмена мыслей по поводу предстоящих выборов. Как нестройно и дико было это первое собрание, вполне, впрочем, не официальное; разнородные элементы общества, до тех пор никогда не сходившиеся, чуждались друг друга. Путного, разумеется, из этого собрания ничего не вышло.

Выборы потомственных дворян были назначены в зале Дворянского собрания[180], причем дело не обошлось без скандала: оказалась масса фальшивых шаров, но пускавшие их в дело были уличены. В число выборных попал и я; затем был выбран и старшиною потомственных дворян. Должность старшины была совместима с должностью предводителя, и на ней я думал остановиться. Совершенно для меня неожиданно и, так сказать, помимо моей воли, выборные от потомственных дворян наметили меня кандидатом в городские головы, и, к величайшему моему удивлению, я узнал, что и другие сословия сочувственно

отнеслись к моей кандидатуре. Несомненно, что тому содействовала добрая память Москвы о моем отце, общественная деятельность моей матери на поприще благотворительности и моя прошлогодняя речь в дворянском собрании, проникшая и в другие слои общества.

Руководительство выборами городского головы было передано собранием старшинам и их товарищам; по старшинству баллов, я сделался его председателем. Новизна и сложность дела и обращенное на него всеобщее внимание требовали зрелого обсуждения. Мы работали много за это время. Положено было основание тем отличным отношениям моим к старшинам, с некоторыми даже дружественным, которое впоследствии оказалось столь полезным; эти отношения, почти без изменения, сохранились во все время моего служения городским головой.

11 марта 1863 года состоялось предварительное собрание старшин и их товарищей и по 10 старших выборных от каждого сословия для составления списка кандидатов на должность городского головы; назначение происходило по запискам; внесены были в список трое дворян: Кошелев, Селиванов и я, и трое купцов: Лямин, Мамонтов и Хлудов; на 16 марта были назначены самые выборы в зале Дворянского собрания.

Все подробности, касающиеся производства этих выборов, в составе 500 избирателей, были тщательно нами обдуманы; во всем приходилось заводить новые порядки: каждому избирателю вручалась, вместе с входным билетом, печатанная программа, которой определялся весь ход выборов. Благодаря этому, порядок был действительно необыкновенный и удивил всех, привыкших к беспорядкам и даже безобразиям дворянских и других выборов.

Напряжение общественного интереса было чрезвычайное; в залу пускались только выборные, но хоры были битком набиты зрителями. Председательский стол, за которым сидел я, старшины и их товарищи, был поставлен в середине залы под портретом Государя; справа и слева, с надлежащими проходами, было поставлено 500 стульев для выборных; их явилось 461 — цифра поразительная. В первый раз сходились все сословия равноправно; идею

этой равноправности следовало выдержать и в самом производстве выборов. К сожалению, не успели или, лучше сказать, поздно вздумали составить общий алфавитный список. Чтобы выйти из этого затруднения, я бросил жребий: в каком порядке сословия должны были подходить к избирательному ящику. Вспоминая об этом приеме с сожалением, могу оправдаться только силою обстоятельств и моей неопытностью. Спасибо дворянству, которое снисходительно отнеслось ко мне и не подняло вопроса о неправильности этого приема. Первыми по жребию подошли к избирательному ящику выборные от цехового общества, за ними — потомственные дворяне, потом — купцы, в заключение — мещане. В боковой зале был устроен обильный и нарядный буфет; но ни в одни выборы он не играл меньшей роли, чем в эти; все было безусловно не только в порядке, но чинно и спокойно, чувствовалось серьезное отношение всех к делу.

Большое затруднение оказало, при производстве выборов, различие прав дворян и купцов относительно отказа от выбора. Дворяне, в силу закона, пользовались этим правом безусловно; купцы — при условии согласия общества.

Помню, как почтенный старик, Иван Фёдорович Мамонтов с покорною просьбою обращался к собранию об исключении его из списка. Общество его уволило. Затем, немало хлопот причинил мне Илья Васильевич Селиванов (пустозвонный либерал, председатель Уголовной палаты[181]). Когда он был 11 марта внесен в список, он просил его исключить, что и было сделано, на основании его законного права; в самый день выборов он просил его опять включить; отказать в этом я ему не мог (хотя предупреждал о неудобствах). Когда началось вынутие жребия, в каком порядке будут баллотироваться кандидаты, г. Селиванов опять заявил о своем отказе. Я не знал, как разрешить осложнившийся вопрос и обратился к прокурору[182], князю Багратиону-Мухранскому, приставленному для наблюдения за законностью выборов. Князь Багратион сослался на решение Общества, а Общество, озлобленное поступком Селиванова, не уволило его и затем прокатило на

черных[183]. К глубокому моему сожалению, А. И. Кошелев подвергся той же участи, когда он стал отказываться после того, как я и Хлудов были выбраны. Я должен отдать справедливость Кошелеву, что это обстоятельство, в котором я, по своей тогда неопытности, считаю себя несколько виноватым, а прокурора еще больше, не повлияло на наши отношения, ни тогда, ни после не изменившиеся. А. И. Кошелев был крайне самолюбивым человеком; удар, нанесенный его самолюбию, был жесток, но как это, так и позднейшие столкновения с ним не имели дурных последствий на наши личные отношения. У этого, с виду сухого человека, при видимых его недостатках, было сердце; он меня полюбил, хотя ничего приятного я ему в жизни не сделал; это он мне неоднократно доказал, и слезы, которые этот тщеславный человек раз проливал, после неприятного моего разговора с ним, не изгладились из моей памяти. Мир праху его.

Селиванов написал в газетах укоризненную для меня статью по поводу выборов 16 марта 1863 г.; я ему отвечал длинным письмом (сохранившимся у меня[184]), предоставляя ему сделать из него то употребление, которое сам пожелает; он его не напечатал, но отношения наши сделались опять нормальными; близкими они никогда не были.

Кроме изложенных двух инцидентов, выборы шли отлично.

Первым по жребию баллотировался И. А. Лямин и не прошел (200 белых, 261 черных). Вторым — Герасим Иванович Хлудов, прошел (278 белых при 183 черных); третьим — я (338 белых при 123 черных). Как только кончили счет моих шаров, громовые рукоплескания раздались в зале; все бросились ко мне с каким-то восторженным воодушевлением; после мне сказали, что воодушевление это перешло даже на улицу. Действительно, это первые выборы, первого всесословного головы Московского, имели особое значение; на них смотрела не одна Москва. Вопрос: будет ли выбран или нет дворянин, — был животрепещущим. Мне это говорили в Москве и заявляли отовсюду; я это сам чувствовал, а потому понятно, что личное самолю-

И. А. Лямин
Фотография. 1860-е гг.

бие, как оно ни было польщено, отошло на совершенно задний план. Я сразу понял, какая огромная нравственная ответственность легла на меня, она меня, так сказать, давила; на свои силы я не надеялся, горячо молился Богу, и Он меня не оставил.

Не одним днем 16 марта ограничились овации, которых я был предметом; я сделался как бы героем дня; положение лестное, но не легкое: нужно было оглядываться на все стороны, обдумывать каждый шаг, каждое слово, чтобы не сделать оплошности. Справляться у других, как и что делать, было почти невозможно — мое социальное положение было без предыдущего и сложилось при совершенно новых условиях. На первых порах следовало выразить обществу мою благодарность за оказанную мне честь и доверие.

В зале Дворянского собрания, после выборов, я сказал, правда, несколько слов, но этого было недостаточно, тем более, что я отказал редакции Московских Ведомостей[185] сообщить мою речь. К прессе я в то время относил-

ся почти враждебно, впоследствии эта враждебность исчезла, но доверия и, еще менее, искательства в ней у меня никогда не было.

Вежливость требовала соблюдения известного приличия, потому я сделал визиты почти всем избирателям из сословий дворян и купцов, а к мещанам и цеховым поехал на их сословные собрания, был и в купеческом. Мне рассказывали потом анекдот: прислуга Купеческой управы[186] была поражена скромностью моей барашковой шубы, после собольих шуб моих предшественников; этот анекдот меня очень позабавил и верно не побудил меня изменить простоты моего одеяния и вообще всей моей обстановки, в которой я решительно никаких улучшений не допустил, не заимствовал даже обычая принимать поздравления после выборов с шампанским в руке. Все было прилично и скромно, и вся Москва прошла через мой маленький, довольно неудобный кабинет. От этого дело не пострадало, и мой престиж не убавился. Забавляли меня слова одного высокопоставленного чиновника, удивлявшегося, что я, на выходе из Успенского собора в официальные дни, сам, без лакея, отыскивал свой экипаж. Ко мне на дом публика валила; я сам не верил моим глазам, когда некоторые высшие военные чины являлись ко мне в парадной форме. Мне все казалось, que l'on me primait trop ou sérieux*, но оно действительно было так.

Английский клуб[187], имевший в то время общественное значение, при своих 600 членах, пожелал почтить в моем лице, как это говорилось, избранного дворянина в главу всех объединенных сословий. Все старшины приехали ко мне с приглашением. Обед был многочисленный — около 250 участвовавших, пышный и оживленный; ввели меня в столовую при звуках Marche du Prophété[188]; музыка, вино, лестные тосты и слова — все это производило на меня несколько ошеломляющее впечатление; мне всего было тогда 34 года.

* Что моей персоне оказывают слишком большое внимание *(фр.)*.

Трогателен был скромный, но радушный, прощальный обед, данный мне верейским дворянством[189]; оно не поставило мне в укор, что я покинул предводительство; напротив того, скорее было польщено моим избранием. Некоторые аристократы, преимущественно петербургские, сделали мне этот упрек: пуганое же у них понятие об аристократизме.

10 апреля 1863 года было первое заседание Общей думы; грозные в то время события, вследствие Польского восстания, придали ему сразу политическое значение. Подача всеподданнейшего адреса представлялась нравственною и политическою необходимостью — того желало общество, того желало и правительство. Правительство явно искало опоры в общественном мнении, лучше сказать, в народе; в той борьбе, которую оно вело не только с открыто восставшими поляками, но и с западными державами, поддерживающими восстание и склонными к вмешательству во внутренние дела России. Еще с последних чисел марта идея о необходимости подачи адреса созрела в городском обществе, равно как и в дворянском и в других сословиях. В составлении адреса Думы приняли тогда участие: Катков, бывший тогда гласным Общей думы, Аксаков, Погодин и другие. У меня сохранилась часть переписки по этому поводу, свидетельствующая о том, как сильно признавалась необходимость дать отпор западным державам, поддержать Государя и сделать ненарушимым сохранение границ Русского государства; все это требовало энергического адреса. Адрес долго дебатировался в частных предварительных собраниях, но затем мною были приняты все меры, чтобы в заседаниях Думы не было никаких прений; действительно, как и следовало, он был принят par acclamation*.

Заседание было торжественное и необычайно чинное и стройное; обстановка была тоже очень хороша. Адрес был послан Государю к 17 апреля, дню его рождения; к этому дню и я с старшинами поехали в Петербург и представлялись Государю.

---

* Без голосования *(фр.)*.

Рядом с этими заботами политического свойства, я должен был работать над устройством собственно городского управления, т. е. Распорядительной думы. Застой в городских делах, в ожидании преобразования, был полный: прибегали ко мне со всевозможными жалобами, даже чины полиции прибегали за задержанным жалованьем, когда Распорядительная дума еще не была открыта. Помню впечатление, которое произвело на меня первое мое посещение пустого еще в то время помещения Думы в доме графа Шереметева. Все было заново отделано; залы великолепны, и в них стояло бесчисленное множество столов и конторок, ожидавших деятельности, а в чем должна была выразиться эта деятельность и как она пойдет, — для меня было вполне неведомо; я робел, сильно робел перед неизвестным мне делом, которое я же должен был заправить и направить. Опять Бог послал мне на помощь хороших людей.

В начале мая была открыта Распорядительная дума, и началось правильное течение дел. От нас ждали какой-то внезапной метаморфозы во всем строе городской жизни; но, и не задаваясь осуществлением несбыточных надежд, мне предстояла пропасть дела, чтобы упорядочить текущие дела; сразу работа закипела и, благодаря Бога, хорошо.

Но практическая хозяйственная моя деятельность вскоре была прервана политическою, бурно возбужденною Польским восстанием. Едва я успел несколько осмотреться в административном деле, как я должен был напрячь все мои нравственные силы, чтобы справиться с трудною задачею политического свойства.

С 1863 г. Московские Ведомости стал издавать Михаил Никифорович Катков; с энергией и с большим талантом взялся он за польский вопрос[190]. Деятельность его в этом отношении слишком известна, чтобы мне предстояло говорить о ней в своих записках; могу свидетельствовать только, что он много содействовал возбуждению русского патриотизма, до того несколько поникшего и готового, под влиянием лжелиберализма, на всякие уступки. Уступок и без того было сделано много, и между прочим,

обидных для русского чувства: так, чтобы ублажить поляков, обещались им, и только им одним, всякие либеральные реформы, об остальной России — ни слова. В свое время это исключение, сделанное в пользу поляков, произвело удручающее на русских впечатление. Было предположено заявить о том в адресе от Думы, но чтобы не оказать правительству плохой услуги перед Европою, решено было об этом умолчать. Катков, стремясь к цели, в данном случае высокой и правильной, увлекся в способах ее достижения; он начал бить набат: что и внутри России и в самой Москве не безопасно от польской интриги и что все граждане должны стать на страже, образуя из себя местное ополчение. Формированием местного ополчения предполагалось дать возможность правительству свободно располагать гарнизонными войсками, двигая их в угрожаемые восстанием местности. Я лично не сочувствовал этой мысли, которая, при неопределенной туманности цели, представлялась мне практически мало исполнимою. Мне казалось, что этим мы могли скорее причинить правительству новые хлопоты и опасения в минуту, когда и без того у него было их много и когда правительство плохо и слабо справлялось с внешними затруднениями. Но Катков вел деятельную и успешную пропаганду, привлек на свою сторону не только влиятельных гласных, но и самого генерал-губернатора, почтенного Павла Алексеевича Тучкова.

Я старался охлаждать пыл моих товарищей по Думе, в том числе Петра Самарина, Гончарова и других, и придерживал движение, но я оказался не в сильных, и мне угрожали, что предложение Думе о сформировании местного ополчения для охраны Москвы будет внесено помимо меня. Когда же из разговора с П. А. Тучковым я убедился, что и он, высший местный представитель правительства, могущий знать, чего оно желает, сочувствует мысли Каткова и находит ее полезною, то я почувствовал, что почва совершенно уходит из-под моих ног. Тогда я решился стать во главе движения, чтобы по крайней мере не представить его на произвол случайностей, чтобы руководить им и направлять его в патриотическом духе.

М. Н. Катков

Я созвал к себе на совещание человек 20 из более влиятельных и развитых гласных. Как частность, помню удивление некоторых, думавших, что я созываю их, чтобы попытаться затормозить дело, когда я им сказал, что назначаю совещание для предварительного обсуждения проекта местного ополчения. Заседание, происходившее на Садовой, в доме матушки, длилось до поздней ночи; прений было много, я не только принимал в них участие, но считал своею обязанностью и руководить ими. К изумлению моих товарищей, я сильно спорил с самим Катковым, уже тогда, более чем когда-либо, пользовавшимся почти неоспоримым авторитетом; измученный, я в ту ночь почти не спал. Встав рано, поехал помолиться к Иверской[191] и затем прямо в заседание Общей думы, назначенное на утро. Никакой речи я, разумеется, приготовить не мог, но нервы были возбуждены до крайности. Открыл Думу, встал и произнес импровизированную речь в возвышен-

ном патриотическом тоне. В зале царило всеобщее молчание; все глаза устремлены были на меня. По мере того, как я говорил, я видел все возрастающее внимание и возбужденность; наконец увидел, как у многих, в том числе старцев, потекли из глаз слезы. Магнетизм этих слез придал моим словам еще более одушевления; чисто патриотический энтузиазм, видимо, охватил всю залу; ко мне бросились с выражением неподдельного сочувствия; я был утомлен донельзя: душа во мне трепетала, нервы разыгрались, но я с ними совладел. Не чувство гордости я ощущал, а что-то чистое и высокое; я был счастлив; скажу откровенно — доволен собой, ибо Бог помог мне дать всему собранию желательное, чисто патриотическое направление; ничто не могло меня более оскорбить тогда, как сравнение меня с Lafayette[192], сравнение, которое я слышал в Петербурге. Я понимал, что дурно было бы оказать правительству услугу сомнительного свойства, в минуту общественной опасности предложить камень вместо хлеба. Идея городского ополчения имела много схожего с идеей национальной гвардии, но должна была вполне от нее отличаться по цели, а главное, по побуждениям. Не очень останавливаюсь я на практическом ее значении, в котором я всегда сомневался; дорого было мне сохранить чистоту патриотического побуждения общественного движения, хотя бы и непрактического; эту чистоту намерений я проводил и в Думе, ее же довелось мне защищать в Петербурге, заявить лично и без двусмысленности самому Государю.

По странному стечению обстоятельств, пришлось самому мне, и притом одному, представить адрес Думы в Петербурге. Генерал-губернатор только напутствовал меня наилучшими пожеланиями. На железную дорогу проводили меня все старшины и несколько гласных, тоже с пожеланиями и притом с некоторым требованием, чтобы адрес не только был бы принят, но чтобы воспоследовало по нем и исполнение, т. е. чтобы разрешено было организовать немедленно городское ополчение. Я ничего не обещал, предоставляя себе действовать, смотря по обстоятельствам, с твердым намерением отстоять только идею

московского общественного движения, защитить ее, как я предвидел в том надобность, от всяких лжетолкований. Жутко было ехать мне в Петербург и войти сразу в сношение с высшим правительством по делу небывалому, без предыдущего, и представлявшему щекотливые стороны.

Приехав в Петербург, я поехал к министру иностранных дел князю А. М. Горчакову; он меня принял отлично, долго беседовал и заявил, что всякая патриотическая поддержка в данную трудную минуту полезна по впечатлению, которое она произведет на западные державы. Князь Василий Андреевич Долгоруков (начальник III Отделения) принял меня сладко-вежливо, но подозрительно; причем, критикуя мысль городского ополчения, предложил, однако, учреждение, на английский манер, института добровольных констаблей. Военный министр Д. А. Милютин принял меня очень сочувственно и серьезно со мною обсуждал дело. Министр внутренних дел Валуев принял меня также очень хорошо, но что именно мне говорил, не помню. Помню одно, что во всем этом деле я нашел самую большую опору в князе Горчакове, который и взял его, так сказать, в свои руки; ему я объяснил все значение и побуждение московского движения; просил, но без ударения, поддержать и самое исполнение ходатайства Думы об ополчении. Относительно практического результата московского заявления, я был между двух огней: с одной стороны, я сомневался в практической пользе ополчения и не мог не предвидеть страшных его трудностей, а потому внутренне не желал, чтобы ополчение состоялось; с другой стороны, как представитель города я считал необходимым поддерживать его ходатайство. Князь Горчаков заявил мне, что Государь, для обсуждения нашего адреса, назначил особое совещание с несколькими министрами. Тут моя молодость и неопытность дали себя знать. Помню, как настойчиво я добивался от князя Горчакова, чтобы и я был призван на это совещание для личного доклада; разумеется, князь Александр Михайлович мне в том отказал, но обещал, что Государь меня примет после совещания; и

действительно, я удостоился личного приема Государя, в его кабинет в Царском Селе — с глазу на глаз.

Государь меня милостиво и ласково приветствовал и, посадив против себя за письменным столом, удостоил довольно длинным разговором, упомянув, между прочим, о своем твердом решении отстоять землю русскую от мятежников и врагов; не могу себе простить, что не записал его слов. Как я ни был внимателен к этим словам, но я сильно был взволнован; а теперь, по прошествии 25 лет, вспомнить все частности трудно, а сочинять не желаю. Помню, что я не скрыл от Государя, что и в Москве есть неблагонадежные в политическом отношении элементы, но что они в меньшинстве, что огромное большинство воодушевлено самым чистым патриотическим духом; умолял Государя видеть в адресе Думы об образовании местного ополчения только выражение этого духа. Говорил я с воодушевлением; Государь сказал, что мне верит, но о сформировании ополчения отозвался вежливо-уклончиво.

Тут пришла мне мысль заявить Государю Императору о небезопасности Москвы, при незначительном в то время составе наружной полиции, и ходатайствовать об усилении ее за счет казны, как то только что было сделано для Петербурга. Об этом я говорил предварительно с министром внутренних дел Валуевым, и он обнадежил меня возможностью исполнения этой меры.

Мне казалось, это было единственным средством успокоить Думу, в случае отказа в сформировании ополчения; поступок мой — говорить об этом непосредственно Государю — был, очевидно, неправильный. Государь дал мне это почувствовать, но очень снисходительно, сказав, что это дело генерал-губернатора о том представить, что он и сделал, когда я ему передал слова Государя.

Моя бестактность, впрочем, не имела никакого влияния на обращение Государя со мною, и он милостиво отпустил меня, пожав мне руку. После аудиенции у Государя я поехал к Валуеву и передал ему сказанное мною Его Величеству и Им мне. Валуев меня обнадежил, что полиция в Москве будет усилена за счет государства; но впоследствии

оказалось, что, хотя полиция и была увеличена на 1000 человек, но не за государственный, а за городской счет.

Я возвратился в Москву; на станции меня встретили опять старшины. Сразу я увидел, насколько за краткий промежуток времени общественное мнение относительно ополчения изменилось. Первый пыл исчез; высказывались опасения трудности исполнения. Доволен был я тем, что я привез из Петербурга уклончивый ответ, и мои доверители были довольны; уклончивый ответ не означал, однако, отказа. Год спустя из Петербурга было получено разрешение обсудить вопрос о сформировании городского ополчения и приказано было по этому делу составить доклад. Жгучесть политических событий миновала. Польский мятеж был подавлен; общество отнеслось к делу совершенно холодно, только генерал-губернатор, добрейший Михаил Александрович Офросимов принимал дело всерьез, и не особенного труда стоило мне затянуть обсуждение этого вопроса и свести на нет.

Труды, а главное напряженность ума, при которой я жил эти два первые месяца моего главенства, нравственная ответственность за мои поступки отозвались на моем здоровье, в то время очень крепком; я стал задумываться, боясь за рассудок; неотвязчивые тяжелые мысли и чувства меня мучили; я даже потерял наконец сон.

Между тем административная механика должна была идти, и я не мог ни дня дать себе покоя, да вряд ли временное прекращение занятий могло мне дать нравственный покой; в подобных случаях перемена занятий и обстановки всего лучше действует на человека. Эта перемена и случилась. В июле месяце я был вызван губернским предводителем в Петербург — принять участие в обсуждении Государственным советом Положения о земских учреждениях[193]. Новое дело, хотя очень важное, но без исключительно личной ответственности, меня заняло и рассеяло; работы особенной не было, а участие в заседаниях Департамента законов и экономии, под председательством князя П. П. Гагарина, меня очень заинтересовало. Тут я убедился, что «не боги горшки обжигают»; только меньшин-

ство членов Государственного совета произвело на меня хорошее впечатление, большинство же, исправно уничтожив завтрак от Двора, затем молчало и чуть не засыпа́ло. Нас, приглашенных, было всего четверо: петербургский губернский предводитель дворянства, брат мой Григорий, петербургский городской голова Погребов (совершенная ничтожность), московский губернский предводитель дворянства, милейший князь Лев Николаевич Гагарин и я. Приняты мы были в высшем конклаве очень хорошо и посадили нас насупротив председателя за огромным подковообразным столом; относились к нам внимательно и любезно. Только в первых заседаниях было как-то неловко, но затем вскоре я осмотрелся и никакой робости не ощущал. Говорил не очень много и не часто, но раз как-то очень удачно и вообще пользовался кредитом.

Раз пришлось мне возражать брату — это очень заинтересовало слушателей. Сотрудничество брата Григория было для меня совершенный клад; я жил у него на Моховой, вместе ездили в заседания, обсуждали возникавшие вопросы, а после заседаний проводили все время вместе, причем часто нас приглашали на обеды; между прочим, мы были приглашены в Ораниенбаум к великой княгине Елена Павловне, на два дня. Самое приятное я сохранил воспоминание о нашем там пребывании.

Нельзя представить себе более гостеприимной, обворожительной, умной и любезной хозяйки. Я считал и считаю великую княгиню Елену Павловну моею благодетельницею по тому участию, которое она приняла во мне ходатайством, по просьбе моей сестры Катеньки, перед фельдмаршалом Паскевичем о назначении меня его адъютантом. Об этом благодеянии она мне никогда не напоминала, но как-то всегда была особенно добра ко мне и удостаивала продолжительными разговорами, чуждыми всякой принужденности.

Когда я был избран городским головою, притом не только с огласкою, но с некоторым блеском, она, казалось, была довольна тем, что ее protégé вышел из рядов. Благорасположение ко мне великой княгини никогда не

Великая княгиня Елена Павловна

изменялось и впоследствии; я же во всю жизнь сохранил глубокую благодарность к великой княгине, хотя ничем ее доказать не мог. В приезд свой в Москву, она пригласила меня поехать с собою из Петербурга в царском вагоне. В Москве мы виделись ежедневно и по несколько раз в день, так как она избрала меня своим руководителем, доверясь моим указаниям и советам. Я был поражен, как умно и дельно она осматривала различные учреждения, как умно она вела разговоры.

Приложение

Речь князя А. А. Щербатова в Верейском уездном дворянском собрании[194]

Милостивые Господа!

Позвольте мне отступить от принятого обычая и первому сказать вам несколько слов.

Мы собрались здесь не случайно, мы здесь друзья, которых соединила общая мысль, общее чувство. На мою счастливую долю выпал жребий высказать то, что таилось в сердцах вас всех. Этим одним я могу объяснить себе то горячее сочувствие, которое слова мои встретили в зале собрания. Все ваши сердца пламенно отозвались на мысль, что благо общее стоит выше блага сословного, что сословные предрассудки, сословная гордость должны замолкнуть при воззвании к любви к Отечеству.

Я не предлагал вам отказаться от почетного и благородного места, которое вся предшествующая история выработала нам в нашей государственной семье. Я не предлагал вам самоуничтожения, противного пользе Отечества, но умолял вас не отделяться от других сословий, протянуть им руку, вместе с ними работать в деле общем, руководить их в этом многотрудном деле и тем доказать, что не случайно, не произвольно мы называем себя сословием по преимуществу государственным.

Поприще перед нами открыто обширное. Россия вступила на стезю преобразований. От души пожелаем, чтобы они шли путем мирным, путем постепенности — единственным, от которого можно ожидать последствий пло-

дотворных. Будем тому по мере сил содействовать. Много уже сделано, еще более остается сделать.

Правительство обратилось к нам за советом в общем деле. Дадим же ему совет разумный, совет честный. Не запятнаем себя, с одной стороны, эгоистическими направлениями, не будем, с другой, увлекаться мечтами лживыми, хотя бы и заманчивыми теориями <...>*.

При этом направлении мы можем иногда ошибаться, и не будем столь горды, чтобы не признать ошибки; но, уповая на Бога, никогда не заблудимся. Мы не потеряем из виду конечной цели блага Отечества. Разум, руководимый советами науки, научит нас не сбиться с пути, ведущего к этой цели, и Бог благословит труды наши в деле общем.

Пью, Господа, за здравие всех моих друзей, здесь собравшихся, во имя общего чувства, общих убеждений.

Князь Александр Щербатов

<*Март 1863*>

* Последняя фраза в рукописи не читается, т. к. текст поврежден (***примеч. сост.***).

Комментарии

«Воспоминания» князя А. А. Щербатова печатаются по рукописному списку, хранящемуся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 223 (Петрово-Соловово). Карт. 3. Ед. хр. 3.

[1] А. А. Щербатов женился на М. П. Мухановой в 1857 г. От этого брака у него было четыре дочери и два сына.

[2] А. А. Щербатов был четвертым сыном князя А. Г. Щербатова и графини С. С. Апраксиной. Всего у них было семеро детей, из которых двое умерли в младенчестве. К моменту рождения А. А. Щербатова у него было два брата, Григорий и Владимир, и две сестры, Екатерина и Ольга.

[3] А. Г. Щербатов участвовал в подавлении польского восстания 1830—1831 гг., командуя 2-м пехотным корпусом. Он отличился во время обороны Жолтковской переправы и при взятии Варшавы, за что был награжден орденом Св. Владимира 1-й степени, шпагой, украшенной бриллиантами, и польским орденом Белого Орла. По возвращении из Польши А. Г. Щербатов был назначен председателем Генерал-Аудиториата — высшего военно-судебного учреждения, созданного к тому времени в составе Военного министерства (функционировал до 1867 г., когда был заменен Главным военным судом). В связи с этим назначением семья А. Г. Щербатова переехала в Петербург и поселилась в упомянутом доме частного владельца Лазарева, расположенном напротив Михайловского сквера.

[4] А. С. Пушкин рассказывал своим друзьям, что главная завязка «Пиковой дамы» не вымышлена. Старуха графиня Анна Федотовна — это действительно Н. П. Голицына, жившая в Париже.

[5] Н. П. Голицына презирала своего родственника, графа А. И. Чернышёва, за его предосудительное поведение во время следствия над декабристами. Используя свое положение члена Тайного следственного комитета по делу декабристов, Чернышёв заявил о претензиях на богатый майорат графов Чернышёвых, единственным наследником которого был находившийся под следствие его кузен З. Г. Чернышёв.

[6] *Бабушка* — Е. В. Апраксина (урожд. княжна Голицына).

[7] А. Г. Щербатов женился на С. С. Апраксиной в 1817 г., после восьмилетнего вдовства. Его первая жена Е. А. Вяземская умерла спустя год после их брака, не оставив детей.

[8] Имение А. Г. Щербатова Литвиново находилось в Верейском уезде Московской губернии.

Д. В. Голицын был родным дядей матери А. А. Щербатова, С. С. Апраксиной. Он был не только родственником, но и большим другом А. Г. Щербатова, вместе с которым прошел военную кампанию 1805—1807 гг. Дочь А. Г. Щербатова, Ольга, была замужем за племянником Д. В. Голицына.

[9] Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг.

[10] Льговское имение Е. В. Апраксиной находилось в Дмитровском уезде Московской губернии.

[11] Речь идет о знаменитом дворце графа С. С. Апраксина, расположенном на углу Арбатской площади и улицы Знаменки, который был построен в 1792 г., в стиле классицизма, по проекту архитектора Ф. И. Кампорези. Во дворце был прекрасный крепостной театр, в котором до 1830 г. играла и итальянская труппа. В 1808 г. рядом с дворцом К. Росси возвел деревянный Арбатский театр. После пожара 1812 г., когда театр сгорел, труппа Императорского театра выступала в театральном зале Апраксинского дворца до 1818 г. После эпидемии холеры 1831 г. дворец купила казна для Александринского сиротского института — приюта для детей офицеров, умерших от холеры во время эпидемии 1830—1831 гг. После того как сиротский институт переместился на Солянку, в Апраксинском дворце разместился кадетский корпус, а с 1863 г. — Александровское военное училище. Тогда здание было незначительно перестроено: оно было снабжено портиком с колоннами. В 1930 г. здание было кардинально перестроено для нужд военного ведомств. В таком виде оно стоит до сих пор на ул. Знаменка (дом № 19) (*Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1999. С. 109).

[12] Подразумеваются брат А. Г. Щербатова и его жена.

[13] Речь идет о племяннике А. А. Щербатова Алексее — сыне его старшего брата Григория.

[14] А. Г. Щербатов имел пять сестер.

[15] Имеются в виду родители А. Г. Щербатова, Григорий Алексеевич и Анастасия (Настасья) Николаевна. Их особняк на Петровке был после пожара 1812 г. перестроен для Петровских казарм. Во второй половине XIX в. казармы использовались для размещения Московского жандармского дивизиона. Ныне этот дом не существует.

[16] Автор перепутал фамилию: священником, постоянно навещавшим декабристов в Петропавловской крепости, был не П. Н. Мозгов, а протоиерей П. Н. Мысловский.

[17] Имение А. А. Щербатова Хорошее было расположено в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии.

[18] А. Г. Щербатов был назначен шефом Костромского егерского полка 6 октября 1831 г., а вышел в отставку в 1835 г.

[19] В 1839 г. А. Г. Щербатов был назначен членом Государственного совета, а в 1840 г. — Александровского комитета о раненых, учрежденного императором Александром I в 1814 г. для оказания помощи раненым участникам войн и семьям убитых и умерших от ран. Комитет стал называться *Александровским* с 1874 г.

[20] Речь идет о домовой церкви известной петербургской благотворительницы Т.Б. Потёмкиной.

[21] Подразумеваются Е. В. Апраксина и Н. С. Голицына.

[22] Виленский университет был закрыт по приказу императора Николая I за активное участие студентов в восстании 1830–1831 гг. в Литве и поддержку ими польского восстания.

[23] Речь идет о бумагопрядильной и ткацкой фабрике, построенной в селе Наро-Фоминское в 1864 г. компанией Нарвских мануфактур.

[24] Е. А. Щербатова вышла замуж за князя И. И. Васильчикова.

[25] Речь идет о князе С. Ф. Голицыне.

[26] Г. А. Щербатов, после окончания в 1839 г. юридического факультета Петербургского университета, поступил на военную службу. Выйдя в отставку в 1843 г., он переехал в Москву и до 1847 г. служил советником Московского губернского правления, после чего в течение двух лет — помощником попечителя Московского учебного округа. С 1850 г. Г. А. Щербатов с семьей жил в Петербурге.

[27] *Дамское попечительство о бедных* было учреждено в Москве 17 декабря 1844 г. княгиней С.С.Щербатовой; оно состояло первоначально из 17 отделений, названных по тем частям города, к которым они были отнесены (например, Арбатское, Пречистен-

ское, Пресненское и т. д.). Канцелярия Попечительства находилась на Средней Пресне (ныне — ул. Заморёнова). Во главе отделений стояли попечительницы, утверждаемые в этом звании императрицей. Они были действительными членами Совета попечительства, который до 18 марта 1876 г. возглавляла С.С.Щербатова. М. П. Щербатова была попечительницей Пресненского и сотрудницей Хамовнического участка. При каждом отделении были штатные должности врача, секретаря и казначея и определенное число сотрудников. Устав Дамского попечительства о бедных обязывал всех его членов заботиться о сборе пожертвований в его пользу. Приняв за правило выдавать денежные пособия лишь в необходимых случаях, попечительство старалось помогать бедным преимущественно прямым удовлетворением их нужд: продуктами, одеждой, отоплением, оплатой жилья и т. п. Попечительство создавало разные благотворительные учреждения: богадельни, школы, больницы, приюты (подробнее см.: Пятидесятилетие Дамского попечительства о бедных в Москве. М., 1895. С. 14–23).

Никольская община сестер милосердия была создана 1 апреля 1848 г. с целью организации ухода за больными. Она размещалась в Рогожской части города, напротив Новоспасского монастыря. Во время Крымской войны, летом 1855 г., 16 сестер милосердия были отправлены в Крым для ухода за ранеными.

[28] *Община «Утоли моя печали»* была учреждена в 1865 г. княгиней Н. Б. Шаховской. Община располагалась в Лефортове, по соседству с Главным военным госпиталем, и просуществовала до 1917 г. На территории бывшей общины и по сей день сохранились здания, построенные для нее в XIX в. Сейчас эти здания входят в комплекс Городской клинической больницы № 29 (Госпитальная пл., д. 2). Общий вид главного здания общины, по фасаду со стороны Госпитальной (ныне — Лефортовской) площади, остался практически без изменений.

Милосердная деятельность основательницы общины началась в 1863 г., когда она, похоронив мужа, стала работать сестрой милосердия в «Полицейской больнице бедных бесприютных». Княгиня Шаховская поселилась в одной из палат больницы и уже через год возглавила группу из 30 сестер милосердия. В 1868 г. община сестер милосердия, руководимых княгиней, присоединилась к Московскому дамскому комитету Российского общества Красного Креста, получила печать — красный крест на белом поле с надписью «Московская община сестер мило-

сердия «Утоли моя печали», во имя целительной иконы, и разместилась в здании на Покровке. В 1872 г. княгиня Шаховская на свои средства приобрела в Лефортов большое имение и начала строительство богоугодных заведений (больницы, детского приюта, церкви, фельдшерской школы). За заслуги в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. император Александр II принял в 1881 г. общину под свое покровительство, она стала называться Александровской. Был утвержден новый устав общины, сделавший ее независимой от Московского дамского комитета (см.: Отчет Александровской общины сестер милосердия «Утоли моя печали» за 25 лет. М., 1893. С. 4–8).

[29] *Приют Св. Софии* для неизлечимых детей был открыт 12 ноября 1887 г. на средства, пожертвованные наследниками княгини С.С.Щербатовой, на территории 1-го Сущевского отделения Дамского попечительства о бедных. Приют был устроен на 30 коек, из которых 20 содержались на деньги, пожертвованные князьями Щербатовыми, остальные — на средства попечительства или частных благотворителей. К 1 января 1888 г. в приюте находилось 12 детей в возрасте от 3 до 12 лет, преимущественно из крестьянского сословия.

[30] В феврале 1848 г. вспыхнула революция во Франции, а за нею по Европе прокатилась революционная волна, дошедшая в 1849 г. до самого порога России. Москва отличалась чрезвычайным интересом к событиям на Западе. Московские кондитерские, в которых выписывались заграничные газеты, осаждались читателями. Настроение народа беспокоило правительство. Шеф жандармов генерал-адъютант А.Ф. Орлов отдал распоряжение московскому полицмейстеру, чтобы он сообщал о настроениях в Москве. Особое наблюдение было организовано за московским студенчеством и профессурой. Московский генерал-губернатор А.А.Закревский получил от императора Николая I исключительные полномочия по выдворению из Москвы неблагонадежных лиц. Да и сам он был одержим манией скорого выступления революционеров и видел их повсюду: в университетских профессорах, в «архивных юношах», в московских славянофилах, в актере М.С.Щепкине, среди раскольников и среди трактирных завсегдатаев, спьяну болтавших всякую крамолу (см.: *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 237–239).

[31] *Колымажный двор* находился на месте Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, на не существующей ныне Колымажной площади. Он был построен в XVII в. для хранения

экипажей царского двора, в числе которых были прогулочные семейные экипажи, называвшиеся колымагами. В конце XVIII в. в Колымажном дворе был оборудован манеж для обучения молодых дворян верховой езде. Манеж просуществовал до начала 1860-х гг. Потом в помещениях Колымажного двора была устроена тюрьма для пересыльных арестантов. В 1880-х гг. Колымажный двор из-за ветхости был снесен, и на его месте опять устроили открытый манеж для обучения верховой езде. О Колымажном дворе напоминает название Колымажного переулка.

[32] В описываемое время московский балет ставился на сцене нового здания Большого театра, открытого в 1825 г. Кроме балета, в нем играли трагедии, комедии, водевили и оперы.

Под *русским театром* автор подразумевает Малый театр на Театральной площади, который в 1840 г. был заново перестроен и расширен (до 900 мест) архитектором К.А.Тоном; в этом виде он просуществовал до 1940 г. В Малом театре ставились трагедии и комедии, играли знаменитые М.С.Щепкин и П.С.Мочалов. В 1840-х гг. в Москве ставились спектакли драматической и комической французских трупп.

[33] Отец Б. Н. Чичерина, Николай Васильевич, был известным дипломатом.

[34] Екатерина Борисовна Чичерина (урожд. Хвощинская).

[35] В.Н.Чичерин был женат на Ж.Е.Мейендорф; *madame Andre* — ее компаньонка.

[36] Описанный инцидент произошел в начале 1867 г. в Париже, где В. Н. Чичерин служил советником российского посольства. Суть происшествия заключалась в следующем. Российский посол барон А.Ф.Будберг получил от Парижской префектуры уведомление о предосудительных поступках барона Р. Мейендорфа, дававших повод предполагать у него психическое расстройство. Посол поручил Чичерину посоветовать Мейендорфу быть осторожнее, а лучше переехать в другое место, если в Париже у него возникли неприятности. Мейендорф, вообразив, что это предостережение вызвано жалобой на него Чичерина, вызвал того на дуэль. Однако, благодаря вмешательству Будберга, поединок не состоялся (см.: Воспоминания Д.А.Милютина. 1868 — нач. 1873. М., 2006. С.43–44).

[37] Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.

[38] А. А. Щербатов по своим политическим взглядам был близок к славянофилам, а Б. Н. Чичерин был несомненным запад-

ником, сторонником парламентаризма. Главный принцип, в котором их взгляды совпадали, заключался в верности дворянским идеалам и принципиальном уважении верховной власти.

[39] Б. Н. Чичерин был женат на А. А. Капнист, внучке поэта и драматурга В. В. Капниста.

[40] Е. А. Васильчикова жила в то время в Киеве, т. к. ее муж был киевским генерал-губернатором.

[41] Имения Улыбовка и Корбулак находились в Самарской губернии, а Ельшанка — в Саратовской.

Тетушка Голицына — Н. С. Голицына.

[42] Имеется в виду Московский Опекунский совет, находившийся на ул. Солянке и выполнявший в описываемое время функции земельного банка.

Вообще же, это учреждение было создано в 1764 г., одновременно с Московским Воспитательным домом, для управления последним. Опекунский совет занимал великолепное здание, построенное в 1823–1826 гг. архитектором Д. Жилярди. Ныне в нем находится Академия медицинских наук.

[43] *Государственный совет* (1801–1906) был высшим законосовещательным учреждением Российской империи. Состоял из Общего собрания, 6 департаментов, 2 комиссий и Кодификационного отдела. Дела по земельным и имущественным спорам рассматривались в Департаменте гражданских и духовных дел, в качестве высшей инстанции.

[44] Речь идет о главном домовом конторщике Д. И. Ларионове и дядьке А. А. Щербатова Т. Г. Пономарёве.

[45] Имение Н. С. Голицыной Гринёво находилось во Владимирской губернии.

[46] Племянник С. С. Щербатовой В. В. Апраксин владел частью Брасовской вотчины графов Апраксиных, расположенной в Трубчевском и Севском уездах Орловской губернии. Его имение Брасово находилось в Севском уезде.

[47] *Кирасирским корпусом* автор называет 2-й резервный кавалерийский корпус, которым Д. Е. Остен-Сакен командовал в 1835–1850 гг. Корпус состоял из двух кирасирских дивизий, в составе которых находился Кирасирский Военного ордена полк. Это название было официально закреплено за полком в 1844 г.

[48] *Новогеоргиевск* (в Александрийском уезде Херсонской губернии) назывался до 1821 г. Крыловом, т. к. возник на месте небольшого Крыловского укрепления, построенного в 1615 г. для защиты от татарских набегов. К концу XVII в. укрепление разрослось до размеров слободы, которая в 1821 г. была передана для постоянного расположения Кирасирского Военного ордена полка и переименована по названию полкового ордена Св. Георгия.

[49] А. А. Фет служил в Кирасирском Военного ордена полку в 1845–1853 гг., куда поступил корнетом после окончания Московского университета. Потом Фет перешел в гвардию. Ко времени прибытия в полк Щербатова он действительно был полковым адъютантом. Фет оставил очень подробные воспоминания о своей службе в полку (*Фет А.А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893).

[50] Речь идет о каком-то полковнике.

[51] Барон К. Ф. Бюллер командовал полком до 1853 г.

[52] *Жжёнка* — алкогольный напиток из смеси рома, вина, сахара, иногда с пряностями, ананасом и пр. (В. И. Даль).

[53] Имеется в виду лейб-гвардии Кирасирский Его Императорского Высочества полк, шефом которого с 1831 г. был цесаревич Александр Николаевич. Сформирован в 1704 г., с 1733 г. — лейб-кирасирский, с 1796 г. — лейб-кирасирский Ее Императорского Величества Марии Фёдоровны полк. После ее смерти в 1828 г. — лейб-гвардии Кирасирский Е. И. Высочества полк. После коронации Александра II в 1856 г. шефами полка были императрицы, и он вновь стал называться лейб-кирасирским Ее Императорского Величества.

[54] *Пажеский корпус* был учрежден в 1759 г. для воспитания и обучения пажей и камер-пажей из мальчиков родовитых дворянских семей. В 1802 г., в связи с необходимостью подготовки квалифицированных офицеров для гвардейских частей, Пажеский корпус был реорганизован в учебное заведение по типу кадетских корпусов, в которое принимались только пажи царского двора. Пажи имели преимущества при зачислении в гвардию и специальные войска, получая сразу чин подпоручика (в кавалерии — корнета).

[55] *Киот* — божница, деревянный украшенный шкафчик или створчатая рама для икон.

[56] Дом на Садовой-Кудринской улице С. С. Щербатова-а купила у А. Ф. Ростопчина, младшего сына известного московского генерал-губернатора графа Ф.В. Ростопчина и мужа поэтессы Е. П. Ростопчиной. До А. Ф. Ростопчина владельцами особняка были князья Волконские и полковник Небольсин. Дом был построен в 1809 г. известным архитектором О. И. Бове. А. Ф. Ростопчин, писатель, библиофил и коллекционер, разместил в доме свою ценную библиотеку и картинную галерею. Сейчас дом С. С. Щербатовой представляет собой небольшой особняк в стиле ампир, с четырехколонным дорическим портиком и традиционными лепными украшениями на стенах, и принадлежит детской больнице им. Н. Ф. Филатова (владение № 15 по Садовой-Кудринской ул.).

[57] Жена М. И. Туманского, Александра Фёдоровна, была внучкой М. И. Кутузова по линии матери, Дарьи Михайловны, которая вышла замуж за обер-гофмейстера Ф.П. Опочинина.

[58] *Царство Польское* (Королевство Польское) — название большей части Варшавского герцогства, которая отошла к Российской империи по решению Венского конгресса 1815 г. Император Александр I провозгласил себя королем Польским и дал польской шляхте конституцию, по которой правительственную власть осуществлял Административный совет из министров-поляков с царским наместником во главе. До 1831 г. наместником Царства Польского был великий князь Константин Павлович, затем — фельдмаршал И.Ф. Паскевич. В Царстве Польском было сохранено гражданское законодательство, введенное Наполеоном I.

После подавления польского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском была отменена конституция и распущен сейм. Гражданское и военное управление было целиком возложено на Административный совет и наместника. Последний был назначен главнокомандующим находившейся в Царстве русской армией, со своим собственным штабом (Главный штаб Действующей армии в Варшаве), т. к. самостоятельная польская армия была ликвидирована. В Варшаве для русского гарнизона была построена крепость — Александровская цитадель.

[59] Великий князь Александр Николаевич был главнокомандующим Гвардейскими и Гренадерским корпусами.

[60] Супруга В.А. Щербатова, Мария Афанасьевна Столыпина, была родственницей М. Ю.Лермонтова: ее отец, А.А. Столыпин, был родным братом Е. А. Арсеньевой — бабушки поэта.

[61] Б. Ф.Голицын был шурином сестры А. А. Щербатова, Ольги.

[62] Подразумевается Крымская война 1853–1856 гг.

[63] Речь идет о детях герцога М.Лейхтенбергского и великой княгини Марии Николаевны, Николае и Марии, которым в описываемое время было 10 и 12 лет.

[64] М.Д. Горчаков сменил И. Ф.Паскевича на посту наместника Царства Польского в 1856 г.

[65] Т. е. популярная астрономия французского физика Д.-Ф. Араго.

[66] Речь идет о французской королеве Марии Антуанетте, гильотинированной по решению суда 10 августа 1792 г., после свержения монархии.

[67] Графиня А. Потоцкая унаследовала часть состояния светлейшего князя Г.А. Потёмкина через родство с его племянницей А. В. Энгельгардт, вышедшей замуж за польского графа

Ф.К. Браницкого. Их дочь, Екатерина Ксаверьевна, была замужем за графом С. С. Потоцким.

[68] Подразумевается польское восстание 1863 г.

[69] Имеются в виду Владислав и Андрей.

[70] Щербатов говорит о политической конфронтации между графом А. Замойским и маркизом А. Велёпольским накануне польского восстания 1863 г.

Замойский был в то время председателем Земледельческого общества, созданного в Варшаве с разрешения царского правительства. С помощью этого общества Замойский объединил вокруг себя большинство землевладельцев Царства Польского, которое стало центром обширной революционной сети. 25 марта 1861 г. Земледельческое общество было закрыто наместником М.Д. Горчаковым, по совету Велёпольского, за организацию противоправительственной манифестации в Варшаве. Накануне и в самом начале восстания 1863 г. Замойский проявил себя убежденным противником какого-либо компромисса с царской властью и удалился в эмиграцию.

Велёпольский, занимая пост начальника гражданской администрации и вице-председателя Государственного совета, играл видную роль в политической жизни Царства Польского. Это был человек твердого характера и самостоятельного направления. Он держался в стороне от всех политических партий. Его собственная политическая программа заключалась в том, чтобы Польша, не домогаясь полного отделения от России, старалась получить лишь некоторую самостоятельность и свои национальные учреждения. Велепольский собирался провести в Царстве Польском реформы, из которых главными считал крестьянскую и реформу местного самоуправления (см.: *Lisicki M.H.* Le marquis Wielopolski. Sa vie et son temps. 1803–1877. Vienne, 1880. T. 2. P. 303–318).

[71] Речь идет о событиях в Варшаве 17–21 ноября 1830 г., в самом начале польского восстания 1830–1831 гг., когда мятежники попытались захватить дворец царского наместника великого князя Константина Павловича. Тогда только кавалерийские части, в числе которых находился конно-егерский полк генерала Курнатовского, попытались подавить мятеж и остались верны наместнику. Полк генерала Курнатовского прикрывал отступление Константина Павловича из Варшавы к русско-польской границе.

[72] Автор не точен, называя А.Л. Потапова преемником М. Н. Муравьёва на посту генерал-губернатора Северо-Западно-

го края. В действительности, после кончины Муравьёва в 1866 г., на его место был назначен генерал-адъютант граф Э. Т. Баранов, хотя в правительственных кругах обсуждалась и кандидатура Потапова. Последний тогда не был назначен во многом благодаря противодействию военного министра Д. А. Милютина; но в 1868 г. Баранов все-таки был заменен Потаповым вследствие усиленной поддержки шефа жандармов графа П. А. Шувалова (см.: Воспоминания Д. А. Милютина. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 36). Оценка А. А. Щербатовым государственной деятельности А. Л. Потапова объективна и не расходится с существующими на этот счет мнениями.

[73] *Rozmaitości* — название народного театра в Варшаве, открытого в 1829 г.

[74] В середине XIX в. Северо-Западный край включал следующие губернии: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Витебскую, Минскую и Могилёвскую; Юго-Западный край — Волынскую, Подольскую, Киевскую, Черниговскую и Полтавскую.

[75] *Чинш* — название денежного оброка крестьян помещикам в Польше, литовских, белорусских и украинских землях, входивших в состав Речи Посполитой до раздела Польши в 1795 г. Чинш был упразднен в ходе проведения в Царстве Польском крестьянской реформы 1864 г.

[76] Проект крестьянской реформы в Царстве Польском был разработан специальной правительственной комиссией во главе с Н. А. Милютиным. 19 февраля 1864 г. император Александр II подписал указ о введении реформы в действие, нанеся тем самым решающий удар по польской смуте. Одновременно был утвержден проект о реформе местного (гминного) самоуправления (оба указа опубл.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 39. Отд. 1. №40609–40610). Реформа делала крестьян Царства Польского собственниками своих земельных наделов, а помещики сразу же получали от казны вознаграждение за отошедшие крестьянам земли. Устанавливалось новое устройство гмин (сельских обществ), с самостоятельным управлением, вне всякого влияния помещиков (см.: *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962. С. 100–132).

[77] В 1864–1866 гг. правительство провело в Царстве Польском мероприятия, имевшие целью ослабить политическое влияние католического духовенства, ориентированного на Ватикан. Проведением этих мероприятий руководили тогдашний

статс-секретарь по делам Царства Польского Н.А. Милютин и главный директор Правительственной комиссии внутренних и духовных дел князь В.А. Черкасский. Под их руководством, особая комиссия по делу о римско-католических монастырях разработала проект указа, который был утвержден императором Александром II 8 ноября 1864 г. Указ предписывал закрыть те монастыри в Царстве Польском, в которых не было узаконенного числа монахов (т. е. не менее 8) и которые участвовали в восстании 1863 г. Тем самым из 155 монастырей закрывалось 110. По указам от 27 октября и 14 декабря 1865 г., в казну отбиралась монастырская собственность и собственность приходских церквей. Взамен этого правительство брало на себя обязательство производить содержание духовенству и, по возможности, поддерживать состояние церквей. Закон запрещал монахам исполнять обязанности приходских священников. Любое назначение настоятелей или викариев приходов предварительно согласовывалось с главным директором (министром) внутренних дел Царства Польского (см.: *Никитин А. Н.* Конфессиональная политика российского правительства в Царстве Польском в 60—70-х годах XIX в. М., 1996).

В 1864 г. царское правительство расторгло дипломатические отношения с Ватиканом из-за того, что папа гласно и официально подстрекал польское духовенство к сопротивлению русской политике и оправдывал его участие в восстании 1863 г.

[78] Прологом к Крымской войне 1853—1856 гг. был спор о Святых местах в Палестине, о ключах от Вифлеемского храма, начавшийся в 1850 г. Суть спора заключалась в претензиях католической и православной церквей на исключительное владение палестинскими святынями христианства. Церковный спор быстро перерос в дипломатический конфликт между Россией, которая выступила защитницей православия, и католической Францией.

В феврале 1853 г. император Николай I направил в Константинополь с чрезвычайной миссией князя А. С. Меншикова, который ультимативно потребовал от султана, чтобы все его православные подданные были поставлены под особое покровительство царя. В мае турецкое правительство отвергло этот ультиматум, и русское правительство разорвало дипломатические отношения с Турцией. Сразу после этого, с согласия султана, в Дарданеллы вошла англо-французская эскадра. В ответ на это 3 июля русская 82-тысячная армия (Дунайская), под командованием генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова, вступила в Дунайские княжества (Молдавию и Валахию), находившиеся под номинальным протекторатом Османской империи. Поддержи-

ваемый Англией и Францией, султан 16 октября 1853 г. объявил России войну.

[79] 21 октября 1853 г. большой отряд турок, переправившись у Туртукая на левый берег Дуная и оттеснив ничтожный русский казачий пикет, занял Ольтеницкий карантин, в 50 верстах от Бухареста. 22 октября русские войска заняли позицию недалеко от Старой Ольтеницы, а на следующий день попытались взять Ольтеницкий карантин штурмом. Несмотря на численное превосходство турецких сил, в результате второго штурма цель почти была достигнута, когда корпусным командиром генералом П.А.Данненбергом, наблюдавшим бой из Старой Ольтеницы, совершенно неожиданно был отдан приказ об отступлении. Этот приказ поразил не только русских, но даже турок, которые не сделали по отступавшим русским ни единого выстрела, предполагая в этом отступлении какую-то хитрость со стороны русского командования (см.: *Петров А.Н.* Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 годов. Т. 1. СПб., 1890. С. 142–144).

В начале февраля 1854 г. 15-тысячный русский отряд под командованием генерала П. П.Липранди предпринял неудачное наступление на занятый турками Калафат. Подойдя к крепости, Липранди не решился брать ее штурмом и приказал отступать. 350 человек получили обморожение, т. к. до этого отряд стоял вблизи Калафата три недели, а потом двигался к нему по холоду без теплой обуви и одежды. При этом отряд не сделал по туркам ни одного выстрела (там же, с. 161–162).

На Чёрном море кампания 1853 г. закончилась более удачно: 18 ноября эскадра под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова разбила турецкий флот в сражении под Синопом. Сражение длилось около 4 часов. Потери русской эскадры (6 линейных кораблей и 2 фрегата) составили 38 убитых и 210 раненых. На русских кораблях было подбито 13 орудий (см.: *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 372–379).

[80] После сражений у Ольтеницы и Калафата Дунайская армия еще меньше, чем до того, понимала, чего от нее требуют: от М.Д.Горчакова исходили приказы, которые его подчиненным трудно было понять. Сам Горчаков, будучи от природы нерешительным и лишенным полководческих дарований, хотел получать свыше четкие приказы, а ему давали лишь советы. Прослужив начальником штаба фельдмаршала И.Ф.Паскевича в течение 22 лет, он совсем утратил способность к самостоятельному мышлению и привычку к ответственности. Император Николай I хотел быстрых побед, но не знал, возможны ли они, и по-

лагался на Паскевича. Паскевич же о победах не мечтал и считал Дунайскую кампанию проигранной. В конце 1853 г. судьба Горчакова была решена: царь отстранил его от командования Дунайской армией, возложив это бремя на Паскевича. В январе 1854 г. последний был вызван в Петербург, где и получил приказ возглавить все войска на западной границе России.

Назначение И.Ф.Паскевича на Дунайский театр военных действий в такой критический для России момент было вызвано тем особым положением, которое он занимал в окружении Николая I. Паскевич был человеком умным, очень сдержанным, дельным и добросовестно относившимся к своим обязанностям. Привязанность к нему Николая возникла еще до его воцарения. Паскевич успешно окончил персидскую войну, которая считалась почти проигранной. Так же успешно провел он кампанию и в турецкую войну 1828—1829 гг., за которую получил фельдмаршальский жезл. На Кавказе Паскевич оставался и после войны 30—40-х гг., пытаясь бороться с воровством и безобразием в армии. В 1831 г. Паскевич взял Варшаву (см.: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь И.Ф. Паскевич. Т. 6. СПб., 1899. С. 172—174; *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 275—276).

[81] В конце марта 1854 г. русские войска форсировали Дунай у Браилова, Галаца и Измаила и, взяв штурмом турецкие укрепления у Тульчи, сосредоточились в Северной Добрудже. Поражение турок ускорило вступление в войну Англии и Франции. 28 марта они объявили России войну, а 11 апреля Николай I подписал манифест о войне с Англией и Францией.

[82] Т. е. Е. В. Апраксина.

[83] 22 сентября 1789 г. в районе р. Рымник (в Румынии) русско-австрийский 25-тысячный отряд под командованием А. В. Суворова одержал победу над 100-тысячной турецкой армией, во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

[84] И. Ф. Паскевич прибыл 3 апреля 1854 г. в Фокшаны и принял командование Дунайской армией. Его штаб-квартира находилась в Бухаресте.

Липованы — название русских старообрядцев, живших в Румынии, Буковине, Восточной Пруссии, отчасти Прибалтике и Царстве Польском. Русские липованы до сих пор живут в Румынии. Липованы отличаются особенной нетерпимостью к другим русским сектантам, но они более терпимы к ортодоксальным православным. Где бы ни жили липованы, везде они остаются русскими.

[85] Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. А. Г. Щербатов командовал 2-м пехотным корпусом. В начале мая 1829 г. русские войска осадили турецкую крепость Силистрию, и Щербатов получил приказ двинуться к ней со своим корпусом. Однако незадолго до этого он тяжело заболел и только по этой причине не смог выполнить приказ.

[86] См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселёв и его время. Т. 1. М., 1882. С. 283.

[87] А. А. Щербатов встречался с П. Д. Киселёвым в Париже в 1860-х гг., когда Киселёв был российским послом во Франции.

[88] Форт Абдул-Меджид, названный по имени турецкого султана, был самым укрепленным к началу осады 1854 г.

[89] Осадные работы под стенами Силистрии проводились с 24 марта 1854 г. под руководством генерала К. А. Шильдера. Он не только горел желанием взять Силистрию, но был убежден в том, что крепость будет скоро взята, если Паскевич не станет этому мешать. Не взяв Силистрии, русская армия не только не могла двигаться дальше, но не могла даже проводить сколько-нибудь существенные наступательные операции. С 10 апреля русские орудия начали довольно энергичный обстрел Силистрии. 24 апреля в русский осадный лагерь прибыл Паскевич со свитой для инспекции произведенных работ. Одновременно он отдал приказ доставить под Силистрию корпус генерала А. Н. Лидерса и три полка 8-й дивизии с двумя отделениями осадных орудий, а также навести постоянный мост через Дунай ниже Силистрии (*Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 481–482).

[90] *Некрасовцы* — русские старообрядцы, потомки донских казаков, сторонников атамана Игната Некрасы, одного из предводителей Булавинского восстания 1707–1708 гг. После подавления восстания некрасовцы ушли на Кубань и создали там «казацкую республику». В 1740 г. они, спасаясь от царских войск, бежали в Оттоманскую империю и расселились преимущественно в Добрудже (на территории Румынии) и Малой Азии. В начале XIX в. часть некрасовцев вернулась в Россию.

[91] 4 мая 1854 г. русские войска под командованием генерала А. Н. Лидерса начали наступать под Силистрией. Подойдя к крепости, они расположились на возвышенностях и в ночь с 5 на 6 мая стали рыть траншеи против передового укрепления Араб-Табия. Этот хорошо укрепленный форт был расположен правее форта Абдул-Меджид, на значительной высоте. Его начали сооружать с помощью британских инженеров незадолго до начала

осады, поэтому к моменту наступления русских войск он не был закончен.

[92] Приближение осадных работ на столь близкое расстояние от форта Араб-Табия потребовало размещения в траншеях значительного числа войск для отражения турецких вылазок. Поэтому приказом от 15 мая 1854 г. командир 8-й пехотной дивизии генерал Д. Сельван был назначен начальником всех войск, находившихся в траншеях, а генерал С.Г. Веселитский и полковник Л. К. Опперман — его помощниками.

[93] Решение генерала Д. Сельвана начать штурм Араб-Табии в ночь на 17 мая 1854 г. было вызвано не столько вылазкой турок, сколько донесением разведчиков о том, что именно этой ночью форт останется без прикрытия. Узнав об этом, некоторые офицеры, в том числе и названные автором, стали убеждать Сельвана штурмовать форт. Однако Сельван колебался и решил посоветоваться с генералом К. А. Шильдером, который посоветовал ему самому решать, сказав, что к фельдмаршалу Паскевичу посылать курьера поздно. Только после этого Сельван отдал приказ о штурме (см.: *Петров А. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 151–156).

[94] Штурм форта Араб-Табия начался 17 мая 1854 г., в час ночи, силами трех батальонов пехоты. Встреченные жестоким огнем с бастионов форта, русские войска все-таки отбросили турок и уже взобрались на окружавший форт вал, когда по приказу генерала С.Г. Веселитского прозвучал сигнал к отступлению. Узнав об этом, Паскевич полностью встал на сторону Веселитского и высказался против тех офицеров, которые настаивали на штурме. Причины, которые побудили такого решительного и храброго генерала, как Веселитский, отдать приказ об отступлении, до сих пор до конца не прояснены: в мемуарной и исторической литературе на этот счет существует несколько разноречивых суждений (см.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 505–506).

[95] Автор не точен: А. Г. Щербатов был ранен не под Рущуком, а под Шумлой, в 1809 г., во время русско-турецкой войны 1806–1811 гг. Тогда он командовал 18-й пехотной дивизией.

[96] Подразумевается Главный штаб Дунайской армии.

[97] Упомянутый инцидент произошел с Паскевичем 28 мая 1854 г., когда он проезжал по линии фронта осаждавших Силистрию русских войск. Выпущенное из бастиона ядро ударилось о землю и засыпало фельдмаршала песком. Никакой контузии у него не было, о чем сохранились свидетельства очевидцев (см., напр.: *Меньков П. К.* Записки. Т. 1. С. 163). По общепринятому мнению, Паскевич выдумал свое ранение, чтобы уехать из Ду-

найской армии. Он так и поступил, отбыв в Яссы и передав командование генералу М.Д. Горчакову.

[98] Второй штурм Силистрии был осуществлен в ночь с 8 на 9 июня 1854 г. Горчаков накануне вечером провел совещание всех начальников частей, собранных под Силистрией, где объявил о своей решимости взять форт. В приказе по войскам было объявлено, что отступления не будет ни при каких обстоятельствах; войскам запретили брать с собой горнистов, чтобы некому было протрубить сигнал к отступлению.

[99] Главнокомандующим турецкой армии на Дунае был 45-летний Омер-паша (по происхождению хорват).

Поступив на турецкую службу, он быстро сделал военную карьеру, проведя успешно и жестоко несколько карательных экспедиций в славянских землях Османской империи. Омер отличался энергичностью, храбростью и организаторскими способностями. В штабе и ставке Омер-паши было немало ненавидевших Россию поляков и венгров — ветеранов восстаний 1831 и 1849 гг. Они давали иногда дельные советы, но немало и вредили, навязывая турецкому командованию преувеличенное мнение о слабости русской армии. Гораздо больше пользы было от французских штаб-офицеров и инженеров. Русских Омер-паша боялся и понимал, что более чем рискованно затевать с ними большое сражение в открытом поле. Поэтому у него даже и не было мыслей выйти из Шумлы (город в Болгарии) и напасть на осаждавшие Силистрию русские войска, несмотря на то, что в Шумле стояло 45 тыс. турецких войск. Более того, Омер-паша ездил не раз из Шумлы в Варну упрашивать союзников спасти обреченную Силистрию. Таким образом, успехи турок на Дунае можно объяснить только ошибками русских генералов (см.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 502–503).

[100] *Башибузуки* — нерегулярная кавалерия в турецкой армии.

[101] Приказ Паскевича о снятии осады Силистрии и отступлении пришел за полчаса до начала штурма, спланированного Горчаковым. В этом знаменательном документе дословно было написано: «Государь Император в собственноручном письме от 1 (13) июня Высочайше разрешить соизволил снять осаду Силистрии, ежели до получения письма Силистрия не будет еще взята или совершенно нельзя будет определить, когда взята будет. А так как, по донесениям Горчакова, Силистрия не взята, и так как австрийцы могут начать действия уже между 1 и 4 июня, французы же и англичане, соединяясь с турками, могут в количестве 100 тыс. человек прийти на помощь Силистрии, то, по всем сим

соображениям, я со своей стороны решительно полагаю: 1) осаду Силистрии, не теряя времени, снять, 2) а войска наши перевести на левый берег Дуная» (цит. по: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 516). Этот приказ явно свидетельствовал о том, что Паскевич перекладывал ответственность за снятие осады на царя. На самом деле, призрак войны с Австрией уже давно неотступно стоял и перед Николаем I, и перед фельдмаршалом, и для этого были все основания, т. к. Англия и Франция с самого начала войны оказывали давление на Австрию и русско-австрийские отношения стремительно ухудшались.

Паскевич еще весной 1854 г. предлагал Николаю I вывести русские войска из Дунайских княжеств, отойти за р. Прут и там выжидать развития событий. 8 апреля 1854 г. в Берлине был подписан оборонительный и наступательный военный союз между Пруссией и Австрией, которая решила направить в Галицию и Буковину два армейских корпуса. 1 июня Николай I получил известие о том, что австрийские войска могут начать наступление в начале июля. В этих условиях у него и созрело окончательное решение о снятии осады Силистрии, чтобы повернуть силы против австрийцев. Об этом своем решении царь известил Паскевича 14 июня 1854 г. еще только предположительно, не зная, что тог уже поспешил воспользоваться данным ему царем разрешением и что снятие осады — совершившийся факт. 17 июня к Николаю прибыл фельдъегерь из Ясс с письмом от Паскевича от 12 июня, извещавшим о снятии осады (см.: *Щербатов А. П.* Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 398–404).

[102] Отступление Дунайской армии началось с середины июля 1854 г. и продолжалось до конца августа, когда последние русские отряды покинули Добруджу и пришли в Измаил. Потребовалось большое число подвод для вывоза всех заготовленных в Дунайских княжествах запасов, госпиталей с больными и ранеными, поэтому движение войск было медленное и постепенное. В целом, отступление совершалось планомерно и без серьезных столкновений с турками, которые следовали на весьма приличном расстоянии. Единственной неудачей русских при этом отступлении было столкновение с турками у Журжева в конце июня, когда наши войска покидали княжества. Русские потери составили при этом столкновении около 2 тыс. человек, турецкие — в два раза больше. Согласно особому австро-турецкому договору, австрийские войска сразу же стали занимать освобождаемую русской армией территорию Дунайских княжеств (см.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 520–521).

[103] В июле 1854 г. Англия и Франция предприняли из Варны (главном месте своего базирования) морскую рекогносцировку крымских берегов. В то время численность русских войск, расположенных в Крыму, не превышала 25 тыс. человек, ими командовал князь А.С. Меншиков, штаб которого находился в Севастополе. Меншиков был спокоен, несмотря на то, что из-за границы поступали сведения о приготовлениях союзников Турции к большой морской экспедиции и о сосредоточенных в Варне многочисленных транспортных судах. Уже с того самого дня, когда союзный флот вошел в Чёрное море, а именно 3 января 1854 г., Одесса, Николаев и Севастополь — все три форта восточного берега — оказались под угрозой не только прямого нападения, но и гибели, потому что решительно ничего не было готово к обороне. Даже бомбардировка Одессы в апреле не заставила верховное командование в Крыму взяться за дело. А между тем уже в середине июля, на совещании в Варне, союзники приняли принципиальное решение плыть в Крым. После этого совещания начались энергичные приготовления к посадке на суда. Что касается Меншикова, то он только в середине лета осознал грозящую Севастополю угрозу, но время было упущено.

[104] Движение французской эскадры из Варны в сторону Крыма началось 5 сентября 1854 г., английские суда присоединились к ней позже. 13 сентября союзники беспрепятственно высадились в Евпатории (2 тыс. турок, один французский и один английский батальоны), в порту остались два турецких и одно французское судно. Закончив высадку, союзная армия двинулась на юг, к Севастополю. При этом никаких признаков присутствия русских войск замечено не было.

Меншиков узнал о десанте, когда уже почти ничего не мог сделать. Он, впрочем, и не думал трогаться с места, где стояла его армия, т. е. от р. Альмы. 19 сентября Меншиков занял на Альме оборонительные позиции, а на следующий день, в полдень, началось сражение с подошедшей союзной армией, вдвое превышавшей русскую по численности и вооруженной винтовками новейшего образца. Уже с самого начала боя обнаружилось полное отсутствие у русского командования сколько-нибудь разработанного плана. Бой закончился отступлением армии Меншикова к Севастополю. При этом ее потери составили 145 офицеров и 5600 человек нижних чинов; на месте сражения было оставлено несколько орудий и несколько фургонов, в том числе фургон Меншикова, где находился портфель с бумагами. Союзники по-

теряли на Альме 4500 человек (см.: *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 113–120).

[105]М.Д. Горчаков по своей собственной инициативе отправил Меншикову в Севастополь не только названные А. А. Щербатовым пехотную и кавалерийскую дивизии, но также еще три пехотные дивизии, 10 резервных батальонов, 4-й стрелковый и 4-й саперный батальоны.

[106] 22 сентября 1854 г. союзники перешли на Южную сторону Севастополя, отказавшись от немедленного нападения на слабо защищенную Северную сторону. Все считали это грубой ошибкой верховного командования союзников.

[107]Адмирал В. А. Корнилов был начальником штаба Черноморского флота и войск Северной стороны Севастополя. С 25 сентября 1854 г., после отступления А. С. Меншикова со своим штабом и армией к Бельбеку, Корнилов фактически стал начальником всех находившихся в Севастополе войск и организатором обороны.

[108]Адмирал Г. И. Бутаков командовал 11-пушечным колесным фрегатом «Владимир» с 1852 г. Впервые на флоте Бутаков начал применять «бронирование» уязвимых точек корабля «подручными средствами». 9 октября 1854 г. он впервые в истории русского флота вел огонь по невидимой цели — английской 22-пушечной батарее. В ночь на 12 сентября 1855 г. в числе других кораблей «Владимир» был затоплен экипажем в Севастопольской бухте.

[109] 23 сентября 1854 г. по приказу А. С.Меншикова было затоплено семь старых кораблей на рейде Севастополя, затоплением руководил В. А. Корнилов. Это было сделано для того, чтобы преградить вражеским судам вход в рейд, т. к. Севастополь был плохо защищен с суши.

Линейный корабль «Три святителя» (***трехдечный***, т. е. имеющий три батарейные палубы — деке) был в числе затопленных кораблей.

[110]В. И. Васильчиков был в ноябре 1854 г. назначен начальником штаба Севастопольского гарнизона (см.: Записки князя В. И. Васильчикова // Русский архив. 1891. №6. С. 191–207).

[111] *Чёрная* — река в западной части Крыма, на которой, в 8–12 км юго-восточнее Севастополя, 16 августа 1855 г. произошло сражение между русскими и союзными войсками (английскими, французскими, сардинскими и турецкими). Хотя главнокомандующий Крымской армией генерал М.Д. Горчаков и другие генералы не верили в успех наступления, было реше-

но атаковать главными силами французские войска, занимавшие Федюхины высоты. Атаки русскими велись несогласованно, войска вводились в бой по частям, резервы были подтянуты поздно. В результате плохого руководства наши войска понесли большие потери и были отброшены за р. Чёрную. После этого поражения, 9 сентября 1855 г., пал Севастополь.

[112] Местонахождение записки не установлено.

[113] Первое бомбардирование Севастополя и смерть В.А. Корнилова произошли 17 сентября 1854 г.

[114] Старшая дочь А.А. Щербатова, Софья, вышла замуж за В. М. Петрово-Соловово в 1878 г.

[115] Вторая дочь А.А. Щербатова, Мария, была замужем за Ю.А. Новосильцовым.

[116] *Верочка и Серёжа* — младшие дети А.А. Щербатова.

[117] Мария Павловна Муханова — дочь тогдашнего попечителя Варшавского учебного округа и известного археографа П.А. Муханова.

Получив образование в Московском университете, Муханов с молодых лет стал заниматься отечественной историей и собиранием исторических документов. По окончании польской кампании 1831 г., он прожил некоторое время в Варшаве, а затем вышел в отставку и занялся сельским хозяйством у себя в имениях. В этот период времени Муханов напечатал «Портфель для хозяев», «Памятную книжку для хозяев», издал собранные им во время польского похода и жизни в Варшаве исторические документы, в том числе и «Сборник Муханова», заключающий в себе множество грамот. Живя в Варшаве с 1844 г., Муханов продолжал свои занятия по русской и польской истории, археологии и нумизматике. Собранная им коллекция русских и польских грамот поступила после его смерти в Румянцевский музей. П.А. Муханов был членом нескольких научных обществ (Общества истории и древностей российских при Московском университете, Русского исторического общества, Общества любителей российской словесности и др.). В 1869 г. он возглавил Императорскую Археографическую комиссию, которая, по его инициативе, предприняла новое издание русских летописей.

[118] *Новый Свет* — одна из самых красивых улиц Варшавы, застроенная после 1815 г. новыми каменными домами. От конца улицы до берега Вислы вела широкая аллея, усаженная в шесть рядов тополями, которая была любимым местом прогулок варшавян.

[119] В описываемое время в Москве, в собственном доме на Остоженке, жили двоюродные сестры П.А. Муханова: Татьяна Алексеевна и Прасковья Алексеевна Мухановы; они были дочерьми его дяди по отцовской линии А. И. Муханова.

[120] *Казимировский палаццо* — дворец, построенный в XVII в. для польского короля Яна Казимира. В XVIII в. дворец был перестроен, и в нем размещался кадетский корпус. В царствование императора Александра I в Казимировском палаццо располагались Александровский университет и лицей. В 1839 г. дворец был передан попечителю Варшавского учебного округа, поэтому в нем и жила семья П. А. Муханова.

[121] Речь идет о жене Г. А. Щербатова.

[122] Имеется в виду адъютант И. Ф. Паскевича, поручик А. И. Гурко.

[123] М.Д. Горчаков был назначен главнокомандующим Крымской (Южной) армией, вместо А.С.Меншикова, 15 февраля 1855 г.

[124] *Брюлёвский сад* примыкал к Брюлёвскому дворцу XVIII в.; дворец и сад названы по имени Г. фон Брюля — министра и фаворита польского короля Августа III.

Уяздовская аллея проходила по территории Уяздовского дворца, построенного в XVI в.; в описываемое время в нем находился военный госпиталь.

Лазенки — летний императорский Лазенковский дворец, окруженный обширным парком и прудами, построенный в XVIII в.

Бельведер — королевский дворец, построенный в середине XVII в. польским королем Владиславом IV. В 1818 г. дворец был куплен царским правительством, старое здание снесено, и на его месте выстроено новое для великого князя Константина Павловича.

[125] Речь идет о доме А. А. Щербатова на Б. Никитской улице.

[126] Барон А. Моренгейм был пасынком П.А. Муханова.

[127] *Шляхетский институт* — Александринско-Мариинский институт благородных девиц.

[128] *Tom Jones* — «Том Джонс», сокращение название романа Г. Филдига «История Тома Джонса, найдёныша».

[129] *Нарма* — имение П.А. Муханова в Елатомском уезде Тамбовской губернии.

[130] И.Ф.Паскевич умер 20 сентября 1856 г. в Варшаве.

[131] М.Д. Горчаков был наместником Царства Польского до самой своей смерти в 1861 г.

[132] Севастополь пал 27 августа (8 сентября) 1855 г., после общего штурма.

[133] *Мостовский палаццо* — дворец XVII в., принадлежавший графам Мостовским. В описываемое время в нем размещалась Правительственная комиссия внутренних и духовных дел Царства Польского.

[134] Имеется в виду дед первой жены П.А. Муханова, по линии ее отца графа Тадеуша Мостовского.

[135] Первым мужем Ж.О. Мухановой был барон П. Моренгейм.

[136] Коронация императора Александра II состоялась 26 августа 1856 г.

[137] Крымская война 1853—1856 гг. завершилась подписанием 30 марта 1856 г. Парижского мирного договора. Россия отказывалась от притязаний на «покровительство» православным подданным султана; согласилась на нейтрализацию Чёрного моря, с запрещением иметь там военный флот и базы; уступала Турции южную часть Бессарабии и признавала коллективный протекторат западных держав над Молдавией, Валахией и Сербией, остававшихся под властью султана.

[138] Князь Д.А. Оболенский находился в данное время в г. Николаеве (Херсонской губернии) по делам службы в Комиссариатском департаменте Морского министерства, а именно для расследования злоупотреблений в Черноморском интендантстве.

[139] Имеется в виду отмена крепостного права в 1861 г.

[140] Село Воробьёво находилось рядом с имением А.А. Щербатова Хорошее, в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии.

[141] *Редакционные комиссии по крестьянскому делу* были учреждены императором Александром II 17 февраля 1859 г. для изучения проектов губернских дворянских комитетов и выработки единого проекта крестьянской реформы. В комиссии входили 17 представителей министерств и ведомств и 21 член-эксперт из местных помещиков или специалистов по крестьянскому вопросу, приглашенных от имени царя. Редакционные комиссии работали до октября 1860 г., сначала под председательством Я. И. Ростовцева, а после его смерти (в феврале 1860 г.) — графа В.Н. Панина.

[142] Под *крестьянскими комитетами* автор подразумевает губернские дворянские комитеты, созданные верховной властью для того, чтобы привлечь местное дворянство к выработке проектов крестьянской реформы.

Деятельность губернских дворянских комитетов была строго регламентирована и ограничена правительственной программой отмены крепостного права. Председателями комитетов были губернские предводители дворянства. Комитеты комплектовались из дворянских депутатов, избираемых по одному от уезда, и из помещиков (не более двух), назначаемых губернатором.

[143] Автор не точен в дате: рескрипт на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова был подписан Александром II не в 1858-м, а 20 ноября 1857 г. (в 1858 г. был дан рескрипт петербургскому генерал-губернатору).

В рескрипте Назимову сформулирована правительственная программа крестьянской реформы, главными пунктами которой были следующие: 1) помещики сохраняют право собственности на всю землю; 2) крестьяне получают бесплатно личную свободу; 3) крестьянам предоставляется в пользование земельный надел, за который они отбывают повинности, и сверх этого — их усадьбы, которые они, в течение определенного времени, выкупают у помещика; 4) крестьяне образуют самоуправляющиеся сельские общества, но за помещиками сохраняется вотчинная полиция (см.: Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. 1. СПб., 1861. С. 2–3). В рескрипте предлагалось дворянам каждой губернии образовать комитеты «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян».

[144] Толчком к появлению рескрипта 20 ноября 1857 г. действительно послужило решение инвентарных комитетов трех северо-западных губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) об освобождения крестьян по образцу Прибалтийского края, принятое в конце 1856 г. (см.: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 72–74).

[145] Речь идет об инвентарных правилах 26 мая 1847 г. и 29 декабря 1848 г., введенных киевским генерал-губернатором Д. Г. Бибиковым в Киевской, Волынской и Подольской губерниях.

Инвентари, не отменяя крепостного права, регулировали отношения помещиков и крестьян и были обязательны для помещиков. Существующая надельная земля признавалась в постоянном, вечном пользовании крестьянской общины, помещику гарантировалось выполнение крестьянами установленных властью повинностей. Став министром внутренних дел, Бибиков решил применить те же инвентари в Северо-Западном крае. В декабре 1852 г. по его распоряжению были изданы общие ин-

вентарные правила для шести губерний: Гродненской, Ковенской, Виленской, Минской, Витебской, Могилёвской. Однако еще до своего введения инвентари были признаны местным дворянством неудобными и слишком ограничивающими права помещиков. Для пересмотра инвентарей в 1854 г. на местах были созданы губернские инвентарные комитеты. Они выработали новые инвентарные правила, которые до начала подготовки крестьянской реформы еще не были утверждены Министерством внутренних дел (см.: *Захарова Л. Г.* Указ. соч. С. 40–41).

[146] Создание губернских дворянских комитетов шло медленно из-за нежелания большей части поместного дворянства проводить крестьянскую реформу. В декабре 1857 г. только дворяне Нижегородской губернии выразили желание учредить у себя губернский комитет. Московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский в это же время доносил царю о том, что рескрипт произвел на большинство дворянства губернии самое неблагоприятное впечатление и что оно предпочитает выждать, как будет решено дело в северо-западных губерниях. Только 7 января 1858 г., под давлением «сверху», московское дворянство подало на имя министра внутренних дел адрес о своей готовности учредить губернский комитет. Комитет открылся 21 января 1858 г. под председательством московского губернского предводителя дворянства П. П. Воейкова (см.: *Дружинин Н. М.* Московское дворянство и реформа 1861 г. // Известия АН СССР. Сер. История и философия. 1948. Т. V. № 1. С. 64–65).

[147] Самым авторитетным представителем крепостнического течения в Московском губернском дворянском комитете был князь А. С. Меншиков, позднее избранный заместителем председателя комитета. Умевший находчиво и остро парировать удары противников, Меншиков постепенно выдвинулся в лидеры большинства Московского комитета. Прогрессивное течение среди депутатов комитета было немногочисленно и слабо оформлено. Наиболее выдающимся его представителем был московский губернский прокурор Д. А. Ровинский, небогатый помещик Звенигородского уезда, впоследствии крупный деятель судебной реформы 1864 г. Вокруг Ровинского образовалась группа из нескольких депутатов, голосовавших за его предложения.

Московский комитет легко и быстро решил вопрос об определении личных прав освобождаемых крестьян — здесь разногласий не было. Борьба развернулась вокруг вопросов о крестьянских усадьбах, земельных наделах, размерах и формах

повинностей. Правительственная программа по всем этим вопросам вызвала резкую оппозицию со стороны Московского комитета, т. к. большинство помещиков губернии было против передачи в собственность крестьян за выкуп не только полевой земли, но даже усадеб. Ровинский с частью депутатов отстаивали противоположную позицию — освобождение крестьян с землей, не только усадебной, но и полевой, посредством выкупной операции, гарантированной правительством. На последнем заседании комитета, 26 ноября 1858 г., выработанные группой Ровинского принципы выкупа были изложены депутатам, но опять отвергнуты большинством. Тем не менее либеральное меньшинство, несмотря на закрытие Московского комитета, составило особое выкупное положение и, преодолев упорное противодействие со стороны московского генерал-губернатора, представило его в Министерство внутренних дел (подробно о работе Московского губернского дворянского комитета в 1858 г. см.: *Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 62–75).

[148] В декабре 1857 г. предводитель дворянства Тверской губернии А. М. Унковский выдвинул самый радикальный проект отмены крепостного права, предлагавший немедленное предоставление крестьянам их земельных наделов в собственность за выкуп. Эту свою позицию Унковский стал отстаивать и в созданном под его председательством Тверском губернском дворянском комитете. Возглавляемое им большинство комитета приняло постановление в октябре 1858 г. о выкупе крестьянами своих земельных наделов.

[149] После закрытия Редакционных комиссий 10 октября 1860 г. разработанные ими проекты крестьянской реформы поступили в Главный комитет по крестьянскому делу; там они обсуждались до 14 января 1861 г., в 45 заседаниях, под председательством великого князя Константина Николаевича.

В Главном комитете существовала сильная оппозиция проектам Редакционных комиссий, лидерами которой были шеф жандармов В. А. Долгоруков и министр государственных имуществ М. Н. Муравьёв. Оппозиция выступила против отправного принципа Редакционных комиссий — сохранения в пользовании крестьян существующих наделов, против принятых комиссиями норм наделов и повинностей. В этой ситуации великому князю Константину Николаевичу пришлось регулярно консультироваться с лидерами Редакционных комиссий Н. А. Милютиным, Ю. Ф. Самариным и В. А. Черкасским. С 10 октября по 31 дека-

бря 1860 г. у него побывали: Милютин — 12 раз, Самарин — 7, Черкасский — 2. Они занимались основательным разбором проектов Редакционных комиссий, возражений на них оппозиции, проверкой статистических таблиц с данными о наделах и повинностях, редактированием формулировок, составлением журнала Главного комитета.

Константин Николаевич встречался и с некоторыми представителями оппозиции, в частности с председателем Редакционных комиссий В. Н. Паниным, пытаясь примирить их с программой Редакционных комиссий. К переговорам с Паниным он часто привлекал Милютина и Самарина. Благодаря их совместным усилиям, Панина удалось оторвать от оппозиции в Главном комитете и тем самым добиться большинства в один голос при голосовании по принципиальным положениям проектов Редакционных комиссий (см.: *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 221–222).

[150] Возможности председателя Редакционных комиссий графа В. Н. Панина, в его противодействии составленным комиссиями проектам отмены крепостного права, были существенно ограничены требованием Александра II не касаться основных их положений. Кроме этого, сторонники освобождения крестьян с землей, во главе с Н. А. Милютиным и Ю. Ф. Самариным, составляли в комиссиях устойчивое большинство, поэтому малочисленная консервативная группировка не могла ему серьезно противостоять. В этом смысле, Редакционные комиссии сильно отличались и от Главного комитета по крестьянскому делу и от Государственного совета, где и развернулась борьба вокруг проектов отмены крепостного права, выработанных редакционными комиссиями.

Автор ошибочно назвал Я. И. Ростовцева первым председателем Главного комитета; на самом деле, он был первым председателем Редакционных комиссий по крестьянскому делу

[151] С осени 1859 г. развернулась борьба вокруг проектов крестьянской реформы, разработанных губернскими дворянскими комитетами, и программой Редакционных комиссий. К 15 августа 1859 г. в Петербург были вызваны представители от 21 губернского комитета, а к 21 февраля 1860 г. — от остальных 25 комитетов.

Большинство дворянских депутатов было настроено по отношению к проектам Редакционных комиссий недоброжелательно и даже враждебно, т. к. расходилось с ними в двух главных вопросах — о собственности на землю и крестьянском управле-

нии. В проектах этой части местного дворянства закреплялось сохранение неограниченной власти помещиков над временнообязанными крестьянами и неприкосновенность помещичьей собственности на всю землю.

Большинство редакционных комиссий противостояло не только защитникам этой крайне правой позиции, но и сторонникам крайне левых взглядов, наиболее ярким представителем которой был А. М. Унковский; последние выступали за ликвидацию всех форм крепостной зависимости сразу. Главными оппонентами депутатам были Н.А. Милютин, Ю.Ф. Самарин и В.А. Черкасский, которые твердо отстаивали принцип освобождения крестьян с землей и введение крестьянского самоуправления, но не сразу, а постепенно, чтобы избежать революционных потрясений и обеспечить России мирный путь развития после отмены крепостного права. Им удалось отстоять основные принципы крестьянской реформы; однако требования дворянских депутатов все же оказали влияние на итоговые проекты редакционных комиссий: изменения касались преимущественно уменьшения размера крестьянского земельного надела и увеличения повинностей (см.: *Захарова Л. Г.* Указ. соч. С. 183–214).

[152] Имеется в виду известное выступление императора Александра II перед представителями дворянства Московской губернии 30 марта 1856 г., в котором он заявил о своей готовности отменить крепостное право.

Аллокуция — краткая речь (*лат.*).

[153] Речь идет о великой княжне Марии Александровне, которой в то время было 8 лет.

[154] Имеется в виду дом С. С. Щербатовой на Садовой-Кудринской улице. О нем см. комментарий 56.

[155] Речь идет о камердинере И. М. Васильеве.

[156] Подразумевается Киево-Печерская лавра.

[157] *«Положения 19 февраля 1861 г.»* — законодательные акты об отмене крепостного права в России. Состояли из 17 документов: «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»; «Местных положений», учитывающих особенности отдельных регионов страны; Положений об устройстве дворовых людей; о выкупе крестьянами их усадебной оседлости и полевых угодий; о местных крестьянских учреждениях и др. Документам были предпосланы манифест и указ Сенату о проведении в жизнь «Положений...». Эти акты охватывали всю территорию Российской империи, за исключением Эстляндской, Курлянд-

ской и Лифляндских губерний, где личное освобождение крестьян произошло в первые десятилетия XIX в.

[158] История составления «Манифеста 19 февраля 1861 г.» очень любопытна и поучительна.

Первоначальные варианты манифеста не нравились императору Александру II, который хотел видеть документ не только официально-торжественным, но и достаточно пропагандистским. В поисках автора такого документа царь послал видного сановника в Москву, к митрополиту Филарету — «корифею церковного красноречия». Обращение к нему было не случайным. Дело в том, что именно Филарет в 1823 г. составил по поручению императора Александра I проект знаменитого манифеста об отречении великого князя Константина Павловича от престола и передаче его великому князю Николаю Павловичу. Императору Александру II хотелось, чтобы именно этот человек был автором и манифеста об отмене крепостного права. Сановник, передавший митрополиту Филарету поручение царя, был снабжен и специальным шифром для переписки с ним Филарета, т. к. последний, не одобрявший реформу, уклонялся от написания манифеста под предлогом, что негоже церковному деятелю вмешиваться в сугубо светские дела. Поэтому он, подчиняясь воле царя, хотел бы выполнить эту миссию секретно (см.: *Литвак Б. Г.* Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская инициатива. М., 1991. С. 128–129).

[159] *Мировые посредники* — новый институт, введенный «Положениями 19 февраля 1861 г.» для реализации крестьянской реформы.

Посредники назначались губернаторами из дворян с определенным имущественным цензом, выдвинутых уездными дворянскими собраниями, на три года, в течение которых были несменяемы; утверждались Сенатом. Мировые посредники имели широкие полномочия по введению «Положений...». В их функции входило: утверждение, а иногда и самостоятельное составление, уставных грамот, руководство разверстанием земельных угодий, удостоверение выкупных сделок, обеспечение исправного выполнения крестьянских повинностей и пр. До 1874 г. (когда этот институт был ликвидирован) мировые посредники осуществляли контроль над крестьянскими сословными учреждениями, на уровне сельского общества и волости. В июне 1861 г. начали действовать 1714 мировых посредников.

[160] Речь идет о массовом выступлении крестьян в районе села Бездна Спасского уезда Казанской губернии в начале апреля 1861 г., охватившем около ста деревень.

Это был не единственный случай усмирения крестьян с помощью оружия сразу после объявления «Манифеста 19 февраля 1861 г.». То же самое произошло в Чембарском и Керенском уездах Пензенской губернии, где восстание охватило более 40 населенных пунктов (см.: Крестьянское движение в России в 1857–1861 годах. М., 1963. С. 355–360, 424–427).

[161] *Уставная грамота* — юридический документ, закрепляющий конкретные условия выхода крестьян из крепостной зависимости.

Название документа подчеркивало традиционную его связь с русским юридическим актом древних времен; бланки уставных грамот, как правило, были печатными, с российским гербом. Эти внешние признаки должны были укрепить доверие к документу, заставить крестьян поверить в его верховную юридическую безупречность. Формуляр уставной грамоты, включавший перечень обязательных сведений, был приведен в качестве приложения к «Местному положению». В заверительной части документа указывались даты подписания, утверждения и введения в действие уставной грамоты. Грамота подписывалась помещиком или его доверенным лицом, и крестьянскими поверенными. Как правило, каждая уставная грамота сопровождалась рядом приложений: актами и сельскими приговорами, протоколами действий мирового посредника, постановлением мирового съезда, утверждавшим грамоту, и проч. Уставная грамота, таким образом, являлась основным документом, фиксировавшим момент перехода крепостных во «временно-обязанное состояние» и определявшим социально-экономические условия этого состояния. По нормам, зафиксированным в уставных грамотах, жило целое поколение крестьян.

[162] Согласно «Положению 19 февраля 1861 г.» крестьяне создавали сельские и волостные органы общественного управления.

Сельское общество определялось законом как поселение крестьян, водворенных на земле одного помещика. Органами управлением этого общества являлись сельский (мирской) сход и сельский (мирской) староста. В зависимости от численности населения в обществе, оно могло иметь еще особого сборщика податей, смотрителя хлебных магазинов, писарей, сторожей. В состав сельского схода входили все домохозяева и выборные должностные лица. На сходе первое место в сохранении должного порядка оставалось за старостой, который созывал сход по указанию мирового посредника или желанию помещика. Сель-

ский сход ведал всеми вопросами общинного землепользования и землевладения, раскладкой повинностей. Важной его прерогативой было право удалять из общества вредных и порочных членов. Решения схода получали законную силу при условии, если староста или заменявшее его лицо присутствовали на сходе и при наличии не менее половины домохозяев. Принятыми считались решения, получившие простое большинство.

Волость — административная единица, которая была впервые введена на помещичьих землях. Она состояла из нескольких сельских обществ общей численностью населения от 300 до 2000 душ мужского пола. Территориально селения не могли отстоять дальше чем на 12 верст от волостного центра. Волостное общественное управление состояло из волостного схода, волостного старшины и *волостного правления* — совещательного органа при старшине, включавшего в себя мирских старост и сборщиков налогов. Волостной сход состоял из всех сельских и волостных должностных лиц, а также одного домохозяина от 10 дворов. Все должностные лица избирались сельскими и волостными сходами. Волостной сход выбирал и судей волостного суда. Волостной сход ведал установлением и раскладкой мирских сборов и повинностей, проверял рекрутские списки и обеспечивал раскладку рекрутской повинности. Решения волостного схода считались законными, если на сходе присутствовал старшина или заменявшее его лицо, и если они приняты квалифицированным большинством в $^2/_3$ голосов. Среди обязанностей волостного старшины центральное место занимали его полицейские функции. Что же касается «общественных дел», то он в пределах волости выполнял те же обязанности, что и сельский староста, а также отвечал за выполнение рекрутской повинности.

[163] Имеется в виду польское восстание 1863–1864 гг., начавшееся 11 января мятежом в Варшаве.

[164] Н.А. Жеребцов был председателем редакционной комиссии, созданной Московским губернским дворянским собранием для составления заключения по пяти обсуждавшимся вопросам, предложенным Министерством внутренних дел.

[165] Оппозиционные выступления дворянства на Московском губернском дворянском собрании 1862 г. открылись речами Н. А. Безобразова и графа В. П. Орлова-Давыдова. Они усматривали в «Положениях 19 февраля 1861 г.» посягательства на права дворянского сословия, дарованные ему Жалованной грамотой 1785 г. По мнению Безобразова, прямым следствием крестьян-

ской реформы будет расторжение вековых связей, обусловливающих благополучие Российской империи. Вводя крестьянское общественное управление вне надзора со стороны помещиков, предоставляя помещичьим крестьянам право выкупать усадьбы, передавая им в неизменное потомственное пользование земельные угодья — этим «Положения», по утверждению Безобразова, наносили сокрушительный удар всей экономике страны. Поэтому он настаивал на пересмотре актов 19 февраля 1861 г., которое должно осуществить избранное дворянством Государственное дворянское собрание. Эти идеи Безобразов изложил в зачитанной им на Московском дворянском собрании записке, та была восторженно воспринята половиной участников. При окончательном голосовании, 11 января 1862 г., за предложения Безобразова было подано 194 голоса, против — 167.

В унисон Н.А. Безобразову выступил на собрании и В.П. Орлов-Давыдов, ратовавший за увековечение и расширение дворянских привилегий и отвергавший принцип всесословности. Во время обсуждения проекта заключения, составленного редакционной комиссией Н.А. Жеребцова, Орлов-Давыдов высказался против сотрудничества дворянства с другими сословиями (см.: *Христофоров И.А.* Указ. соч. С. 146–148).

[166] См.: Современник. 1862. Янв. Раздел «Внутреннее обозрение». С. 363.

«Современник» — литературный и общественно-политический журнал, основанный в 1836 г. А.С. Пушкиным и выходивший до 1866 г. в Петербурге. В описываемое время издавался Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым.

[167] Подлинник речи А.А. Щербатова, произнесенной на Московском дворянском собрании 1862 г., по-видимому, утрачен; рукописные списки ее нами также не найдены.

[168] Подразумеваются Московская городская дума и Московское губернское земское собрание.

[169] Имеется в виду смерть императора Александра II в результате покушения 1 марта 1881 г.

Упомянутая автором речь была им произнесена 3 марта 1881 г. на экстренном заседании Московской городской думы, после панихиды по умершему царю, которая проходила в домовой церкви особняка графа С.Д. Шереметева на Воздвиженке. Когда председательствующий, товарищ городского головы, объявил заседание открытым, А.А. Щербатов, взволнованным голосом и с трудом сдерживая слезы, сказал следующее: «Ужасное,

потрясающее событие свершилось. История России помрачена цареубийством. Кто же был жертвой этого позорного злодеяния? Тот царь, которому миллионы обязаны свободой, тот царь, который трудился над обновлением России, которому и мы, представительство Москвы, обязаны своим гражданским бытием. Москва находится под оцепенением, и я не предлагаю вам выразить те чувства, которые ее гнетут, но чувства требуют себе выражения, они рвутся к проявлению. Есть место, где эти чувства должны выразиться — это у гроба царя-мученика. При его священном гробе должна находиться Москва — колыбель великого царя. У праха его Москва и вся Россия должны не говорить, но рыдать и молиться. Воздав от глубины души посильный долг великой памяти, будем бить челом Государю Императору Александру III, выразим ему от искреннего сердца, что он может рассчитывать на исконную, историческую, беспредельную преданность и любовь его народа, пожелаем ему царствования славного, мирного и безмятежного. Помолимся, да поможет ему Господь Бог в трудном подвиге Божественным Промыслом, ему ниспосланным» (см.: Голос русского на могиле мученика Царя-Освободителя. М., 1881. С. 89–90).

170 Речь идет о дочерях графа В. П. Орлова-Давыдова: Евгении (в замужестве Васильчиковой), Марии и Наталье (в замужестве Долгоруковой).

171 *Даровой надел* — так автор называет *дарственный,* или *четвертной, надел,* положение о котором было внесено в законодательные акты 19 февраля 1861 г. решением Государственного совета, принятым 11 февраля 1861 г. по предложению князя П. П. Гагарина. Размер дарственного надела, с включением усадебной крестьянской земли, должен был составить не менее $^1/_4$ утвержденных законодательством норм высшего крестьянского земельного надела.

172 *Крестьянский земельный банк* создан в 1881 г. Он должен был помогать крестьянам в покупке помещичьей земли мелкими участками. Но фактически банк больше поддерживал тех помещиков, которые уже не могли содержать землю при помощи кредитов Дворянского земельного банка и вынуждены были продавать ее крестьянам, готовым заплатить за нее наиболее высокую цену.

173 Под *обществами* автор подразумевает сельские общества (см. комментарий 162).

174 «Положения 19 февраля 1861 г.» устанавливали 9-летний период так называемых временнообязанных отношений, в течение

которого крестьянин не мог отказаться от пользования своим земельным наделом и отправления повинностей в пользу помещика.

[175] Имеется в виду уездный съезд мировых посредников.

[176] 23 октября 1859 г. в Москве был учрежден комитет под председательством генерал-губернатора П.А. Тучкова для составления проекта реформы городского общественного управления.

В состав комитета вошли правительственные чиновники и представители городских сословий. Разработанный комитетом проект был отправлен в Петербург, где после двухлетних обсуждений 20 марта 1862 г. был утвержден императором Александром II, получив название «Положение об общественном управлении города Москвы».

[177] *Московская шестигласная дума* была создана в 1786 г. на основании «Жалованной грамоты городам 1785 г.». В 1862 г., по «Положению 20 марта 1862 г.», Шестигласная дума заменена Распорядительной думой.

[178] «Положение об общественном управлении города Москвы» 20 марта 1862 г., отменив прежние, чисто сословные порядки, создавало органы управления из выборных от пяти городских сословий: дворян потомственных, личных дворян и почетных граждан, не записанных в купеческие гильдии; купцов, мещан и ремесленников. В отличие от Петербурга, в Москве ко второй группе избирателей были отнесены также лица духовного звания, отставные солдаты, крестьяне и представители других слоев населения, не входившие ни в одну из четырех других курий, но отвечавшие требованиям имущественного ценза. Право участия в выборах получили мужчины старше 21 года при условии, что они прожили в Москве не менее двух лет и владели недвижимой собственностью или капиталом, приносившим в год 100 и более рублей серебром чистого дохода. Женщины в выборах не участвовали, но имели право передать свой голос родственникам мужского пола.

Выборы в Городскую думу были двухстепенными. Собрания городского общество созывались раз в три года, по сословиям, для избрания 500 выборных (по 100 человек от каждой группы избирателей). После принятия присяги выборные избирали гласных и должностных лиц Думы. Выборным и гласным можно было стать по достижении 25 лет. Для избрания на должность головы устанавливался возрастной ценз — не моложе 30 лет и имущественный ценз — владение недвижимостью или капиталом не

менее 15 тыс. руб. (см.: *Писарькова Л. Ф.* Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 17–18).

[179] Вопрос о размещении Думы и обустройстве предназначенного для нее помещения был решен очень оперативно специальной комиссией, созданной 4 июля 1862 г. при московском генерал-губернаторе П. А. Тучкове и под его председательством. Для заседаний Думы сняли на шесть лет роскошный особняк (дом № 6) графа С. Д. Шереметева на Воздвиженке.

Улица *Воздвиженка* получила свое название в XVIII в. от располагавшегося на ней мужского Крестовоздвиженского монастыря, который в 1813 г. был преобразован в приходскую церковь. До этого улица называлась Арбатом и была продолжением нынешнего Арбата.

[180] Собрания курии потомственных дворян проходили с 19 по 25 января 1863 г. в здании Благородного собрания в Охотном ряду.

[181] Подразумевается *Московская палата уголовного суда.* Она учреждена в 1782 г., на основании закона «Учреждения для управления губернией 1775 г.», и функционировала до 1866 г., когда была ликвидирована, в соответствии с Судебными уставами 1864 г.

[182] Должность *московского губернского прокурора,* о которой идет речь, также была введена в Москве в 1782 г. для наблюдения за судопроизводством и порядком исполнения законов; ликвидирована в 1866 г.

[183] *Чёрные шары* — баллотировочные шары, наряду с белыми.

[184] Подлинник упомянутого письма не сохранился.

[185] *«Московские ведомости»* — официальная газета, издававшаяся в Москве с 1765 г. и печатавшаяся в типографии Московского университета. С 1863 г. редактором газеты был М. Н. Катков.

[186] *Московская купеческая управа* была создана в 1863 г. как исполнительный орган купеческого сословного управления, вместо упраздненного Купеческого отделения Дома Московского градского общества. Занималась исполнением приговоров купеческих собраний; заведовала имуществом, хозяйственными, учебными и благотворительными учреждениями купеческого сословия; занималась выдачей документов на право торговли и промышленной деятельности, раскладкой и взиманием с купцов пошлин и сборов.

[187] *Московский Английский клуб,* о котором идет речь в данном случае, вел свою историю с 1802 г. Ему предшествовал первый Английский клуб, учрежденный английскими купцами в 1772 г. и закрытый по указу императора Павла I. Клуб объединял пред-

ставителей московской аристократии и управлялся выборными старшинами. В 1830–1917 гг. московский Английский клуб занимал особняк на Тверской улице. С 1924 г. в нем находился Центральный музей революции (ныне — Музей современной истории).

[188] *Marche du Prophété* — название марша из оперы Дж. Мейербера «Пророк».

[189] На упомянутом обеде А. А. Щербатов произнес речь, которая публикуется в приложении к «Воспоминаниям».

[190] Газета «Московские ведомости» пользовалась в 1863 г. необычайной популярностью в русском обществе благодаря своим блестящим статьям по польскому вопросу, принадлежавшим перу М. Н. Каткова (см.: *Катков М. Н.* 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. Вып. 1–2. М., 1887). Редактор газеты сделался героем дня, его чествовали и прославляли. 9 июня 1863 г. в московском Английском клубе дан был в честь Каткова торжественный обед, на который съехалось до 140 членов клуба и гостей. В их числе был и А. А. Щербатов; он в своей речи отметил заслуги «Московских ведомостей», «верно выражавших русские чувства и русские мысли».

[191] Речь идет об Иверской часовне у Воскресенских ворот Китай-города, вблизи Казанского собора. Она была построена в XVII в. специально для Иверской иконы Божьей Матери, точный список которой был привезен в Москву из Афонского монастыря в 1648 г. Воскресенские ворота и Иверская часовня снесены в 1934 г. Ныне восстановлены.

[192] Подразумевается известный деятель Великой Французской революции маркиз М. Ж. П. де Лафайет, который возглавил Национальную гвардию на следующий день после взятия Бастилии 14 июля 1789 г.

[193] Проект земской реформы 1864 г. разрабатывался с 1859 г. специально созданной для этого Комиссией о губернских и уездных земских учреждениях под председательством сначала Н. А. Милютина, а затем П. А. Валуева. 2 июня 1862 г. император Александр II утвердил основные положения земской реформы, которые были опубликованы в печати. Разработка проекта завершилась в первой половине 1863 г. С 1 июля началось его обсуждение в Государственном совете, куда были приглашены названные Щербатовым лица (подробнее об этом см.: *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 230–241).

[194] Печ. по рукописному списку, хранящемуся в ОР РГБ. Ф. 334 (Б. Н. Чичерин). Карт. 1. Ед. хр. 9.

Часть II

Во главе общественного управления Москвы.

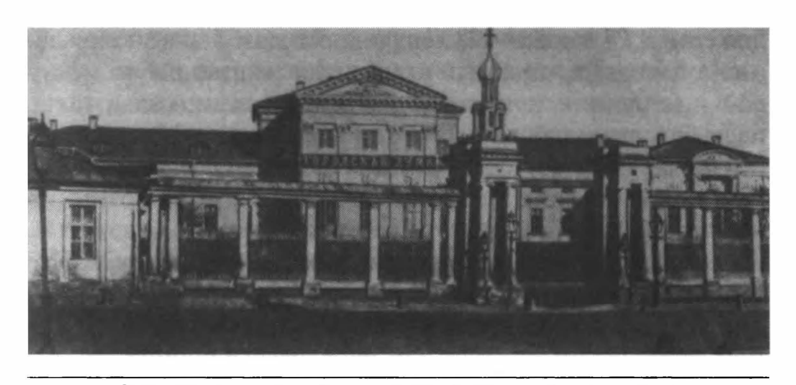
1863–1869

Отчет московского городского головы князя Щербатова о деятельности Московской городской думы за шестилетие с 1863 по 1869 год

Положение об общественном управлении Москвы Высочайше утверждено 20 марта 1862 года; приведение же сего Положения в действие совершилось в 1863 году, а именно: Общая дума открыла свои действия 10 апреля, а Распорядительная — 18 июня 1863 года[1].

Смета доходов и расходов города Москвы, в которой заключаются полные и точные сведения о состоянии городской казны, а также предположения о поступлении в городскую кассу городских сборов всех наименований и ассигновке расходов, ежегодно печатается и раздается гг. гласным; счеты действительного поступления доходов и производства расходов также ежегодно представляются на рассмотрение Общей думы. Кроме того, гг. гласные получают сведения о состоянии различных частей городского хозяйства и управления из поступающих на их рассмотрение дел Распорядительной думы, а также докладов и справок, составляемых комиссиями. Тем не менее представляется не бесполезным общее обозрение деятельности Думы в настоящее время, когда окончилось второе трехлетие ее существования. Из этого обозрения гг. члены общественного управления увидят, какие результаты достигнуты в этот не краткий период существования нового управления, какие дела и вопросы, возбужденные в этот период, разработаны и разрешены, какие части общественного хозяйства ускользнули от внимания, какие вопросы и почему не могли быть рассмотрены и на что, следовательно, должно быть обращено особое внимание и труд новых

Старое здание Московской городской думы на Воздвиженке
Фотография. Вторая половина XIX в.

деятелей, кои с 1869 года вошли в состав общественного управления.

Кроме того, хотя заседания Общей думы открыты для публики и хотя журналы и газеты печатают сведения о деятельности Думы и извлечения из ее постановлений и бюджетов, тем не менее настоящий обзор может послужить и для тех членов городского общества, кои не находятся в составе Думы, более полным материалом для оценки ее деятельности; может представить городскому обществу более данных для правильного и беспристрастного суждения о том, на сколько избранные им представители исполнили и могли исполнить свои обязанности в этот период заведования городским общественным хозяйством <...>

ГОРОДСКИЕ ДОХОДЫ

Доход с городских общественных имуществ и оброчных статей

Городские имущества и оброчные статьи составляют первый, самый древний источник для извлечения городских доходов, узаконенный и основным «Городовым по-

ложением 21 апреля 1785 года», которым были утверждены за городами «правильно принадлежащие им по межевой инструкции или инако законно: земли, сады, поля, пастьбы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустые места, мельницы водяные и ветренные», и постановлено: «все оные вообще и каждое порознь ненарушимо иметь и оным пользоваться мирно и вечно на основании законов, как внутри, так и вне городов»[2]. В то же время городам было дозволено содержать всякие мельницы, а также по дорогам харчевни, корчмы, герберги или трактиры, рыбные ловли или перевозы, и собирать с них доходы. Вскоре за изданием «Городового положения» последовал целый ряд узаконений, частью подтверждавших городам уже определенные доходы, частью установивших новые сборы, причем в пользу городов были отданы торговые бани и построенные на городских землях казенные мельницы.

Принадлежащие Москве оброчные статьи, в особенности выгонные и другие земли, обращали на себя особенное внимание правительства, которое, укрепив их за городом, заботилось и о том, чтобы он извлекал из них должные выгоды. На основании этих положений, в настоящее время в городской черте не должно было быть никаких земель и оброчных статей, которые бы принадлежали каким-нибудь казенным учреждениям. В какой мере были исполнены указанные положения, неизвестно, и до настоящего времени городские имущества не приведены в известность и надлежащим образом не описаны. Так высказалась Финансовая комиссия[3], рассматривая городскую роспись на 1865 год. Действительно, недвижимые имущества, оброчные статьи должны составлять один из главных источников общественного городского хозяйства: чем более имуществ у города, чем более доход, ими приносимый, тем город богаче, тем свободнее он может удовлетворять общественные нужды и тем менее нуждается в обложении имущества и труда своих жителей налогами. Между тем, сравнивая сумму дохода, получаемого городом Москвою

с своих оброчных статей и имуществ, с общею суммою его расходов, Москву нельзя не отнести к числу весьма бедных городских поселений. Что такое сто тысяч дохода, получаемого Москвою с своих земель и оброчных статей в сравнении с двумя миллионами ежегодного расхода! Петербург, несмотря на свое недавнее существование, получает доходу с оброчных статей вчетверо более Москвы.

Не место разбирать здесь причины столь печального явления в московском городском хозяйстве: причины эти заключаются в исторических условиях города и прежнего городского управления; мое дело, после шестилетних наблюдений за этою отраслью городского хозяйства, сказать только, что возможность изобретения новых оброчных статей представляется весьма сомнительною, что приобретение вновь городских имуществ не всегда может быть выгодно и что единственная задача нынешнего и будущего городского управления должна состоять в тщательном лишь сохранении того, чем город владеет, в правильном хозяйственном управлении сими владениями и заботливости об извлечении из них возможно большего дохода.

Само собою разумеется, что бывают случаи, когда продажа городской собственности в частные руки может иметь место, ибо, при очевидной пользе для городской казны, она вместе с тем облегчает частную предприимчивость и тем доставляет городу новую, хотя косвенную выгоду. Сюда относится продажа некоторых маломерных участков земли, продажа нескольких, купленных Думою у казны питейных заведений и проч. Что же касается до указания Финансовой комиссии на то, что городские имущества не приведены в надлежащую известность, то считаю долгом заметить, что еще в 1864 году Общею думою была утверждена из гг. гласных особая инвентарная комиссия, на которую возложена обязанность произвести подробнейшее и точнейшее описание всех недвижимых имуществ, принадлежащих городу, что Общая дума отклонила приглашение для этой цели сведущих техников и возложила всецело исполнение означенной обязанности на членов

комиссии. Этот сложный труд комиссиею, однако, исполнен не был. Впрочем, в настоящее время едва ли предстоит в том и особая надобность, по крайней мере в отношении городских зданий, так как все городские здания и сооружения, кроме водопроводов, в 1867 году были переданы Правлением IV округа путей сообщения[4], со всеми планами, их описаниями и делами, в ведение Распорядительной думы, при которой для заведования зданиями учреждено особое строительное отделение. На обязанности сего отделения лежит составление, хранение и дополнение инвентарных описаний городских зданий и сооружений. Что же касается до земель и оброчных статей, то Распорядительная дума руководствуется теми планами и описаниями, кои были составлены в 1840-х годах[5] командированными в Москву из Министерства внутренних дел топографами, дополняя их, по мере надобности, новыми сведениями и чертежами через состоящего при ней топографа. Было бы весьма полезно, во избежание утрат этих документов и для облегчения доступа к ним тех членов городского управления и других лиц, кои встретили бы в них надобность, напечатать подробные планы и описания всех принадлежащих городу имуществ. Начало этого труда было уже сделано Городскою думою изданием плана города Москвы на 168 листах с описанием; продолжение этого труда зависит от будущих распоряжений Городской думы.

В 1863 году имущества и оброчные статьи принесли городу 67.654 руб., а в 1869 предположено их 103.829 руб. Так как вновь образовалась оброчная статья только одна, именно доход в 2.132 руб. с купленных Думою у казны питейных домов, то причину увеличения дохода следует отнести к возвышению арендной платы на торгах по прочим статьям, сроки содержания коих истекли в продолжение последних шести лет. Чем же объясняется очевидная успешность производства торгов на отдачу оброчных статей? Причины успешности торгов, по моему мнению, заключаются, с одной стороны, в общем развитии промыслов в Москве и вздорожании земель, а с другой, не могу умолчать об этом, — в правильности производства торгов и доверии торгующихся к новому общественному управлению.

Торговые бани, содержавшиеся прежде казной из оброка, поступили в собственность города через несколько месяцев по издании «Городового положения», по именному указу главнокомандующему в Москве графу Брюсу 7 июля 1785 года, в видах пособия городу для учреждения в нем «нужных и полезных заведений», как-то: больниц, богаделен и народных училищ. При этой передаче, за частными лицами было сохранено право содержать торговые бани, заведенные еще до издания «Городового положения», по особым привилегиям предков содержателей, и напротив, запрещено держать торговые бани, заведенные без позволения начальства. С течением времени всем частным лицам было воспрещено заводить торговые бани, «не испрося на то дозволения Градской думы», которой вменено в обязанность «наблюдать, дабы партикулярных торговых бань не было устраиваемо близ городских, в отвращение подрыва для сих последних». А потом даже установлено законное двухверстное расстояние частных бань от городских, и городское управление стало давать свои разрешения на открытие частных торговых бань за известную единовременную плату. Так образовалась в Москве чисто городская привилегия на содержание торговых бань, существующая до настоящего времени[6].

При рассмотрении городской росписи на 1864 год, Общая дума, усмотрев постоянное уменьшение доходов с торговых бань, не могущих соперничать с банями частных предпринимателей, сочла необходимым просить Распорядительную думу произвести осмотр зданиям городских бань и изыскать средства к поддержанию по крайней мере тех из них, которые, по ее признанию, заслуживали бы такой поддержки, ради увеличения будущей арендной платы; а также тщательно рассмотреть вопрос о том, может ли быть в настоящее время признано выгодным сохранение за городом монополии торговых бань. По осмотре всех зданий городских бань, Распорядительная дума объяснила в своем журнале, что «ожидать увеличения арендной платы с бань, без значительного пожертвования для их улучшений и приведения в тот вид, в каком устраиваются ба-

ни некоторыми частными лицами, невозможно. Если же, при настоящем, крайне неудовлетворительном устройстве своем, городские бани еще приносят городу определенный доход, то единственно благодаря запрещению частным лицам устраивать бани на расстоянии ближе двух верст от городских; с прекращением же этой привилегии и беспрепятственным допущением постройки бань частными лицами, принадлежащие городу бани год от году станут приходить в упадок». К этому Распорядительная дума прибавляет, что, при существовании 2% сбора с частных торговых бань, упомянутая монополия города не должна бы иметь места. Но так как внезапное прекращение ее может лишить город определенного дохода, то Распорядительная дума предлагает следующую меру: принадлежащие городу бани продать с торгов не все вдруг, а постепенно, дабы одновременною продажею не уронить их стоимости; на вырученные же от продажи сей деньги составить особый капитал, проценты с коего обратить в общую массу ежегодных городских доходов, и таким образом, доход, ныне получаемый, обеспечится на всегдашнее время, частью процентами с упомянутого капитала, частью же процентным сбором с частных бань. По мере приведения сего в исполнение, привилегия города сама собою уничтожится, так как приобретатели бань не будут пользоваться правом воспрещения другим частным лицам устраивать бани.

Общая дума, однако, не нашла возможным отнестись к этому вопросу об одной из существенных городских привилегий определенно и окончательно, не имея в виду специальной разработки оного в Комиссии о пользах и нуждах общественных[7]. Впрочем, едва ли и своевременно спешить окончательным рассмотрением этого вопроса, так как, 1) по трем из городских бань срок аренды окончится только в 1872, 1873 и 1875 годах и так как, 2) несмотря на упразднение бань на Помётном Вражке[8], приносивших городу 720 руб. доходу, и на значительное уменьшение платы за бани Новозачатейские, по несостоятельности арендатора и крайнему обветшанию строений, городские бани приносят значительный доход, который в последние шесть лет оставался в одинаковом размере.

По мере окончания сроков на содержание бань, Городская дума будет иметь случай возвращаться к этому вопросу.

Городу принадлежат в разных местах 18 лавок и палаток, из коих 5 деревянных. Доход с этого скудного имущества, однако, увеличился почти на одну треть; с окончанием срока найма большей части из них в 1869 и 1870 годах, можно ожидать нового возвышения наемной платы.

В 1866 году город приобрел за 5.080 руб. 16 питейных домов, находящихся на городской земле, но состоявших в заведовании Министерства финансов и отдававшихся в распоряжение откупщиков. Из них — пять, как не приносившие дохода и крайне ветхие, проданы, на основании приговоров Общей думы, за 12.516 руб., шестой продан за 10.000 руб. потому, что он был окружен владением частного лица, которое и предложило за него цену, найденную особенно выгодною. Из остальных десяти — пять перестали приносить доход по причине крайней своей ветхости, и торги на отдачу их в наем оказывались безуспешными, а пять приносят дохода 2.132 руб. по контрактам до 1 мая 1870 года.

Двенадцать караульных домов при въездах образовали особую оброчную статью с 1862 года, по упразднении военных караулов при въездах в город (заставах)[9]. Из них — девять отдавались в наймы под питейные заведения, из 80 руб. дохода с каждого. Но Распорядительная дума, признавая неудобным учреждать кабаки при самых въездах в город, мало-помалу обращала караульные дома под помещения нижних полицейских чинов, с упразднением в то же время соответствующего числа полицейских будок. Затем, три остальных караульных дома отдаются под торговые заведения; этим объясняется постепенное уменьшение дохода с этой статьи.

Устроенные на торговых площадях *городские весы* Городская дума отдает в арендное содержание частным лицам с торгов, предоставляя им, за вносимую в Думу арендную плату, право сбора весовых пошлин. Замечаемое по этой статье колебание дохода в первые три года и потом

Толкучий рынок на Старой площади
Художник В. Поздеев. Вторая половина XIX в.

увеличение его объясняется следующим. В 1861 году бывший московский военный генерал-губернатор Тучков, в предупреждение многих злоупотреблений, допускаемых при взвешивании на городских весах прежнего устройства, сделал распоряжение о замене на шести городских торговых площадях прежних весов, равноплечных, весами нового устройства, десятичными. Это нововведение было встречено с недоверием и недоброжелательством содержателями городских весов, из коих некоторые, при перероброчке этой статьи, по случаю окончания сроков контрактам, или отказывались от ее содержания, или предлагали уменьшенную цену. Такие обстоятельства вынудили Распорядительную думу поручить сбор весовых пошлин комиссарам городской казны, кои, как известно, несут общественную службу обязательно. Но это распоряжение оказалось неудачным. Распорядительная дума убедилась, что гг. комиссары недостаточно заботились об усилении доходности этой статьи, по которой, вследствие этого, и оказались недоборы против прежних лет. Между тем, публика привыкла к нововведению, примирились с ним

и арендаторы; конкуренция на торгах обозначилась естественными условиями, и оброчная городская статья исправилась <...>

Московская Общая дума 3 октября 1864 года постановила заменить безденежную жеребьевую раздачу постоянных мест для торговли (ларей) на городских торговых площадях отдачею их с торгов аукционным порядком и затем, не приводя сего приговора в исполнение, поручила Комиссии для составления инвентарных описаний городских имуществ составить торговым площадям планы и представить свои соображения о том, по скольку ларей или участков следует на будущее время оставить на каждой площади и где именно.

После неоднократного и тщательного обсуждения трудов комиссии, состоялся по сему предмету приговор Общей думы 11 октября 1867 года, которым определено не только число ларей для каждой площади, но и те роды товаров, коими дозволяется вести торговлю с ларей. Число всех ларей на 28 площадях в Москве назначено 536, из них — 68 при 11 въездах (заставах)[10].

Таким образом, Дума, приводя в некоторую правильность искони существующую на городских площадях мелочную торговлю, вместе с тем удовлетворяла насущной потребности увеличить городской доход, открывая новую оброчную статью, доход с которой мог бы быть весьма значительным. Приговор этот представлен 10 декабря 1867 года на утверждение к г. генерал-губернатору, который 6 июня 1868 года уведомил Распорядительную думу, что г. министр внутренних дел, по соображении ходатайства Думы с отзывом его сиятельства по оному, не встречает препятствия к предоставлению ему, г. генерал-губернатору, в видах сохранения благообразия и чистоты площадей, сделать соответственные, в установленном порядке, распоряжения касательно распределения торговли на площадях и улицах. К сему г. генерал-губернатор присовокупил, что вслед за сим Дума будет поставлена в известность, на каких площадях будет признано возможным допустить устройство торговых палаток и в каком количестве. Но до настоящего времени никакого распоряжения по сему предмету не последовало[11] <...>

Налоги на недвижимые имущества

Процентный сбор с оценки домов, лавок и проч. недвижимых имуществ в городе установлен Положением 13 апреля 1823 года[12], в размере $^{1}/_{2}$% с оценки недвижимых имуществ, произведенной в 1821 году особым комитетом для рассмотрения доходов и расходов Московской городской думы. Размер этот впоследствии был увеличен до 1%, по случаю предстоявших городу значительных расходов по распространению водопроводов в городе. Этот 1% размер, и по окончании работ по распространению водоснабжения, по Высочайше утвержденному мнению Государственного совета 15 декабря 1858 года, остался без изменения, в виде пособия городским доходам, впредь до улучшения денежных средств столицы, и кроме того с оценки недвижимых имуществ взималось $^{1}/_{8}$% с особым назначением на содержание Мытищинского водопровода.

Высочайше утвержденным 20 февраля 1861 года мнением Государственного совета постановлено: в видах уравнительнейшего распределения между владельцами недвижимых имуществ в Москве городского оценочного сбора, произвести новую оценку чистого дохода, получаемого с обывательских, общественных и казенных недвижимых имуществ, кои, на основании ныне действующих узаконений, не изъяты от оценочного сбора. Размер оценочного сбора в пользу городских доходов определить до 10% с чистого дохода, получаемого владельцами с их имуществ, но с тем, чтобы при ежегодном составлении московской городской росписи было вменено, кому следует, в обязанность входить в обстоятельные соображения о возможном уменьшении этого размера сбора, и чтобы затем все данные по настоящему предмету были представляемы, вместе с росписью, на утверждение по установленному порядку. Таким образом, изменилось основание сбора с недвижимых имуществ в пользу города: 1) вместо сбора с оценки, т. е. с стоимости имуществ, установлено взимать оный со чистого дохода; 2) определение размера этого сбора предоставлено Думе, законом же установлен лишь высший предел оного.

Обширный труд производства новой оценки всех частных недвижимых имуществ в городе или, точнее, определения получаемого с них владельцами чистого дохода, был поручен семнадцати, особо избранным, по распоряжению генерал-губернатора, домовладельцами, оценочным комиссиям и окончен ими в 1864 году. Таким образом, вопрос о размере сего сбора в первый раз надлежало Общей думе обсудить при рассмотрении сметы городских доходов и расходов на 1865 год.

Распорядительная дума предположила размер сего сбора в 8%; но Финансовая комиссия, озабочиваясь приведением в равновесие городских доходов и расходов без истощения городских капиталов, нашла несвоевременным значительное уменьшение размера, и, принимая в соображение, что существовавший доныне *один* процент сбора с капитальной оценки соответствует *десяти* процентам сбора с чистого дохода, а потому соединение сборов оценочного и водопроводного в одном десятипроцентном сборе представляет уже понижение относительно прежнего размера на $^1/_8$ %, предложила Общей думе:

1. Вместо прежних сборов: оценочного и водопроводного, взимать на будущее время со всех имуществ, подлежащих, на основании существующих узаконений, платежу в пользу городских доходов оценочного сбора, однообразный со всех, без различия рода, имуществ сбор под именованием процентного сбора.

2. Размер означенного сбора на 1865 год определить в 10% с чистого дохода.

3. Затем, в видах облегчения частных владельцев, взимание налога, существовавшего доныне под названием водопроводного, на будущее время прекратить совершенно[13]; все же расходы по водоснабжению столицы производить из общих городских доходов.

4. Ходатайствовать о привлечении московских ямщиков к платежу процентного сбора с чистого дохода недвижимых имуществ, наравне со всеми домовладельцами города.

Заключение это было Общею думою принято. На 1866 год и последующие годы размер сего сбора был

определяем в 9%. Этим объясняется уменьшение поступления процентного сбора в 1866 и 1867 годах, сравнительно с 1865 годом. Сметное же назначение суммы сбора на 1869 год, несмотря на вновь возведенные в Москве частные постройки, менее суммы, предположенной на 1868 год, потому что, вследствие признания Камер-Коллежского вала[14] за городскую черту, многие недвижимые имущества подлежат исключению из числа городских и отойдут к уезду.

При определении размера сего сбора, Общая дума каждый раз находилась в крайнем затруднении. С одной стороны, тяжесть налога, увеличенная с 1863 года вновь установленным на недвижимость налогом в пользу казны (168.000 руб. на Москву или 1 $^{1}/_{2}$% со всего чистого дохода), требовала облегчения; с другой — новые обязательные для города расходы, как например, увеличение расхода на содержание полиции, содержание мировых учреждений и проч., не говоря уже о настоятельных нуждах по благоустройству города, требовали увеличенных ассигновок. При обсуждении бюджета на 1868 год Финансовая комиссия обратила внимание Общей думы на следующие обстоятельства, в коих находится недвижимая собственность в столице. Процентный сбор в пользу города, вместе с казенным налогом, составляет значительный налог; но затем, отправление различных натуральных повинностей, в значительной степени усиленных полицейскими распоряжениями последних лет, отягощают недвижимую собственность и вызывают расходы, быть может, гораздо большие, нежели прямые налоги, взимаемые в виде процентного сбора. Всем известно, что вследствие требования об уничтожении зловония, увеличивается расход на очистку нечистот вдвое; требование об учреждении ночной стражи вызывает необходимость нанимать лишних дворников или особых сторожей; а все эти и тому подобные многочисленные требования обременяют недвижимую собственность так, что всякое возвышение прямых налогов представляется крайне затруднительным, а при настоящих обстоятельствах даже совершенно невозможным.

Процентным сбором не обложены привилегированные и малоценные имущества, а также пустопорожние, не приносящие дохода земли; принадлежащие же частным лицам бани сравнены в сборе с прочими имуществами. Ямщичьи имущества, платившие в прежнее время особые 3% и 6% сборы, также привлечены к одинаковому с прочими имуществами сбору, на основании Высочайше утвержденного 17 апреля 1867 года мнения Государственного совета, последовавшего по ходатайству Общей думы. К привилегированным имуществам, на основании Положения 13 апреля 1823 года, между прочим, относятся монастырские и архиерейские подворья, дома священно- и церковнослужителей, богадельни, больницы и проч. Все означенные имущества освобождаются от процентного сбора, без различия, приносят ли они доход своим собственникам или не приносят, тогда как известно, что многие из них, например, монастырские и архиерейские подворья, приносят доход весьма значительный. Приняв это в соображение, Общая дума в 1863 году представила ходатайство о привлечении к процентному сбору имуществ этого рода, приносящих доход, применяясь к Высочайше утвержденным правилам о взыскании казенного налога. По сему ходатайству до настоящего времени разрешения не получено; между тем как скорейшее получение разрешения по сему предмету весьма важно, так как город, освобождением привилегированных имуществ от сборов, лишается весьма значительного и справедливого пособия. Для примера достаточно указать на следующий факт: дом коммерции советника Кокорева[15], с чистым доходом в 125.362 рубля, должен бы приносить городу ежегодно 12.536 руб. 20 коп., с поступлением же в казну, не для особенной какой-либо надобности, но вследствие расчетов казны с г. Кокоревым, город лишается сего пособия <...>

Налоги на промышленников

Налоги на промышленников представляли в прошлые шесть лет самый непостоянный, изменчивый источник городских доходов. Изменчивость эта обусловливается

Интерьер картинной галереи В. А. Кокорева
Художник А. Гребнев. 1860-е гг.

самою жизнью, теми разнообразными обстоятельствами, которые, состоя в связи с тем или другим промыслом, оказывают влияние на его положение и развитие, отчего число лиц занимающихся каким-либо промыслом, а следовательно и сумма взимаемых с них сборов находится в постоянном колебании. Но кроме того, в прошедшие 6 лет эта изменчивость зависела от издания новых законоположений об отправлении промыслов и о взимании с них сборов. Городские сборы с промышленников, за весьма немногими исключениями, были поставлены в зависимость от государственных сборов; те и другие взимаются с одних и тех же платежных единиц, и самое взимание налогов в пользу города обыкновенно производится параллельно со взиманием налогов в пользу государственной казны. При этих условиях городское общество, при обсуждении вопросов о некоторых налогах этого рода с точки зрения городского интереса, поставлено было в необходимость во всех своих предположениях быть в прямой зависимости от размера налогов казенных.

Так, вследствие Положения 1 января 1863 года и Высочайше утвержденного мнения Государственного совета 8 февраля 1865 года упразднилась 3-я гильдия купцов, изменилась сумма сбора с купеческих свидетельств 1-й и 2-й гильдий и вместе с тем добавочный сбор на содержание коммерческого суда; установлены промысловые на мелочной торг свидетельства, с новым в пользу города акцизом, к которому примкнули отчасти и купцы 3-й гильдии и крестьяне, торговавшие прежде по крестьянским свидетельствам, и вновь присоединились местные мещане и торгующие ремесленники, пользовавшиеся до того времени беспошлинною торговлею[16].

По первой статье налогов на промышленников, т. е. по *сбору с лиц, торгующих по купеческим свидетельствам* (с местных купцов), в прежнее время в пользу городской казны поступал сбор с объявляемых капиталов: первой гильдии — 37 руб. 50 коп., второй — 15 руб. и третьей гильдии — 6 руб. Положение 1 января 1863 года, отменив третью гильдию и понизив сбор в государственную казну с 1-й и 2-й гильдий, оставило городскую повинность их в прежнем размере, установив взимать оную не с объявляемого капитала, а с каждого торгового свидетельства, вследствие чего увеличилось число плательщиков 2-й гильдии, так как часть лиц, принадлежавших к 3-й гильдии, не желая лишиться купеческих прав, перешли во 2-ю гильдию. Равным образом, от понижения пошлины в казну с 660 руб. до 265 руб. увеличилось и число купцов 1-й гильдии. Такая перемена резко обнаружилась в том, что во второй половине 1863 года сбор с купеческих свидетельств поступил в двойном количестве, против первой половины года. Общая сумма сбора, сравнительно с 1863 годом (67 т. руб.), в 1866 году увеличилась до 90 т. рублей, несмотря на то, что сбор с ямщиков, производящих купеческую торговлю, с 1866 года значительно понизился.

На основании Положения 18 февраля 1836 года[17], гильдейский сбор с ямщиков, торговавших по купеческим свидетельствам, поступал сполна в пользу города, в размере 660 руб. за первую, 264 руб. за вторую и 66 руб. за третью

гильдию. По Положению 1 января 1863 года о пошлинах за пр<аво> торг<овли> и пром<ыслов>, размер этот, хотя и был уменьшен для первой гильдии до 265 руб. и для второй до 65 руб., но ямщики не были сравнены в городских сборах с купцами, и гильдейский сбор с них в пользу города удержался до 1865 года главнейшим образом ввиду того, что ямщики были избавлены от всяких платежей в государственную казну, кроме подушной подати на положении крестьян. На основании же Высочайше утвержденного 8 мая 1865 года мнения Государственного совета, коим все сословия были сравнены в платеже городских акцизов, сбор с ямщиков, производящих купеческую торговлю, перестал быть отдельною статьею, и в размере платежей в пользу города ямщики были сравнены с купцами, а гильдейский сбор стал поступать в казну <...>

С 1863 года, за уничтожением 3-й гильдии, из городской сметы были исключены платежи по оной и вошли в состав общего сбора с лиц, торгующих по промысловым на мелочной торг свидетельствам. Когда же, по Высочайше утвержденному 8 мая 1865 года мнению Государственного совета, последовало сравнение всех сословий в платеже городских акцизов, то в этой статье остались сборы: а) с *иногородных купцов*, производящих оптовую торговлю, и б) *с прикащиков иногородных купцов* в поименованных выше размерах. Купцы же иногородные 2-й гильдии вошли в состав местных 2-й гильдии купцов. Что же касается до размера сбора с купцов 1-й гильдии, то хотя Положением 8 февраля 1865 года размер этот был понижен до 37 руб. 50 к., т. е. до размера сбора с местных купцов, но Общая дума нашла необходимым оставить этот сбор в прежнем размере, по 75 руб. с каждого иногородного купца, торгующего оптом, в том внимании, что исключение этого сбора из сметы было бы несправедливо, так как эти промышленники, не платя в пользу города Москвы никаких налогов, пользовались бы выгодами столичной торговли в ущерб местному купечеству.

Относительно городских сборов, падающих собственно на крестьянское сословие, производящее в Москве

торговлю и занимающееся какими-либо промыслами, следует заметить, что существовавшая в первое трехлетие неправильность в сборах этого рода, особенно в 1863 году, была устранена в 1866 году, и самые сборы распределены правильно, согласно с существующими положениями о торговле и соображаясь с родом самых промыслов. Таким образом, в 1863 году сбор с крестьян и ямщиков за право торговли подведен был под одну статью, но состоял из нескольких сборов, а именно: а) *с крестьян и ямщиков, торгующих по купеческим свидетельствам,* б) *с лиц, торгующих по промысловым свидетельствам*, в) *с разнощиков* и г) *с содержателей огородов.* Если представлялись какие-либо основания к соединению двух первых сборов, то нельзя сказать того же о двух последних, которые, по характеру самих плательщиков, представлялись совершенно самостоятельными и в первой же смете, рассмотренной Общею думою, т. е. в 1864 году, были выделены из общей суммы налогов. Часть общей суммы сбора уплачивалась ямщиками, торгующими по купеческим свидетельствам, до 1866 года <...>

С 1866 года крестьяне, торгующие по купеческим свидетельствам, вошли в отдел местных купцов, а сборы с крестьян, торговавших по 3-му и 4-му родам крестьянских свидетельств, вошли в отдел сборов: а) с лиц, торгующих по промысловым на мелочный торг свидетельствам, и б) с лиц, торгующих без свидетельств в подвижных помещениях, шкафах, углах и лавочках, не имеющих вида и значения комнаты. Прежние сборы, которые и до этого времени вносились в сметы отдельными статьями, а именно: а) с содержателей огородов, б) с разнощиков и в) с извощиков и извощичьих колод, остались без изменения.

В настоящее время (с 1866 года) сбор с свидетельств на мелочной торг взимается в размере 6 руб. с каждого свидетельства.

При введении Высочайше утвержденного 1 января 1863 года Положения о пошлинах за право торговли, выборные от московских мещанского и ремесленного сословий, находя, что, с одной стороны, обязанность брать для

мелочного торга и ремесла свидетельство и билет со взносом 30 руб. пошлины, а с другой, слишком ограниченный выбор товаров, назначенных для мелочного торга, — стеснительны, просили довести о сем до сведения правительства. Городской голова представил г. министру финансов подробную записку по сему предмету, на что в феврале 1864 года получил отзыв от г. министра, что по предмету облегчения содержателей домашних фабричных и ремесленных заведений он входил с всеподданнейшим докладом к Государю Императору, и Его Императорское Величество, в 31 день января того года, Высочайше повелеть изволил, с целью облегчения незначительных ремесленников в платеже пошлин, постановить, в виде временной меры, следующие правила:

1. Если при ремесленных или домашних фабричных заведениях, или мастерских, имеющих от 1 до 16 работников включительно, будут находиться лавки для продажи готовых изделий, то содержателей оных обязывать брать, на основании Высочайше утвержденного 1 января 1863 года Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов, свидетельства на мелочной торг и соответствующие билеты на торговое заведение.

2. Если при означенных заведениях или мастерских не имеется лавки, то подвергать хозяев оных: а) полному, по означенному Положению, сбору, т. е. взятию свидетельств на мелочной торг и билетов, в таком случае, когда в заведении будет находиться от 10 до 16 работников включительно; б) платежу пошлины за одно свидетельство на мелочной торг, когда при заведении состоит от 5 до 9 работников включительно, и в) взносу только половины определенной за свидетельство на мелочной торг пошлины, когда при нем состоит от 1 до 4 работников.

Примечание. Находящихся при помянутых заведениях учеников и малолетних, не старее пятнадцати лет, считать двух за одного работника <...>

Относительно сборов с *разнощиков и содержателей огородов*, по первому из них, Положением 11 сентября 1827 года, определено взимать с торгующих иностран-

ными фруктами по 7 руб. 15 коп., а русскими фруктами и прочими припасами по 2 руб. 86 коп.; а по второму, на основании Положения 13 апреля 1823 года, с имеющих огороды за Земляным валом и далее взимается по 11 руб. 43 коп., а до Земляного вала вдвое, т. е. 22 руб. 86 коп[18].

Сбор с извощиков и извощичьих колод установлен Высочайше утвержденным мнением Государственного совета 4 марта 1836 года, коим определено взимать с каждой лошади, употребляемой в извоз (за исключением возчиков песка, кирпича и глины), по 1 руб. 43 коп. и столько же с каждой извощичьей колоды. Увеличение сбора с 1864 года на сумму до 5 тыс. руб. зависело от привлечения к платежу оного, по распоряжению Распорядительной думы, многих промышленников этого рода, кои не платили прежде акциза, как например, возчиков нечистот, возчиков различных тяжестей и проч.

Уже одна давность законоположений, коими установлены размер и прочие условия сего промысла, достаточно указывает на необходимость их пересмотра и вероятную потребность в изменениях, сообразных с развитием сего промысла и городской жизни. Общая дума учредила по этому предмету особую комиссию еще в 1864 году. Но, имея в виду существование комиссии для пересмотра всей системы городских акцизов, Общая дума выработанным комиссией предположениям об извощичьем промысле не дала отдельного хода и присоединила их к вопросам вообще об акцизах, передав составленный комиссией доклад в общую комиссию об акцизах[19].

Основанием к поступлению в пользу города *сбора с пивоварения* служит в настоящее время Высочайше утвержденное 21 марта 1836 года мнение Государственного совета, которым определено взимать с каждого ведра вываренного пива по 4 $^{3}/_{4}$ коп. Это один из самых старинных городских сборов: в первый раз упоминается о нем в 1806 году в докладе Комитета об уравнении городских повинностей, учрежденного в то время в Москве. По Положению 13 апреля 1823 года, размер этого акциза был определен по 500 руб. с каждого котла в 72 ведра. Сбор этот контролировался по имевшимся у пивоваров книгам о количестве вываренно-

го пива, из которых выписки представлялись в Думу старостами. С уничтожением же откупов и утверждением новых уставов об акцизе с питей, ведение таких книг прекратилось, почему Общая дума ходатайствовала у министра внутренних дел об обложении пивоварения акцизом сообразно вместимости заторных чанов и пивоварных котлов, т. е. по способу, принятому для взимания казенного налога. Впредь же до разрешения этого вопроса, сбор с пивоварения взимается, по указанию министра внутренних дел, с количества ведер вываренного пива по показаниям самих пивоваров.

Самою крупною статьею налогов на промышленников представляется *сбор с лиц, живущих по адресным билетам (адресный сбор).* Этот сбор основан на Положении 13 апреля 1823 года. Особо существующее для сего сбора учреждение, Контора адресов, заведует взиманием его и выдачею адресных билетов. Означенным узаконением положено взимать по 1-му отделению: с мужчин по 3 руб. и женщин по 1 руб. 50 к. и по 2-му отделению: с мужчин по 90 к. и женщин по 30 к. Этот сбор обратил на себя особенное внимание городского общества, которое, усматривая в нем налог на личный труд, признало необходимым войти в обсуждение вопроса об изменении всей системы адресного сбора[20]. Увеличение поступления адресного сбора за последнее время следует отнести частью к увеличению в Москве числа лиц, живущих по адресным билетам, частью к усиленному наблюдению Конторы адресов за исправным его поступлением.

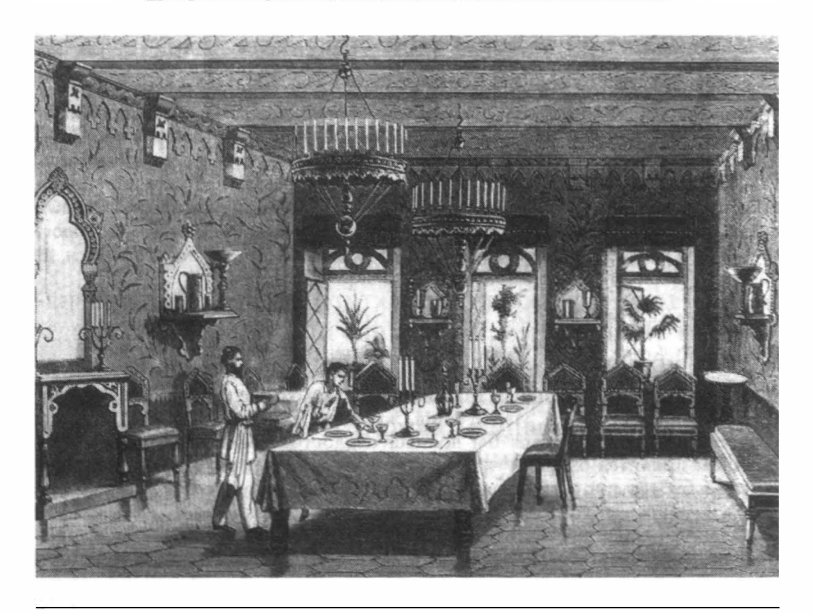
Сбор с содержателей фабрик и заводов за рабочих людей основан на Высочайше утвержденных 4 марта 1836 и 28 марта 1849 года мнениях Государственного совета. За каждого работника взимается 30 коп. и за каждую работницу по 15 копеек <...>

Сбор с содержателей торговых заведений

Сбор с содержателей торговых заведений, по существу своему составляет два отдельных налога: а) *трактирный налог*, с его подразделениями, и б) *тепловой сбор.*

Трактирный акциз, в ряду городских доходов, занимает по величине своей второе место. До 1863 года сбор с трактирных заведений производился на основании Положения 1823 года и Высочайше утверждено 4 марта 1836 года мнения Государственного совета. С этого же года основанием этого сбора, равно как и однородных с ним сборов с постоялых дворов, временных трактирных заведений и съестных лавок, служит Высочайше утвержденное 4 июля 1861 года Положение о трактирных заведениях. Означенным Положением, между прочим, определено соразмерять количество среднего годового акциза, коим определяется весь налог на трактирные заведения, по числу оных, как с состоянием самого трактирного промысла, так и с потребностями городской казны для удовлетворения общественных расходов. На основании этого закона, из трактирщиков учреждается платежное общество, управление делами которого и самая раскладка акциза на заведения вверяется трактирной депутации, по избранию из членов трактирного общества[21].

Назначение среднего акциза с трактирных заведений на 1863 год, за неоткрытием еще в то время Общей думы, бывшая Шестигласная дума предоставила «градскому обществу» в тогдашнем его составе из купцов, мещан и цеховых[22]. Находя, во-первых, что городские расходы на 1863 год должны, против прежних лет, увеличиться на 365 тыс. руб., во-вторых, что количество трактирных заведений должно также увеличиться от причисления к ним новых заведений, не входивших прежде в состав их, и наконец, в-третьих, что с введением нового Положения о питейном сборе, содержатели трактирных заведений освобождены будут от взноса значительного акциза в пользу откупа — городское общество признало возможным из 365 тыс. руб. половину, т. е. 182.500 руб., положить на трактирные заведения, в добавление к платимым ими в 1862 году 183.245 руб., что и составляет сумму в 365.745 руб., и таким образом определило на 1863 год сумму акциза с трактирных заведений в 365.745 рублей. Средний акциз с

В московском трактире
Литография. Вторая половина XIX в.

заведений был назначен в 751 руб. (разделив 365.745 руб. на число существовавших в 1862 году трактирных заведений), или круглым числом — 750 рублей. Градское общество представило о сем приговор в Шестигласную думу.

При рассмотрении этого дела военный генерал-губернатор, имея в виду, с одной стороны, потребность города в денежных средствах, а с другой — открытие с 1863 года многих обстоятельств, весьма благоприятных для развития трактирного промысла, возвысил средний акциз до 800 руб. Согласно с этим распоряжением, а также по соображению, что в состав их войдут фруктовые лавки, где потребляются на месте припасы, и число которых, при установлении среднего акциза, не было определено, — в смету 1863 года была внесена сумма 400.000 рублей. Раскладка налога была составлена на основании означенного среднего акциза трактирною депутациею в конце 1862 года.

Немедленно по обнародовании составленной трактирною депутациею раскладки, содержатели меблированных комнат и владельцы домов, в коих сии заведения помещались, обратились к г. московскому военному генерал-губернатору с жалобами на неправильное обложение сих заведений акцизом. О последствиях этого дела изложено ниже.

В раскладку 1863 года вошло трактирных заведений, по среднему акцизу в 800 руб., на сумму 387.685 руб.; в число этой суммы поступило 325.501 руб. 99 к.; затем осталось в недоборе по раскладке 62.183 руб. 1 к. Всего же по сбору с трактирных заведений, со вновь открытыми заведениями и временными палатками, поступило 345.088 руб. 99 к.; затем, весь недобор до суммы, назначенной по смете 1863 года, значился по бухгалтерии в количестве 54.911 руб. 1 к. В этой последней сумме заключаются 22.165 руб., положенные на меблированные квартиры и подворья. Кроме того, недобор произошел от неплатежа акциза подгородными трактирами и от приостановления взыскания акциза с некоторых трактирных заведений, вследствие жалоб содержателей на неправильность обложения их заведений акцизом. С этих заведений взыскивалось Думою 7.858 руб. 51 к., из них на сумму 4.853 руб. представлено было обеспечение деньгами и имуществом, впредь до решения в Государственном совете и Правительствующем Сенате прошений, поданных по сему предмету.

Недобор акциза с трактирных заведений, закрытых Думою за неплатеж акциза и неоткрытых, всего в количестве 22.872 руб. 50 к., Городскою думою, с разрешения министра внутренних дел и на основании указа Правительствующего Сената 27 мая 1867 года, со счетов сложен. Таким образом, всего в счет недобора в 54.911 руб. было внесено акциза 2.014 руб. 99 к.

Что же касается недоимки на меблированных комнатах и подворьях, то, на основании приговора Общей думы о сложении оной, сделаны надлежащие распоряжения.

В раскладку следующих затем годов вошли одни только трактирные заведения, в следующем количестве:

в 1864 году — 439, в 1865 году — 441, в 1866 году — 441. Действительно же поступило акциза: в 1864 году с 423 заведений — 342.715 руб., в 1865 году с 424 заведений — 345.581 руб., в 1866 году с 431 заведения — 338.670 руб. 50 к. Из сравнения этих чисел, Общая дума заключила, что трактирный промысел в настоящее время, сравнительно с предыдущими годами, не находится в упадке и что существующий размер акциза не имел вредного влияния на этот промысел; но при этом Дума приняла в соображение, что после раскладки акциза на 2-ю половину 1866 года, в законах относительно трактирного промысла последовало изменение, которое не может не иметь влияния на состояние промысла. Изменение это состоит в воспрещении трактирам иметь музыку, на что они имели право по Положению 4 июля 1861 года. Воспрещение музыки в трактирных заведениях, вероятно, будет иметь последствием некоторое уменьшение в доходах с них, и хотя в то время невозможно было определить, даже приблизительно, степень влияния нового закона на трактирный промысел, тем не менее было опасно не облегчить несколько трактирные заведения в платеже акциза. На основании изложенных соображений, Общая дума положила средний годовой акциз с трактирных заведений на 1867 год определить в 750 рублей.

На 1868 год размер среднего акциза оставлен прежний, т. е. 750 руб. Наконец, на 1869 год Финансовая комиссия обратила внимание Общей думы на следующее обстоятельство. Число заведений и платимый ими в пользу города налог имели весьма малое изменение и оставались во все время почти одинаковыми. Но в самом устройстве заведений явилась та особенность, что при трактирах стали умножаться буфеты, и цифры, указывающие это умножение, постоянно возвышались, а именно:

В 1864 году буфетов было 575,
1865 — 709,
1866 — 708,
1867 — 674,
1868 — 689.

Это явление объяснилось, между прочим, тем, что содержатели трактиров, отдавая помещения в тех домах, где помещались их заведения, под кабаки, прикрывали их своею фирмою, под названием «отделений» своего трактира. Выгода такого способа торговли была та, что содержатель кабака, пользуясь всеми правами трактирного промысла, избегал в то же время платежа пошлин торговых и акциза питейного. В этих сделках, конечно, имели обоюдную выгоду содержатели обоих родов заведений и находили возможным составлять их, пользуясь тем, что число буфетов в трактирном заведении не ограничено и особых платежей за них не полагается. Городской акциз взимался до сих пор с каждого заведения, разумея под этим всю совокупность его отделений, буфетов и кухонь, а за городским следовал акциз питейный в таком же порядке, и пошлины за право торговли взимались как за одно заведение.

В последствии времени изданы были следующие законы и пояснения. Относительно количества торговых билетов определено, что они должны выдаваться для трактиров по числу кухонь и буфетов, и свидетельства от Думы должны быть выдаваемы по числу их же (циркуляр министра внутренних дел 8 ноября 1866 года). Относительно же патентов положительным законом определено, что трактирное заведение, имеющее более одного буфета или одной стойки для продажи крепких напитков, обязано брать особый патент на каждое отдельное место продажи. На этом основании. Общая дума определила средний акциз с трактирных заведений в 500 руб., приняв за единицу обложения буфет трактирного заведения.

Сбор с содержателей меблированных комнат. Содержание жалоб, заявленных содержателями меблированных <комнат> в 1863 году, состояло главным образом в следующем. Цель меблированных комнат есть по преимуществу доставление помещения и дешевого стола людям недостаточным, за плату 10 руб. и более в месяц, и потому между ними и трактирными заведениями нет никакого сходства. Между тем, трактирная депутация ввела меблированные квартиры в раскладку наравне с трактирными заведения-

ми и обложила их таким высоким акцизом, какого они заплатить решительно не в состоянии. Такое распоряжение депутации должно сопровождаться следуюшими последствиями: а) содержатели меблированных квартир, по невозможности платить акциз, закроют свои заведения или разорятся; домовладельцы также понесут убытки, потому что должны будут перестроить свои дома, вместо отдельных нумеров, на обыкновенные квартиры; б) лица недостаточного состояния поставлены будут в затруднение в приискании себе дешевых и удобных помещений.

Дабы не лишить город надлежащего дохода с них и дать им возможность вполне свободной, не прибегающей ни к каким утайкам, торговли, трактирная депутация предлагала составить из всех содержателей меблированных комнат и подворий особое платежное общество, которому назначить для раскладки, при участии трактирной депутации, норму среднего акциза в размере не более 150 руб. сер. с каждого заведения; причем город мог бы иметь с этой статьи дохода, по числу существующих в Москве сего рода заведений (до двухсот), 30 тыс. руб. серебром, но с тем, чтобы заведения эти оставить при настоящих правах на торговлю и в том виде, как они существуют ныне, то есть, чтобы заведения эти не имели общих зал для приходящих и ограничивались продажею кушанья своим жильцам, а не отпускали оного на вынос. С своей стороны, и депутаты меблированных комнат заявили это самое желание для того, чтобы выйти из затруднительного положения, в какое они поставлены подведением их под норму среднего акциза с трактирных заведений.

Распорядительная дума, рассмотрев это мнение, а равно и положение содержателей меблированных комнат и подворий, убедилась в действительной невозможности оставить их в одном платежном обществе с трактирщиками и применить к ним во всей строгости Положение 4 июля 1861 года. Имея в виду избегнуть потери городом его законного дохода, она полагала, что отделение меблированных квартир и подворий по платежу городского акциза от трактирных заведений, с особым необремени-

тельным акцизом, и соединение содержателей их в особое платежное общество, с правом избирать из среды себя депутатов, на общем основании Положения 4 июля, для раскладки акциза, представляется мерою естественною, необходимою и вполне целесообразною. Лучшим доказательством и объяснением правильности этой меры служит то, что о приведении оной в действие ходатайствуют обе противные стороны, и содержатели меблированных квартир и подворий, и сами содержатели трактирных заведений; город же, с применением этой меры, останется в положительной выгоде, ибо получит доход, поступление коего в противном случае было бы невозможно. Общая дума 24 февраля 1864 года положила: 1) ввиду крайней необходимости означенной меры и легкости практического ее применения, отделить меблированные комнаты и подворья от трактирных заведений и составить из них особое платежное общество; 2) нормою акциза для них принять 175 руб., т. е. среднюю цифру между тою, которая предложена трактирною депутациею (150 руб.), и тою, которая выведена членами проверочных комиссий (200 руб.); 3) подвергнуть акцизу те меблированные комнаты и подворья, которые, по дознанию проверочных комиссий, содержатся со столом и имеют более 6 комнат, хотя бы стол был и не от содержателя; 4) все эти заведения должны остаться в том виде и с теми правами торговли, кои они имеют ныне, не присваивая себе промыслов, свойственных трактирным заведениям, т. е. заведения эти не должны иметь общих зал для приходящих и должны ограничиваться только продажею кушаний своим жильцам; 5) отменить при этом тепловой сбор с подворий, которым они обложены в настоящее время; 6) раскладку акциза поручить депутатам, избранным из среды общества содержателей меблированных комнат и подворий[23]. По сему ходатайству Думы, 8 февраля 1868 года последовало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета<...>

С *временных трактирных заведений*, открываемых на гуляньях в летнее время, размер сбора определяется трактирною депутациею, по особым ее приговорам.

Сбор с постоялых дворов, основанный также на Положении 4 июня 1861 года, производится также на основании назначения Общею думою, на каждый год, среднего акциза. Размер акциза для частей Городской, Тверской и Мясницкой установился в 50 рублей, а для прочих — в 25 рублей. Всех постоялых дворов числится в Москве до 540, в том числе 7 — в первых трех частях города.

Размер *сбора с съестных лавок* определяется ежегодно приговорами Общей думы, которая при этом соображается с местностью, в коей находятся эти лавки. До 1868 года размер сбора в Городской, Тверской и Мясницкой частях был назначаем в 30 руб., а в прочих частях — по 15 руб.; на 1868 год он был назначен для Городской части — 100 руб., для Тверской и Мясницкой — 30 руб., а для остальных — по 15 рублей.

Не лишним считаю обратить здесь внимание на предположения городского общества об усилении сборов с промыслов посредством привлечения к платежу городского акциза питейных заведений. Означенные предположения были рассматриваемы городским обществом два раза: в начале 1865 года и в конце минувшего 1868 года. В первый раз поводом к рассмотрению этого вопроса были неоднократные заявления гг. гласных Общей думы.

Постоянным основанием к установлению сего налога была сознаваемая городским обществом крайняя нужда в усилении городских доходов, так как расходы города на удовлетворение самых необходимых потребностей постоянно увеличиваются. С другой стороны, было обращаемо внимание на то, что трактирщики, с коих акциз в пользу города составляет, по своей сумме, один из самых главных доходов города, не в состоянии соперничать с питейными заведениями, страшно размножающимися и ничего не платящими в пользу города. Финансовая комиссия, рассматривавшая этот вопрос, пришла к тому заключению, что городской акциз с питейных заведений должен быть умеренный, дабы не нанести ущерба казенным интересам; общая сумма сбора с питейных заведений, ренсковых погребов, постоялых дворов и проч., всего в количестве 2.351

Д.Д. Шумахер
Фотография. 1870-е гг.

постоянных и 380 временных питейных заведений, была исчислена в 125.120 руб. Общая дума, по рассмотрении доклада комиссии, приговором 28 января 1865 года положила: ходатайствовать о том, 1) чтобы, взамен пособия от казны в 12.000 руб., разрешено было городу Москве обложить все питейные заведения (в черте города) акцизом в пользу города; 2) размер акциза назначить с постоялых дворов с винною продажею по 100 руб., с питейных домов и ренсковых погребов с распивочною продажею — по 75 руб., с штофных лавок — 60 руб., с ренсковых погребов, торгующих на вынос и русского виноградного вина — по 10 руб., с временных выставок — по 3 руб., за каждый раз открытия, а с открывающихся на неделю и более — по 5 руб., за каждую неделю; 3) сбор производить пополугодно, как установлено для выдачи патентов; 4) прекратить взимание

теплового сбора с тех заведений, кои будут обложены акцизом; 5) без представления квитанций Думы в принятии городского акциза, акцизному управлению не разрешать открытия заведений[24]. Эти предположения Общей думы были представлены в Министерство внутренних дел.

Наибольшую важность для будущности городского хозяйства имели предположения по этому предмету, возникшие в конце 1868 года. Высочайше утвержденным 18 июня 1868 года мнением Государственного совета об изменении и дополнении некоторых статей Устава о питейном сборе предоставлено Городским думам и заменяющим их учреждениям, перед наступлением срока выдачи патентов, составлять ежегодно, с утверждения Губернского правления, расписание о числе мест раздробительной продажи крепких напитков, которое может быть открыто в каждом городе в следующем году, на основании особой инструкции, составленной по соглашению министра финансов с министром внутренних дел.

В августе минувшего года от Московской думы были потребованы сведения и соображения относительно применения этого закона к городу Москве. Общая дума рассмотрение этого дела поручила особой комиссии, с участием лиц, специально знакомых с торговлею крепкими напитками. Существенное содержание доклада комиссии состояло в следующем. В циркулярном предложении г. министра внутренних дел по настоящему делу было объяснено, что, по мнению министра финансов, казалось бы возможным ограничить в городах число питейных заведений предоставлением Думам или заменяющим оные учреждениям определить те местности в черте города, где по каким-либо местным обстоятельствам или причинам вовсе не должно быть открываемо питейных заведений, а также местности, где заведения те могут быть учреждаемы не иначе, как в определенном числе, и затем в прочих частях города открытие питейных заведений должно быть допускаемо на общем основании. Комиссия находила, что такая мера не может вести к достижению предположенной цели — сокращению числа питейных заведений, а еще менее к уменьшению пьянства <...>

Ограничение числа мест раздробительной продажи крепких напитков может быть достигнуто единственным способом: возвышением цены на вино в раздробительной продаже, причем представляется полная возможность сделать более доступным для народа другой здоровый напиток, пиво и портер, которые заменили бы вино. На основании этих главных соображений комиссии, Общая дума, приговором 25 октября 1868 года, положила: уведомить московского губернатора, для представления г. министру внутренних дел, что по мнению Думы, для достижения правильного распределения мест раздробительной продажи крепких напитков в Москве, должны быть приняты следующие меры: 1) увеличить, по возможности, размер питейного сбора со всех мест раздробительной продажи вина в Москве, кроме трактирных заведений; 2) установить в пользу городской казны в Москве особый акциз за право открытия заведений для раздробительной продажи вина, как хлебного, так и виноградного; 3) с этою целью составить в Москве из содержателей питейных заведений, по платежу акциза, особое платежное общество, которому предоставить внутреннюю раскладку общей суммы акциза, следующей в доход города, по числу заведений, а средний размер акциза предоставить определять ежегодно Городской думе, с утверждения правительства, с тем, чтобы высший предел акциза с отдельных заведений не превышал тройной суммы среднего акциза; самую же раскладку городского акциза производить тем способом, который указан для раскладки акциза между трактирными заведениями, причем городскому обществу предоставить право, в случае надобности, учредить для раскладки несколько отдельных платежных обществ; 4) все эти меры не распространять на портерные и пивные лавки; 5) при соблюдении как этих, так и всех прочих, указанных законами, условий, дозволить открытие питейных заведений во всех улицах, не ограничивая числа заведений; 6) не ослабляя нисколько надзора за правильным производством торговли крепкими напитками со стороны акцизного управления и полиции, предоставить городскому управ-

лению иметь надзор за этой торговлею и с своей стороны, с тем, чтобы актам, составленным торговыми депутациею или полициею, или же другими уполномоченными от Думы лицами, было придаваемо такое же значение, какое придается ныне актам, составляемым лицами акцизного управления или полиции; 7) временных выставок питейной продажи на народных гуляньях не дозволять[25]. Приговор этот тогда же был представлен г. губернатору <...>

ГОРОДСКИЕ РАСХОДЫ

Уплата долгов

В докладе соединенной Комиссии финансовой и о пользах и нуждах, приложенном к городской росписи на 1864 год, сделано подробное обозрение этой статьи городских расходов, лежащей на обязанности города с давнего времени и составляющей ежегодно уплачиваемую городом сумму 64.693 руб. 7 коп.

В настоящее время в сметы вносятся четыре отдельные статьи уплаты долгов, а именно:

1. *Долг бывшему Государственному заемному банку.* Первоначальная сумма займа простиралась до 903.010 руб. и была распределена на следующие предметы:

На отстройку арсенала (1825–1827 г.). — 542.170 руб.

На вознаграждение за дома, отошедшие под площади, и на удовлетворение подрядчиков за кирпич для постройки театра (1827 г.) — 154.000.

На постройку городской больницы (1828 г.) — 112.620.

На постройку Москворецкого моста на каменных быках и устоях (1829 г.) — 16.530.

На постройку Триумфальных ворот (1829–1831 гг.)[26] — 77.690.

Наибольшая часть этих расходов, произведенных на счет займа, а именно 696.170 руб., была употреблена на предметы, не относящиеся к обязанности города, и только втрое меньшая сумма, 206.840 руб., была израсходована на предметы городской потребности. В 1845 году все отдельные уплаты по этим займам были соединены в одну

Москворецкий мост,
соединивший Красную площадь и Замоскворечье. 1829
Художник И. Вейс. 1852

статью, и в то время, за уплатою 514.480 руб., оставалось уплатить 388.530 руб., которые с этого года были рассрочены на 26 лет, а с 1 января 1859 года пересрочены на 28 лет, так что окончательная ликвидация долга последует в 1873 году.

По мнению вышеупомянутой комиссии, долг на построение арсенала, составляющий почти половину общей суммы долга, никоим образом не должен лежать на обязанности городской казны, так как не существует никаких узаконений о том, чтобы арсеналы составляли предмет городской надобности. Точно так же не может быть признан за городской долг заем на построение театра, как учреждения не состоящего в городском ведомстве. Что касается остальных статей займа: на построение городской больницы, Москворецкого моста и Триумфальных ворот, то ввиду огромной суммы процентов, переплаченных по этим статьям в прежнее время, и настойчивых ходатайств Губернского комитета[27], по рассмотрению городских росписей (в 1845–1851 годах) о сложении с города этого дол-

га, комиссия признала согласным с строгою справедливостью возобновить ходатайство по сему предмету. Такое мнение комиссии Общая дума вполне разделила и представила ходатайство правительству. Губернский комитет, по рассмотрению сметы на 1864 год, ввиду того, что сумма платежей, сделанных городом в счет этих долгов, почти вдвое превышает первоначальный капитальный долг казне, а также ввиду затруднительного положения городской казны, признал справедливым ходатайство Общей думы о сложении долга казне по означенных предметам. При внесении сметы на 1864 год в Государственный совет, министр внутренних дел, находя сии предположения вполне основательными, признал необходимыми, согласно с установленным порядком, предварительные сношения с надлежащими министерствами, а при представлении на утверждение сметы на 1866 год (по поводу повторения означенного ходатайства Общею думою и Губернским комитетом), изъяснил, что по сему предмету было сделано сношение с министром финансов, но статс-секретарь Рейтерн уведомил, что ввиду того, с одной стороны, что издержки, для покрытия коих сделан означенный долг, относятся к обязанности городской казны, а с другой, что московской столице уже оказаны льготы чрез рассрочку уплаты долга, он не признает возможным удовлетворить ходатайство Городской думы. К уплате ежегодно причитается 23.311 руб. 80 коп.

II. *Долг Департаменту военных поселений* (Московскому инженерному окружному управлению). По Высочайше утвержденному положению Военного совета, из сумм Департамента военных поселений (по правилам о 34-летних займах) был сделан в 1847 году заем на окончательную отделку Покровских казарм[28], в количестве 79.800 руб.; к уплате причитается ежегодно по 4.389 рублей.

III. *Долг Московскому приказу общественного призрения*, сделанный в 1851 году, по положению Комитета министров, на перестройку флигеля Петровских казарм[29] и впоследствии переложенный на 36-летний заем, в количестве 10.252 руб.; к уплате ежегодно причитается по 563 руб. 86 к.

Триумфальные ворота у Тверской заставы
Архитектор О. И. Бове, скульпторы И. П. Витали, И. Т. Тимофеев. 1830-е гг.

IV. *Долг Московскому приказу общественного призрения по 32 займам на устройство домов в Тверской-Ямской, лавок на Болотной площади и Москворецкой набережной.* На основании Высочайше утвержденного в 1838 году проекта, были сделаны займы: а) на выдачу ссуд для постройки домов в Тверской-Ямской улице, с возвратом от владельцев 85.714 руб. 24 коп.; б) на постройку лавок на Болотной площади, с возвратом от владельцев 85.085 руб. 41 коп.; в) в вознаграждение за дома и земли, взятые под расширение означенных улицы и площади — 92.039 руб. 95 коп., а всего — 262.839 руб. 60 коп. Происхождение этих займов, в финансовом отношении, т. е. по соображению их с действительными средствами города в то время, несмотря на продолжительную разработку этого дела и в Городской думе и в управлении генерал-губернатора, представляется неопределенным <...>

К уплате означенного долга ежегодно причитается 36.428 руб. 41 коп.

По означенным займам капитального долга состояло:

	к 15 июня 1863 г.	к 1 марта 1869 г.
1.Бывшему Государственному заемному банку	189.252 руб. 70 к.	84.838 руб. 43 к.
2. Московскому окружному инженерному управлению	55.203 руб. 60 к.	42.288 руб. 62 к.
3. Московскому приказу общественного призрения:		
а) на перестройку флигеля при Петровских казармах	8.622 руб. 48 к.	7.170 руб. 12 к.
б) по 32 займам на украшение столицы	512.920 руб. 12 к.	397.900 руб.
	765.998 руб. 90 к.	532.197 руб. 17 к.

Содержание мест и лиц городского общественного управления

Высочайше утвержденная Комиссия для введения нового общественного управления в Москве[30] составила для оного инструкцию и проект штатов. Принимая во внимание, что впредь до организовании общественного управления, трудно определить, на каких именно основаниях и в каких размерах оказалось бы необходимым устроить при оном канцелярию, и что окончательное решение сего потребовало бы тщательного и продолжительного изучения на самом опыте, комиссия составила проект штатов временных, руководствуясь в отношении определения личного состава канцелярии соображением действительных потребностей городского управления, а в отношении размеров содержания, применяясь к расписанию Петербургской думы. Общая дума рассмотрела эти штаты в одном из первых своих заседаний и, в то время, находя оные с потребностью и средствами Думы сообразными, ходатайствовала об утверждении их, в виде опыта, не далее как на два года, предоставив себе к концу сего срока выработать и предоставить на утверждение штаты постоянные; но, вследствие причин, о которых будет упомянуто в заключение этой статьи, постоянные штаты еще не составлены. Вот эти временные штаты:

	Штатное число чинов	Одному руб. к.	Всем руб. к.
Городскому голове	1	5.000 –	5.000 –
По городской канцелярии:			
Городскому секретарю, заведующему делопроизводством городского депутатского собрания	1	2. 500 —	2.500 –
Помощникам его:			
Одному, состоящему сверх того и регистратором	1	800 –	800 –
Другому	1	600 –	600
На содержание канцелярских чиновников, в числе по действительной надобности	–	–	2.500 —
На канцелярские расходы и печатание докладов	–	–	800 –
Итого	3	–	7.200 –
Делопроизводителям собрания выборных всех сословий	5	300 –	1.500 –
По Распорядительной думе:			
Членам (служащим по выборам)	10	1.500 –	15.000 –
Секретарям	4	1.000 —	4.000 –
Столоначальникам	12	600 –	7.200 –
Помощникам их	12	300 –	3.600 –
Регистратору	1	600 –	600 –
Помощнику его	1	300 –	300 –
Журналисту	1	600 –	600 –
Помощнику его	1	300 –	300 –
Главному бухгалтеру	1	1.500 –	1.500 –
Бухгалтерам	2	800 —	1.600 –
Бухгалтерским помощникам	8	360 –	2.880 –
Регистратору бухгалтерии	1	420 –	420 –
Казначею (служащему по выбору)	1	1.500 –	1.500 –
Казначеям (служащим по выбору)	2	1.000 –	2.000 –
Контролеру	1	800 –	800 –
Помощникам его	2	420 –	840 –
Архивариусу	1	420 –	420 –

На содержание канцелярских чиновников, в числе по действительной надобности	–	–	8.000 –
Экзекутору и смотрителю дома	1	480 –	480 –
Помощнику его	1	300 –	300 –
На канцелярские материалы и содержание всех зал	–	–	3.200 –
На печатание справочных цен	–	–	1.000 –
На наем сторожей и курьеров для Общей и Распорядительной дум и депутатского собрания	20	120 —	2.400 –
Итого	83	–	58.940
По торговой полиции:			
Секретарю торговой депутации	1	420 –	420 –
На содержание канцелярских чиновников и канцелярские материалы	–	–	600 –
Торговым смотрителям, помощникам их, базарным смотрителям	–	–	5.000 –
Итого	1	–	6.020 –
По хозяйственной полиции:			
Комиссарам городской казны, смотрителям городских имуществ в числе, определенном Распорядительною думою	–	–	3.000 –
Депутатам для раскладки городского налога (две оценочные комиссии)	10	360 –	3.600 –
Им на канцелярские расходы	–	–	480 –
	–	–	7.080 –
По аукционной камере:			
Управляющему камерой	1	500 –	500 –
На письмоводителя и канцелярские расходы	–	–	300 –
	–	–	800 –
	104	–	86.540 –

Удовлетворение жалованьем чинов городского управления в 1863 году произведено по расчету со времени открытия учреждений <...>

Временный штат строительной экспедиции следующий:

	Штатное число чинов	Одному руб. к.	Всем руб. к.
Техникам, вместе с помощниками их, чертежниками и десятниками	4	2.000 —	8.000 –
Члену Думы, на которого будет возложен надзор инспекторский за строительною частью, на разъезды	1	600 –	600 –
Топографу, с чертежниками, помощниками и на расходы по производству работ	1	2.000 –	2.000 –
Комиссарам городской казны, которые будут откомандированы для надзора в хозяйственном отношении за зданиями и сооружениями, на разъезды	4	600 –	2.400 –
Секретарю Распорядительной думы по строительным делам	1	1.000 –	1.000–
Столоначальникам	3	600 –	1.800 –
Помощникам их	3	300 —	900 –
Писцам	6	180 –	1.080 –
Помощнику архивариуса из чертежников	1	360 —	360 –
На канцелярские расходы	–	–	560 –
На наем сторожей к зданиям и сооружениям	–	–	1.300 –
Всего	24	–	20.000 –

<...>

Чтобы дополнить этот очерк состава городского общественного управления, следует сказать, что для чиновников канцелярии Общей и Распорядительной дум учреждена ссудная касса, фонд которой образовался из пожертвованных городским головою князем Щербатовым в 1865 году 1.300 руб., внесенных чиновниками Думы 650 руб. и в 1868 году исправлявшим должность городского головы старшиною купечества В. М. Бостанджогло — 300 руб.; в настоящее время капитал кассы увеличился до 3.000 руб. Из денег этих выдаются ссуды со взиманием 1% в месяц.

В заключение следует упомянуть, что ни действующие ныне временные штаты нельзя признать вполне удовлетворяющими потребностям, ни оклады содержания — достаточными: первые требуют значительных изменений, соединенных в некоторых случаях с изменениями в самом Положении об общественном управлении. Что же касается до окладов жалованья, то они вообще требуют увеличения, иначе общественное управление встретит крайнее затруднение в привлечении в свою среду сведущих, деятельных и добросовестных тружеников; но изменения в штате должны обусловливаться крайнею осторожностью и самым тщательным наблюдением. Вот почему, ввиду почти непрерывно совершающихся в законодательстве преобразований, имеющих прямую связь с городским управлением, а также ввиду предстоящего преобразования вообще законов о городском хозяйстве, Городская дума считала преждевременным приступить к составлению как постоянных штатов, так и постоянных инструкций и оставила этот труд будущим деятелям. Тем не менее обстоятельства вынудили Городскую думу возбудить вопрос об увеличении числа оценочных комиссий для оценки недвижимых имуществ. В отношении же увеличения окладов Общая дума, за назначением 10.000 руб. в 1865 году, ограничилась следующим постановлением 18 февраля 1869 года: во внимание к трудам членов Распорядительной думы, заведующих четырьмя экспедициями, а также бухгалтерией и инспекциею строительной части, и ввиду предстоящих выборов в эти должности, Общая дума постановила увеличить оклады содержания по означенным должностям до 2.500 руб. каждому, вместо ныне производимых по 1.500 руб. в год; вопрос же вообще об увеличении штатов Городской думы остался еще не разрешенным.

Помещение общественного управления. Вследствие выраженного графом Шереметевым, в здании коего на Воздвиженке помещаются ныне учреждения общественного управления, нежелания возобновить контракт на будущее время и изъявленного им согласия лишь на двухгодичную отсрочку с 1869 года, Городская дума ходатайствует у пра-

Проект здания Московской городской думы на Воскресенской площади. Архитектор А.И.Резанов
Литография. Вторая половина XIX в.

вительства о предоставлении ей права собственности на часть здания Присутственных мест у Воскресенских ворот, где прежде помещалась Шестигласная дума; а между тем, по приглашению Общей думы, профессор академии художеств А. И. Резанов составил проект перестройки означенного здания для помещения городского управления[31] <...>

Содержание городской полиции

Содержание городской полиции отнесено на обязанность города Положением 13 апреля 1823 года.

I. *Содержание должностных лиц и учреждений.* По Высочайшему повелению 12 января 1846 года, было назначено обер-полицмейстеру: жалования 2.142 руб. 86 к., столовых — 2.142 руб. 86 к. и фуражных — 805 руб. 37 к.; всего — 5.091 руб. 9 к.; каковой оклад производится и по настоящее время.

По Высочайше утвержденному 30 апреля 1847 года штату, в канцелярию обер-полицмейстера было назначено 42 чиновника, коих содержание определено в 12.350 руб.; эта сумма и отпускалась ежегодно, до введения в 1866 году судебной реформы. За упразднением должностей следственных приставов, был исключен расход на содержание их, и в смету 1867 года на содержание канцелярии обер-полицмейстера было внесено 6.850 руб., на канцелярские расходы — 1.000 руб. и временный расход — в 453 руб. 33 к., на удовлетворение квартирными деньгами оставшихся за штатом следственных приставов.

Положением 13 апреля 1823 года и последующими узаконениями, на содержание четырех полицмейстеров было назначено, каждому из них, 514 руб. 28 к. жалованья и 571 руб. 42 к. столовых; а всего — по 1.085 руб. 71 к. Таким образом, до 1851 года, в городские сметы на содержание полицмейстеров, из коих один председательствует в Управе благочиния, вносилась сумма в 4.342 руб. 84 к. и кроме того, 4.000 руб. квартирных (по 1.000 руб. каждому) и 857 руб. 13 к. на содержание канцелярий при трех полицмейстерах. Заготовление фуража в прежнее время производилось хозяйственным образом, в определенном положениями количестве, но с 1851 года были назначены к отпуску полицмейстерам фуражные по 536 руб. 90 к., всего — 2.147 руб. 60 к. Таким образом, на содержание каждого из четырех полицмейстеров город отпускает 2.622 руб. 61 к. и, кроме того, для трех из них — 857 руб. 13 к. на состоящие при них канцелярии. Общая штатная сумма по этой статье составляет 11.347 руб. 58 к.

В Управе благочиния[32], по штату 13 апреля 1823 года, положено 130 человек служащих, коим на жалованье и канцелярские расходы, а также на провиант и амуницию

14 кантонистам, было назначено 44.103 руб. 24 к. ассигнациями. В этой сумме заключалось жалованье обер-полицмейстеру и старшему полицмейстеру. Впоследствии жалованье этим двум лицам отделено в особые статьи, прибавлено, согласно Высочайше утвержденной 23 января 1826 года смете городских расходов, к жалованью переводчика азиатских языков еще 150 руб. асс. и назначен, на основании Высочайшего повеления 22 сентября 1835 года, второй пристав гражданских дел, с жалованием по 1.500 руб. асс. в год. Высочайше утвержденным 5 мая 1847 года журналом Государственного совета, назначено особое контрольное отделение из 9 человек, с жалованьем 3.488 руб. серебром в год. Таким образом, исчислено было на содержание Управы благочиния 15.360 руб. 35 к. — сумма, которая ежегодно и вносилась в городские росписи <...>

В настоящее время на содержание 17 частных приставов[33] и состоящих при них канцелярий вносится в городские сметы по 1.658 руб. 58 к. на каждого и, сверх того, жалованье письмоводителям — по 71 руб. 43 к. каждому, что составляет штатную сумму расхода по этой статье 29.410 руб. 17 к. <...>

В городские сметы вносится ежегодно на содержание 90 квартальных надзирателей 54.897 рублей; сверх того, 80 надзирателям, не имеющим квартир в городских зданиях, выдаются квартирные по чинам и по особой местной табели — всего до 3 тыс. руб. Помощникам надзирателей (101) производится содержание в 30.719 руб. и, сверх того, из них 92 лицам — квартирных 2.990 руб. 64 к. Весь же расход на содержание надзирателей с помощниками составляет круглым числом 91.460 рублей.

Содержание обер-полицмейстера (исключая хозяйственные расходы по содержанию дома, о чем будет сказано ниже), всех должностных лиц полиции, состоящих при них канцелярий и содержание Управы благочиния составляет сумму до 160.000 рублей.

При рассмотрении городской росписи на 1864 год, соединенные Комиссии о пользах и нуждах общественных и

финансовая обратили внимание Общей думы на то, что в городской полиции значится пять офицерских степеней: помощники квартальных надзирателей, квартальные надзиратели, частные приставы, полицмейстеры и обер-полицмейстер. Эти степени существуют с 1823 года. Несмотря на многие существенные изменения, произведенные с тех пор в составе полиции, указанные должности остаются доселе. На сколько каждая из них достигает своей цели и на сколько необходимо дальнейшее сохранение этого механизма для наблюдения за безопасностью и спокойствием жителей столицы — можно решить только по тщательном изучении на деле круга занятий каждого деятеля полиции. Несмотря на то, комиссия, находя, с своей стороны, существующий штат полицейского управления слишком многосложным и исходя из той мысли, что порядок и тишина в городе основываются не на многочисленности существующих промежуточных должностей, а на неослабном надзоре непосредственных деятелей полиции и ближайшей связи их с высшими лицами, коим вверено главное полицейское начальство в Москве, полагала, что некоторые из этих промежуточных должностей могли бы быть упразднены без ущерба спокойствию и безопасности жителей.

При рассмотрении доклада комиссии, Общая дума положила: «ходатайствовать, не будет ли признано возможным, в видах упрощения многосложного полицейского управления, упразднить некоторые промежуточные должности»[34]. При рассмотрении росписи в Губернском комитете, председатель оного объяснил, что по означенному ходатайству, со стороны военного генерал-губернатора, будет сделано надлежащее, с кем следует, сношение и распоряжение, а о последующем в свое время сообщено будет Распорядительной думе. Независимо от сего, г. военный генерал-губернатор 14 мая 1865 года уведомил Распорядительную думу, что, так как при его управлении учреждена особая комиссия для составления предположения о преобразовании полиции, то и сделано распоряжение о передаче в оную соображений Думы по сему предмету.

По Положению 1823 года, право на получение квартирных денег имеют только те полицейские чиновники,

кои не помещаются в городских полицейских домах. В 1864 году Финансовая комиссия обратила внимание на то, что квартиры, занимаемые полицейскими чиновниками, в несколько раз превышают размеры, установленные Положением, и не соответствуют действительной умеренной потребности. Например, квартиры частных приставов: в Мясницком съезжем доме[35] — 9 комнат в 129 кв. сажен, в Рогожском — 7 комнат в 120 кв. сажен, в Сретенском — 7 комнат в 88 кв. сажен. Такая же несоразмерность, хотя и в меньшей мере, оказалась и в квартирах других лиц — письмоводителей, писарей и фельдшеров. Общая дума положила просить Распорядительную думу произвести тщательный осмотр всех полицейских помещений и изыскать средства к более правильному и согласному с законом размещению в сих зданиях полицейских чиновников. Причина такого излишества в помещениях некоторых полицейских чиновников та, что большею частью съезжие дома не вновь строились, сообразно с действительною потребностью и законными условиями, а были куплены у частных лиц и перестроены, причем могли оставаться без капитальных перемен как расположение, так и величина комнат. Само собою разумеется, что меры к приведению таких помещений в нормальный размер могут быть приняты только тогда, когда здания частных домов подвергнутся капитальной перестройке, каковая, впрочем, не в дальнем будущем и может последовать, по совершенному обветшанию некоторых из них.

II. *Содержание нижних чинов полиции.* Первоначально, по Положению 13 апреля 1823 года, было назначено 90 квартал-унтер-офицеров и 40 городовых унтер-офицеров; пешая военная полицейская команда состояла из 300 рядовых и 20 унтер-офицеров; команда городских стражей — из 1.056 стражей и 90 унтер-офицеров. Штатные оклады жалованья были следующие:

	Ассиг.	Сереб.
квартал-унтер-офицеру	120 руб. — к.	34 руб. 28 1/2 к.
городскому унтер-офицеру	60 руб.	17 руб. 14 1/4 к.

унтер-офицеру пешей военной команды	37 руб. 26 к.	10 руб. 65 к.
унтер-офицеру команды городских стражей	37 руб. 26 к.	10 руб. 65 к.
рядовому команды городских стражей	24 руб. — к.	6 руб. 86 1/2 к.
рядовому пешей военной команды	9 руб. 40 к.	2 руб. 68 к.

<...>

В 1864 году состав полиции был следующий: 90 старших городовых унтер-офицеров, 134 младших, 40 штатных писарей (прежние кантонисты), 17 унтер-офицеров (по числу частей города) и 295 рядовых пешей военной команды, 746 городских стражей и 318 вольнонаемных унтер-офицеров, — а всего 1.650 человек. В штатных окладах жалованья нижним чинам, сравнительно с прежними, произошли некоторые изменения, а именно:

старшему унтер-офицеру — 34 руб. 29 к.
младшему — 24 руб. — к.
штатному писарю — 4 руб. 76 к.
унтер-офицеру пешей военной команды — 10 руб. 65 к.
рядовому — 2 руб. 68 к.
городскому стражу — 6 руб. 86 к.
старшему вольнонаемному унтер-офицеру — 144 руб. — к.
младшему — 48 руб. — к.

Кроме того, для пешей военной команды производились отпуски сумм на амуницию и провиант, по Положению, и харчевые по 12 руб. на человека; городовым стражам на провиант (деньгами) — 27 руб. 34 к. и амуниция. Нижние чины, прикомандированные от войск для усиления московской полиции, получали полное содержание, без разделения на жалованье и провиант, в следующем размере: 330 унтер-офицеров — по 120 руб. в год каждому и 470 вице-унтер-офицеров — по 108 руб. каждому; всего, на 800 человек — 90.360 рублей.

На основании составленного московским обер-полицмейстером штата, одобренного приговором Общей думы 20 января 1866 года и вошедшего в городскую смету того года, содержание нижним чинам полиции определено в следующем размере:

	Число лиц	Жалованье одному
Городовых унтер-офицеров:		
Старших	91	108 руб.
Младших	310	96
Рядовых	1.188	84
Вестовых при конторах кварталов	91	84
Вольнонаемных унтер-офицеров	284	144

Приговором 11 октября 1867 года Общая дума положила сравнить содержание чинов пешей военной команды с прочими нижними чинами полиции, так как, по удостоверению обер-полицмейстера, те и другие исполняют одинаковые служебные обязанности. Вследствие этого приговора, с 1868 года 17 унтер-офицерам означенной команды было назначено по 108 руб., а 295 рядовым — по 84 руб., отчего штатная сумма, назначенная на тот предмет возросла с 15.149 руб. 82 к. до 26.621 руб. При этом, однако, все статьи (на амуницию, жалованье и проч.), входившие в первую из означенных сумм, были исключены из росписи[36] <...>

В ноябре 1868 года в Общей думе был рассмотрен возбужденный обер-полицмейстером вопрос о *комплектовании полицейской и пожарной команд вольнонаемными людьми*. Дело это не могло не остановить на себе особенного внимания городского общества. До сего времени в штате московской полиции состоит 284 вольнонаемных унтер-офицера, получающих содержание по 144 руб. в год; все же остальные нижние чины полиции состоят на обязательной службе и комплектуются рекрутами из резервных батальонов и из неспособных первой степени из губернских батальонов и сборных команд. Постоянные наблюдения обнаружили, что такой порядок пополнения полиции не доставляет людей, которые удовлетворяли бы требованиям тяжелой полицейской службы, вследствие чего г. обер-полицмейстер представил г. генерал-губернатору свои соображения о преобразовании полиции. Так как утверждения на этот проект не последовало, то в августе 1868 года г. обер-полицмейстер просил г. генерал-губернатора о разрешении на прием в состав полиции еще 120 вольнонаемных служителей, с производством им содер-

Московский городовой

жания в 144 руб., в виде временной меры, указав при этом, что для покрытия означенной издержки может быть употреблена сумма от некомплекта нижних полицейских чинов, простирающаяся ежегодно от 10 до 12 тыс. рублей.

Изложенные предположения г. обер-полицмейстера были переданы г. генерал-губернатором на обсуждение Общей думы.

Финансовая комиссия, находя, что замена обязательной службы в полиции и пожарной команде вольнонаемными представляется вопросом такой капитальной важности для городского хозяйства, что от разрешения его зависит дальнейшая участь сего последнего, при разрешении его задалась следующими вопросами: 1) дозволит ли состояние городской казны отпускать сумму, требующуюся для замены 120 нижних полицейских служителей; 2) дозволит ли оно отпустить сумму на наем 929 полицейских и пожарных служителей и 3) дозволит ли оно вообще усиливать бюджет по содержанию полиции и пожарной команды.

По мнению комиссии, не представлялось препятствия к предоставлению г. обер-полицмейстеру распоря-

диться наймом 120 служителей на счет остатков от суммы, назначенной по смете на жалованье нижним чинам полиции, так как это не производило изменений в городском бюджете. По остальным двум вопросам, комиссия отнеслась внимательно и критически к настоящему состоянию городской казны, рассмотрев предстоящий бюджет на 1869 год, наличные и запасные средства города и сравнив денежные обороты Москвы с денежными оборотами Петербурга, для выяснения отношения расхода по содержанию полиции и прочих обязательных расходов к общей сумме доходов.

Оставляя состав полиции и пожарной команды в существующем размере и применяя предположенные г. обер-полицмейстером оклады содержания, комиссия исчислила, что вся замена 3.311 человек, состоящих ныне в штате полиции и пожарной команды, обошлась бы городу ежегодно на 342.190 руб. 28 к. более ныне отпускаемой суммы <...>

По рассмотрении доклада Финансовой комиссии по сему предмету, Общая дума приговором 22 ноября 1868 года положила: «довести до сведения московского генерал-губернатора, что не представляется препятствия, вследствие заявленной в том необходимости г. обер-полицмейстером, заменить 120 человек, отпущенных в бессрочный отпуск, таковым же числом вольнонаемных полицейских служителей, с окладом каждому по 144 руб. в год, с отнесением сего расхода на остатки от сметного исчисления на содержание нижних полицейских чинов, образующиеся от некомплекта их, и 2) что состояние городской казны не дозволяет приступить к замене вообще обязательной службы в полиции и пожарной команде вольнонаемными, так как, при теперешнем положении городской казны, не имеется на то средств»[37].

Содержание жандармского дивизиона

Состав жандармского дивизиона (28 штаб- и обер-офицеров и 461 нижний чин со 166 лошадьми), определенный Высочайше утвержденным штатом, оставал-

ся в продолжение шести лет без изменения; основания для расходов по разным статьям содержания дивизиона, утвержденные правительством, также оставались прежние, поэтому и сумма расхода на содержание дивизиона оставалась почти без перемены. Уменьшение же ее в некоторые годы зависело от причин случайных, а именно от понижения цен на провиант и фураж и от того, что на эти года не пришлись сроки для постройки некоторых вещей по обмундированию и конской сбруе.

Заготовление провианта, фуража и амуниции, на основании Положения 13 апреля 1823 года, или сдается с торгов подрядчикам, или предоставляется хозяйственному распоряжению командира дивизиона, если предлагаемые им цены окажутся выгоднее состоявшихся на торгах; последний порядок обыкновенно употреблялся в отношении к амуниции и фуражу. Финансовая комиссия, рассматривая городскую роспись на 1864 год, предложила Общей думе следующее замечание о расходах по этому отделению росписи.

По смыслу действующих ныне законов, первоначальное назначение жандармского дивизиона состояло в приведении в исполнение законов и приговоров суда; в случае надобности, в поимке воров, беглых, корчемников, преследовании разбойников, рассеянии запрещенных законом сходбищ, в усмирении буйства, и восстановлении нарушенного повиновения; жандармы употребляются также для препровождения необыкновенных преступников. Рядом с этими обязанностями, жандармы, составляя как бы часть наружной полиции, употребляются при парадах и разводах для ночных разъездов, с целью полицейского наблюдения за порядком и спокойствием на улицах в ночное время. Кроме этих главных обязанностей, жандармские нижние чины употребляются еще на ординарцы и посылки к гг. военному генерал-губернатору, к гражданскому губернатору, к обер-полицмейстеру и полицмейстерам, а также на другие непредвидимые надобности, по распоряжению г. военного генерал-губернатора. Таким образом, обязанности жандармского дивизиона относительно соб-

ственно города составляют лишь часть его общих обязанностей, выходящих из круга городских надобностей.

С усилением полиции, облегчится общий надзор за порядком и тишиною в городе и, конечно, значительная часть обязанностей жандармов могла б легко быть исполнена полицейскими служителями. Имея в виду это обстоятельство, а также и то, что исполнение некоторых поручений, в особенности сопровождение преступников, отвлекает жандармов от служения городу и даже далеко за пределы его, комиссия полагала справедливым ходатайствовать о том, не будет ли признано возможным установить, какое именно число жандармов было бы необходимо собственно в интересе столицы, и затем часть расходов на полное содержание дивизиона отнести на другие, государственные источники.

Согласно с предложением комиссии, Общая дума представила ходатайство об отнесении на государственные источники части содержания жандармского дивизиона.

Губернский комитет, рассматривавший смету 1864 года, не нашел возможным сложить с обязанностей города содержание жандармов, которые, составляя внутреннюю стражу столицы, и притом конную, оказывают значительное пособие городской полиции при сохранении порядка и спокойствия в городе <...>

Пожарная часть

Содержание пожарной команды может быть разделено на два отдела: а) содержание служащих и б) содержание пожарных принадлежностей, как-то: лошадей, пожарного обоза, рукавов при колодцах и проч.

По штату, приложенному к Положению 13 апреля 1823 года, было положено чиновников и нижних служителей, составляющих пожарную команду, 1788 человек; всем им производилось жалованья 14.423 руб. 13 коп. В последствии времени упразднена заключавшаяся в составе пожарной команды особая команда трубочистов. В 1862 году убыло из штата пожарной команды 53 фонарщи-

Московский пожарный

ка; в 1864 году убыло еще 92 фонарщика; в 1865 году состав пожарной команды сократился еще на 200 фонарщиков, так как, вследствие замены конопляно-масляного освещения минерально-масляным, подрядчик уличного освещения принял на себя обязанности, лежавшие прежде на фонарщиках.

Личный состав пожарной команды в настоящее время следующий: 1 брандмайор, 9 брандмейстеров, 23 брандмейстерских помощника (унтер-офицера) и 1.319 нижних чинов, и в числе их — 23 мастеровых при пожарных инструментах. Размеры жалованья определены расписанием, составленным военным генерал-губернатором и Высочайше утвержденным 18 февраля 1861 года: брандмайору — 580 руб., а с 1868 года, по чину полковника — 750 руб.; брандмейстеру — 285 руб. 71 коп.; помощнику брандмейстера — 10 руб. 65 коп.; фурлейту[38] и пожарному служителю — 6 руб. 86 коп.; мастеровому — от 34 руб. 29 к. до 74 руб. 29 коп. Сумма всего жалованья, производимого по сим окладам пожарной команде, составляет 16.285 руб. 47 к. На основании того же Положения 1823 года, ниж-

ним чинам производятся кроме того: а) назначение провианта — по 21 пуду 30 фунтов муки ржаной и по 18 гарнцев[39] гречневых круп; б) заготовление амуниции; в) харчевые, первоначальный размер которых был 3 руб. 60 к., а с 1866 года, по приговору Общей думы 3 декабря 1865, размер сей увеличен до 12 руб. на человека в год.

Расход на лечение пожарных служителей в больницах негородского ведомства, постоянно увеличиваясь, обратил на себя особенное внимание и в 1865 году вызвал, по ходатайству Распорядительной думы, распоряжение генерал-губернатора об оставлении в городской больнице 80 свободных кроватей собственно для нижних чинов полиции. В 1868 году в смету был включен новый расход, в количестве 800 руб., на пособие детям пожарных служителей, на тех основаниях, на каких такой же расход производится по полиции.

Особого штата пожарной команды при пожарном депо не положено, и служители назначаются в оное из частей. Этот порядок существует со времени упразднения трех частей, т. е. с 1832 года. Состоявшие при означенных частях отдельные пожарные команды были также упразднены, но общее число пожарных служителей не было уменьшено. Пожарные служители размещаются по частям и в депо г. обер-полицмейстером, смотря по действительной надобности и удобству помещения. По отдаленности некоторых пожарных команд одна от другой, отделялись временно от них части с инструментами и лошадьми на отдельные пункты, как например, в Сокольники и проч., Тверскую-Ямскую, где домовладельцами предлагаются им даровые помещения. Сюда же относится незначительный расход на наем помещения, во время разлития Москвы-реки, для части пожарной команды в Дорогомиловской слободе, исключенный из росписи в 1868 году по случаю постройки Бородинского моста.

Начиная с 1863 года, когда Общая дума в приговоре своем 16 декабря в первый раз положила ходатайствовать о сокращении состава пожарной команды в размере действительной надобности[40], ходатайства об этом продолжа-

лись и впоследствии. Ходатайство городского общества о сокращении состава пожарной команды имело следующий результат: военный генерал-губернатор, рассмотрев представленные обер-полицмейстером соображения по сему предмету, признал, что уменьшение наличного штата пожарной команды допущено быть не может. Соображения обер-полицмейстера состояли в том, что со времени утверждения штатов пожарной команды, еще в прошлом столетии, Москва значительно увеличилась в своем объеме, и выезд пожарной команды в некоторые селения бывает за 2 и даже до 7 верст за Камер-Коллежский вал. Увеличение числа фабрик и заводов, действующих огнем, посредством паровых машин; обычай страховать имущества, уменьшивший осторожность в домовладельцах в обращении с огнем, и небрежность прислуги способствовали увеличению ежегодного числа пожарных случаев.

Затем, в 1867 году г. обер-полицмейстер и брандмайор обратились к городскому управлению с настоятельным ходатайством увеличить отпуск денег на содержание до потребной суммы, сравнительно с довольствием Петербургской пожарной команды, так как, при настоящих условиях, брандмайор лишен всякой возможности экономическим путем поддерживать пожарную часть в надлежащем порядке. По предположению брандмайора, ежегодный отпуск суммы на содержание пожарной команды должен быть увеличен на 30.815 руб. Для предварительного рассмотрения сих предположений была учреждена Общей думою в то же время особая комиссия[41].

Независимо от сего, городское общество в конце 1868 года встретилось с вопросом о комплектовании пожарной команды вольнонаемными, по случаю выбытия из оной 525 человек, принадлежащих к военному ведомству и уволенных в бессрочный отпуск. Предположения об этом были возбуждены г. обер-полицмейстером, по мнению которого, означенная убыль могла быть покрыта 150 служителями, набираемыми из губернских батальонов на пополнение команды; для укомплектования же пожарной команды было необходимо еще 375 человек, причем пола-

П. Ф. Самарин
Фотография. 1880-е гг.
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

галось, ввиду специальности пожарной службы, производить каждому пожарному содержание в 240 руб. в год.

Общая дума, по рассмотрении доклада Финансовой комиссии по сему предмету, приговором 5 ноября 1868 г. признала, что состояние городской казны не дозволяет приступить к замене вообще обязательной службы в пожарной команде вольнонаемными. Об этом подробно было сказано выше по поводу предположения об укомплектовании полиции[42]. Что же касается до увеличения отпуска на содержание пожарной команды на 30.815 руб., то, по тщательном рассмотрении Положения 1823 года и позднейших узаконений, определяющих расходы города по содержанию пожарной команды, а равно и сделанных по оным замечаний г. обер-полицмейстера и брандмайора,

вышеупомянутая особая комиссия пришла к убеждению, что это Положение в настоящее время не соответствует более действительным потребностям пожарного дела. Так, по мнению комиссии, вполне основательны замечания г. обер-полицмейстера, что, во 1-х, в недостаточном размере отпускаются ныне суммы на содержание пожарного обоза, на ремонт лошадей, на содержание брандайора, брандмейстеров и нижних чинов пожарной команды; во 2-х, вовсе не отпускается сумм на многие необходимые расходы, как-то: на заготовление постовой одежды, на снабжение пожарных служителей теплою обувью, на содержание канцелярии брандмайора и проч.

Изложив в докладе свои соображения, комиссия предложила Общей думе следующее заключение:

1. Образовать при Общей думе особую комиссию из семи гласных и просить генерал-губернатора назначить в оную еще двух членов — брандмайора и одного из чиновников, состоящих при его сиятельстве. Всем членам комиссии предоставить право голоса[43].

2. Исходатайствовать для комиссии право произвести осмотр пожарного обоза, пожарных лошадей, проверить личный состав пожарной команды и вообще собирать на местах необходимые сведения о хозяйственном состоянии пожарной команды.

3. Поручить комиссии: а) составить подробный нормальный штат московской пожарной команды, с определением числа пожарных служителей и пожарного обоза в каждой части отдельно; б) привести в известность настоящий состав и состояние пожарного обоза и определить, в какой постепенности он должен быть приведен в положение, соответственное нормальному составу; в) сообразно штатному составу пожарной команды, определить ежегодные расходы города по ее содержанию; г) определить права Думы в отношении заведования хозяйственною стороною пожарной части и ревизии расходов по ее содержанию.

4. Представить эти три пункта на утверждение генерал-губернатора.

5. Ходатайствовать об обложении страховых обществ, как российских, так и иностранных, имеющих в России своих агентов, сбором в пользу московской городской казны в размере 50 к. с 1000 руб. страхуемого в Москве движимого и недвижимого имущества.

6. Назначить г. брандмайору содержание 4000 руб. серебром, и в 1869 году произвести сей расход из остатков от сметных назначений 1869 года.

7. Обсуждение представления московского обер-полицмейстера об увеличении содержания нижних чинов пожарной команды отложить до разрешения ходатайства Думы об установлении сбора с страховых обществ и до составления нового полного штата московской пожарной команды.

Это заключение Общею думою 18 февраля 1869 года было принято с тем лишь изменением, что ходатайство об обложении страховых обществ сбором в пользу города отложено, впредь до представления вновь учреждаемою комиссиею своих соображений о размере сбора[44].

Из остальных расходов по содержанию пожарной части, назначение: а) на фураж для лошадей, б) ремонт их, сбрую, ковку и лечение и в) на ремонт пожарного обоза, производится на основании Положения 13 апреля 1823 года. Первый из сих расходов исчисляется на 450 лошадей, по Положению состоящих при пожарной команде, в следующей пропорции: овса — 11 четвертей 2 четверика и сена — по 182 $^{1}/_{2}$ пуда на лошадь в год. Ремонт лошадей и проч. исчисляются по ведомостям, доставляемым Управою благочиния, и ремонт обоза — по ее же требованию, основанному на табели, приложенной к означенному Положению об обозе. Назначение небольшого расхода на ремонт сигнальных шаров и фонарей, с освещением последних, производится на основании того же Положения и предложения военного генерал-губернатора <от> 2 августа 1843 года. Заготовление фуража предоставлялось хозяйственному распоряжению брандмайора по ценам, ниже справочным.

В прежнее время ремонт 37 водозаборных рукавов при 32 пожарных колодцах лежал на обязанности управ-

Московское пожарное депо

ления водопроводами[45], но с 1855 года составил особую статью расхода. Ремонт различных вещей, необходимых для упряжи, зависит обыкновенно от замены старых, выслуживших установленные сроки, вещей новыми. Так, в 1865 году постройка 239 попон значительно увеличила обыкновенный расход по этой статье.

Городское общество не один раз изъявляло желание содействовать различным улучшениям в пожарной команде, с тем чтобы, при этих улучшениях, согласованных с действительною потребностью, последовали и некоторые облегчения для городской казны в содержании пожарной части. В этих видах, при рассмотрении городской росписи на 1864 год, Финансовая комиссия обратила внимание на пожарное депо, существующее в силу узаконений 7 июля 1812 года и 29 марта 1827 года.

По закону, первоначальное значение пожарного депо состояло в изготовлении разного рода и звания огнегасительных инструментов, по данным образцам, для рассылки по губернии, по мере требования и по известным ценам; а также для приучения способных людей к пожар-

ному делу. С течением времени пожарное депо, вместо центральной мастерской для снабжения губернии инструментами и способными, знающими свое дело людьми, обратилось в отдельную пожарную команду — учреждение чисто городское, содержание коего ежегодно обходится не менее 15 тыс. руб. Уничтожение пожарного депо как отдельной пожарной команды, в количестве 330 человек, с состоящими при нем мастерскими, казалось более или менее выгодным для города в том отношении, что штатное число команды сократилось бы на 300 человек с лишком, а вместе с тем освободилось бы огромное здание, которое могло бы быть обращено в городскую оброчную статью. Изготовление же огнегасительных снарядов могло быть поручено при этом частным механическим заведениям Бутенопа, Вильсона и друг. Предложению этому, однако, не было дано дальнейшего хода Городскою думою <...>

Мировые судебные учреждения

Содержание мировых судебных учреждений возложено на обязанность города 238 статьею судебных установлений 1864 года[46]. Для введения в Москве судебных мировых учреждений Городской думе предстояло: определить число мировых участков в городе, определить размер содержания мировых судей и мировых съездов и затем произвести выборы мировых судей.

Составление расписания мировых участков, на основании Положения о введении в действие Судебных уставов, составляло обязанность Распорядительной думы, при участии обер-полицмейстера и губернского прокурора[47]. Приступая к исполнению сего, Распорядительная дума прежде всего сочла необходимым собрать различные статистические сведения, как-то: о числе жителей в Москве по частям города и по сословиям, о числе домов, о числе фабричных заведений и работающего на них народа и о числе дел, подлежащих мировому разбирательству, по сведениям о числе дел, производимых у частных приставов и в судебных местах 1-й степени. По составленному, на основании собран-

ных сведений, расписанию, Распорядительною думою, предполагалось: число мировых округов — два и число мировых участков — 14, а смета расходов на мировые учреждения в Москве — 79.960 руб.; но Общая дума, при рассмотрении соображений Распорядительной думы, положила разделить Москву, сообразно с полицейским ее делением, по числу полицейских частей, на 17 мировых участков.

Первое избрание участковых и почетных мировых судей[48] было произведено Общею думою 25 февраля 1866 года; причем удостоились избрания в участковые судьи 24 лица из 71, из коих утверждены 17 старших по баллам; а почетных избрано 33 из 54-х.

Оклады содержания участковых мировых судей и двух съездов[49] были первоначально определены Общею думою, согласно с предположениями Распорядительной думы, а именно: участковому мировому судье было назначено 2.200 руб. жалованья, 1000 руб. — на наем письмоводителя, писцов, рассыльного и на канцелярские расходы; 500 руб. — на наем и содержание помещения; двум секретарям при съездах было назначено по 900 руб., двум их помощникам — по 600 руб. — на наем писцов при съездах — по 1500 руб. на каждый, жалованья 10 судебным приставам при съездах было назначено по 600 руб. каждому. Кроме того, тем же приговором было назначено 13.000 руб. на единовременные расходы — на наем помещений съездов, до освобождения помещений в городских зданиях, и на случайные расходы: на жалованье четырем судьям, заступающим место участковых судей, в случае, если бы из них были избраны председатель и непременные члены съездов; и на жалованье сверхштатным приставам, если в увеличении числа их представится безотлагательная надобность. Годовое содержание мировых судей было исчислено в 87.900 руб. Два последние расхода не были выполнены в 1866 году и исключены из сметы на 1867 год, так как и председатели и непременные члены съездов были избраны из судей почетных, а в запасных приставах надобности не оказалось. Один из мировых съездов (второй) был помещен в городском здании при Сухаревой башне. В 1866 го-

ду на содержание мировых судебных учреждений, со времени их открытия, было употреблено 64.000 руб., причем остаток от сметного назначения по этой статье, 8.627 руб. 26 коп., был обращен впоследствии на устройство арестантского дома.

В последние месяцы 1866 года, вследствие заявлений председателей мировых съездов о мерах, которые, по указанию опыта, должны быть приняты для лучшего устройства в Москве мировых учреждений, городское общество обратилось к пересмотру своих прежних постановлений. Дело это было поручено соединенной Комиссии финансовой и о пользах и нуждах общественных. По рассмотрении доклада означенной комиссии, в коем были изложены сведения и соображения о том, что число мировых участков необходимо увеличить, так как число поступающих к мировым судьям дел оказалось на первое время втрое более предполагаемого, и что оклады жалованья секретарям съездов, их помощникам и судебным приставам, а также и сумму на писцов мировых судей следует увеличить, Общая дума приговором 21 декабря 1866 года положила: к существующим участкам прибавить еще пять новых участков; увеличить сумму содержания канцелярий мировых судей на 300 руб. (таким образом, размер получаемого мировым судьею содержания, считая в том числе жалованье и сумму на наем помещения и канцелярии, составил 4000 руб.); прибавить по одному помощнику секретаря на каждый съезд, увеличить содержание секретарей съездов до 1200 руб. каждому и их помощников до 800 руб., увеличить число судебных приставов четырьмя, назначив каждому приставу содержание в 1000 руб., на наем и содержание помещения для 1-го съезда назначить 1.500 руб. и возвратить председателю 1-го съезда 1.896 руб. 53 коп., употребленные им на устройство помещения съезда, с отнесением этой издержки на остатки от суммы 1866 года. На основании сего приговора, в смету 1867 года была внесена на удовлетворение означенных расходов добавочная сумма в 36.500 руб.; на полное же содержание мировых учреждений в сем году было ассигновано

112.100 руб. Приговором Общей думы 20 марта 1867 года определено отпустить в распоряжение председателя 2-го съезда единовременно 1.500 руб. на меблирование помещения съезда, с отнесением этого расхода на остаток от суммы 1866 года; а на 1869 год, по приговору Общей думы, было внесено 1500 руб. на наем и содержание помещения для сего съезда, за перемещением оного из городского дома, оказавшегося крайне неудобным, в наемный[50].

Дополнительные выборы пяти участковых мировых судей были произведены 31 октября 1867 года. В мае месяце 1868 года, с особого разрешения правительствующего Сената, был произведен дополнительный выбо рпочетных, судей коих избрано 16.

В 1869 году должно последовать некоторое изменение в расписании мировых участков, вследствие утвержденного правительством предположения Думы о назначении чертою города Москвы Камер-Коллежского вала, а именно: число участков должно уменьшиться не менее как на два, так как местности, состоящие вне черты Камер-Коллежского вала и ведуемые столичными мировыми судьями, должны отойти в ведение уездных мировых судей.

Городской арестантский дом

Содержание и устройство помещений для лиц, подвергаемых аресту по приговорам мировых судей, отнесено на обязанность города, на основании Высочайше утвержденного 4 июля 1866 года мнения Государственного совета, и составило статью совершенно нового, обязательного для города, расхода.

Первоначальные предположения об устройстве арестантского дома, а именно: выбор места и здания для сего учреждения и приблизительное исчисление сумм на устройство и содержание его, были составлены Распорядительною думою вместе с мировыми судьями г. Москвы. Предположения сии одобрены Общею думою, исполнение же их было возложено на особую комиссию, состоявшую из двух избранных от мировых съездов попечителей, а именно: гг. почетных мировых судей и вместе с этим гласных Общей думы Б.А. Нейдгардта и А.А. Рябинина,

одного — члена Распорядительной думы и одного — из состоявших при ней архитекторов.

Арестантский дом устроен в одном из двухэтажных флигелей Титовских казарм[51]; открыт 18 февраля 1868 года. Работы по устройству и приспособлению помещения были произведены под непосредственным наблюдением г. попечителя Нейдгардта; ему же, главным образом, принадлежит и установление администрации и всего внутреннего устройства, обзаведения и распорядка сего учреждения.

В сентябре 1867 года, по приговору Общей думы, попечителем и гласным Б.А. Нейдгардтом приступлено было к капитальной переделке левого флигеля Титовских казарм под малолетнее и женское отделения, устроенные по системе ночного келейного разъединения, и к устройству в главном корпусе коридора одиночного заключения, рабочих помещений и квартир для служащих, равно как и к постройке бани, прачечных и прочих хозяйственных принадлежностей. 24 января 1868 года все, вновь отстроенное и построенное, было уже занято арестантами. Назначение сумм на 1868 год: на содержание служащих, конторы и библиотеки и на хозяйственные расходы, на содержание и продовольствие арестованных и прислуги, а также на содержание дома, было исчислено по смете, составленной попечителем арестантского дома, гласным Общей думы г. Нейдгардтом и заявлено Общей думе. Такой же порядок исчисления суммы для арестантского дома был соблюден и на 1869 год.

Бюджет арестантского дома в 1869 году следующий:

Содержание служащих — 7.594 руб. — коп.

Продовольствие арестуемых и прислуги — 5.550 руб. 65 коп.

Ремонт одежды и обуви — 875 руб. — коп.

Мытье белья — 233 руб. 80 коп.

Отопление и освещение — 5.371 руб. 53$^1/_2$ коп.

Ремонт имуществ и зданий — 1.320 руб. — коп.

Очистка зданий и дворов — 839 руб. — коп.

Баня — 354 руб. 12 коп.

Медикаменты, непредвиденные расходы и библиотека — 780 руб. — коп.

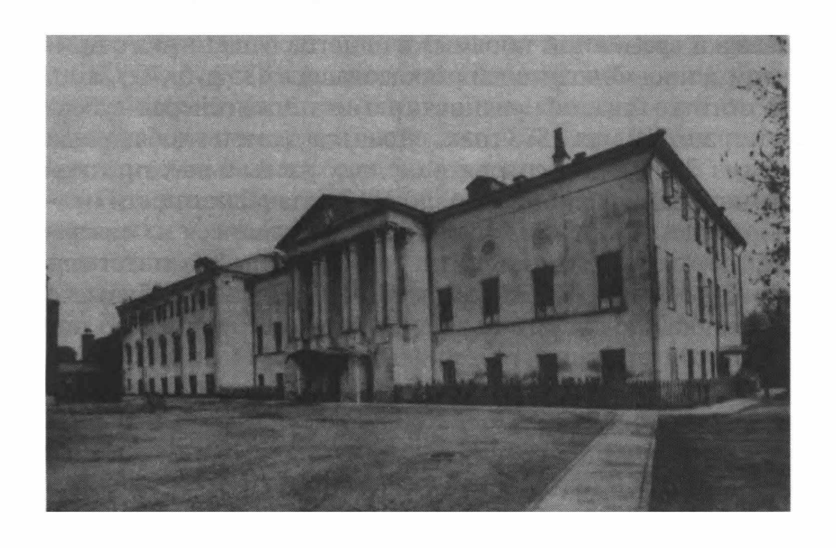
Всего — 22.918 руб. $10^{1}/_{2}$ коп.

Городской арестантский дом есть первая, по времени учреждения, в России тюрьма нового устройства и притом единственное из тюремных учреждений, предоставленное полному заведованию городского общества. Успех или неудача этого заведения в полной мере лежит на ответственности Городской думы. Наблюдение за содержанием заключенных, тем же законом 4 июля, предоставлено местным мировым съездам, кои из среды своей и избирают попечителей. По мнению Финансовой комиссии, изложенному в ее докладе Общей думе, было бы весьма желательно, чтобы городское общество, кроме смет на содержание дома, получало отчеты о нем как в финансовом, так и во всех других отношениях: например, о занятиях работами, о суммах, полученных рабочими, о нарушении внутреннего распорядка в заведении; все статистические данные, как о числе лиц в нем заключаемых, так и о проступках за кои были они заключены; сроках заключения и вторичных и более случаях заключения — словом обо всей жизни этого заведения, на которое возлагаются надежды, что оно содействует действительному исправлению каждого бывшего там заключенным.

Малолетнее отделение арестантского дома, в коем, кроме строгого присмотра за несовершеннолетними заключенными и возможного исправления нравственности каждого из них, заключенные обучаются грамоте и четырем правилам арифметики, представляет самые благодетельные и утешительные результаты.

Тюремные учреждения

Ни одна статья городских расходов не представляет такого неустройства, как расходы на тюремные учреждения. В большой части своих расходов Городская дума не лишена возможности или самостоятельно определять суммы на предметы, относящиеся к ее обязанностям, соображаясь с состоянием бюджета и хозяйственными интересами города, или, по крайней мере, проверять, что городские деньги употребляются на тот предмет, на какой ассигнованы. В

**Рукавишниковский исправительный приют
на Смоленской-Сенной площади**

расходах по тюремным учреждениям действия Думы ограничиваются простою отсылкою сумм в Тюремный комитет, исчисленных в его требовательных ведомостях[52].

Содержание тюремных учреждений отнесено на счет города Положением 1823 года и состоит из двух отделов: а) содержания личного состава управления сими учреждениями и б) хозяйственных расходов по отоплению, освещению и очищению тюремных помещений и проч., кроме ремонта зданий. Первый из этих отделов до 1868 года не превышал 1.200 рублей в год и был определен в точности; но хозяйственные расходы, на кои отпускается ежегодно не менее 24 тыс. руб., были исчисляемы и доныне исчисляются Комитетом в излишнем, против действительной потребности, размере и постоянно были предметом основательных со стороны Городской думы возражений.

Что касается до расходов на управление, то до 1864 года на содержание двух смотрителей тюрем (губернского

замка и временной тюрьмы) и одного священника с причтом и письмоводителей расходовалось 885 руб. $70^{1}/_{4}$ коп. С этого же года, по предписанию военного генерал-губернатора от 10 мая 1863 года, вносится в сметы добавочная сумма 288 руб. на содержание двух рассыльных при тюремном замке. Кроме того, до 1867 года обязанности надзирателей в тюрьмах исполняли отряжавшиеся из пожарной команды нижние чины, но Тюремный комитет нашел, что этот порядок не может быть допущен на будущее время, как не достигающий своей цели относительно тюрем и отвлекающий пожарных служителей от их прямой обязанности, и признал необходимым заменить нижних чинов пожарной команды вольнонаемными служителями из нижних воинских чинов, в количестве 32 человек — для губернского и пересыльного замков[53] и 10 — для временной тюрьмы с ее отделением, с окладами от 15 до 10 руб. каждому в месяц. Комитет просил Думу внести в смету 1868 года 5.484 руб. — на содержание означенных тюремных служителей и 3.883 руб. 05 коп. — в возврат за содержание их в 1867 году. Эти расходы, равно как и сумма на 1869 год, включены в смету на 1869 год по приговору Общей думы 20 декабря 1868 года[54].

Относительно же расходов хозяйственных, считаю долгом привести следующие сведения. При рассмотрении росписи на 1864 год, городское общество признало необходимым просить Тюремный комитет, в видах общего порядка счетоводства и большей правильности в хозяйственных распоряжениях городского управления, о ежегодном сообщении Городской думе подробных сведений об израсходовании суммы, отпускаемой на содержание тюремных зданий и о могущих оказаться от нее остатках, причисляемых к экономическому капиталу Комитета. Губернский комитет, рассматривавший роспись 1864 года, заключил исполнить просимое Думой, но заключение это не было приведено в исполнение. Затем, вице-президент Комитета, преосвященный Леонид, в конце декабря 1865 г. известил Думу, что Комитет не находит с своей стороны препятствий к сообщению Думе требуемых сведений, но при-

совокупляет, что остатки отпускаемых из городской казны сумм, по уставу Попечительного о тюрьмах общества, употребляются Комитетом на улучшение быта арестантов, и потому, при составлении Думою новых годичных смет, принимаемы ею в соображение быть не могут.

При рассмотрении росписи на 1866 год, Общая дума положила просить г. генерал-губернатора принять действительные меры к возможному сокращению требований Тюремным комитетом денег из городской казны, ограничив требования лишь мерою действительной надобности, так как значительные остатки, поступающие в экономический капитал Комитета, свидетельствуют о преувеличенности требований. В журнале Губернского комитета объяснено, что по сему предмету будет сделано со стороны генерал-губернатора особое от росписи распоряжение; но тем не менее на 1866 год Комитетом о тюрьмах не было доставлено данных, которые подкрепляли бы действительность его требований. Между тем, в требовательных ведомостях Комитета значились такие расходы, для производства которых Дума не находила достаточных законных оснований, как например: покупка разных вещей и посуды с 1855 по 1863 год (5.165 руб. 48 $^{1}/_{2}$ коп.), вставка стекол, рам; за отопление, освещение зданий и очистку нечистот за прошлое время, начиная с 1852 года. Сумма эта в 1868 году возросла уже до 10.242 руб. 20 коп. При таком положении дела Распорядительная дума пришла к тому заключению, что без изменения закона о причислении Комитетом остатков от сметных назначений к экономическому капиталу, невозможно достигнуть сокращения расходов города на тюремные учреждения и предлагала Общей думе, не признает ли она необходимым исходатайствовать, по крайней мере, чтобы все расходы на тюремные учреждения, не вошедшие почему-либо в смету, покрыты были остатками и чтобы Комитет прекратил требование возврата насчитанных им на Думе сумм, так как остатки от ежегодных отпусков столь значительны, что насчитываемые на Думе суммы составляют только незначительную их часть. При рассмотрении росписи на 1867 год,

Общая дума в свои ходатайства по различным предметам включила ходатайство, предложенное Распорядительною думой, о покрытии сверхсметных расходов остатками и о прекращении требований Комитета о возвращении насчитываемых им на Думе сумм <...>

Строительная часть

До учреждения при Распорядительной думе строительного отделения[55], все городские здания и сооружения состояли в заведовании Правления IV округа путей сообщения и публичных зданий, которое составляло предположения о работах, производило работы, определяло размер сумм, потребных на их производство, и расходовало получаемые из Думы городские суммы по установленному прежде порядку, без ее контроля. Городской думе оставалось только выдавать требуемые суммы. Из этого порядка изъяты были лишь казарменные здания, кои состояли в непосредственном заведовании генерал-губернатора и переданы в ведение Думы в 1864 году; прочие же городские здания и сооружения оставались в ведении Правления IV округа до 1867 года, когда они окончательно были переданы в заведование Думы, кроме водопроводов.

Общая дума обратила на эту часть городского хозяйства особое внимание и, предположив возвести некоторые значительные постройки, обеспечила за собою, еще до устройства своего строительного отделения, право полного за производством их наблюдения. Таким образом, предположив построить каменный Бородинский мост, Дума исходатайствовала разрешение г. министра внутренних дел о том, чтобы производство этой постройки было вверено особой, учрежденной ею из своих же гласных, комиссии[56].

По учреждении строительного отделения при Распорядительной думе, городскому управлению представилась возможность ввести правильное хозяйство в строительном деле, но возможность односторонняя: городское управление получило право строить и наблюдать за свои-

ми постройками, но, в исполнении своих предположений об улучшениях по этой части городского благоустройства, встретила непреодолимое затруднение в недостатке денежных средств. Большая часть городских зданий перешла в ведение Думы в самом неудовлетворительном состоянии и требовала капитальных исправлений; оказалась настоятельная надобность в постройке новых зданий, водопроводов, водосточных труб, постоянных мостов и проч., требующей огромных сумм. Многие из этих нужд были новым общественным управлением удовлетворены; но вместе с тем, по недостатку городских сумм, оно было поставлено в необходимость отказаться от некоторых предположений улучшить городское благоустройство или отложить на время их исполнение.

В продолжение шести лет своего существования общественное управление отчасти произвело, отчасти предположило произвести следующие значительные работы:

1) Бородинский мост,

2) капитальное исправление Хамовнических казарм,

3) замощение улиц,

4) перестройку Титовских казарм для временной больницы и арестантского дома,

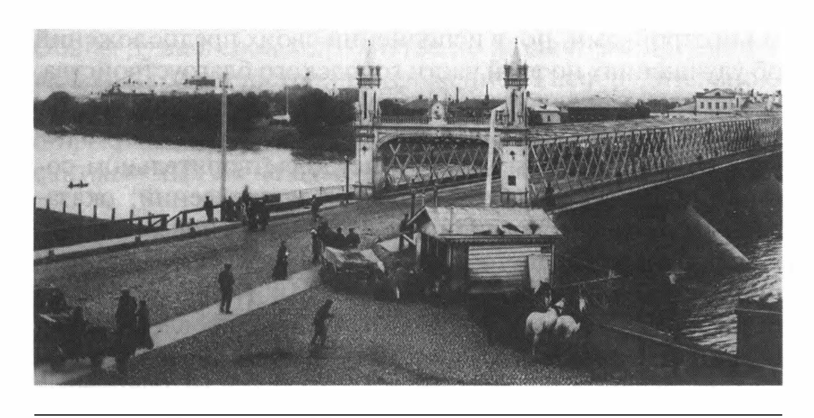
5) артезианский колодец,

6) ряжевой колодец[57] на Ходынском поле,

7) городскую бойню.

1. *Бородинский мост.* Необходимость устроить, вместо деревянного Дорогомиловского, каменный мост еще в 1844 году была заявлена бывшим тогда городским головою Шестовым, а в 1847 году составлен и проект моста, по смете в 377.984 руб. сер. Проект сей был Высочайше утвержден, а самый мост, в память событий 1812 года, повелено именовать Бородинским; исполнение сего проекта, однако, не последовало за недостатком городских сумм.

Вскоре, по открытии нового городского управления в Москве, Общая дума обратила внимание на этот предмет, причем задалась мыслью о постройке не одного только Дорогомиловского, но о замене и прочих деревянных

Бородинский (Дорогомиловский) мост
Фотография. 1910

через реку Москву мостов, Краснохолмского и Крымского, каменными, начав исполнение своего предположения с первого, что и выразила в приговоре своем, состоявшемся 2 декабря 1864 года[58].

Комиссия о постройке Бородинского моста, представляя Общей думе свои соображения о способе ведения этого дела, предположила испытать конкурс; предложение ее было принято, и составленные комиссиею, при содействии известных в Москве техников, условия конкурса были опубликованы. В ответ на это приглашение отозвались шесть конкурентов; но рассмотрение представленных ими проектов выразилось в следующем приговоре Общей думы: 1) результат конкурса, объявленного на представление проектов для постройки Бородинского моста, признать неудовлетворительным и премий ни за один из представленных проектов не выдавать, так как, по заключению техников, ни один из них не признан удовлетворяющим условиям, изложенным в публикации о конкурсе; 2)поручить комиссии: а) войти в соглашение с некоторыми, более известными, техниками относительно составления проекта Бородинского моста по каждой из трех наиболее употребительных систем, а именно ароч-

ной, решетчатой (балочной) и висячей (цепной) и б) проекты, кои будут ими составлены, представить на утверждение Общей думы[59].

Вследствие сего приговора, по сделанным комиссиею сношениям с известными техниками, принимавшими постоянное участие в ее занятиях, инженер-подполковник Кениг и инженер-капитан Рерберг представили два проекта моста по системам арочной и многораскосной; а между тем инженер-капитан Струве, известный многими значительными постройками в этом роде, предложил себя в качестве инженера и подрядчика для постройки Бородинского моста.

Обращаясь к выбору из этих двух проектов одного, для представления на утверждение Думы, комиссия не могла не принять мнения техников, что мост многораскосный и прочнее моста арочного и менее требует ремонта; а приняв во внимание, что многораскосный мост дешевле арочного на 33 тысячи руб., не считая тех расходов, которые при устройстве арочного моста будут необходимы для вознаграждения обывателей, при засыпке их нижних этажей, и что мост многораскосный будет стоить 256 тысяч руб., следовательно на 44.000 руб. дешевле предназначавшейся Думою на постройку моста суммы в 300.000 руб., комиссия, при видимых преимуществах многораскосного моста перед арочным, избрала проект первого для представления на утверждение Думы.

Затем, опираясь на те одобрительные отзывы, которые заслужил г. Струве по постройке моста через Оку на Московско-Рязанской железной дороге, и наконец, склоняясь к той мысли, что соединение в одном лице и притом в таком, как г. Струве, обязанностей подрядчика и строителя по постройке Бородинского моста, при согласии его на понижение цен, гораздо более обеспечивает успех дела, чем случайность торгов и разъединение работ, комиссия пришла к убеждению, что предложение г. Струве должно быть принято как единственный путь к достижению скорой и прочной постройки Бородинского моста.

По всем этим соображениям комиссия предложила Общей думе следующее:

1. Представленный гг. Кенигом и Рербергом проект многораскосного моста принять для постройки Бородинского моста, выдав составителю этого проекта назначенную Думою премию в 1.000 руб., по утверждении оного Министерством путей сообщения, и, сверх сего, за чертежи выдать 200 руб.

2. Постройку Бородинского моста произвести без торгов, вверив оную, как подрядчику и строителю, инженер-капитану Струве, под наблюдением техника со стороны Думы, и не выходя из суммы, исчисленной в означенном приговоре.

3. Предоставить комиссии о постройке Бородинского моста составить немедленно: 1) проект условия с г. Струве на поставку всех материалов и производство всех работ по постройке означенного моста, 2) расценочную ведомость всем материалам, по предварительном отобрании цен от других подрядчиков и 3) как проект условия, так и расценочную ведомость представить на рассмотрение Общей думы.

Предложение комиссии было Общею думою принято[60], условие с г. Струве заключено. Весною 1867 года приступлено к работам, а 17 марта 1868 года мост открыт для езды — годом ранее срока, назначенного по контракту. При этом следует заметить, что проект моста, представленный на утверждение Министерства, в техническом отношении был несколько изменен в видах большей прочности постройки, вследствие чего сметные исчисления увеличились и постройка обошлась дороже, а именно: Министерством путей сообщения было признано необходимым увеличить число железных балок, вследствие чего стоимость моста увеличилась на 9.000 руб.[61].

Общая дума, принимая в соображение, что окончание постройки Бородинского моста инженер-капитаном Струве на целый год ранее срока, назначенного по контракту, доставляя удобство публике, сопровождалось вместе с тем сбережением в городской казне суммы, которую было бы необходимо в 1868 году израсходовать на разборку и наведение деревянного моста и наем временного по-

мещения в Дорогомиловской слободе для пожарной команды; и имея в виду, что в 1867 году на разборку, сборку и ремонт деревянного моста Распорядительная дума отпустила в Правление IV округа 3.417 рублей 92 коп. и за наем временного помещения для пожарной команды во время разлива было уплачено в том же году 150 руб. (всего было израсходовано три тысячи пятьсот шестьдесят семь рублей девяносто две копейки), и что затем, в 1868 году, должна быть ассигнована на сей предмет сумма, не менее означенной, — Общая дума нашла справедливым выдать г. Струве означенную сумму, в дополнение к сумме, следующей ему за постройку Бородинского моста по контракту.

На постройку Бородинского моста израсходовано:

По контракту за постройку — 265.000 руб. — к.

По особому контракту за укрепление откосов — 4.564 руб. 50 к.

Премия за проект моста — 1.200 руб. — к.

Дополнительная выдача инженеру Струве — 3.567 руб. 92 к.

274.332 руб. 42 к.

2. *Исправление Хамовнических казарм*. До введения нового общественного управления казарменные здания находились в заведовании Казарменной комиссии, состоявшей при Управлении генерал-губернатора, а с 1864 года переданы в полное хозяйственное заведование города. Городское общество обратило на них особенное внимание, так как они находились в крайне неудовлетворительном состоянии. При таком положении дела Общая дума была вынуждена учредить особую комиссию для осмотра казарменных зданий и для составления соображений о капитальном их исправлении[62]. Комиссия, после осмотра зданий, представила Общей думе соображения, по коим, на капитальное исправление казарм была исчислена громадная сумма — более 628.000 руб. серебром, не считая в этой сумме работ, признанных необходимыми впоследствии, на 49.000 руб.; всего же на капитальное исправление казарм потребовало 677.720 рублей.

Московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков
Фотография. 1850-е гг.

Между тем в 1866 году получено было предложение г. генерал-губернатора 9 сентября, в котором значится, что военный министр, вследствие дошедших до Государя Императора сведений о крайне дурном состоянии казарменных помещений в Москве, по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, осматривал некоторые из этих помещений и нашел, что они действительно в самом запущенном состоянии и некоторые строения до того ветхи и полуразрушены, что грозят скоро обратиться в совершенные развалины. По всеподданнейшему о сем докладу, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: чтобы непременно приняты были решительные меры к капитальному исправлению казарменных помещений в Москве, для чего вменить в обязанность Городской думе ассигновать достаточные суммы, распределив работы на

известный период времени, начиная с будущего 1867 года. Общая дума, в исполнение сего Высочайшего повеления, внесла в смету 1867 года 226.000 руб. — сумму, исчисленную Казарменною комиссиею на перестройку Хамовнических казарм и Шефского при них дома[63], с которых и положила начать работы, как с самых обширных и требовавших самых безотлагательных мер исправления.

Для составления технических предположений о перестройке Хамовнических казарм, Общая дума составила особую комиссию из техников под председательством одного из своих гласных, академика Рихтера, принявшего на себя и главное наблюдение за ходом работ. Производство работ было успешно; три огромных корпуса Хамовнических казарм с кухнями и принадлежностями и Шефский дом, к осени 1867 года, т. е. с небольшим в три месяца, были капитально исправлены и отделаны заново, причем введены многие улучшения по отоплению, устройству полов, ретирадных мест[64] и проч., а в 1868 году окончена капитальная перестройка особого здания для военных арестантов, с двумя к оному пристройками, в которых устроено 32 карцера. Казармы, по окончании работ, были осмотрены высшим местным военным начальством, и состояние их признано вполне удовлетворительным.

Работы по перестройке Хамовнических казарм обошлись в 220.995 руб., а именно: а) Шефского дома — в 54.812 руб. и б) собственно казарменных помещений — в 166.183 руб. Производителями работ были гг. архитекторы Холин, Попов, Рохау и Дельсаль <...>

3. *Перестройка Титовских казарм.* Здания, составляющие бывшую фабрику купца Титова, куплены были в 1858 году для обращения в казармы; однако ж эти здания никакой перестройке не подвергались и оставались (кроме незначительной их части) необитаемыми. Наконец, в 1860 году здания эти были признаны совершенно ненужными городу и были назначены в продажу; однако торги на эту продажу не состоялись по неявке желающих приобрести сии здания, которые в 1864 году и были переданы военным генерал-губернатором, вместе с прочими казар-

мами, в ведение Думы. Здания эти поступили в заведование Думы, как можно было ожидать, в полуразрушенном виде, и только в 1866 и 1867 годах они не только не оказались лишними, но принесли положительную пользу, доставив городскому управлению возможность, без значительных затрат на приобретение или наем зданий, поместить в них два весьма важных учреждения, устройство коих притом не терпело ни малейшего отлагательства, а именно: временную городскую больницу и городской арестантский дом. Для приспособления к помещению сих учреждений, были сперва избраны наименее обветшавшие флигеля; а в настоящее время, кроме одной части главного корпуса, все здания отремонтированы и с пользою применены к делу.

Приспособление или, точнее сказать, отстройку этих зданий нельзя не отнести к числу значительных городских построек за прошедшие шесть лет, как по количеству произведенных в них работ, так, особенно, по употреблению, какое из них сделано, и притом на суммы относительно незначительные. На устройство и приспособление сих зданий для того и другого учреждения израсходовано Думою до 61.000 руб.; на сколько же увеличилась бы эта сумма, если бы Думе пришлось построить вновь больницу на 250 человек и арестантский дом! Нельзя, конечно, не заметить при этом, что строения, назначенные для фабрики, невозможно вполне приспособить ни для больницы, ни для арестантской так, чтобы они соответствовали своему новому назначению во всех подробностях. Тем не менее гг. гласные и посторонние посетители, осматривавшие оба эти помещения, находили их весьма удовлетворительными. В обоих случаях устройство помещений Общая дума предоставила распоряжению своих гласных и в то же время попечителей означенных учреждений, а именно: князя Д. М. Голицына, попечителя больницы[65], и Б. А. Нейдгардта, попечителя арестантского дома.

4 и 5. *Артезианский колодец и колодец на Ходынском поле.* Оба эти начатые сооружения предприняты почти в одно и то же время, для одной и той же цели — усилить снабжение Москвы хорошею водою.

Еще в конце прошлого столетия ощущаемый жителями Москвы недостаток в хорошей воде был причиною того, что императрица Екатерина II повелела генералу Бауру снабдить Москву водою, утвердивши затем представленный им проект на проведение воды из ключей близ села Большие Мытищи. По проекту Баура, предполагалось провести в город мытищинской воды в количестве около 330 тыс. ведер в сутки, так что, по тогдашнему населению Москвы в 250 тыс. жителей, приходилось бы по $1^1/_3$ ведра на человека. В 1779 году было приступлено к устройству каменного водопровода, который и был окончен в 1805 году. Все работы по проведению мытищинской воды стоили более 2 миллионов рублей ассигнациями, но, вместо предполагаемых генералом Бауром 330 тыс. ведер, Москва получала менее 200 тыс. ведер.

Причиною тому была недостаточно прочная постройка ключевых бассейнов в селе Большие Мытищи. Вследствие сего были предпринимаемы работы к обеспечению снабжения Москвы водою из мытищинских ключей, но и эти работы не принесли желаемой пользы; приток мытищинской воды постоянно уменьшался, и наконец зимою с 1847 на 1848 год к Алексеевским машинам[66] стало доходить ключевой воды менее 100 тыс. ведер. Такое оскудение воды побуждало приступить к совершенной перестройке старых ключевых бассейнов в селе Больших Мытищах и к замене кирпичного водопровода чугунно-трубным; но так как в то время предполагалось, что мытищинские ключи не могли дать воды более 330 тыс. ведер в сутки, то и предположено было, в видах увеличения водоснабжения города, установить в трех местах на реке Москве машины для ежедневного подъема еще 275 тыс. ведер речной воды и провести из Сокольничьего водопровода 40 тыс. ведер на Богоявленскую площадь. В 1850 году генерал Максимов приступил к означенным работам, и к 1853 году были поставлены два водоподъемных здания: одно — близ Бабьегородской плотины, другое — близ Красного холма[67]. Все работы по устройству москворецкого водоснабжения стоили до 259 тыс. руб. серебром; воды доставлялось из реки только 133 тыс. ведер.

Недостатки этого водопровода состояли в том, что вода подымалась из реки Москвы неочищенною и, по мутности своей в весеннее время, совершенно негодною для употребления. Каждый год оба водопровода весною оставались в бездействии, в продолжение целого месяца, оттого, что чрезвычайно мутная вода засоряла насосы водоподъемных паровых машин. Кроме того, вода в трубах Замоскворецкого водопровода почти ежегодно замерзала в феврале месяце, несмотря на то, что трубы были проложены на глубине одной сажени от поверхности земли.

Такие периодические остановки речных водоснабжений побудили приступить к капитальной перестройке Мытищинского водопровода. Вследствие сделанного бароном Дельвигом увеличения притока мытищинских ключей, воды стало доставляться в город до 500 тыс. ведер в сутки, что дало возможность заменить москворецкое водоснабжение мытищинским[68]. Все работы по перестройке стоили до 1 миллиона руб. серебром; но зато Москва имеет в настоящее время до 38 фонтанов и водоразборных колодцев, снабженных мытищинскою водою, и до 36 отдушин, приспособленных на пожарные случаи.

Таким образом, ныне существующее водоснабжение, устраивавшееся в продолжение почти 80 лет, стоило более 2 миллионов руб. сер. и доставляет в настоящее время только 1 $^{1}/_{3}$ ведра на человека, т. е. такое же количество, какое предполагалось 80 лет тому назад. Но с того времени развитие общественной жизни вызвало много новых потребностей, вследствие которых запрос на воду постоянно возрастает. Недостаток водоснабжения Москвы в настоящее время обнаруживается неоднократными со стороны жителей заявлениями Городской думе о проведении воды в разные части города; постоянными в последнее время отказами Управления водопроводов в проведении воды в обывательские дома; постоянным и значительным недостатком воды в бассейнах во время пожаров, тушение которых в местностях, удаленных от реки Москвы, встречало не раз серьезные затруднения; наконец, совершенным отсутствием воды для поливки улиц и очищения водосточных труб и канав, что в гигиеническом отношении для городской жизни необходимо.

При таких обстоятельствах, кои не могли не озабочивать нового городского управления, поступили в оное два предложения: а) горный инженер Бабин представил проект устройства в Москве артезианского колодца и б) бывший московский военный генерал-губернатор[69] препроводил в Городскую думу составленное Управлением московских водопроводов предположение об устройстве дополнительного водоснабжения из ключевого колодца, предполагаемого за Тверскою заставою.

1. Г. Бабин в пояснительной записке к проекту изложил следующие положения: 1) что артезианскую воду в Москве можно открыть на глубине от 250 сажен; 2) что артезианский колодец в Москве должен дать не менее 300 тыс. ведер, а, по всей вероятности, значительно более; 3) что вода артезианского колодца собственным своим напором поднимется до такой высоты, что для разведения ее по городу не потребуется никаких водоподъемных машин и 4) что, судя по всем данным, вода артезианского колодца в Москве должна быть хорошего качества. Естественно, что в рассмотрении сего предложения комиссия обратилась к мнению специалистов. Действительный член Императорской Академии наук Г. П. Гельмерсен, заслуженный профессор геологии Г. Е. Щуровский и преподаватель минералогии в Петровской академии И. Б. Ауербах признали заключение г. Бабина совершенно согласным с доселе известными научными исследованиями. На этом основании, Общею думою предложение г. Бабина было принято 17 ноября 1865 года, и на производство работ ассигновано 57.000 руб., из коих 20.000 — на первоначальное устройство и производство в 1866 году, а остальные 37.000 положено вносить в сметы по мере надобности[70].

По 1 марта 1869 года глубина буровой скважины доходила до 143 $^1/_2$ сажен. В январе сего года, приглашенный для освидетельствования происшедшего в буровой скважине поднятия воды, профессор Щуровский объяснил, что поднявшаяся в скважине вода должна быть признана за артезианскую и что успешное продолжение буровых работ не только желательнее, чем когда-нибудь, но и совер-

шенно необходимо, ибо все данные, полученные до сих пор бурением, совершенно убеждают в том, что проведением московской скважины могут быть достигнуты ожидаемые от нее результаты[71].

2. Предложением от 25 августа 1866 года г. военный генерал-губернатор уведомил Распорядительную думу, что Правление IV округа путей сообщения вошло к нему с представлением, в котором объяснило, что при исследованиях водяных ключей в окрестностях Москвы, между прочим открылась возможность в местности около скакового круга, между Пресненскою и Тверскою заставами[72], устроить резервуар воды и, через соединение оного с ближайшею ветвью Мытищинского водопровода, доставить в ближайшие городские фонтаны до 100 тыс. ведер в сутки воды лучшего качества. Посему г. военный генерал-губернатор предлагал немедленно это дело обсудить в Общей думе, а, независимо от сего, тогда же отпустить в Правление 1.500 руб. из суммы, назначенной по росписи 1866 года на содержание городских водопроводов, для рытья в местности, где предполагается устроить резервуар, пробные колодцы и бурение. По передаче сего вопроса в комиссию, городской голова обратил внимание, как начальника IV округа путей сообщения, так и комиссии на следующие обстоятельства.

В 1862 году в Управлении московского военного генерал-губернатора возникло предположение о проведении мытищинской воды на Введенскую площадь[73], в Лефортово, и следующая на эту работу сумма, а также исчисленная на устройство фонтана близ Комиссариата внесены были в городскую роспись 1864 года. По неизрасходованию этой суммы в 1864 году, она внесена в бюджет 1865 года, и, наконец, на производство означенной работы в 1866 году назначены в Правлении торги.

Основанием для ассигновки суммы на эту работу было желание снабдить мытищинскою водою те местности Москвы, кои до сего времени лишены ее. Но количество воды, доставляемой мытищинскими ключами, так мало, в сравнении с степенью потребности в оной населения

Водоразборный фонтан на Сухаревской площади
Художник А. М. Васнецов. 1925

столицы, что, вероятно, ее едва достаточно для тех только местностей, куда она проведена; и посему городской голова предполагал, что для Введенского и Комиссариатского фонтанов[74] мытищинской воды может быть отделено лишь самое незначительное количество. При таком положении водоснабжения Москвы было бы последовательнее прежде всего озаботиться об усилении притока в Москву воды, годной для употребления, а потом уже думать о проведении ее в местности, до сих пор не имеющие мытищинских фонтанов. Распространение же Мытищинских водопроводов в настоящее время по безводным местностям города, не доставляя оным воды в достаточном количестве, повело бы вместе с тем к оскудению фонтанов в самых густонаселенных частях столицы, — обстоятельство, требующее особенного внимания городского управления.

Правление IV округа обратило на эту существенную городскую потребность должное внимание, и результатом его исследований было вышеозначенное предположение устроить колодец за Тверскою заставою, польза коего, по признанию самого Правления, между прочим, состоит именно в том, что имеющее произойти, вследствие устройства сего нового водопровода, сбережение мытищинской воды можно будет обратить на устройство фонтанов: двух — в Лефортовской части и двух — в Замоскворечье. Отсюда проистекал вопрос: не следует ли отложить работы по устройству фонтанов в Лефортове и у Комиссариата до окончания работ по устройству нового водопровода. За положительное разрешение сего вопроса, кроме вышеизложенного общего основания, еще указано на следующее соображение.

Городская дума в 1868 г. приобрела в свое ведение так называемый «святой колодец» в Лефортовской части, близ Екатерининской богадельни. Этот колодец принадлежал Московскому приказу общественного призрения и находился в арендном содержании у частного лица, которое пользовалось доходом с местных жителей за пользование водою из этого колодца. В 1865 году недостаток воды в Лефортовской части побудил Городскую думу взять «святой колодец» в свое арендное содержание, с платою 80 руб. в год, и оставить его в бесплатном пользовании местных жителей (приговор Общей думы 8 декабря 1864 года)[75]. Количество воды, доставляемое этим колодцем, простирается до 6.000 ведер в сутки. На содержание колодца Дума заключила с Приказом общественного призрения контракт, в числе условий которого, согласно приговору Общей думы, было выговорено право города приобрести колодец, в течение срока действия контракта, в собственность, покупкою за сумму 20-летней оброчной платы, т. е. за 1.600 руб., каковое приобретение и состоялось в 1868 году.

Этим колодцем насущная потребность жителей Преображенского[76] и частью Лефортова удовлетворена, и потому некоторое промедление в устройстве Введенского фонтана не составило бы особенного неудобства, тем более, что количество воды в «святом колодце», по расчистке

оного, вероятно, могло бы увеличиться. Что же касается до фонтана Комиссариатского, то выбор этой местности и вообще, кажется, не может быть признан совершенно удачным, и было бы, может быть, не бесполезно войти по сему предмету Управлению водопроводами в некоторые соображения.

Кроме того, Правление IV округа уведомило Городскую думу о результатах своих изысканий о ключах у Андреевской богадельни, заслуживающих, судя, по крайней мере, по краткому о них уведомлению Правления, полного внимания городского управления: сбережение в расходах будущего года могло бы с пользою быть употреблено на работы в этой местности, а также и на расчистку «святого колодца». На предложение это выражено было согласие как Общею думою[77], так и Управлением водопроводами, которое, отклонив проведение воды из Андреевских ключей, как для города менее выгодное, полагало приступить к изысканиям на Ходынском поле.

В октябре 1867 года Правление IV округа путей сообщения уведомило Распорядительную думу, что изыскание и рытье колодцев для устройства предположенного дополнительного водоснабжения столицы из ключей Ходынского поля в настоящее время окончены и полученные данные показали, что в ближайшей к городу части Ходынского поля находится вода отличного качества и в достаточном количестве; но для определения действительного количества воды, какое можно получить, представляется необходимость дополнить произведенные изыскания постройкою колодца в размерах предполагаемого резервуара, без чего невозможно приступить к составлению проекта. Сумма, потребная на устройство дополнительного водоснабжения из ключей Ходынского поля, исчислена Правлением в 66.500 руб.

Ассигновав требуемые суммы на устройство ряжевого колодца и, впоследствии, на углубление оного, Общая дума, прежде назначения сумм на устройство самого водопровода и водоподъемного здания с его принадлежностями, нашла необходимым просить Правление IV округа произвести, по возможности, точные измерения количе-

Московский генерал-губернатор П. А. Тучков
Литография из собрания С. П. Виноградова. Вторая половина XIX в.

ства воды, могущей быть проведенною в городские водопроводы. По произведенному 9 октября 1868 года, в присутствии лиц, назначенных от Городской думы и Правления IV округа, измерению, оказалось, что Ходынский колодец доставляет воды от 270.000 до 300.000 ведер в сутки, или 1 $^1/_4$ кубических футов в секунду.

Таким образом, предположение Управления московскими водопроводами дало самые счастливые результаты, и теперь можно быть уверенным, что суммы, ассигнуемые на этот предмет, будут расходом вполне производительным[78].

6. *Городская бойня.* Бывший московский военный генерал-губернатор Тучков, озабочиваясь крайне неудовлетворительным состоянием московских боень, сделал еще в 1859 году распоряжение о собрании обстоятельных сведений о числе и месте нахождения этих заведений, вре-

мени постройки и самом устройстве их; о том, кому они принадлежат и кем производится на них убой скота — одними ли только владельцами их, или и другими лицами.

Из собранных в 1860 году по сему предмету сведений оказалось: 1) что боень 21 и что этого числа их вполне достаточно; 2) что все они содержатся крайне неудовлетворительно и грязно, ям для зарытия нечистот не имеется, и все нечистоты остаются при бойнях, или стекают по рвам в Москву-реку; 3) что при всех бойнях, за исключением одной, находятся значительные салотопни, распространяющие в окрестностях столицы зловоние, и 4) что бойни принадлежат большею частью барышникам, скупающим скот большими партиями и убивающим его для себя и для прасолов, которые, или, производя торговлю под именами содержателей боень, продают битый скот на вес мясникам-лавочникам, или отправляют его в Петербург; вследствие чего большая часть мясников, не имеющих ни средств покупать скот большими партиями прямо от прасолов, ни боень, на которых могли бы убивать купленный ими скот для себя, должны покупать его не живьем, а битый, что падает бременем не столько на мясников-лавочников, сколько на потребителей, с которых мясник-лавочник взимает переданное им барышнику.

Г. военный генерал-губернатор препроводил это дело 21 июня 1863 года к г. городскому голове, для обсуждения в Общей думе, которая 26 июля 1863 года определила составить по сему предмету временную комиссию[79].

По двукратном осмотре боень, комиссия нашла, что безобразное, не допускаемое никаким благоустроенным обществом, состояние наших боень и находящихся при них салотопень заставляет комиссию вполне разделять мнение, как членов Московского мануфактурного совета[80], так и бывшего московского военного генерал-губернатора, что причина такого состояния боень, как бы ни было велико небрежение хозяев, главным образом зависит все-таки от положительно дурного и несоответствующего цели устройства этих заведений, при котором никакие правила и никакой надзор не окажут никакой существен-

ной пользы; что перестройка их, согласно всем необходимым условиям гигиены, чистоты и опрятности, потребовала бы от хозяев больших издержек, которые, кроме того, что могут возвысить цены на мясо, для некоторых из них положительно даже невозможны по недостаточности капитала и по нахождению боень на чужих, арендуемых землях; и что по всему этому приведение сих заведений в надлежащий порядок возможно только при участии городского общества и некоторых, со стороны города, пожертвований.

Засим, комиссия пришла к заключению, что единственное действительное и существенно полезное участие городского общества в этом деле возможно только устройством надлежащих боень, с салотопнями и прочими принадлежностями, от города, которое, сверх всего, предотвратило бы еще и возвышение цен на мясо, порождаемое, между прочим, и тем, что большая часть мясников, не имея ни средств покупать скот большими партиями прямо от прасолов, ни боень, на которых могли бы убивать его для себя, вынуждены покупать его не живьем, а битый.

Общая дума, рассмотрев доклад особой комиссии, положила: 1) выстроить на счет города на первый раз одну бойню на 30.000 голов крупного рогатого скота, с салотопнею и со всеми принадлежностями, предоставив дальнейшее развитие этой меры будущему усмотрению Думы и не оставляя за оною исключительного права на устройство боень; 2) как наблюдение за постройкою, так и заведование бойнею, по окончании постройки оной, возложить на особую комиссию из гг. гласных Общей думы, с участием в сем деле специалистов; на эту же комиссию возложить рассмотрение и выбор проектов и планов устройства бойни, с тем чтобы заключение ее по сему предмету было представлено на утверждение Общей думы. Этой же комиссии предоставить и выбор места для устройства бойни, без различия, будет ли это место принадлежать городу или частному лицу[81]. Вследствие сего Общею думою была учреждена под председательством покойного гласного Ф. Ф. Рихтера особая временная комиссия о постройке бойни, которая, воспользовавшись всеми, находящимися

в печати, известными комиссии сочинениями и чертежами об устройстве общественных боень в главных городах Европы, составила проект устройства бойни в Москве и представила оный при докладе от 13 декабря 1866 года.

Общая дума, рассмотрев означенный доклад комиссии, прежде всего обсудила вопрос о местности для постройки бойни и, согласно с приложенными к докладу комиссии соображениями, приговорами, состоявшимися 7 февраля и 23 августа 1867 года, определила приобрести для той постройки оба указанные комиссиею участка земли за Серпуховскою заставою, а именно: принадлежащий купцам Канатчиковым за, объявленную владельцами, цену 24.000 руб., а также исходатайствовать Высочайшее разрешение на приобретение для той же постройки в собственность города земли удельных крестьян села Даниловки, вследствие того, что крестьяне уклонились от уступки этой земли в пользу города по вольной цене; другого же, столь же удобного, участка в виду Думы не имелось[82].

Затем, в январе 1869 года, когда участок земли удельных крестьян можно было признать уже приобретенным, так как разрешение на отчуждение его в пользу города последовало и оценочная комиссия производство оценки уже окончила, Общая дума рассмотрела проект, составленный Рихтером и, одобрив оный, ассигновала на постройку бойни для крупного рогатого скота 115.633 рубля 65 копеек, на помещение и бойню для свиней — 4.616 рублей, поручив исполнение проекта особому технику А. П. Попову, с назначением ему, по взаимному соглашению, вознаграждения 3.000 руб. за все время постройки и, кроме того, 2.000 руб. на наем помощника и десятника. Ведение же всего дела постройки возложила на ту же комиссию, с теми же правами и обязанностями, какие имела комиссия о постройке Бородинского моста. Можно с уверенностью предположить, что в 1869 году будут начаты работы, а к концу второго года постройка городской бойни будет приведена к окончанию[83] <...>

К числу работ новых, но не столь значительных по сумме, как вышеисчисленные, относятся:

1). *Возобновление древних ворот с теремом при Крутицких казармах.* Казарменная комиссия, в докладе своем от 4 августа 1866 года, заявила Общей думе, что при Крутицких казармах, в двухэтажном каменном корпусе (в прежнем архиерейском доме) находится упраздненная церковь Воскресения Христова, возобновление которой как древнего исторического памятника, вместе с теремом и воротами, замечательными по своей оригинальной и изящной архитектуре, не должно быть откладываемо на долгий срок, потому что иначе, от увеличивающегося с каждым годом падения и разрушения узорочных изразцов и вообще всех рельефных орнаментов, коими выкладена лицевая сторона ворот, могут исчезнуть следы наружных украшений этого оригинального и изящного сооружения XVII века, что поведет со временем к еще большим издержкам. Поэтому комиссия полагала необходимым приступить с 1867 же года к возобновлению этого памятника древности, так же как и терема с выездными воротами. А так как работа такого рода требует особого внимания, то комиссия и просила Общую думу уполномочить ее на приглашение свободного от строительных занятий по Думе техника для составления проекта, полагая при сем, что расход на таковое возобновление мог бы быть покрыт из пожертвованной в 1859 году почетным гражданином Герасимом Ивановичем Хлудовым суммы 10 тыс. рублей, на устройство церквей в казармах, на что испросить от жертвователя согласие.

По получении желаемого разрешения от г. Хлудова, комиссия, пригласив г. архитектора Чичагова, поручила ему составить проект на возобновление Крутицких ворот с теремом, отложив пока составление проекта на реставрацию церкви Воскресения Христова до более удобного времени, т. е. до окончания уже предположенной работы, когда определится остаток пожертвованной суммы; тем более, что не собраны еще некоторые исторические данные о бывшем внутреннем убранстве храма и не встречается в настоящую минуту безотлагательной местной потребности в возобновлении оного, сравнительно с воротами и теремом, приходящими в совершенное разрушение. Это предположение также не встретило препятствий со стороны г. Хлудова.

Г. И. Хлудов
Фотография. Начало 1860-х гг.

Общая дума изъявила согласие на означенное представление комиссии и положила произвести все работы, большею частью художественные, хозяйственным образом, под надзором архитектора Чичагова, с наблюдением за оными Распорядительной думы совокупно с одним из членов комиссии, по ее выбору[84]. Работы сии окончены в 1868 году и обошлись в 8.924 руб. 3 $^3/_4$ к.

2). *Устройство постоянного моста через Обводный канал.* Домовладельцы и обыватели Пятницкой части, в июне месяце 1865 года, подали в Распорядительную думу, за подписью 75 лиц, прошение, в котором объяснили, что на Обводном канале, между Чугунным и Малым Краснохолмским мостами, нет другого сообщения, кроме лодочного перевоза, и что такое огромное расстояние между означенными двумя мостами представляет много неудобства для местных жителей. Для избежания сих неудобств, означенные лица просили Городскую думу устроить через Обводный канал, между Чугунным и Малым Краснохолмским мостами, постоянный мост[85]. Ходатайство это Об-

щею думою удовлетворено, и в 1866 году мост устроен, на сумму 2.550 руб., архитектором Петровым.

В заключение сего обзора следует упомянуть, что в Комиссии о пользах и нуждах общественных находится вопрос: что следует построить на том месте, подаренном городу Москве владельцем села Филей Эм. Дм. Нарышкиным, где стояла знаменитая Кутузовская изба. Разрешение сего вопроса будет зависеть от Общей думы в новом ее составе[86].

Замощение вновь улиц и переулков. По 287 ст. т. XII Свода законов (Устава строительного), планирование и замощение в первый раз местностей незамощенных составляет обязанность Городской думы. Затем уже, содержание мостовой в исправности составляет натуральную повинность домовладельцев, к домам коих мостовая прилегает. До 1860 года на эту статью городского благоустройства, по недостатку сумм, было обращаемо мало внимания; только при бывшем военном генерал-губернаторе П.А. Тучкове увеличилось назначение сумм на новые мостовые; так, в 1862 году в генерал-губернаторском Управлении были составлены предположения о замощении нескольких больших улиц, на что и заключены контракты в 1863 году еще Шестигласною думою.

Новое общественное управление, имея в виду, что в Москве многие улицы и переулки не замощены в довольно населенных, проезжих и даже центральных местностях, о замощении коих давно уже ходатайствуют местные жители, признало замощение их одною из настоятельнейших городских потребностей, и не только привело в исполнение все прежде предположенные работы, но усилило в этом отношении свою деятельность и ежегодно назначало на этот предмет значительные суммы, а именно: с 1863 по 1868 год включительно исполнено или заподряжено работ по замощению вновь 50.294 сажени, на сумму 253.902 руб. 10 к.

Работы на замощение сдавались по общему порядку с торгов; цены на материал в последние 4 года возвысились, вследствие затруднения достать доброкачественный камень, который доставлялся из-за Сергиевского посада по железной дороге <...>

Никольская улица
Фотография. Вторая половина XIX в.

На ремонт городских мостовых (площадь их превышает 200.000 кв. сажен), до открытия общественного управления, назначалось по городским росписям 10.000 руб. в год; но как по действительной надобности расходовалось до 20.000 руб. и более, то ассигновку на этот предмет Городская дума увеличила до двадцати пяти тысяч. Размер действительного ежегодного расхода зависит от цен на материал и работу, определяющихся на торгах. Работы по ремонту мостовых отдавались с торгов и производились под непосредственным наблюдением одного, а в 1868 году двух членов Распорядительной думы. В эту статью входят городские шоссе и плацпарадные площади. Общий вопрос об улучшении этой отрасли городского благоустройства и хозяйства находится на рассмотрении особой комиссии[87].

Содержание городских бульваров. В прежнее время содержание бульваров производилось по контрактам, которые заключались на продолжительные сроки с подрядчиками. Крайне неудовлетворительное состояние бульваров

вызвало в 1860 г. со стороны бывшего военного генерал-губернатора распоряжение о приведении их в должный порядок: бульвары были поручены особому хозяйственному наблюдению одного из чиновников генерал-губернатора, и в них в скором времени были сделаны различные улучшения, как например, обильная подсадка деревьев и кустов и устройство питомников.

С переходом бульваров в заведование Думы, в первые два года содержание их производилось хозяйственным образом, а затем с 1865 года (с июля) оно отдается подрядчику по контракту. В последнее время Общею думою разрешено отдавать желающим места на бульварах для торговли минеральными прохладительными игристыми водами <...>

Уличное освещение Москвы

Еще с 1849 года многие частные лица, отдельно и в компаниях, обращались к городскому начальству с более или менее определительными проектами улучшенного освещения столицы[88]. Но все эти предприятия оставались без всяких последствий или потому, что само городское начальство (военный генерал-губернатор) признавало их невыгодными для городской казны, как требовавшие от нее слишком больших расходов, или потому, что задуманные предприятия распадались сами собою.

В 1861 году особое внимание главного начальника столицы обратило на себя предложение гессен-дармштадтского поданного, майнцкого купца Дитериха, вместе с петербургскими купцами Сименсом и Гальске. Московский военный генерал-губернатор признал нужным составить для рассмотрения предложения г. Дитериха особую комиссию, под председательством обер-полицмейстера, из двух чиновников генерал-губернаторского Управления, губернского предводителя дворянства, члена от купечества, инженера и профессора химии. Комиссия, соглашаясь с главными основаниями представленного г. Дитерихом проекта контракта его с Городскою думою, встретила, однако, в нем невыгодные для города условия и потому сделала в этом проекте, с согласия предпринимателя, некоторые изменения.

Существенные условия этого проекта состояли в следующем:

1. Г. Дитерих и К° получает исключительное право в течение 60 лет освещать текучим газом семь центральных частей столицы: Городскую, Тверскую, Мясницкую, Пречистенскую, Арбатскую, Сретенскую и Яузскую.

2. Устройство завода (для которого Дума отводит 4.000 кв. сажен земли) и всего уличного освещения компания принимает на свой счет. Протяжение подземных газопроводных труб составляет 100 верст; количество фонарей не должно превышать 3.500.

3. Устройство уличного освещения должно совершиться в течение 10 лет.

4. За каждый уличный рожок лучшего качества газа, равный по силе света осьми четвериковым свечам белого воска и горящий 2.000 часов в год, город платит 35 руб. Эта плата должна быть понижаема, соразмерно расширению потребления газа частными лицами, до 15%, если частное потребление достигнет до 100 мил. кубических футов, а равно и вследствие удешевления каменного угля и его доставки.

5. Предприниматели пользуются правом беспошлинного ввоза из-за границы газовых снарядов в течение 20 лет.

6. Обеспечением в исправности действий компании служит сначала денежный залог в 30.000 рублей, а по окончании газового устройства на протяжении 20 верст, обеспечением остается газовый завод.

7. По окончании 60-летнего срока, все газовое устройство безвозмездно поступает в собственность города.

Относительно определения высшей цены за газ, продаваемый частным лицам, никаких условий не постановлено.

Военный генерал-губернатор, однако, нашел необходимым, в видах большего обеспечения городского интереса, изменить весьма многие статьи сего проекта, между прочим, уменьшить срок привилегии и определить maximum цены за газ, продаваемый частным лицам, предлагая установить таковой в 5 рублей. На уменьшение срока привилегии предприниматель не согласился, а высшая

предельная цена для частных лиц установлена 7 руб., при потреблении оного частными лицами от 51 до 75 миллионов кубических футов в год, и 6 руб., при достижении потребления свыше 100 мил. куб. фут.; кроме того, введено условие о наложении запрещения на завод и определены штрафы за неисправности в освещении.

Измененный таким образом проект договора был сообщен г. министру внутренних дел, который в октябре 1862 г. уведомил г. военного генерал-губернатора, что по огромности издержек, требующихся на осуществление освещения Москвы газом, а также и потому, что город должен войти в обязательство по сему предмету на слишком продолжительный срок, он полагает необходимым дело это предварительно рассмотреть в имеющей открыться в Москве Общей думе. Вследствие сего, означенное дело в мае 1863 года поступило на рассмотрение Думы.

План улучшения, для осуществления которого составилась, по расчету Управления г. генерал-губернатора, цифра 70.000 руб. дополнительного расхода к 100.000 руб. обыкновенного расхода на уличное освещение, должен был состоять, по мнению генерал-губернаторского Управления, в следующем: из существовавших в то время в Москве 6.187 фонарей (2.100 спиртовых и 4.087 масляных), все спиртовые заменить газовыми, а все масляные — спиртовыми. Улучшение, следовательно, состояло бы в увеличении силы света каждого фонаря; общее же число их оставалось бы прежнее.

Вместе с предложением г. Дитериха, на рассмотрение Общей думы поступили от г. генерал-губернатора три другие предложения.

Учрежденная под председательством гласного князя Л. Н. Гагарина для этого дела особая комиссия, поставив своею задачею разработать всю статью об уличном освещении Москвы, представила Думе свои предположения, сущность коих заключалась в том: 1) чтобы существовавшее в то время число уличных фонарей оставалось прежнее (всех фонарей было 6.581; из них 4.368 освещались конопляным маслом, 2.185 минеральным маслом и 28 спирто-скипидарною жидкостью; освещение этого чис-

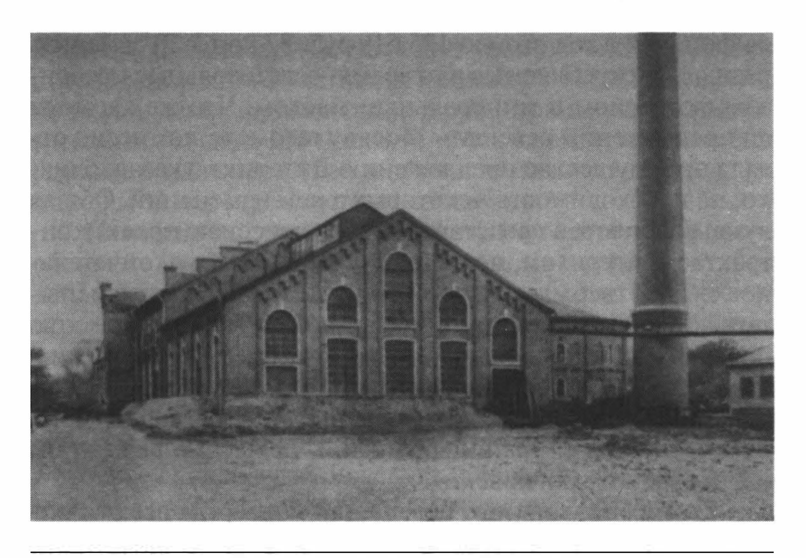
ла фонарей в год стоило 125.619 руб. 33 коп.); 2) заменить разные, употребляемые в то время, осветительные материалы фотогеном и минеральным маслом. Что же касается до предложений освещать Москву газом, то комиссия отдала преимущество предложению Дитериха, указав, однако, на необходимость некоторых в нем изменений. Общая дума, рассмотрев представленный комиссиею проект контракта с Дитерихом, не решилась произнести окончательное слово утверждения или отрицания и предпочла испытать вызов конкуренции, напечатав этот вызов, с краткою программою своих условий, в газетах, не только русских, обеих столиц, но и заграничных. Последствием этой публикации было десять предложений, полученных Думою, из коих 8 — из-за границы (Англии, Бельгии и Германии) и 2 — русских, московских.

Комиссия уличного освещения подвергла все эти поступившие предложения самому тщательному рассмотрению, обращаясь к содействию некоторых, известных в Москве, техников и входя в личные сношения с предпринимателями об изменении условий. Результат трудов комиссии выразился в составленном ею проекте нормального контракта и в следующем предложении Общей думе:

1). Все площади, улицы и переулки разделить по степени освещения на четыре разряда, согласно представленному плану и приложенному при нем списку улиц, размещая фонари всегда по обеим сторонам улицы так, чтобы в первом разряде находился один фонарь через каждые 10 сажен, во втором — через 15, в третьем — через 20 и в четвертом — через каждые 25 сажен.

2). Согласно представленному плану, увеличить количество фонарей до 9.370. Увеличение количества фонарей и их размещение по улицам производить сообразно с средствами города; по предположению комиссии, по 1-му разряду исчислено фонарей 2651, по 2-му — 1245, по 3-му — 1526 и по 4-му — 3612, кроме того, в Кремле — 145 и на дворах полицейских и казенных зданий — 191.

3). Освещение города конопляным маслом заменить более полезным по своим осветительным свойствам мате-

Московский газовый завод

риалом, а именно, в настоящее время, минеральным маслом.

Приведение в исполнение означенных положений предоставить Распорядительной думе, как скоро она найдет это удобным и возможным, сообразуясь с средствами городской казны. Приступить к освещению улиц текучим газом, как наиболее выгоднейшее, и первоначально в местностях, принадлежащих к первому разряду, с неотлагаемым распространением означенного способа на всем пространстве, ограниченном Садовыми и Земляным валом, а впоследствии, согласно желанию и сообразно с средствами города, распространять оное, по возможности, и за означенными пределами.

Приступить к заключению контракта, представив его предварительно на рассмотрение высшего правительства, с компаниею гг. Никольсона, Бовиля, Дурасова, Сараченкова и К°, так как они изъявили полное согласие на принятие условий нормального контракта, составленного комиссиею. Затем, предложения остальных предпринимате-

лей, как существенно-различествующие с требованиями комиссии, считать неудовлетворительными.

Существенные условия предложения компании Никольсона состояли в следующем: 1) исключительное право на освещение Москвы текучим газом продолжается 30 лет; 2) обязанность предпринимателей осветить газовыми фонарями все улицы и переулки в местности Москвы, окруженной Садовою улицею, и кроме того некоторые другие, продолжающиеся до городской черты; 3) устройство газового завода и канализации и всех принадлежностей уличного освещения отнесено на счет предпринимателей; 4) высшая цена за 1.000 кубических футов газа для частных потребителей определена в 5 руб.; 5) сила света каждого уличного рожка определена в 12 восковых свечей чистого белого воска по 4 на фунт, при сгорании в час 5 кубических футов газа; число часов горения фонарей в год — 2000; цена за освещение каждого рожка объявлена Никольсоном 25 руб., а в случае облегчения некоторых условий — 23 рубля; 6) право города выкупить завод, по окончании привилегии; 7) залогом исправного исполнения контракта предприниматели представляют 400.000 руб., а, по устройстве завода, обеспечение составляют завод и все газоустройство.

Общая дума посвятила на обсуждение сего доклада комиссии пять заседаний в течение июня и июля месяцев; вполне одобрив предположение комиссии относительно общего плана освещения, осветительного материала, числа фонарей, а также и составленный ею нормальный контракт, с некоторыми лишь в нем несущественными изменениями, не согласилась, однако, принять предложение Никольсона и К° и предпочла еще раз прибегнуть к конкуренции — к торгам. Общая дума 4 июля 1864 года, между прочим, постановила: «Признавая заявленную комиссии г. Никольсоном цену на городской уличный фонарь высокою и приняв в соображение, что некоторые изменения статей контракта сделаны преимущественно в видах облегчения исполнения его для предпринимателей и что посему можно ожидать понижения цены на городской фонарь, Общая дума находит необходимым назначить по се-

му измененному проекту контракта торги, к коим вызвать и допустить исключительно тех только предпринимателей, кои заявили, согласно вызову Городской думы, свои предложения об освещении Москвы текучим газом к 1 декабря 1864 года. Исключительным предметом торга должна быть годовая плата за освещение городского уличного фонаря, на основании условий одобренного Общею думою проекта контракта, в коих никаких изменений и никаких новых со стороны предпринимателей предложений не допускается»[89].

Успешность торгов превзошла самые смелые ожидания. На торги явились три конкурента; торги были произведены посредством запечатанных объявлений; низшая цена на годовое освещение городского фонаря, 14 руб. 50 коп., осталась за иностранцами Букье и Гольдсмитом.

По получении Высочайшего утверждения, контракт был заключен 29 января 1865 года; завод и канализация были устроены с образцовою скоростью и согласною с условиями прочностью, и в 1866 году, целым годом ранее определенного контрактом срока, несколько московских улиц уже были освещены газом. При сем следует упомянуть, что с самого открытия газового освещения цена за газ, продаваемый частным лицам, определилась ниже 5 рублей — цены, поставленной в контракте высшим пределом, а в последствии времени еще понизилась весьма значительно. Этим явлением вполне оправдывается неоднократно высказанное в Общей думе предположение, что самый интерес предпринимателей состоит в том, чтобы, понизив цену за газ, усилить его потребление и выиграть на количестве сбыта.

В октябре 1866 года уполномоченные от контрагентов обратились в Городскую думу с ходатайством разрешить им приступить к прокладке газовых труб для распространения газового освещения по улицам и переулкам, не вошедшим в черту обязательного для них освещения. Разрешение Общею думою им дано на особых принятых ими условиях, в которых исчислены все улицы, выходящие за периметр обязательного освещения, в коих газовое освещение должно быть распространено.

В январе 1867 года контрагенты вошли в Распорядительную думу с прошением о дозволении им передать все свои права и обязанности по контракту английской компании на акциях под названием «Компания освещения Москвы газом», с зачислением за нею и представленного ими залога в 400.000 руб. Распорядительная дума, сообразив ходатайство это с точным смыслом контракта, положила означенную передачу допустить, на что последовало и согласие Общей думы в приговоре ее 15 февраля того года[90].

Для наблюдения за тем, чтобы устройство газового завода и канализации, а также и самое освещение были во всем сообразны с контрактными условиями, было признано необходимым пригласить особого техника, с вознаграждением по 2000 руб. в год. Наблюдение это было сначала поручено состоявшему при Московском отделении Мануфактурного совета инженер-технологу Дрожжину, который и получал за свои труды 2000 руб., а по смерти его в начале 1868 г., вместо одного техника, были приглашены два, из которых один наблюдает за заводом и за качеством вырабатываемого на нем газа, а обязанность второго заключается в ежедневном наблюдении за силою света в фонарях.

Что касается до постановленного Общею думою плана увеличения числа уличных фонарей в Москве, правильной их расстановки, на основании особого расписания улиц по разрядам, и замены конопляного масла и спирта фотогеном, то Распорядительная дума приступила к исполнению сего немедленно, именно с того же 1864 года <...>

Содержание учебных заведений

До открытия нового общественного управления, на счет города содержались только тринадцать начальных училищ для детей мужеского пола, на которые ежегодно отпускалось 7.768 руб. $56^{3}/_{4}$ коп. и, сверх того, в 1861 году, по предположению бывшего военного генерал-губернато-

ра Тучкова, была внесена в роспись 1.000 руб. в пособие воскресным школам, кои все, однако, в следующем же году были закрыты; тем самым и отпуск означенной суммы прекратился. Городское общество не могло не обратить внимания на такое скудное пособие тем именно заведениям, которые, по существу своему, имеют право на особенную щедрость города; согласно с этим взглядом, еще в 1863 году Общая дума, по ходатайству г. попечителя учебного округа, положила на 1864 год увеличить содержание городских начальных училищ до 11.000 руб.[91]

В последующем, 1864 году, Общая дума, также по ходатайству г. попечителя учебного округа, утвердила новый расход, 2.988 руб. 45 коп., на учреждение вновь трех начальных училищ, в дополнение к тринадцати существующим, и при этом обратила внимание на совершенное отсутствие училищ для начального образования детей женского пола, а также и на чрезвычайную недостаточность материальных средств двух женских гимназий[92].

Вскоре за тем, для обсуждения вопроса о начальных женских школах, Общая дума учредила из своих гласных особую комиссию; а между тем сочла долгом оказать немедленно пособие двум женским гимназиям, ассигновав в пособие на их содержание 4.000 руб. с тем, чтобы бедные девицы, принадлежащие к московскому городскому обществу, воспитывались в гимназиях бесплатно. Вместе с тем Дума, находя вполне справедливым и для достижения благоустройства сих заведений полезным участие представителей городского общества в наблюдении за воспитанием девиц в означенных заведениях, положила ходатайствовать о допущении трех гг. сословных старшин, по назначению Общей думы, в качестве непременных членов Попечительного о женских училищах совета и о приглашении четырех почетных дам московского городского общества к участию с Попечительным советом в наблюдении за ходом воспитания в гимназиях, вменив в обязанность всем этим выбранным лицам, под руководством городского головы, сообщать Общей думе, в годовых отчетах, о нуждах женских училищ, ходе и направлении обу-

чения девиц, особенно в нравственно-религиозном отношении, и о том, следует ли продолжать пособие от города или должно прекратить его, ежели женские гимназии достигнут прочного и самостоятельного положения[93]. По утверждении сего приговора Общей думы высшим правительством, он был приведен в исполнение; сумма в четыре тысячи рублей была внесена в роспись на 1864 год и своевременно отпущена, и гг. старшины сословий дворян потомственных, личных и купеческого вступили в права непременных членов Попечительного о женских училищах совета <...>

Между тем особая комиссия, о которой выше упомянуто, занималась разработкою дела об учреждении в Москве городских женских начальных училищ. Прежде всего комиссии предстояло решить вопрос, в чем именно должно заключаться содействие Думы делу первоначального женского воспитания и в какой форме это содействие могло бы быть наиболее полезно; и нашла, что оно может заключаться: 1) в денежном пособии школам, уже существующим, в доставлении им средств к более обеспеченному существованию (Дума могла бы, например, содержать на свой счет стипендиаток в этих школах или непосредственно подкреплять их средства отдачею городских сумм в подлежащие ведомства); 2) в учреждении особых, новых училищ от самой Думы.

Первый способ признан комиссиею неудобным во многих отношениях. Отдача городских сумм в чужое ведомство лишила бы Думу возможности контроля над их употреблением и прямого участия в деле, касающемся самых близких ей интересов; сверх того, этот способ нисколько не устраняет неудобств, естественно вытекающих из разнородности ведомств, коим подчинены теперешние школы. Потому комиссия пришла к убеждению, что гораздо полезнее открыть несколько новых школ, подведомственных самой Думе, которая, в управлении ими, подчинялась бы только законному контролю со стороны органов Министерства народного просвещения, т. е. училищных советов, во всем, что касается учебной части. В

этом случае Дума могла бы сама, через своих гласных, следить за успехами школ, за ходом преподавания в них, за правильным употреблением сумм, отпускаемых на их содержание; она могла бы положить в основание учреждаемых ею училищ одни и те же начала и таким образом достигнуть единства в цели, плане и размерах преподавания, в порядке управления и надзора. А единство в действиях, устремленных к достижению одной и той же, ясно сознанной цели, составляет главное условие и вернейший залог успеха каждого училища.

На этом основании и согласно с Высочайше утвержденным Положением о народных училищах, комиссия составила проект учреждения городских начальных женских училищ, определив открыть их пять в следующих местностях: 1) за Москвой-рекой, в Садовниках, 2) между Таганкой и Рогожской, 3) в Лефортовской части, близ Покровского моста, 4) в Мещанской или Сущевской частях, 5) в Пресненской части[94]. Главные черты сего устава состоят в следующем.

Городские народные женские училища учреждаются для распространения начального умственного, нравственного и религиозного образования между женским населением столицы.

Училища эти состоят в ведении Думы, под непосредственным, на общем основании, наблюдением попечителя Московского учебного округа и местных училищных советов.

Для содействия успешному развитию училищ и для ближайшего заведования оными, Общая дума избирает из числа гласных особый комитет, состоящий из пяти членов[95].

В городские женские начальные училища принимаются дети всех состояний, без различия вероисповедания, начиная с семилетнего возраста.

При поступлении в училище не требуется предъявления каких-либо документов; равным образом в училище не полагается никакой форменной одежды.

За обучение детей в училищах родители платят ежегодно три рубля серебром. Эту сумму им предоставляется

вносить или в один срок, или по третям, по одному рублю каждый раз.

Дети самых бедных родителей могут пользоваться обучением бесплатно, по усмотрению комитета.

Предметы преподавания в городских народных женских училищах следующие: а) Закон Божий (краткий катехизис и священная история), б) чтение по книгам гражданской и церковной печати, в) первые четыре действия арифметики и исчисление на счетах, г) письмо, д) рукоделья, наиболее нужные в простом домашнем быту.

Для преподавания Закона Божия приглашается священник. Священнику полагается ежегодное вознаграждение в 200 руб.

Преподавание всех прочих предметов и обучение рукодельям вверяется учительнице и ее помощнице, которые назначаются комитетом. Учительнице назначается ежегодное содержание в 350 руб., а помощнице — 250 руб. Сверх того, они пользуются помещением в доме училища.

Проект сей одобрен Общею думою 3 декабря 1865 года, согласие уездного училищного совета на приведение сего проекта в действие последовало в мае 1867 года, и затем, 22 октября того же года, училища открыты.

Потребная на содержание училищ, с наймом квартир и жалованьем преподавателям, сумма предположена по 1.900 руб. на каждое в год[96].

Чтобы доставить возможность получать воспитание тем глухонемым московского городского общества, кои платить за себя средств не имеют, и вместе с тем, чтобы поддержать единственное в Москве училище глухонемых, учрежденное частною инициативою г. Эдуарда Арнольда и содержимое на счет частных пожертвований, назначено в пособие сему училищу ежегодно по 1200 руб. на воспитание десяти глухонемых детей обоего пола, полагая по 120 руб. на каждого воспитанника или воспитанницу с тем, чтобы эти 10 вакансий были замещаемы детьми беднейших родителей городского общества, по два от каждого из пяти сословий, и чтоб первое место принадлежало круглым сиротам, затем полусиротам и потом уже про-

чим; надзор же за воспитанием этих пансионеров города был возложен на представителей городского общества. В таком виде пособие училищу продолжалось до 1868 года.

Между тем Арнольдовское училище не могло не обратить на себя внимания частных лиц и не вызвать в них желания упрочить его существование. Вследствие сего, еще в 1863 году, составился из числа лиц, оказывающих училищу пособие, комитет, поставивший себе задачу оставить г. Арнольду заведование только учебною частью, хозяйственные же заботы принявший на себя; но комитет убедился, что училище это как учреждение, поддерживаемое только усилиями основателя и вполне зависящее от непостоянных благотворительных пожертвований, нисколько не обеспечено в дальнейшем своем существовании. Вследствие сего составилось особое попечительное общество, под названием «Арнольдовского», устав коего, вместе с уставом училища, в главных основаниях принят Думою[97] и представлен в 1868 году г. министру внутренних дел. Устав этот в главных чертах следующий. Так как училище не имеет достаточных средств, то при нем учреждается, под покровительством Общей думы, попечительное общество, членами коего признаются все, делающие в пользу этого училища какое-либо пожертвование; жертвующим не менее 15 руб. в год предоставляется право голоса в общих собраниях общества, и из них выбираются распорядители комитета. Кроме хозяйственных занятий в общем смысле слова и изыскания средств к обеспечению существования училища, к обязанностям комитета отнесено избрание директора и преподавателей.

В 1865 году, по приговору Думы, ассигновано 1.500 руб. на уплату за 50 учеников из беднейших семейств городского общества в гимназиях, в ознаменование посещения в том году Москвы Государем Императором вместе с наследником престола. Этот последний расход предположено производить в продолжение 7 лет.

В том же году, желая почтить память великого русского деятеля Михаила Васильевича Ломоносова, по случаю столетнего юбилея его, Общая дума учредила при Московском университете пять Ломоносовских стипендий от го-

Арнольдо-Третьяковское училище для глухонемых

родского общества, в 300 руб. каждая, недостаточным студентам из семейств, принадлежащих к московскому городскому обществу.

В том же году, из уважения к заслугам городскому общественному делу покойного старшины сословия потомственных дворян Гончарова и в память особенного участия, которое принимал он в деле развития народного просвещения, учреждено в каждой из трех московских женских гимназий по одной стипендии его имени, в 70 руб. каждая, и стипендия в 200 руб. — в Арнольдовском училище.

По приговору Общей думы, в том же году, из процентов на оставшиеся от общественных денег, предназначенных на погребение бывшего московского военного генерал-губернатора П. А. Тучкова, в размере 8.607 руб. 63 коп., — 410 руб. ассигновано на содержание воспитанниц его имени в женских гимназиях и 125 руб. — на воспи-

танника в училище глухонемых; на сумму эту приобретены облигации Московского городского кредитного общества по нарицательной цене на сумму 10.700 руб.

В этом же году губернский секретарь Яков Козьмич Соболев, жительствующий в Тамбовской губернии, пожертвовал пять тысяч рублей для содержания из процентов с сего капитала одного пансионера в Московском коммерческом училище[98]. При этом выбор беднейшего мальчика на означенную стипендию жертвователь предоставил московскому городскому обществу, и в настоящее время стипендия эта замещена, по определению совещательного собрания гг. городского головы и сословных старшин.

В 1866 году Московская Общая дума, признавая музыкальное в Москве училище (Консерваторию) учреждением несомненно полезным и имеющим важное общественное значение, вследствие ходатайства дирекции Русского музыкального общества в Москве о назначении ежегодного пособия на содержание этого училища, определила отпускать ежегодно в пособие оному по 2.000 руб. с тем, чтобы в Консерватории обучались 10 лиц из принадлежащих к московскому городскому обществу. Назначение этих стипендий предоставлено городскому голове, по соглашению с сословными старшинами и по соображении с мнением директора училища о музыкальных способностях лиц, предназначающихся в стипендиаты[99].

В 1867 году, по случаю окончания четырехлетнего срока службы городского головы князя Щербатова и вновь состоявшегося избрания его в эту должность, желая навсегда сохранить в Москве воспоминание о его деятельности, принесшей городу существенную пользу, Общая дума открыла подписку между выборными всех городских сословий. По подписке собрано 13.100 руб. с тем, чтобы на этот капитал учредить навсегда одну студентскую стипендию при Московском университете, одну — в мещанском училище, устроить и содержать одну кровать в Андреевской богадельне и одну кровать — в городской больнице; причем право назначать кандидатов на стипендии предоставлено самому князю Щербатову[100]; предположение это утверждено правительством и с 1868 года приведено в действие.

Наконец, в 1868 году, в ознаменование радостного события разрешения от бремени великой княгини цесаревны Марии Фёдоровны сыном великим князем Николаем Александровичем, Общая дума испросила дозволение учредить на счет городской суммы центральное училище для первоначального обучения, на 100 мальчиков, из семейств московских граждан. Проект устава этого училища составляется[101].

Из всего вышеизложенного видно, что московское городское общество, в течение шестилетнего своего существования, не безучастно относилось к делу народного просвещения, ибо, вместо 10.714 руб. 50 к. — сумму, издержанную на народное образование в 1863 году, расход по этому предмету в 1868 составлял уже 35.933 руб. 45 к. Конечно, в общей массе городских расходов цифра эта не полновесна, составляя в ней лишь семидесятую часть; и Дума вполне сознавала необходимость увеличить эту издержку, особенно в отношении первоначального образования, и особенно женского, но, к сожалению, вполне завися от размера своих средств, она должна была ограничиваться только возможным; ибо, с одной стороны, городской бюджет обременен обязательными расходами, кои год от году увеличиваются в значительном и, для городской казны, отяготительном размере, а с другой, главнейший источник городского дохода — сбор с недвижимых имуществ — достиг уже такого размера, который нельзя не признать крайне высоким. Такие, независящие от общественного управления, обстоятельства не дают городу возможности отнестись с большею щедростью к делу народного образования — к такому делу, которое Городская дума относит к самым существеннейшим своим обязанностям и которое настоятельнейшим образом требует ее попечения и поддержки. Настоятельность же потребности в учебных заведениях для недостаточного населения, не имеющего возможности платить за воспитание детей весьма высокую плату не только в частные заведения, но даже, сравнительно гораздо меньшую плату, в заведения казенные, очевидна: достаточно указать на множество просьб, подаваемых о зачислении бедных детей в стипен-

Городское училище им. князя А.А.Щербатова в Барыковском переулке
Фотография. Конец XIX в.

диаты городского общества, на множество лиц, желающих обучать детей грамоте, счету и Закону Божию в начальных училищах и получающих отказ только по недостатку места в училищах.

Из отчета гг. попечителей городских женских начальных школ гг. гласные видели и степень потребности в этих учреждениях, и степень доверия, с каким отнеслось к ним население столицы. И вот на что следует Городской думе обратить свое особенное внимание — на увеличение числа школ для бедных детей женского пола в тех же размерах и с тою же программой, какие установлены Общею думою для пяти существующих училищ и оказываются вполне подходящими к потребностям местных жителей. Издержки на

сии училища так незначительны, что Городская дума, и при нынешних скудных своих средствах, может учредить несколько школ в разных частях столицы и таким образом стремиться к удовлетворению одной из существеннейших потребностей городского общества.

Размер пособия от города *Румянцевскому музею* основан на предложении бывшего военного генерал-губернатора Тучкова от 10 июля 1861 года, при самом учреждении в Москве означенного музея. Так как Румянцевский музей, по своему характеру и цели, составляет чисто народное общеобразовательное учреждение, то Городская дума продолжала отпускать означенную сумму в виде постоянного пособия. Получив впоследствии ходатайство директора музея об обращении 1.000 рублей, ассигнованных из городских сумм в 1861 году, на пособие воскресным школам, и, за закрытием школ, не израсходованных, — на приобретение для музея редкой библиотеки славянских рукописей и старопечатных книг Ундольского, Дума положила удовлетворить и это ходатайство; но вместе с тем просить директора сделать распоряжение, чтобы вход в музей был бесплатный в воскресные и праздничные дни и, сверх того, — по одному дню в неделю; а равно, чтобы музей, по возможности, не был закрываем для публики в летние месяцы, преимущественно в течение мая и июня[102].

Содержание благотворительных заведений

Содержание городской больницы (постоянной). Размер содержания больницы основан на Высочайше утвержденном 8 мая 1833 года для оной Положении. На основании сего Положения, городская больница состоит под главным попечительством генерал-губернатора; почетный попечитель больницы, вместе с главным доктором и смотрителем, составляет контору больницы, которая и управляет сим заведением. Таким образом, городская больница, существуя для местных городских обывателей и получая почти все свое содержание из городских сумм, оставалась исключенною из ведения общественного управления и не обязанною никакою перед оным отчетностью.

Общая дума еще в 1864 году обратила внимание на это учреждение и, имея в виду, что на основании примечания § 73 Положения о земских учреждениях, благотворительные учреждения, содержимые на счет городских сумм, состоят в заведовании городских обществ, положила просить г. военного генерал-губернатора исходатайствовать разрешение о передаче городской больницы тогда же в ведение городского общественного управления; а между тем учредила особую комиссию для начертания проекта преобразования городской больницы. Комиссия составила проект на основании самого подробного исследования этого учреждения и собранных ею данных и представила оный в Общую думу[103].

Существенные черты проекта устава городской больницы, представленного особою комиссиею и рассмотренного Общею думой в 1866 году, состоят в следующем.

Больница содержится на суммы городского общества и назначается для безвозмездного лечения московских городских обывателей.

Управление больницею возлагается на больничный совет, состоящий из пяти попечителей, по избранию Общей думы, и главного врача больницы; причем попечители, по взаимному согласию, разделяют между собою занятия по отраслям: хозяйственной, счетной, присмотру за порядком в заведении, но ответствуют каждый за все части управления.

Главное наблюдение по управлению больницею принадлежит Городской думе.

Главный врач есть распорядитель всею медицинскою фармацевтическою частью; назначается Думою.

Штатный врач есть полный распорядитель во вверенном ему отделении. Сверхштатные врачи суть помощники штатных, число их неограниченно. Штатные и сверхштатные врачи замещаются по конкурсу. Также по конкурсу замещаются и фармацевты. В судьи на конкурс приглашаются городским головою, по совещанию с старшинами и медицинским инспектором, главные врачи других больниц и профессора университета.

Из штатных врачей, под председательством главного врача, составляется больничный комитет, в котором участвуют, в случае надобности, сверхштатные врачи и фармацевты. В означенном комитете обсуждаются вопросы и меры по врачебной части, составляются медицинские отчеты, ревизуется аптека.

На обязанность Городской думы возлагается: избрание попечителей, рассмотрение смет больницы, требований на чрезвычайные расходы и годовых отчетов, ежегодные обозрения больницы посредством особых комиссий.

При городской больнице полагаются: а) *отделение для приходящих больных* с бесплатною раздачею лекарств (на первый раз — средним числом на 50 больных в день), б) *отделение для неизлечимых больных* на 100 человек обоего пола из московских городских обывателей, со включением в это число и 50 кроватей г. Горихвостова. Поступающие в это отделение должны быть признаны неизлечимыми в больничном комитете и в оное перемещаются с разрешения совета.

По проектированному Думою штату, число коек в городской больнице оставлено прежнее — 450; но годовое содержание койки вообще увеличено, вместо 115 руб., до 160 руб.; причем с точностью определены только оклады содержания служащих, суммы же на содержание больных будут назначаемы Городскою думой по составляемым ежегодно больницею сметам; оклады содержания служащим увеличены, против нынешних, вдвое и втрое. Попечителям жалованье не полагается[104].

Изложенные предположения городского общества о преобразовании городской больницы находятся в настоящее время на рассмотрении правительства. Между тем в конце минувшего года на рассмотрение Общей думы поступили заявления попечителя городской больницы о необходимости увеличить, по крайней мере, одну из самых главных статей больничного хозяйства — отопление и об увеличении числа бесплатных кроватей, перечислением в таковые, в дополнение к прежним, еще до 50-ти платных кроватей. По поводу первого заявления г. попечитель, между прочим, отозвался, что, при всех сокращениях в

Первая городская больница на Калужской улице

расходах, при точной и расчетливой экономии, содержать больницу на одни штатные суммы представляется невозможным, без обременения больницы долгами. А относительно второго его заявления, еще до поступления оного на рассмотрение Общей думы, последовало разрешение г. генерал-губернатора, который предложил Думе передержку от увеличения числа бесплатных кроватей принять на городские суммы.

Для того чтобы вывести наконец городскую больницу из ее критического положения, не прибегая к сокращению в ней существующего числа мест, и не довести ее до необходимости закрыть целое отделение, Общая дума, по предложению учрежденной ею Комиссии общественного здравия[105], признала необходимым оказать помощь больнице до ее перехода в ведение города, не увеличением отпуска по одной статье ее расходов и не принятием на городские средства могущей быть передержки по случаю увеличения числа бесплатных коек, а общим увеличением ее средств, по тому размеру, который был признан удовлетворительным, по проекту устава больницы, т. е. возвышением стоимости кровати с 115 руб. до 160 руб.

Вследствие сего, приговором Общей думы 20 декабря 1869 года положено: на содержание больницы, вместо прежнего размера (51.844 руб.), отпускать с 1 января 1869 года 72.000 руб., с тем, чтобы были приняты, между прочим, следующие правила, из числа проектированных в уставе: бесплатное лечение в больнице больных московского городского общества и представление конторою больницы в Общую думу сметы больничных расходов в 1869 году и копии с годового отчета. При этом правила приема в палаты Акинфова и правила содержания дома Горихвостова были оставлены не измененными[106]. Кроме того, Общая дума определила ремонт зданий больницы в текущем году ограничить самонужнейшими исправлениями, не приступая к капитальным переделкам, а также возобновить ходатайство о скорейшем утверждении представленных в 1867 году проектов устава и штатов больницы.

Городская временная больница. В 1866 году, приговором 26 февраля, по поводу развивавшейся в то время в Москве тифозной болезни, Общая дума положила: открыть временную больницу на 250 коек в здании Титовских казарм. По приспособлении сего здания для приема больных, больница была открыта 22 марта того же года. Главное попечительство над этою больницею было вверено Общею думою городскому голове, а управление — попечителю, г. старшине сословия потомственных дворян кн. Д. М. Голицыну.

Все строительные работы по приспособлению здания для больницы, по поручению Общей думы, были произведены под наблюдением г. попечителя; все внутреннее устройство ее произведено также по его распоряжениям и под его непосредственным надзором. 21 июля Общая дума постановила продолжить существование больницы на осень и зиму того года. На исправление и приспособление зданий для больницы израсходовано было, как видно из отчета г. попечителя, 18.811 руб. 27 к.; на первоначальное обзаведение необходимым хозяйством, как-то: бельем, обувью, постелями, мебелью и инструментами — 8.328 руб. 47 к.; в дополнение к этому, на обзаведение железными койками, на устройство отхожего места по системе Дарсе и прочее —

2.675 руб.; на содержание больницы, с открытия ее по 1 января 1867 г., употреблено 23.266 руб. 81 к.

В последующее время Городская дума продолжала вносить в сметы 1867 и 1868 годов сумму 38.370 руб., потребную на содержание больницы, и таким образом продолжила существование больницы и на эти годы. Кроме того, в 1868 году, вследствие заявления г. попечителя о необходимости некоторых перестроек и исправлений в зданиях временной больницы, приговором Общей думы 10 мая, назначен был отпуск г. попечителю 6.000 руб. на производство работ хозяйственным образом.

5 июня 1867 года при временной больнице было открыто отделение для приходящих. По 1 января 1869 года число всех приходящих в отделение за советами и лекарствами дошло до 19.206 человек; при этом отделении состоят особые фельдшер и акушерка. На это отделение, со времени открытия оного по 1 января сего года, было издержано 1.477 руб. 85 к., на содержание отделения в 1869 году внесено в смету 2.206 руб.; и приговором Общей думы 20 декабря 1868 года оно было утверждено окончательно в том виде, какой полагается расписаниями и правилами, изложенными в проекте устава городской больницы[107].

Значительным пособием временной больницы пользуется городской арестантский дом; в ней пользуются заболевающие арестанты.

В декабре 1868 года Общая дума, рассмотрев отчет попечителя временной городской больницы и имея притом в виду, что по проекту преобразования городской больницы, временная больница должна составить ее отделение, постановила: 1) продолжить существование временной городской больницы до перехода постоянной городской больницы в ведение Думы, назначив ее для безвозмездного лечения больных московского городского общества всех званий, мужского и женского пола, как острых, так и хронических; 2) размер больницы оставить существующий — на 250 кроватей; но из них — до 100 коек назначить для приема хронических неизлечимых больных; кровать городского головы князя А. А. Щербатова, на которую отпускаются проценты с особой пожертвованной суммы,

должна существовать особо, сверх 250, в его полном распоряжении.

В то же время была рассмотрена и принята Общею думою смета расходов больницы на 1869 год, представленная г. попечителем и одобренная Комиссиею общественного здравия. Содержание больницы было увеличено до 43.683 руб. 85 коп. (в том числе на содержание отделения для приходящих в текущем году и за прежнее время — 3.683 руб. 85 коп.)[108]<...>

К обзору деятельности Городской думы по части благотворительной следует отнести сведение о состоявшемся в оной предположении устроить и содержать квартиры для ночлежников. Предположение это состоит в следующем.

В ноябре 1863 года бывший московский обер-полицмейстер граф Крейц представил бывшему московскому генерал-губернатору докладную записку, в которой, между прочим, изложил, что в Москву, как средоточие фабричной, промышленной и торговой деятельности России, стекается огромное количество рабочего класса людей; прилив этот стал значительнее в последние годы, чему способствует, во-первых, соединение нескольких железных дорог в Москве и во-вторых — освобождение из крепостной зависимости бывших крепостных людей. Большая часть людей этих, не зная никакого фабричного дела и ремесла, но наслушавшись рассказов о богатстве Москвы, о привольной в ней жизни для рабочего класса людей и о легкости приобретений средств, прибывают сюда с надеждами устроить свое благосостояние. Летом поденные работы, как в самой Москве, так и в ее окрестностях, доставляют им более чем достаточные средства к существованию. Но с наступлением осени и зимы, когда большая часть работ, так называемых поденных, для которых не требуется никаких приуготовительных знаний, прекращается, следовательно и запрос на рабочих уменьшается, положение их делается гораздо труднее. Выходя днем для приискания работы, на так называемое вольное место, рабочий к ночи должен озаботиться о приискании для себя ночлега. Иметь же постоянную и удобную квартиру занимающийся поденными работами не может, во-первых, по-

тому, что это слишком для него дорого, а во-вторых, что он работает где придется, в разных частях города, и возвращаться всегда для ночлега на одну квартиру, иногда за несколько верст, ночью, проработавши целый день, было бы для него слишком утомительно. Оставаясь таким образом без постоянной квартиры, поденщики вынуждены искать себе приютов, каковые и образовались в разных частях города; это — так называемые квартиры для ночлежников, где за 2 и за 3 копейки принимают на ночлег всякого, не спрашивая, кто он и имеет ли паспорт. Здесь поденщик, оставаясь в сырой, грязной и холодной комнате, с нарами в несколько ярусов, наполненных десятками ночлежников, или в глубоком подвале, подвергается всевозможным лишениям и неудобствам и таким образом проводит осень и зиму. Но это еще только физические лишения или, лучше сказать, страдания человека, которого судьба поставила в положение проживать на квартирах для ночлежников; тут есть и другое зло, нравственное, от которого терпит все население столицы. Чтобы прекратить, по возможности, то зло, ту нравственную заразу, которая берет свое начало в квартирах для ночлежников, все более и более распространяясь по мере прилива людей в город, г. обер-полицмейстер предлагал: для людей, которые не имеют постоянного местожительства, по случаю занятий поденными работами, потери места до приискания нового, или по другим причинам, нанять в разных частях города дома, в которые люди могли бы приходить для ночлега за умеренную плату, не более той, какую они платят ныне; при этом граф Крейц представил и подробные соображения о способе приведения сего предположения в исполнение.

Общая дума, на рассмотрение коей была передана г. генерал-губернатором записка обер-полицмейстера, отнеслась к сему делу с полным сочувствием и, на основании доклада Комиссии о пользах и нуждах общественных, положила:

1. В виде опыта, открыть на счет города четыре квартиры для ночлежников: три для мужчин и одну для женщин.

2. Выбор и наем квартир, устройство их, заведование ими в хозяйственном отношении и назначение к ним смо-

рителей поручить, под наблюдением городского головы, четырем попечителям из гг. гласных, по выбору Общей думы, без всякого в это дело вмешательства городской полиции. Само собою разумеется, что в полицейском отношении, квартиры для ночлежников, как и другие подобного рода заведения (гостиницы, постоялые дворы и т. п.) будут находиться под наблюдением городской полиции, которая сохранит свое право осматривать их и производить в них, на законном основании, обыски и аресты[109].

Это полезное предположение, однако, еще не осуществилось, и приведение его в исполнение составит одну из задач, подлежащих разрешению Думы в новом ее составе <...>

Хозяйственные расходы

До 1864 года *отопление* городских зданий было одною из самых тяжелых статей бюджета; с того же времени часть этого расхода была отнесена на суммы государственного земского сбора. Таким образом, в 1863 году было назначено на отопление зданий 11.530 сажен дров, на сумму 129.047 руб. В 1864 году городское общество, как видно из приговора Общей думы 16 декабря 1863 года, ходатайствовало о сокращении городских расходов на содержание двух губернаторских Управлений, так как круг их деятельности распространяется не на одну только столицу, а на целый край, и так как по силе 13 ст. Устава о земских повинностях, содержание губернаторских домов отнесено на общие земские сборы. Вследствие этого ходатайства, Высочайше утвержденным 27 июля 1864 года мнением Государственного совета, с обязанности города было сложено отопление зданий, занимаемых генерал-губернатором и губернатором, а также отопление и освещение казарменных зданий, и сумма городского расхода на отопление и освещение зданий уменьшилась на половину.

Ныне на обязанности города лежит отопление следующих зданий: а) помещений Городской думы и Конторы адресов, б) дома обер-полицмейстера, пожарного депо, 17 съезжих домов, 380 ординарных, 45 двойных, 15 тройных

Кузнецкий мост
Литография А. Кадоля. Первая половина XIX в.

и 2 четверных полицейских будок, в) помещений Комендантского управления (ордонанс-гауза и караульных домов), помещений для смотрителей и инвалидов казарменных зданий (расход внесен с утверждения Общей думы в роспись 1866 года), г) Губернского тюремного замка и отделения при оном для малолетних, временной тюрьмы, женского долгового отделения и полицейской больницы, и д) помещения мирового съезда 2-го округа (в 1868 году) <...>

Цены на дрова для отопления означенных зданий определялись на торгах, производимых в Распорядительной думе. Большею частью подряд на дрова сдавался с торгов.

К этому отделу хозяйственных расходов следует причислить *расход на очищение печных труб.* Кроме вышепоименованных городских и тюремных зданий, этот расход, как и очищение нечистот, производится еще в следующих зданиях военного ведомства: в Кремлёвских казармах, Арсенале, штабе войск Московского округа, московской местной полулаборатории, в Колымажных казармах и ка-

раульном доме при пороховых погребах. Общий расход на городские казарменные и на поименованные здания составляет до 2.000 руб. в год <...>

Освещением от города пользуются те же самые здания, которые получают от него отопление. С 1866 года сметные назначения по этой статье исчисляются на основании существующих правил, за исключением, впрочем, пяти тюремных зданий, хозяйственные расходы коих все еще остаются не подкрепленными твердыми данными, на основании которых возможно было бы признать требования денежных сумм правильными. В 1868 году московский обер-полицмейстер, по неудовлетворительности конопляно-масляного освещения полицейских зданий, ходатайствовал о замене его минерально-масляным. Вследствие сего, Распорядительная дума положила ассигнованную на этот предмет по смете сумму отпустить г. обер-полицмейстеру с тем, чтобы он принял на себя замену осветительного материала, а между тем командировать техника для производства опытов по освещению полицейских зданий, на будущее же время выработать правильные и точные основания для назначения расхода на этот предмет.

Очищение нечистот. Очищение нечистот в городских зданиях производится на основании Положения 1823 года, кроме тюремных зданий, по которым эта статья расхода вносится в сметы в размере, требуемом Тюремным комитетом, исчисляющим эту сумму по трехлетней сложности действительного расхода. Очищение нечистот производится или производилось на счет городских сумм в следующих зданиях: а) в домах генерал-губернатора, губернатора и обер-полицмейстера и полицейских, б) тюремных и в) казармах и других зданиях, предоставленных военному ведомству, поименованных выше. Расходуемые по этой статье суммы на означенные здания весьма различны. Так, на полицейские здания ежегодный расход приближается к 5 тыс. руб., в тюремных — к 2 тыс. руб., а в зданиях военного ведомства он простирается до 20 тыс. руб. и более. В эту сумму входит как очищение отхожих мест, так и сора и снега с казарменных дворов и крыш <...>

Помойные ямы в полицейских съезжих домах в прежнее время очищались и нечистоты из них вывозились в указанные места, по распоряжению частных приставов, на те же деньги, которые отпускались из Думы на очищение городских площадей, улиц и тротуаров, а с прекращением этого отпуска, по случаю взятия очистки мостовых в распоряжение города, помойные ямы оставались неочищенными; почему, в ноябре 1865 года, московским обер-полицмейстером было сообщено в Думу мнение о том, что очищение ям, за прекращением от Думы отпуска денег на очищение городских улиц и площадей, нельзя возложить на ответственность частных приставов, так как для этого необходимо иметь нужных людей с лошадьми, телегами, кадками и инструментами.

Распорядительная дума, согласно с сим отзывом г. обер-полицмейстера, положила применить, в этом отношении, съезжие дома к тем же условиям, в которых находятся казармы, то есть оставить на обязанность нижних чинов только сбор сора, грязи и снега в кучи, а вывоз нечистот возложить с 1866 г. на обязанность Думы. Назначение сумм по очищению нечистот в зданиях производится на основании подрядных цен.

Сравнительная ведомость расхода на очищение нечистот и снега с крыш в городских зданиях

	По счетам действительных оборотов					По сметам	
	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
1. В доме генерал-губернатора	1.440	1.229	1.105	1.023	–	83	–
2. В доме губернатора	592	584	547	487	–	–	–
3. В доме обер-полицмейстера	538	534	515	426	480	581	619
4. В полицейских зданиях	4.378	3.938	4.023	4.635	5.379	5.879	8.636

5. В тюремных зданиях	2.600	2.200	2.170	2.350	1.990	2.952	3.891
6. В казарменных и других военных ведомствах	19.935	13.825	15.683	18.557	20.154	23.168	21.263
Итого	29.483	22.310	24.043	27.478	28.003	32.572	34.409

Увеличение расхода в последние два года произошло от включения в эту статью нового расхода на уничтожение зловония, а именно: на основании контрактов подрядчикам надбавляется 10% к подрядной цене на очищение ретирад в тех зданиях, в которых потребуется поливка нечистот раствором купороса. Кроме того, последовательное увеличение расходов на очищение нечистот произошло и от возвышения подрядных цен, происходящего, между прочим, от более строгого наблюдения за отправлением этого промысла и от недостатка конкурентов на торгах. В 1868 году вообще на очищение нечистот, снега с крыш в некоторых зданиях и помойных ям в съезжих домах было израсходовано в действительности 30.705 руб. 50 коп. В 1869 году на этот предмет было назначено в смете, на основании контрактных цен предшествовавшего года, 34.409 руб., но в действительности потребуется значительно меньшая сумма, а именно 26.810 руб. 20 коп. Причина понижения расхода заключается в том, что Распорядительная дума производила торги на сей предмет не в один день, а разделила их на несколько отделов, и на самые торги, благодаря личной заботливости некоторых членов Распорядительной думы, были привлечены новые конкуренты, которые и содействовали понижению цен на торгах. Таким образом, несмотря на введение нового расхода, по приговору Общей думы 9 ноября 1865 года, а именно очищения помойных ям и сора со дворов в съезжих домах, в нынешнем году общая сумма расхода будет ниже действительного расхода каждого из трех предшествовавших годов. Исключение расходов по очищению нечистот в двух губернаторских домах последовало вследствие приговора Общей думы 21 декабря 1866 года. В этом случае Общая

дума руководствовалась теми же соображениями, как и при исключении расходов на натирание полов и набивку погребов в этих домах, т. е. неимением в виду положительного закона о производстве сих расходов. Последовательное увеличение расходов по очищению тюремных зданий произошло от включения двух новых расходов: на очистку снега с крыш (1865 г.) и очищение приемника во временной тюрьме (1866 г.).

Разные хозяйственные расходы. Расходы этого разряда большею частью незначительны и не имеют особенного влияния на бюджет города. По полицейским зданиям они, однако, достигают до 3.900 руб.; при этом наибольшие сумы отпускаются на обивку дверей (до 1.350 руб.) и на вставку стекол (до 1.500 руб.). Первый из этих двух расходов прежде производился из общих остатков от сметных назначений, а с 1864 года, как постоянный, вносится в росписи особою статьею. До 1865 года в тюремные учреждения городские суммы отпускались только на набивку погребов льдом и на покупку посуды и других принадлежностей для арестантов (веников, мыла, уксуса и проч.). Не найдя указания в Положении 1823 года о том, что этот расход лежит на обязанности города, Финансовая комиссия признала его неправильным, равно как и некоторые другие расходы этого разряда. Согласно с заключением комиссии, Общая дума 16 декабря 1863 года положила: просить Распорядительную думу войти в сношение с кем следует, для объяснения законных оснований расходов на очищение нечистот, набивку погребов в тюремных зданиях и покупку посуды и проч. для арестантов, а также на натирание воском полов в доме обер-полицмейстера. Из уведомления по сему предмету Тюремного комитета оказалось, что требования означенных расходов основываются на 84 ст. XIV т. Свода законов (Устава о содержании под стражей), в которой объяснено, что в распоряжение тюремных комитетов поступают суммы на отопление, освещение и «вообще содержание тюрем», и согласно отношению президента Попечительного общества о тюрьмах к московскому военному генерал-губернатору от 17 марта 1833 года.

В казарменных зданиях отпуск сумм на набивку погребов льдом и на посуду для войск представляет сумму до 4.000 руб. На посуду, согласно с предложениями военного генерал-губернатора от 20 августа и 16 ноября 1860 года, производится отпуск денег по 2 коп. в месяц на человека, а на содержащихся под стражею по — 4 коп. С 1867 года, по предположению Общей думы, утвержденному правительством, был исключен из сметы расход на набивку погребов во всех зданиях, кроме тюремных и казарменных, а в домах губернатора и обер-полицмейстера, сверх того, и натирание полов воском, — по неимению в виду никакого положительного закона о производстве от города означенных расходов <...>

Определение новой черты города Москвы. Обстоятельства сего дела следующие. Московская губернская земская управа в отношении от 30 ноября 1865 года к московскому городскому голове изъяснила: что в заседании Московского губернского земского собрания 12 октября читано было отношение Московской уездной управы от 9 октября о затруднениях, встреченных ею при собирании сведений о количестве земель в уезде, принадлежащих разным ведомствам, учреждениям, обществам и частным землевладельцам, которые, по Положению о земских учреждениях, должны нести налог на губернские и уездные земские потребности. Управа просила разрешить: куда следует причислить, по отправлению земских повинностей, к городу Москве или к московскому уезду, 1) пять ямских слобод, состоящих в частях г. Москвы и в черте Камер-Коллежского вала, 2) деревню Хохловку, состоящую в Рогожской части и в трехверстном расстоянии от Камер-Коллежского вала, и 3) поименованные в отношении 12 селений, которые отстоят от Камер-Коллежского вала менее двух верст и состоят в уезде, с отправлением всех уездных земских повинностей, а в полицейском отношении подчинены управлению столицы. По мнению Земской управы, состоящие за Камер-Коллежским валом земли, не исключая и городских выгонов, следует отнести к земству Москов-

ского уезда, и владельцы их должны отправлять все повинности, как денежные, так и натуральные по земству; состоящие же в черте Камер-Коллежского вала, исключив из ведения уездного земства, причислить к городу. По выслушании этого отношения, собрание, обратив внимание на то, что вопрос касается интересов Московского уезда и города Москвы, положило передать его на обсуждение в соединенное заседание Московского уездного земского собрания и городской Общей думы.

В соединенном собрании Московского уездного собрания и Общей думы положено учредить особую соединенную комиссию из членов Городской думы и уездного собрания для определения черты города Москвы.

Соединенная комиссия, по собрании и рассмотрении нужных для разрешения сего вопроса сведений, пришла к следующим выводам: во 1-х, хотя в Высочайше утвержденной Межевой инструкции 1754 года и показан границею Москвы Земляной город, но в настоящее время он не может служить основанием для этой границы, так как за ним образовались поселения, которые слились с городом, имеют совершенно городской характер и пользуются всеми выгодами города; во 2-х, хотя Камер-Коллежский вал никакими актами не был определен границею горо-

Панорама Москвы и ее окрестностей
Художник Ж. Акара Барон. 1845–1846

да, но в действительности признавался чертою, отделяющею город от уезда, чему может служить доказательством план 1830 года, приложенный к Собранию законов, а равно устройство застав, которые во всех случаях служили указанием города и уезда; и в 3-х, подчинение некоторых уездных селений за Камер-Коллежским валом городской полиции установлено было местною администрациею в 1804 году, единственно для наблюдения за благочинием в сих селениях, по смежности их с городом, в виду того, что земская полиция, по мнению того времени, не имела возможности следить за порядком с такою бдительностью, как городская; наблюдение же за исправным отбыванием жителями тех селений земских повинностей, как денежных, так и натуральных, оставлено на обязанности земской полиции. Таким образом, жители этих селений в одно и то же время оказались под властью двух полицейских управлений, хотя и в разных отношениях, а впоследствии их стали даже облагать и двумя повинностями, городскою и земскою. Такое положение возбудило справедливые с

их стороны жалобы. По этому поводу постановленные г. военным губернатором Беклешовым правила признаны были неопределенными и сбивчивыми в 1821 году московским гражданским губернатором и в 1831 году обер-полицмейстером, который даже ходатайствовал о подчинении подгородных селений которому-либо одному начальству, или городскому, или сельскому. Рассматривая этот вопрос с юридической стороны, комиссия нашла, что Камер-Коллежский вал представляет более основания, нежели какая-либо другая черта, для определения границы, разделяющей город от уезда.

Принимая же в соображение пользу как города, так и уезда, а равно и сохранение благочиния, комиссия полагала: 1) что в интересах самого города не следует желать слишком большого распространения его границ и присоединения к нему селений, лежащих за Камер-Коллежским валом в уезде, потому что доход с них в городскую казну никак не мог бы покрыть все расходы, которые город обязан был бы для них сделать, как-то: на устройство мостовых, снабжение водою, освещение, содержание полиции и усиление пожарной части; 2) в интересе означенных селений, им лучше быть под ведением одной земской полиции и своих выборных, особенно при теперешнем устройстве земского управления; и наконец, 3) в интересах благочиния, нет причины предполагать, чтобы земская полиция, основанная на выборном начале, при нынешних благодетельных земских учреждениях, представляла менее благонадежности, нежели городская, для открытия в сих селениях преступлений; напротив того, не только сельская полиция, но и самые сельские жители, для собственного спокойствия, смотрят за людьми подозрительными и представляют негодных людей к удалению из их селений.

Относительно ямщиков пяти московских ямских слобод, комиссия, принимая во внимание, что все эти слободы находятся внутри Камер-Коллежского вала в Москве, и ямщики владеют в оных с 1864 года, на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного совета 3 августа, домами своими и землею на праве собственно-

сти, что они принадлежат к городским обывателям и что всякий городской обыватель, имеющий в городе дом, обязан отправлять, наравне с прочими, все городские повинности, полагала справедливым, что и на московских ямщиков, как на городских обывателей, по недвижимой их собственности в Москве, должны быть возложены все городские повинности.

На основании сих соображений комиссии, в соединенном собрании Общей думы и уездного земского собрания состоялся следующий приговор: 1) чертою, отделяющею столичный город Москву от уезда, определить Камер-Коллежский вал; подгородные селения, состоящие до настоящего времени под ведением как городской, так и земской полиции, оставить в ведении одной последней, и затем все, находящиеся за Камер-Коллежским валом, земли предоставить заведованию московского уездного земства, в том числе и городские выгонные земли, которые, числясь в уезде, должны составлять принадлежность города, наравне со всякою частною собственностью; 2) отходящие, на основании первого пункта из ведения городской полиции подгородные селения и местности за Камер-Коллежским валом освобождаются вместе с тем от всяких повинностей в пользу города; 3) город освобождается затем от всяких повинностей и сопряженных с ними расходов по благоустройству и благочинию в селениях и местностях за Камер-Коллежским валом. Этот приговор был представлен на утверждение правительства.

4 июня 1868 года московский генерал-губернатор уведомил Распорядительную думу, что, по всестороннем рассмотрении и обсуждении настоящего дела, он сообщал г. министру внутренних дел, что для устранения столкновений между городом и земством при взимании повинностей, в настоящее время может быть предоставлено Думе право считать Камер-Коллежский вал как наиболее видимый пограничный признак чертою города Москвы в финансовом отношении и все, лежащие за этим валом, населенные и ненаселенные местности, без различия расстояния от города, передать для этого только в ведение

земства, оставив в ведомстве городской полиции все селения и местности, лежащие на двухверстном от Москвы расстоянии, на тех же основаниях, как это существует и ныне. Что же касается до вопроса, из какого источника должен покрываться расход по содержанию городской полиции в вышеозначенных местностях, то, по незначительности этого расхода, до 5.000 рублей, раскладка его между городом и земством, по взаимному между ними соглашению, едва ли представит какое-либо важное затруднение. Затем, имея в виду, что с увеличением народонаселения, размножением построек и развитием промышленности, многие из подгородных местностей могут приходить в такое положение, что для них выгоднее будет пользоваться городскими удобствами и нести городские повинности, он, генерал-губернатор, полагал бы возможным таким местностям предоставить право ходатайствовать впоследствии о причислении их к столице. Таким образом, силою обстоятельств, будет сам собой решаться вопрос о расширении черты города в полицейском отношении, и эти же самые обстоятельства поставят в необходимость городское и земское общественные управления изменить со временем и в финансовом отношении ту черту, которую они находят ныне для себя удобною. На это генерал-адъютант Тимашёв уведомил г. генерал-губернатора, что он, с своей стороны, не встречает препятствия к определению черты между Москвой и уездом на одобренных им, генерал-губернатором, основаниях, но с тем, однако ж, чтобы издержки по содержанию городской полиции за чертою были отнесены к обязанности земства, ибо в пользу оного будут уже поступать доходы со всех статей вне определяемой городской черты.

Вследствие сего, Распорядительная дума приостановила с 1 июня требование городских повинностей и акцизов с местностей, находящихся в двухверстном расстоянии от означенного вала и причисленных к городу в одном лишь полицейском отношении; а вместе с тем просила г. обер-полицмейстера сообщить Думе, сколько состоит на службе полицейских чинов и каких именно, а равно —

какое число будок находится в кварталах города и местностях, лежащих за Камер-Коллежским валом и оставленных в ведомстве городской полиции.

Затем, в конце 1868 года, по предложению г. генерал-губернатора, составлена особая комиссия из гласных Общей думы и уездного земского собрания, для определения степени участия города и уезда в доходах и расходах в местностях за Камер-Коллежским валом; доклад комиссии окончен, но соединенным собранием еще не рассмотрен[110] <...>

Письма

АРХИЕПИСКОПУ САВВЕ

Москва. 18 октября 1867 г.

Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

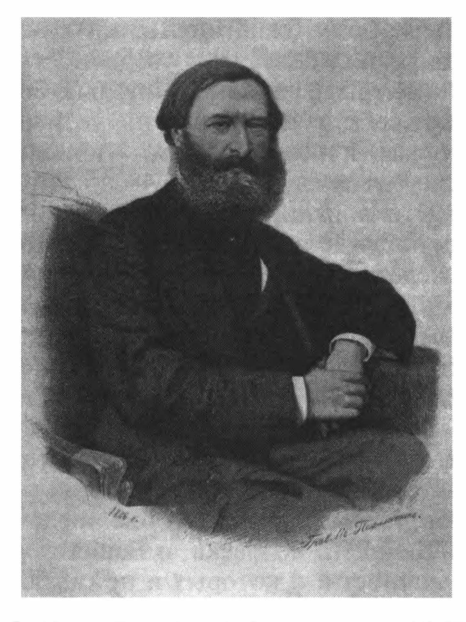
В ответ на письмо Ваше имею честь уведомить Ваше Преосвященство, что назначение учительниц в городские первоначальные женские школы[1] зависело не от меня, а от особо избранного Комитета, состоящего из попечителей означенных школ. Госпожа Шеер была внесена мною в список кандидаток, переданный мною вышеупомянутому Комитету, но так как в числе более чем 150 прошений были кандидатки, лично известные попечителям, то им отдано было преимущество, и в настоящее время школы уже открыты.

Госпожа Шеер, как мне передал председатель Комитета, будет зачислена одною из первых кандидаток, в случае открытия вакансии, но добросовестность заставляет меня сказать, что подобная вакансия, вероятно, не скоро откроется, так как нет сомнения, что только что назначенные учительницы приложат все свое старание, чтобы не лишиться полученных ими мест.

Искренне сожалею, что в настоящем случае я не мог сделать Вам угодное; но Ваше Преосвященство, верно, не посетуете на меня за то, зная из опыта, с какими трудностями сопряжено замещение мест, которые возбуждают слишком многочисленную конкуренцию.

С чувством глубочайшего уважения и искренней преданности имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою.

Князь Щербатов

Ю. Ф. Самарин
Гравированный портрет работы И. П. Пожалостина. 1896

Ю. Ф. САМАРИНУ

Москва. 3/15 ноября 1867 г.

Любезнейший Юрий Фёдорович!

Вот более месяца, что я в Москве. Жизнь моя приняла обычное, столь известное Вам течение, все идет по-старому, одного только мне недостает — это почти ежедневных продолжительных бесед с Вами, которые в прежние года обратились в столь приятную для меня привычку. Постараюсь хоть отчасти вознаградить себя, побеседовав с Вами письменно. Я давно собирался это сделать, но Вы знаете, что времени у меня мало, за разъездом, а потому Вы, вероятно, и не сетовали на меня за мое продолжительное молчание.

Последнее время я откладывал со дня на день написание письма, в надежде сообщить Вам приятную весть об

избрании Вашего брата Владимира в мир<овые> судьи[1], но ожидания мои, скажу более, моя уверенность не оправдались; <*нрзб.*>. В первый раз я положительно был недоволен Думою; не за то собств<енно>, что она не поддержала кандидатов, которыми я интересовался, — при выборах всегда может приключиться случайность, — но за то, что собрание разбилось на партии, руководимые не слишком одобрительными побуждениями, притом поступила лукаво.

За три недели до выборов происходило предварительное частное совещание всех мало-мальски интересующихся делами гласных, и на этом собрании решено было проводить 10 кандидатов из числа 63 заявленных. Ваш брат стоял шестым. По примеру прошлогодних выборов, на которых все происходило согласно с предварительным совещанием, я был уверен в благополучном ходе дела. Не тут-то было. На выборах (бывших 31 окт<ября>), из числа 10 кандидатов, пять провалили, в том числе брата Нейдгардта[2], отличнейшего человека, и Вашего брата. Взамен их всплыли личности, о которых и не гадали. <*нрзб.*>. Я был взбешен и после выборов бранился и высказывал во всеуслышание мои взгляды на эти проделки.

В самый день выборов я поехал к Вашей матушке[3], но утешать мне ее не пришлось, как я помыслил, ибо она благоволила притвориться и выразила свою радость, что Владимир не попал в миро<вые> судьи.

Благодарю Вас за доставление денег Головацкому[4]. Я уплатил эти 800 руб. Вашему брату Дмитрию и послал Головацкому остальные 412 рублей в Петербург.

Дела в Думе идут как-то вяло. Гласные не работают, и сам я, сознаюсь, опустил немного жаров. Делаю текущие дела, и того довольно, но инициативы мало, и нового дела боюсь. Случается мне иногда и раскаиваться в том, что в прошлом году я не устоял на своем[5]; но, взявшись за гуж, не говори, что не дюж, постараюсь с Божьей помощью дотянуться до новых выборов в Думу, имеющих быть осенью 1869 года.

Зато семейная жизнь все более и более привлекает меня к себе. Дети подрастают, и это такое природное общество, которое не может заменить никакое другое. Утро, до обеда, я посвящаю службе, вечер — семейству и ровно ни-

куда не езжу и потому именно не могу сообщить Вам, что делается на Воздвиженке и на Никитской.

Мне сказали, что Вас ожидают к праздникам в Москву. Очень радуюсь Вашему приезду, но услышал, что Вы не предполагаете долго оставаться здесь и опять укатите за границу[6]. Правда ли это? Это не входило в Вашу программу. Ну а как моск<овский> город<ской> голова не даст Вам нового отпуска! А можно бы и не дать ради общественной пользы.

Комиссии Ваши[7] окончательно заснули, новых дел вовсе не разбирается, а старые, в Ваше отсутствие, докладывать трудно. Знаменитый Ваш plaidoyer* за лари я читал (притом не скороговоркою). Он даже был напечатан в извлечении в Русск<их> Ведомостях[8]. Но все-таки дело не выгорело, и, ради благообразия, зеленные лари с Моисеевской площади снесены. Полагаю, что ревнитель за благообразие Н. У. Арапов будет протестовать и против существования оставшихся[9]. Этот господин по-прежнему мне и всем надоедает.

Постройки наши идут успешно. Казармы были готовы в срок, и мост будет готов к весне[10] — молодец Струве. Зато бюджет наш отвратительный: запасный капитал весь улетит в трубу, и налоги придется усиливать, а между тем дороговизна во всем и упадок промышленности. А тут еще грозит перемена тарифа. Моск<овское> купечество не на шутку работает над этим делом и изготовляет сильнейше разработанный протест против фритредеров. Вызваны депутаты в Петербург, едут наши общие знакомые: Резанов, Лямин, Третьяков, Морозов, <*нрзб.*>, а всего 12 человек, по различным отраслям[11].

Общественная жизнь в Москве наиспокойнейшая; нигде, кажется, не собираются ни на grand, ни на petit course**. Впрочем, это до меня не касается, я не успеваю видеть даже тех, которых желал бы видеть.

Михаил Петрович возвратился в восторге от своего путешествия к Свя<тым> местам[12]; восторг этот меша-

* Защитительная речь (*фр.*).

** Большие ... малые скачки (*фр.*).

ет ему издавать «Русского»[13], но никто, кажется, о том не плачет. Кажется, повторится история знаменитого обеда на Девичьем поле[14].

Но я замечаю, что записался, что, при неразборчивости моей рукописи, не простительно.

Прощайте, обнимаю Вас, и возвращайтесь поскорее.

Кн. А. Щербатов

Ф. В. ЧИЖОВУ

15 марта 1868 г.

Милостивый государь, Фёдор Васильевич!

В воскресенье, 17 сего марта, в церкви Смоленской Божьей Матери, имеет быть совершена архиерейским служением литургия[1], которая начнется в 10 часов утра. По окончании оной, последует молебствие, с водоосвящением, на вновь выстроенном Бородинском мосту, который затем будет открыт для езды.

Извещая о сем Вас, милостивый государь, имею честь покорнейше просить пожаловать на означенное торжество.

Примите уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Князь Щербатов

P. S. Приглашение сие иметь при себе.

Ю. Ф. САМАРИНУ

<Москва>. 25–26 марта <1868> г.[1]

Любезный Юрий Фёдорович!

Вы меня обвиняли в том, что я неисправный корреспондент. Не хочу по крайней мере, чтобы Вы обвинили <меня> в том, что я не держу своего слова, в особенности когда исполнение его так приятно, как в настоящем случае.

Княгиня М.П. Щербатова
с дочерьми Софьей, Марией и Ольгой
Фотография Мебиуса. 1860-е гг.
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

Перед отъездом Вашим, Вы наказали мне сообщить Вам об исходе того семейного события, которое тогда имелось в виду. Событие это совершилось и, благодаря Бога, совершенно благополучно: 23 марта у нас родился сын Александр. Я даже внутренне воздерживался от всякого определенного пожелания относительно пола того существа, которое должно было восполнить наше семейное счастье, но считаю совершенно лишним скрывать, что рождение сына наполняет сердце мое радостью и благодарностью Богу — подателю всех благ <*нрзб.*>.

При той внутренней великой семейной радости, которую мы ощущаем, остается еще в сердце довольно вос-

приимчивости, чтобы дорожить теми заявлениями сочувствия, которые к нам доходят со всех сторон. Я уверен, что и в Праге откликнется одно сердце на нашу радость, и потому я не замедлил послать туда весточку. Весть эта застанет Вас среди занятий, которым мы, по всем вероятиям, совершенно чужды; но я уверен, что при чтении моих иероглифов Ваша мысль перенесется в Москву, на Никитскую, в тот маленький кабинет, в котором мы так часто и так долго и так хорошо с Вами беседовали и из которого я теперь Вам пишу. На моем столе завелось новое дело совершенно особого свойства — дело о князе Александре Александровиче Щербатове, составленное из всех телеграмм, писем и записок, которые я получил за эти дни. Вероятно, в нем вскоре прибавится один № за подписью Юрия Самарина <*нрзб.*>.

Благодарю Вас, что Вы следите за нашим житьем-бытьем. Действительно, в настоящее время помыслы о Думе весьма и весьма на втором плане. Я тяну дело более, чем его двигаю, а потому очень жаль, что Черкасский отклоняет от себя даже мысль, которую я имею. Тем более это прискорбно, что вряд ли будет возможность воспользоваться его услугами как гласного ввиду условия, положенного законом, о двухлетнем владении недвижимостью, для получения прав избираемости [2]. Но об этом мы переговорим и, если найдется какая-нибудь лазейка, то ею воспользуемся.

Сообщу Вам в заключение несколько общих сведений про наши городские дела.

На голодающих мы собрали около 200 т. (двухсот тысяч) <руб.>[3]. Помнится, Ваше зловещее предсказание, что вряд ли дойдем до 40, привело меня в такое отчаяние. В одну Смоленскую губернию мы отправили деньгами и *хлебом* до 120 т. руб. Я подчеркнул *хлебом* потому, что мы отступили от первоначальной мысли посылать деньги, стали сами покупать хлеб и эту операцию произвели отлично, очень выгодно и практично. Были, правда, хлопоты, но *немец* Ценкер делал чудеса в своем роде, а *грек* Бостанджогло — в своем. В Тверскую мы послали 35 т. руб., в Орловскую послано 15 т. Помощь весьма существенная. От-

Кабинет князя А. А. Щербатова
в доме на Б. Никитской улице
Фотография. 1880-е гг.
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

ношения с Глав<ным> коми<тетом>[4] отличные, и мы друг другу не мешаем. Волки сыты и овцы целы.

17 марта мы открыли Бородинский (Дорогомиловский) постоянный мост, mit trompettes und skandal*. Впечатление, сделанное этим сооружением, исполненным в 9 месяцев, на городское общество очень сильное. Думу и меня превозносят. Мы понесли тяжелую потерю в лице Ф.Ф.Рихтера, который скончался на днях. Честный и любящий полезное дело человек. Он был моим руководителем во всем, что касалось техники строительства, я на него полагался вполне и был уверен в нем. К тому же и лично он меня любил. Я искренне о нем жалею, а для дела я без него как без рук.

---

* С помпой (*нем.*).

Петров всю зиму болел, Ветчинкин заболел, Шульгина отклонили от дела, и приходится выезжать на Г. Сосье.

Благодарю Вас за заказанное ружье. Будьте здоровы и приезжайте скоро. Письмо дойдет к Святой, а потому говорю Вам: «Христос воскрес».

Кн. А. Щербатов

Комментарии

Отчет московского городского головы князя Щербатова о деятельности Московской городской думы за шестилетие с 1863 по 1869 год. Печ. по тексту единственного издания (М., 1869).

«Отчет...» был составлен по заданному А.А. Щербатовым плану и доведен до 1 марта 1869 г., т. е. охватывал то время, когда он был головой. В отчете обстоятельно рассмотрены различные отрасли городского хозяйства, и по каждой из них подробно указано, что сделано и что не сделано. В составлении отчета непосредственно участвовали ближайшие помощники Щербатова: городской секретарь В.М.Лосев, его помощник В.К.Попов, главный бухгалтер В.П.Зыков и его помощник Щепунин. Особенно подробно освещены в отчете крупные городские проекты в области водоснабжения и благоустройства Москвы, в сфере здравоохранения и просвещения, а также наиболее важные направления деятельности городской думы по сбалансированию и увеличению городского бюджета.

Преемник Щербатова, князь В.А.Черкасский, поручил секретарю Распорядительной думы составить отчет о деятельности Думы за март—декабрь 1869 г. по той же форме, в какой составлен отчет Щербатова (см.: Сведения о деятельности Московской городской думы за 1869 год. М., 1870).

При подготовке «Отчета...» к публикации, вследствие его большого объема, в настоящем издании были исключены некоторые цифровые таблицы, а также разделы, не имеющие существенного значения для характеристики деятельности городского общественного управления под руководством А.А.Щербатова.

[1] «Положение об общественном управлении г. Москвы» от 20 марта 1862 г. см. в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 1-е. № 38076.

Общая городская дума состояла из 185 членов: 175 гласных (по 35 от каждого из пяти городских сословий), 5 сословных старшин и 5 товарищей старшин. Ее функции сводились к составлению общественных приговоров (постановлений).

Распорядительная дума состояла из 10 членов (по 2 от каждого сословия) и головы (председателя). Она была исполнительным органом Общей думы и проводила в жизнь все ее решения. Заведование различными отраслями городского хозяйства в Распорядительной думе распределялось между четырьмя экспедициями. Распорядительная дума была вписана в структуру государственных учреждений: ее члены, хотя и избирались из числа гласных, но считались состоявшими на государственной службе и утверждались в должности московским губернатором. Распорядительная дума была поднадзорна Московской казенной палате и губернскому прокурору.

[2] Имеется в виду «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., более известная как «Жалованная грамота городам» или «Городовое положение» 1785 г. (см.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 22. № 16188).

В этом акте впервые в России были провозглашены такие основополагающие принципы самоуправления, как всесословность выборных органов и право участия в выборах всех членов городского общества.

[3] Речь идет о комиссии, постоянно действовавшей с 1863 г. при Общей думе, под председательством сначала Д. П. Шипова, затем Д. Д. Шумахера. Комиссия занималась рассмотрением ежегодно составляемых Распорядительной думой городских финансовых смет.

[4] Имеется в виду Управление IV округа путей сообщения и публичных зданий, созданное в 1843 г. для заведования дорожным делом и строительством в Калужской, Московской, Орловской и Тульской губерниях. С 1849 г. оно ведало только строительными работами и устройством водопровода в Москве, в связи с созданием губернских строительных и дорожных комиссий. Находилось на Чистопрудном бульваре.

[5] В 1840-е гг. было составлено и издано три общих плана Москвы: 1843, 1846 и 1848 гг.

[6] *Торговыми* назывались общественные (или публичные) бани; в них имелись дворянские отделения. Торговые бани были во всех городских частях, от 1 до 4 в каждой. Собственно городскому управлению принадлежало в описываемое время шесть та-

ких бань: Новозачатейские (в Пречистенской части), Крымские (в Якиманской), Кожевнические (в Серпуховской), Устинские, Островские и Серебреннические (в Яузской).

[7] Комиссия о пользах и нуждах общественных постоянно действовала при Общей думе с 1863 г. (с 1866 г. — под председательством Ю. Ф. Самарина). За отчетный период она представила в Думу 87 докладов.

[8] *Помётный вуражек* — улица вблизи Плющихи, названная по оврагу, в который вывозился навоз из стоявшего на Девичьем поле Новоконюшенного царского двора. Ныне на ее месте расположены 1-й и 2-й Вражские переулки.

[9] *Заставы* были устроены в 1722 г. на выездах из города по большим улицам для таможенного досмотра ввозимых в Москву товаров, облагаемых пошлинами. Всего было 18 застав. К концу XVIII в. внутренние таможенные пошлины были отменены, и на заставах досматривали только крестьянские возы на предмет провоза водки, но к середине XIX столетия и эти досмотры были прекращены.

[10] Приговоры от 3 и 11 октября 1867 полностью опубликованы в кн.: Приговоры Московской городской думы за 1863–1872 годы. М., 1872. С. 41–42.

[11] 8 мая 1869 г. Общая дума получила разрешение московского генерал-губернатора привести в исполнение свой приговор от 11 октября 1867 г. таким, однако, образом, чтобы число мест для мелочной торговли на городских площадях ограничить, а на Моисеевской (ныне — Манежной) и Сухаревской площадях вовсе мест не давать (см.: Сведения о деятельности Московской городской думы за 1869 год. С. 17).

[12] Имеется в виду «Положение о доходах и расходах г. Москвы», которое уточняло «Примерное расписание городских доходов и расходов» 1806 г. и систематизировало городской бюджет (см.: ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 38. № 29423; т. 29. № 29030). «Положение» 1823 г. действовало до введения «Городового положения» 1872 г.

[13] С 1865 г. водопроводный сбор перестали взимать, однако сохранился сбор за воду, проведенную из общественного водопровода в дома частных владельцев, который был в 1868–1869 гг. увеличен в связи с переоценкой некоторых домов (см.: Сведения о деятельности Московской городской думы за 1869 год. С. 47).

[14] *Камер-Коллежский вал* был возведен вокруг Москвы в 1742 г. по указанию камер-коллегии — учреждения, ведавшего государственными налогами и сборами. Это был высокий зем-

ляной вал протяженностью 35 верст, с 16 заставами на главных дорогах. В 1754 г., с отменой в Российской империи внутренних таможенных границ, Камер-Коллежский вал перестал служить таможенной границей города, а стал лишь его неофициальной административной границей, отчасти узаконенной в 1806 г. В 1864 г. Камер-Коллежский вал был официально признан городской чертой, отделявшей Москву от уезда. Со временем вал исчез, и на его месте стихийно возникли улицы.

[15] Речь идет о доме купца, общественного деятеля и мецената В. А. Кокорева, специально построенном для собранной им коллекции картин (свыше 500) русских и зарубежных мастеров. Галерея была открыта для публики в 1861 г., но, просуществовав около десяти лет, из-за банкротства ее владельца была закрыта, а картины распроданы. Часть коллекции купил П. М. Третьяков для своей галереи.

[16] Имеется в виду «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» от 1 января 1863 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е. № 39118). Упомянутое в «Отчете...» мнение Государственного совета от 8 февраля 1865 г. вносило незначительные уточнения в это «Положение».

Наибольшее значение для городского бюджета имел сбор с различных торговых и промысловых документов (*свидетельств*). Закон устанавливал два вида свидетельств, оплачиваемых определенной пошлиной, — купеческие (1-й и 2-й гильдий) и промысловые. По *купеческим свидетельствам* производилась оптовая и розничная торговля, банкирские и акционерные операции, крупная фабрично-заводская деятельность. *Промысловые свидетельства* выдавались на право мелочной торговли, торговым приказчикам, на содержание промышленных заведений численностью менее 16 рабочих.

Коммерческий суд — судебное учреждение первой инстанции для разбора торговых или купеческих дел. Коммерческие суды создавались на основании Высочайших указов, по инициативе местной власти и ходатайству купечества. Апелляционной инстанцией для коммерческого суда являлся IV департамент Сената. Председатель и товарищ председателя коммерческого суда назначались императором по представлению министра юстиции, из числа двух кандидатов, избранных купеческим обществом. Выборные члены коммерческого суда избирались купеческим обществом из среды местных купцов 1-й и 2-й гильдий. Коммерческому суду были подсудны дела на сумму свыше 150 руб., а также все дела о торговой несостоятельности и взыскании по векселям на сумму свыше 500 руб. В Москве коммерческий суд

был учрежден в 1833 г., после издания в 1832 г. «Общего учреждения коммерческих судов» и «Устава торгового судопроизводства». В 1860-х гг. Московский коммерческий суд находился на Б. Никитской улице.

[17] Подразумевается «Положение о передаче в распоряжение Московской городской думы пошлин за торговые свидетельства, выдаваемые московским ямщикам» (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 11. Отд. 1-е. № 8887).

[18] Положение «О сборе акциза с торгующих в Москве крестьян» см. там же, т.2, № 1371.

Земляной вал был возведен по современному Садовому кольцу в 1592–1593 гг., а после пожара 1611 г. вал был заново возведен, и на нем устроен «острог» — деревянная крепостная стена из толстых бревен. В XVIII в. территория Москвы увеличилась, и Земляной вал перестал выполнять функцию укрепления, его «острог» и башни обветшали и к концу столетия совсем разрушились. В 1816–1830 гг. вал снесли, ров засыпали и на всем его протяжении вокруг Москвы образовали улицу, с тротуаром шириной 25 м, и палисадниками (или садами) вблизи домов (см.: *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1999. С. 198).

[19] Имеются в виду временные думские комиссии об извозчичьем промысле (под председательством В. П. Вишнякова) и для пересмотра городских акцизов (под председательством Ф.Б. Мильгаузена).

[20] Для составления проекта преобразования Конторы адресов Общая дума создала специальную комиссию под председательством Д.А. Наумова. Составленный ею проект поступил на рассмотрение в Министерство внутренних дел.

Адресный сбор был отменен 8 января 1886 г., по утвержденному императором мнению Государственного совета; одновременно была упразднена и Московская контора адресов, существовавшая с 1809 г.

[21] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 2-е. № 37198.

[22] *Шестигласная дума* была образована в Москве на основании «Городового положения» 1785 г. и просуществовала до 1863 г. Она состояла из головы и шести членов (по числу тогдашних разрядов городского населения).

Градское общество было также учреждено в 1785 г. Право голоса в нем имели граждане, достигшие 25 лет и владевшие капиталом, приносившим не менее 50 руб. годового дохода. Поэтому собрание «градского общества» состояло из состоятельных граждан, которые были не беднее купцов 2-й гильдии; собрание избирало голову.

[23] Приговоры Московской городской думы. С. 26–27.

[24] Там же. С. 53.

Ренсковый погреб — магазин, торгующий виноградными винами (от старинного названия всякого виноградного вина — «ренское» или «рейнское»); *штофная лавка* — питейное заведение, где спиртные напитки продавали штофами (кружками), объемом $^1/_{10}$ ведра.

[25] Приговоры Московской городской думы. С. 168–169.

[26] Щербатов перечисляет следующие здания и сооружения, построенные в первой трети XIX в.: *Арсенал* в Кремле, *Большой театр* на Театральной площади (восстановлены после пожара 1812 г.); *1-я Градская больница* на Калужской улице (построена в 1832 г. по проекту архитектора О. И. Бове), *Москворецкий мост* (построен в 1830–1833 гг.). Мост простоял до 1870 г., когда сгорел из-за того, что помост и фермы были деревянные. В 1872 г. на его месте был построен железный мост на четырех каменных быках, простоявший до 1938 г., когда был построен нынешний Москворецкий мост; *Триумфальные ворота* у Тверской заставы (построены О. И. Бове и скульптором И. П. Витали в честь удачных походов русской армии в Закавказье во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.). Открытие Триумфальных ворот состоялось 20 сентября 1834 г. Ворота простояли до 1936 г., когда были снесены в связи с реконструкцией площади перед Белорусским вокзалом. Декоративные скульптурные детали были переданы на хранение в Государственный музей архитектуры.

[27] Под *Губернским комитетом* подразумевается *Московский губернский статистический комитет*, существовавший в 1835–1918 гг. Он занимался сбором и обработкой статистических сведений для губернаторских отчетов, составлял ведомости, необходимые для раскладки земских и городских повинностей, наблюдал за состоянием местной административной статистики.

[28] *Покровские казармы* находились на Покровском бульваре и были названы по площади Покровских ворот (снесенных в XVIII в.), к которой бульвар примыкал. Первое здание для Покровских казарм было построено в 1798 г., в стиле позднего классицизма, на средства горожан, с целью освобождения частных домов от военного постоя. В 1801 г. в нем разместилось семь рот Новагинского мушкетерского полка. В 1830-х гг. здание было перестроено, и с тех пор в казармах размещались различные воинские части. В 1933 г. здание казарм было надстроено двумя этажами и в таком виде сохранилось поныне: оно протянулось вдоль Покровского бульвара (дом № 3), на двести метров; центр

его отличает портик из восьми мощных дорических колонн. До 1960 г. в нем находились Дзержинские казармы, затем здание было передано Госснабу. По бывшим Покровским казармам назван соседний Казарменный переулок.

Московское инженерное окружное управление находилось в структуре Департамента военных поселений (1818–1862), т. к. одной из его функций было руководство строительством и ремонтом воинских зданий.

[29] *Московский приказ общественного призрения* был создан в 1775 г. для заведования городскими больницами и богадельнями, устройства народных школ, сиротских, работных и смирительных домов. Председателем приказа был московский губернатор, членами — по два заседателя от трех городских сословий (дворян, купцов и мещан). Находился с 1812 г., наряду с магистратом, Городской думой и судебными учреждениями, в здании Присутственных мест, на Воскресенской площади (ныне — пл. Революции).

Петровские казармы занимали двухэтажное здание на улице Петровке, построенное после пожара 1812 г. и снесенное в 1917 г. Со второй половины XIX в. оно использовалось для размещения жандармского дивизиона.

[30] Подразумевается комиссия под председательством тогдашнего московского генерал-губернатора П.А. Тучкова, учрежденная 4 июля 1862 г. для введения «Положения об общественном управлении г. Москвы».

[31] Московская городская дума размещалась в особняке графа С.Д. Шереметева на Воздвиженке до 1892 г., когда переместилась в новое, специально для нее построенное по проекту архитектора Д.Н. Чичагова здание (ныне — здание Центрального музея В.И. Ленина, филиала Государственного Исторического музея).

[32] *Московская управа благочиния* была создана в 1782 г. в качестве полицейского учреждения для наблюдения за поведением и настроениями горожан. Она приводила в исполнение постановления и распоряжения губернских и городских административных и судебных властей, наблюдала за благоустройством города. Управа могла решать мелкие гражданские и уголовные дела, но в 1864 г., по новым Судебным уставам, она утратила судебные функции. Управа благочиния возглавлялась обер-полицмейстером, а Присутствие управы, кроме последнего, составляли 2 пристава (по уголовным и гражданским делам) и 2 советника, избираемых от купечества и мещан. При управе находились: гауптвахта — караульное помещение для арестованных чинов-

ников и военных; долговая тюрьма, где содержали должников, арестованных по искам кредиторов решением коммерческого суда. По «Положению о московской полиции» от 5 мая 1881 г., управа благочиния была ликвидирована.

[33] Институт *частных приставов*, подведомственный Управе благочиния, был также введен в Москве в 1782 г. Частные приставы назначались управой и имели в подчинении квартальных надзирателей. До 1881 г. количество частных приставов было неизменным — 17, столько же, сколько и городских частей. По «Положению о московской полиции» 1881 г., городские части были заменены полицейскими участками, а институт частных приставов упразднен.

[34] Приговоры Московской городской думы. С. 20 (№ 17 от 16 декабря 1863 г.).

[35] *Съезжий дом* — учреждение, выполнявшее полицейские функции в административно-территориальных подразделениях города. Было известно с XVI в. под названием «съезжая изба». С 1782 г. съезжие дома были центрами полицейских частей города и находились под руководством частных приставов. В них велось делопроизводство частных приставов, находились полицейские во время из дежурств, а также осуществлялось временное содержание задержанных лиц. С 1881 г. съезжие дома стали называться полицейскими домами.

[36] Приговоры Московской городской думы. С. 148.

[37] Там же. С. 170–171.

[38] *Брандмайор* — начальник пожарной охраны города, которому подчинялись все пожарные команды во главе с *брандмейстерами*. Брандмайор назначался губернским правлением по представлению обер-полицмейстера и подчинялся последнему. В функции брандмайора входило: надзор за соблюдением правил хранения легковоспламеняющихся веществ, противопожарных норм при строительстве, эксплуатации печей, за состоянием уличных фонарей; комплектование пожарных команд и обеспечение их инструментами. Брандмайору подчинялось пожарное депо, созданное для изготовления оборудования и инструментов, а также фурманный двор, где содержались лошади и экипажи; там же постоянно дежурила команда из низших полицейских чинов, и жил брандмайор. В описываемое время фурманный двор и пожарное депо находились на Пречистенке. Депо со временем утратило свою монополию на изготовление пожарного инвентаря и сделалось пожарной командой Пречистенской части. Здание фурманного двора, в незначительно перестроенном виде (без венчавшей его каланчи), сохранилось поныне.

Фурлейт — солдат пожарной команды.

[39] *Гарнец* — употреблявшаяся до введения метрической системы мер русская мера сыпучих тел, равная 3,28 литра.

[40] Приговоры Московской городской думы. С. 20.

[41] Комиссия о преобразовании пожарной части в Москве, возглавляемая П. Ф.Самариным, представила свой доклад на обсуждение Общей думы 3 июля 1869 г.

В 1867 г. брандмайором был С.А. Потехин, а обер-полицмейстером — Н. У. Арапов.

[42] См. комментарий 37.

[43] 30 июля 1869 г. московский генерал-губернатор известил Общую думу о своем согласии учредить комиссию для обстоятельного изучения состояния пожарного дела в городе, в составе трех членов Думы, трех представителей полиции и брандмайора. Такая комиссия была создана; от Думы в нее вошли Ю. Ф. Самарин, И. Е. Романов и С. А. Тарасов. Доклад комиссии был внесен в Общую думу 3 июля 1870 г. (см.: Сведения о деятельности Московской городской думы в 1869 году. С. 97–98).

[44] Приговоры Московской городской думы. С. 185–186.

Имеется в виду временная думская Комиссия о взаимном страховании от огня недвижимых имуществ под председательством И.А.Лямина.

[45] Подразумевается Управление московскими водопроводами, созданное в 1850 г. в структуре IV округа путей сообщения и публичных зданий. В 1871 г. оно было переподчинено Московской городской думе.

[46] Имеются в виду новые Судебные уставы 20 ноября 1864 г., вводившие мировой суд для разрешения дел стоимостью до 500 руб. (см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2-е. №41475. Гл. I–VI).

[47] Должность московского губернского прокурора была упразднена в 1866 г., в соответствии с Судебными уставами 1864 г.

[48] *Почетные мировые судьи* избирались Общей думой на 3 года в двух мировых округах Москвы, помимо участковых мировых судей.

[49] *Московский столичный съезд мировых судей* (два съезда по числу мировых округов) был высшей апелляционной инстанцией для решений участковых мировых судей. В съездах участвовали участковые и почетные мировые судьи; председательствовал один из них по выбору.

[50] Мировые суды были открыты в Москве 17 мая 1866 г. и сразу сделались популярными своей доступностью, быстротой и несложностью формальностей. В первые 9 месяцев деятельности

мировых судов в них поступило до 38 тыс. дел, так что на каждого судью приходилось около 3 тыс. разбирательств — это намного превосходило первоначальные ожидания Думы (см.: Сборник очерков по городу Москве. М., 1897. С. 3).

Приговоры Думы от 21 декабря 1866 г. и 20 марта 1867 г. см.: Приговоры. С. 115–117, 129–130.

[51] В зданиях *Титовских казарм,* расположенных в Титовском переулке, до конца 1840-х гг. размещалась ситценабивная фабрика М. Н. и А. М. Титовых. В 1858 г. А. М. Титов продал все земельное владение, вместе со зданиями, городу для воинских казарм. Однако казармы в них не разместились, и до 1864 г. здания были необитаемы и не отремонтированы.

[52] Подразумевается *Московский попечительный о тюрьмах комитет*, учрежденный в 1828 г. и подчинявшийся министру внутренних дел.

[53] *Губернский замок,* или *Московский пересыльный губернский замок* (ныне — Бутырская тюрьма) — главное место заключения, построенное в Бутырках при Екатерине II. Находился в непосредственном ведении московского губернатора и под надзором тюремного отделения Московского губернского правления.

Временная тюрьма («Яма») размещалась с 1770-х гг. в нижнем (полуподвальном) этаже здания Присутственных мест.

Пересыльный замок (или пункт) находился на Воробьёвых горах.

[54] Приговоры Московской городской думы. С. 174–175.

[55] Т. е. до 1867 г.

[56] Председателями Комиссии по строительству Бородинского моста были: сначала — С. Н. Гончаров, а после его смерти — А. П. Тучков. Реализацией составленного этой комиссией проекта моста занималась другая думская комиссия, под председательством Н. Д. Игнатьева.

[57] *Ряжевым* назывался колодец, в основание которого был положен прямоугольный сруб из бревен, заполненный внутри камнем или сухой вязкой и жирной глиной, называвшейся *ряжем.*

[58] Деревянный *Дорогомиловский* мост, соединявший Смоленскую и Большую Дорогомиловскую улицы, был перекинут через реку Москву в начале XVII в.; по нему осуществлялось большое движение в Смоленск, Литву и Польшу. Тот мост, о замене которого идет речь, был построен в 1787–1788 гг. Он лежал на плотах и паромах и имел в длину 185 м, а в ширину — 8,5 м. В 1812 г. по нему прошли из-под Бородина русские и французские войска. В 1837 г., в память 25-летия Бородинского сражения, Дорогомиловский мост был назван *Бородинским.*

Также см.: Приговоры Московской городской думы. С.43.

[59] Приговор Думы от 20 января 1866 г. Там же. С. 80.

[60] Приговор от 7 июля 1866 г. Там же. С. 94–95.

[61] *Бородинский мост* оказался единственным из старых московских мостов, не замененный в 1938 г. новым. Он был только расширен и удлинен, а под ним были устроены арки для проезда по набережным. Украшения, сделанные на Бородинском мосту в 1912 г., к 100-летию Отечественной войны 1812 г.: два обелиска в память воинов, павших в Бородинском сражении, и две колоннады с триумфальными фигурами остались и после реконструкции моста на старых местах.

[62] Комиссию об исправлении казарм возглавлял С.М.Сухотин — автор известных «Записок» о московской жизни 1860–1870-х гг.

[63] См. приговор Общей думы об утверждении сметы городских расходов на 1867 г. от 21 декабря 1866 г. (Приговоры. С. 117).

Приговором от 7 февраля 1867 г. Дума постановила ограничиться в текущем году капитальным ремонтом Хамовнических и, если представится возможность, Петровских казарм. В связи с принятым решением Распорядительной думе было поручено договориться с военным ведомством об освобождении Шефского дома от проживавших там военных (там же. С. 122–123).

Хамовнические казармы (с 1925 г. — Фрунзенские) были построены в 1807–1809 гг. архитектором М. М. Казаковым на месте казенной полотняной фабрики, основанной при Петре I выходцем из Голландии Иваном Тамесом. Эти три одинаковых трехэтажных здания стоят и поныне на Комсомольском проспекте (д. 18–22). Перед казармами был в XIX в. огромный плац, часть которого теперь занята бульваром.

Шефский дом (сохранился в сильно перестроенном виде) тоже принадлежал Ивану Тамесу, затем был куплен государством и отведен под резиденцию Петра I, который был шефом расквартированного в Хамовнических казармах полка; отсюда название дома — *шефский*. В XIX в. дом использовался под жилье для военных и под офицерские собрания. Известно, что в нем у полковника А. Н. Муравьёва собирались декабристы. Ныне в Шефском доме находится правление Союза писателей России.

[64] *Ретирадное место* — отхожее место, уборная.

[65] Д. М. Голицын был попечителем 1-й Градской больницы.

[66] Речь идет о двух паровых машинах (мощностью в 24 лошадиные силы каждая), установленных в водоподъемном здании около села Алексеевского. Здание было построено во время капитального переустройства Мытищинского водопровода в

1826–1835 гг. От Алексеевского водоподъемного здания пролегал чугунный водопровод до Сухаревой башни.

Село *Алексеевское* было расположено на высоком берегу речки Копытовки, недалеко от того места, где находится ВДНХ. Сейчас на его месте — квартал жилых домов, примыкающий к проспекту Мира. О бывшем селе напоминают названия Староалексеевской улицы и станции метро «Алексеевская».

[67] В 1836 г. русло Москвы-реки, выше Большого Каменного моста и ниже начала Водоотводного канала, было перегорожено так называемой *Бабьегородской* разборной деревянной плотиной, с отверстием длиною 100 м. Созданный плотиной подпор в 2,8 м простирался почти на 15 км до деревни Шелепихи. Плотина разбиралась во время паводка. Она просуществовала до 1937 г. — до сооружения канала им. Москвы.

Одновременно в конце Водоотводного канала, в старом его русле, была построена *Краснохолмская плотина,* с подпором в 3 м над горизонтом старой Перервинской плотины; а в новом русле, прямо продолжавшем канал, был устроен двухкамерный шлюз для прохода судов. Это дало возможность проводить в центре города большие баржи.

Бабьегородское водонапорное здание давало до 33 тысяч ведер неочищенной воды из Москвы-реки, которая поступала в фонтаны, расположенные на площадях Арбатской, Тверской, Трубной, у Пашкова дома (на углу Знаменки и Моховой), а также в два водоразборных колодца — у Пречистенских и Петровских ворот. Краснохолмское водоподъемное здание подавало в сутки до 100 тысяч ведер воды, которой снабжались фонтаны Замоскворечья (см.: Водоснабжение города Москвы. М., 1896. С. 3–4).

[68] В 1853–1858 гг. в Мытищах было построено водоподъемное здание, оборудованное двумя машинам. Остаток кирпичной галереи (от Мытищ до села Алексеевского) заменен чугунным водопроводом. В Алексеевском водоподъемном здании старые машины заменены новыми. От этого здания до Сухаревой башни проведен второй чугунный водопровод, а в самой башне установлен второй резервуар емкостью до 7 тысяч ведер. По городу была проложена сеть труб с 26 водоемами. Главная подающая воду магистраль нового водопровода проходила по 1-й Мещанской улице, Сретенке, Лубянке, Никольской улице, в Кремле — по Арсенальной и Дворцовой улицам. Главная, распределительная магистраль шла от Сухаревой башни по Садовому кольцу, к западу доходя до Крымского моста, а к востоку — до Краснохолмского (там же. С. 5).

Новый Мытищинский водопровод снабжал водой только часть города внутри Садового кольца. Замоскворечье пользовалось Москворецким водопроводом. С 1960 г. Мытищинский водопровод подает воду только в Мытищи. Памятью о Мытищинском водопроводе является видимый с Ярославского шоссе ростокинский акведук — каменный мост через р. Яузу, построенный в конце XVIII в., по которому проходила галерея Мытищинского водопровода у села Ростокина.

[69] Имеется в виду П. А. Тучков.

[70] Приговоры Московской городской думы. С. 63–64 (№ 22).

Проект В. А. Бабина рассматривала думская Комиссия об артезианском колодце и о дополнительном водоснабжении Москвы под председательством И. Б. Ауэрбаха, после него (с 1868 г.) — С. Ф. Фёдорова.

Петровская академия — Петровская земледельческая и лесная академия. Была открыта в 1865 г. в селе Петровско-Разумовское (ныне — Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева).

[71] Буровая скважина, о которой идет речь, находилась в районе Яузского бульвара. Бурение проводилось до 1871 г., и прекратилось из-за того, что буровой снаряд сломался и застрял на глубине 454 м. Работы были остановлены, а в 1876 г. прекращены, т. к. застрявший бур не смогли извлечь из скважины. Тем не менее обнаруженной на глубине 23 метра верхней грунтовой водой воспользовались для водоснабжения новых городских боен, построенных за Абельмановской заставой в 1886 г. (см.: *Сытин П. В.* Указ. соч. С. 195).

[72] Речь идет о той части Ходынского поля, где ныне находится стадион Юных пионеров и Беговая улица. С начала XIX в. эта территория, вместе с ипподромом, принадлежала Обществу конского бега и скачки, проводившему там бега.

Ходынское поле охватывало территорию на северо-западе Москвы, между современным Ленинградским проспектом, Беговой улицей, Хорошевским шоссе, проспектом Маршала Жукова и Живописной улицей. До конца XIX в. оно представляло собой обширное поле, пересеченное оврагами и речками Ходынкой и Таракановкой; на нем располагались Ходынские военные лагеря.

[73] *Введенская площадь* — современная площадь Журавлёва, примыкающая с востока к Электрозаводской улице. Называлась так по находившемуся на ее месте с XVII в. дворцовому селу Введенское (с XVIII в. — Семёновское), с церковью Введения во храм Богородицы, простоявшей на площади до советских времен.

[74] *Комиссариатский фонтан* находился в Садовниках, между Комиссариатским и 2-м Раушским переулками, вблизи здания Кригскомиссариата (или Интендантства), которое с 1864 г. занимали различные учреждения военного ведомства.

[75] Приговоры Московской городской думы. С. 44–45.

[76] Село *Преображенское* находилось на месте современной Преображенской улицы и площади.

[77] Приговоры Московской городской думы. С. 86–87.

Андреевская богадельня занимала с 1803 г. здания Андреевского монастыря (был ликвидирован в 1764 г.), расположенные на правом берегу Москвы-реки, за Калужской заставой и Нескучным садом.

[78] Сооружение Ходынского водопровода было завершено в 1871 г., под контролем нового состава Московской городской думы. Водопровод доставлял 130 тысяч ведер воды в день в сеть труб Мытищинского водопровода.

[79] Означенная комиссия работала под председательством С. А. Талызина три года и за это время тщательно проверила состояние 21 частной городской бойни.

[80] Имеется в виду Московское отделение *Мануфактурного совета*, созданного в 1829 г. для содействия развитию местной промышленности и торговли и подведомственного Департаменту мануфактур Министерства финансов. В 1860-х гг. находилось на Страстном бульваре.

[81] Приговор Думы от 20 января 1866 г. см.: Приговоры. С. 77–80.

[82] См. там же. С. 121, 140.

Земельное владение даниловских крестьян находилось за Серпуховской заставой, в конце современной Б. Тульской улицы.

[83] Проект бойни, разработанный комиссией Ф. Ф. Рихтера, был одобрен Общей думой 18 февраля 1869 г. (см.: Приговоры. С. 181–183). Однако он не был осуществлен, т. к. до 1877 г. велись переговоры с разными лицами, выдвигавшими неприемлемые для Думы условия, в частности, предоставление им полной монополии на убой всего пригоняемого в Москву скота.

Строительство новых боен началось только в 1886 г., по другому проекту и в другом месте — в районе современной Воловьей улицы. Бойни были открыты в 1888 г. (см.: Московские городские бойни и скотопригонный двор. М., 1896. С. 2–3).

[84] Приговоры Московской городской думы. С. 157 (от 29 апреля 1868 г.).

Крутицкие казармы размещались с 1798 г. в одном из зданий упраздненного в 1788 г. Крутицкого архиерейского подворья, ко-

торое было резиденцией епископов Крутицких с середины XV в. Сначала в казармах размещались полицейские драгуны, потом жандармы, с 1842 г. — Московский внутренний гарнизонный батальон, позднее — различные воинские части. Казармы, с гауптвахтой, занимали длинное двухэтажное здание бывших Приказных палат. В советское время, с 1922 г., в нем находились Алёшинские казармы, названные в честь коммуниста А. А. Алёшина, который в октябре 1917 г. участвовал в боях за Крутицкие казармы и Симоновские пороховые погреба.

В XVII в. на территории Крутицкого подворья были возведены: пятиглавая церковь Успения, с шатровой колокольней; митрополичий дворец, соединенный с церковью переходом, и знаменитый теремок. Подворье сильно пострадало в 1812 г. от французов: пожар не оставил целым ни одного деревянного строения. Здание митрополичьего дворца так обветшало, что в XIX в. не раз ставился вопрос о его сносе, вместе с Воскресенской церковью и теремком. В 1840 г. впервые был выдвинут проект восстановления Воскресенской церкви, но дело не сдвинулось с места, и вплоть до 1950-х гг. не было предпринято сколько-нибудь серьезных мер, чтобы предотвратить разрушение Крутицкого подворья.

Заслуга восстановления этого замечательного архитектурного ансамбля принадлежит крупнейшему реставратору П.Д. Барановскому, его ученикам и помощникам. Ими восстановлен митрополичий дворец; в разгаре реставрация северной стены дворца, принадлежащей и Воскресенской церкви; заново отреставрирован теремок, вместе с переходами, которыми он соединен с восточным крылом митрополичьих палат и соборной Знаменской церкви. Отреставрирован Успенский собор, предстоит реставрация казарм. В целом восстановлением Крутицкого подворья занимаются уже более 30 лет. На сегодняшний день все памятники архитектуры выведены из-под угрозы разрушения, а части памятников возвращено историческое лицо (см.: *Волков О*. Москва дворянских гнезд. М., 2007. С. 281–288).

[85] Решение о строительстве упомянутого моста было принято Общей думой 20 января 1866 г. (см.: Приговоры. С. 80–81). Мост был назван *Комиссариатским*, т. к. находился рядом со зданием Кригскомиссариата, напротив Комиссариатского переулка (в то время он назывался Козьмодамианским). В 1927 г. этот мост был заменен каменным.

[86] История знаменитой *Кутузовской избы* вкратце такова. В 1812 г. в деревне Фили, принадлежавшей дворянам Нарышки-

ным, было всего 7 изб. В одной из них — в избе крепостного крестьянина Андрея Фролова — расположилась штаб-квартира М. И. Кутузова и состоялся исторический военный совет. С тех пор эта изба получила название «Кутузовской». После войны семья Фролова продолжала жить в этой избе.

В 1850 г. Э.Д. Нарышкин решил перенести деревню подальше от Москвы, ближе к Москве-реке. Лишь Кутузовская изба, по просьбе крестьян, была сохранена на прежнем месте в том виде, какой она имела в 1812 г.; ее починили, двор окружили рвом и земляным валом, обсадили деревьями. В избе поселили двух старых ветеранов войны 1812 г., находившихся на содержании Нарышкина. В 1867 г. солдат, стороживших избу, лишили содержания, избу заколотили и оставили без присмотра. В июле 1868 г. изба внезапно загорелась; удалось спасти лишь иконы и скамью, на которой сидели участники военного совета. После этого Нарышкин решил подарить остатки избы и клочок земли под ней Москве. 27 сентября 1868 г. Общая дума приняла в свое ведение эти развалины и наняла для их охраны сторожа (см.: Приговоры. С. 167).

В апреле 1870 г. деревню Фили посетили члены Распорядительной думы, которые составили акт о продаже владения, т. к. Нарышкин, по существующим законам, не имел права дарить родовое имущество. 4 ноября 1872 г. городские власти купили у Нарышкина участок под Кутузовской избой и объявили конкурс на проект памятника. В 1887 г. на этом месте была сооружена новая изба, по рисункам архитектора Н. Р. Струкова, на средства, собранные москвичами, — большой деревянный дом на кирпичном фундаменте, мало похожий на прежнюю избу. В одной части дома разместился небольшой музей, посвященный войне 1812 г., в другой поселили солдат-ветеранов Псковского пехотного имени Кутузова полка, для охраны избы.

Экспозиция Кутузовской избы сохранялась в неизменном виде после 1917 г. В 1938 г. изба была отреставрирована, и в ней открыт филиал Государственного Бородинского военно-исторического музея. С 1962 г. Кутузовская изба — филиал музея-панорамы «Бородинская битва» (см.: Кутузовская изба. Путеводитель. М., 1982. С. 10–18).

[87] Имеется в виду временная Комиссия об улучшении мостовых в городе и переложении натуральной повинности содержания мостовых в денежную, учрежденная в 1865 г. под председательством С. М. Сухотина. Комиссия после нескольких лет работы, собрав все необходимые статистические и топографические данные, в январе 1869 г. представила в Общую думу обширный доклад, главный вывод которого заключался в том, что

ремонт всех мостовых в городе надо передать в ведение городской думы, а натуральную повинность домовладельцев по мощению отменить. Общая дума приняла решение по этому вопросу в конце 1874 г., согласившись с мнением комиссии (см.: Сборник очерков по городу Москве. С. 54).

[88] Улицы в Москве до начала 1850-х гг. освещались фонарями с конопляным маслом. С 1852 г. вместо конопляного масла постепенно стала употребляться скипидарная жидкость. Однако город освещался недостаточно равномерно, не все районы пользовались освещением в равной степени, на окраинах фонари были расположены друг от друга на большом расстоянии.

Между тем Западная Европа в это же время быстро переходила на газовое освещение: газовые заводы строились один за другим и в больших, и в малых городах, увеличивались в размерах и приносили высокие прибыли предпринимателям. В России первое газовое общество появилось в 1858 г., в Петербурге.

[89] Цитируется приговор Думы от 16 (а не 4) июля (см.: Приговоры. С. 35—38).

[90] Приговоры от 9 ноября 1866 и 15 февраля 1867 г. (там же. С. 111, 124—125).

Приговором от 9 ноября также было решено оставить без последствий предложение Московского товарищества сжатого переносного газа о принятии им на себя обязанности освещать все улицы, площади и переулки только в трех городских частях: Басманной, Лефортовской и Рогожской.

В 1888 г. газовый завод был передан Генеральному французскому и континентальному обществу освещения. В 1905 г., по окончании срока концессии, завод перешел в ведение Московской городской управы, а после 1917 г. стал собственностью Советского государства.

[91] Расходы общественного управления на народное образование до 1863 г. составляли всего 0,6% городского бюджета. 14 декабря 1863 г. Общая дума приняла решение об увеличении расходов на содержание городских начальных училищ (см.: Приговоры. С. 16—17).

Воскресные школы того времени предназначались для неграмотных и малограмотных детей и взрослых, но в 1860-х гг. они были закрыты. Городское общество решило возродить воскресные школы в начале 1870-х гг., после переписи населения Москвы 1871 г. Перепись показала, что среди несовершеннолетних рабочих в возрасте 12—16 лет неграмотные составляют 70%, а среди девочек — 80%. В 1876 г. Московская городская дума приняла «Поло-

жение о вечерних и воскресных школах для учеников ремесленных мастерских и для несовершеннолетних рабочих». Согласно этому документу, при всех мужских городских начальных училищах открывались для несовершеннолетних рабочих вечерние и воскресные школы, с 3-летним курсом обучения и годовой оплатой в размере 2 рублей (см.: Сборник очерков по городу Москве. С. 29–30).

[92] Упомянутые женские гимназии были открыты в 1860 г. и содержались частично на деньги обучающихся, частично — на частные пожертвования, главным образом купцов и мещан. Этих средств явно не хватало, и в 1863 г. попечительный совет гимназий обратился с просьбой в Московскую городскую думу принять участие в их содержании. Эту просьбу и рассматривала упомянутая комиссия, под председательством профессора Московского университета С. И. Баршева, созданная Думой для решения вопроса о городских начальных женских училищах.

[93] Приговор Думы от 2 декабря 1864 г. (см.: Приговоры. С. 47–48).

[94] Имеется в виду «Положение о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г., разрешавшее открывать училища общественным учреждениям и частным лицам, но оставившее учебную часть училищ в подчинении уездных и губернских.училищных советов.

Выбирая места для начальных женских училищ в окраинных частях Москвы, комиссия С. И. Баршева руководствовалась тем, что именно там проживало больше всего бедного женского неграмотного населения.

[95] *Комитет попечителей городских женских начальных училищ* был создан Думой в 1866 г., под председательством члена Московского уездного училищного совета, гласного думы протоерея Троицкой церкви (на Арбате) И. М. Богословского-Платонова. Он стал одновременно и попечителем Рогожского женского начального училища. Кроме него, в комитет вошли гласные Думы и попечители остальных четырех училищ: В. П. Вишняков (Замоскворецкого), Ф.Ф.Резанов (Сущевского), А. К. Крестовников (Лефортовского) и С. Ф. Фёдоров (Пресненского).

[96] Приговоры Московской городской думы. С. 66–68.

Утвержденного данным приговором штатного расписания Дума придерживалась и при открытии последующих женских училищ, увеличивая штаты постепенно. К концу 1867 г. все пять училищ были переполнены учащимися, и многим приходилось отказывать в приеме; всего в них обучалось в первом учебном году 298 девочек, что было на 48 больше положенного числа. Более половины всех учащихся принадлежало к сословию мещан и ремесленников, для которого собственно и предназначались эти училища. Из

остальных сословий числилось: 42 — крестьянина, 31 — солдатских детей, 40 — из купечества, 17 — из чиновников, 4 — из духовного звания (см.: *Щепкин М. П.* Указ. соч. Ч. 4. С. 39–40).

[97] Училище для глухонемых было открыто в 1860 г., на Малой Бронной, Э. К. Арнольдом, который сам был глухонемым. В 1820-х гг. он успешно прошел курс обучения в Германии, а потом освоенный метод обучения глухонемых решил применить в России. С этой целью Арнольд сначала открыл частную школу для глухонемых в Петербурге, но вскоре переехал в Москву, т. к. в Петербурге уже существовало училище для глухонемых.

Устав Арнольдовского училища и Попечительного о нем общества был одобрен Общей думой 17 ноября 1867 г. В 1869 г. он был утвержден министром внутренних дел.

[98] *Московское коммерческое училище* — старейшее специальное учебное заведение, основанное в 1804 г. Ежегодно его заканчивали в среднем 25–27 человек. Содержалось на средства городского бюджета и частные пожертвования. Находилось на Остоженке.

[99] *Консерватория* была открыта в Москве 1 сентября 1866 г. на базе «Музыкальных классов», созданных в 1860 г. педагогом и композитором Н. Г. Рубинштейном, при содействии Московского отделения Русского музыкального общества, руководителем концертов которого был Рубинштейн. Он же был первым директором консерватории. В составлении устава консерватории непосредственное участие принимал один из основателей Русского музыкального общества В. Ф. Одоевский. Московская консерватория не получала субсидий от правительства и содержалась исключительно на добровольные капиталовложения членов Московского отделения Русского музыкального общества, доходы от концертов и платы за обучение.

По решению Думы 9 ноября 1866 г., консерватория ежегодно получала пособие в размере 2 тысяч рублей на обучение 10 человек из всех городских сословий (см.: Приговоры. С. 114).

[100] Приговор Думы о «Щербатовском капитале» от 20 марта 1867 г. (там же. С. 125–126).

[101] См. приговор от 10 мая 1868 г.(там же. С. 162).

19 сентября 1869 г. Дума утвердила проект положения о Николаевском училище, которое было открыто 26 ноября того же года. Училище находилось в ведении городского общественного управления, под наблюдением Московского уездного училищного совета; на его содержание Дума выделяла из городского бюджета около 5 тысяч руб. в год. В училище принимались мальчики из всех сословий, достигшие 7 лет. За обучение вносилась плата — 3 руб. в год, сразу или тремя частями. Дети бедных ро-

дителей могли обучаться бесплатно, по усмотрению попечителя (там же. С. 199–201).

[102] Приговор от 20 марта 1867 г. (там же. С. 128–129).

Румянцевский музей — собрание книг, рукописей, монет, этнографических и других коллекций, составленное графом Н.П.Румянцевым и переданное после его смерти (1826) государству.

В 1831 г., в Петербурге, собрания Румянцева были открыты для обозрения, а в 1861 г. перевезены в Москву, где составили основу вновь созданного Московского публичного и Румянцевского музея. В июле 1862 г. в составе музея была основана библиотека. Румянцевский музей помещался в так называемом Доме Пашкова (ныне — старое здание Российской государственной библиотеки). В 1921–1927 гг. Румянцевский музей был расформирован, а его коллекции, кроме книг и рукописей, переданы другим музеям и картинным галереям. В 1925 г. библиотека была преобразована в Государственную библиотеку СССР им. В.И.Ленина, с отделом рукописей в ее составе.

Собрание рукописей и старопечатных книг В.М.Ундольского было приобретено Румянцевским музеем в 1866 г. за 25 тысяч рублей. Ныне оно хранится в отделах рукописей и редких книг Российской государственной библиотеки.

[103] Речь идет о Первой городской (или 1-й Градской) больнице, построенной в 1828–1833 гг. на Б.Калужской улице, по инициативе и под наблюдением тогдашнего московского генерал-губернатора князя Д.В.Голицына. Формально больница не принадлежала городу, т. к. находилась сначала в ведении Московского приказа общественного призрения, а с 1857 г. — Ведомства учреждений императрицы Марии. Фактически она содержалась на средства городского бюджета (около 51 тысячи рублей ежегодно). Исходя из этого, Общая дума и решила ходатайствовать перед правительством о передаче больницы городу (см.: Приговоры. С. 27). Вопрос этот был решен только в 1880-х гг.

Упомянутая Комиссия о преобразовании городской больницы была образована Думой 31 марта 1864 г., под председательством врача А.Т. Тарасенкова.

[104] Приговор от 20 марта 1867 г. (там же. С. 86–87).

[105] Постоянную Комиссию общественного здравия возглавляли: по медицинским вопросам — А.Т.Тарасенков, по прочим вопросам — П.Ф. Самарин.

[106] Приговоры Московской городской думы. С. 177–180.

В Первой городской больнице было два отделения, содержавшихся на частные пожертвования. Одно (для неизлечимо больных и увечных) существовало с 1840 г., на проценты с ка-

питала в 92 тысячи руб., пожертвованного Горихвостовым. Второе — так называемые *Акинфовские палаты* — с 1838 г. содержалось на проценты с капитала в 200 тысяч руб., пожертвованного подполковником А.А.Акинфовым на устройство 18 кроватей для бедных офицеров или гражданских чиновников. Из этих же процентов Акинфов назначил выдавать ежегодно врачу Акинфовских палат, сверх положенного жалованья, еще по 200 руб., священнику и прислуге — 204 руб. (см.: *Щепкин М.П.* Указ. соч. Ч. 1. Вып. 1. С. 639–640).

[107] О всех перечисленных в отчете решениях Думы по Временной городской больнице см.: Приговоры. С. 84–86, 95–96, 162, 172–173.

[108] Там же. С. 173–174.

Временная городская больница впоследствии стала постоянной, под названием 2-й городской больницы. После смерти А.А.Щербатова (в 1902), ей было присвоено наименование «Щербатовской». Ныне она входит в состав Первой городской клинической больницы им. Н.И.Пирогова.

[109] См. приговор Думы от 28 сентября 1866 г. (там же. С. 108–109).

[110] Доклад особой комиссии обсуждался на совместном заседании Общей думы и уездного земского собрания 15 мая 1869 г. В принятом по докладу постановлении указывалось на невозможность в то время отделить в финансовом отношении земство от города чертой Камер-Коллежского вала. Вследствие этого, Общая дума постановила поручить Распорядительной думе немедленно взять в свое заведование подгородные местности в финансовом отношении на прежнем основании и принять меры для скорейшего сбора всех причитающихся с этих местностей в пользу города сборов (см.: Сведения о деятельности Московской городской думы за 1869 год. С. 91).

Камер-Коллежский вал как черта Москвы был законодательно оформлен в 1878 г., с присоединением к городу некоторых частных земель в Хамовниках и городских выгонных земель за Пресненской и Покровской заставами. По Высочайше утвержденному плану Москвы 1878 г. ее территория составила 91,5 кв. км.

Письмо архиепископу Савве. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 262 (Савва). Карт. 45. Ед. хр. 55.

[1] См. комментарии 95 и 96 к «Отчету».

Письмо Ю.Ф.Самарину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 265 (Самарины). Карт. 209. Ед. хр. 9. Л. 1–6.

[1] В.Ф.Самарин баллотировался на должность участкового мирового судьи второго состава.

[2] Речь идет о брате начальника Московского арестантского дома Б.А. Нейдгардта. Он был забаллотирован дворянской фракцией Московской городской думы, которая инкриминировала Б.А. Нейдгардту превышение власти при аресте одного дворянина.

[3] Имеется в виду С.Ю. Самарина.

[4] А.А. Щербатов познакомился с известным украинским филологом, этнографом и общественным деятелем Я.Ф. Головацким в мае 1867 г. на Московской Всероссийской этнографической выставке и Славянском съезде. В качестве головы Щербатов тогда возглавлял комиссию из гласных Городской думы, занимавшейся вопросами приема гостей. Самое деятельное участие в комиссии принимал и Ю.Ф. Самарин. Головацкий также участвовал в подготовке выставки и даже пожертвовал на нее ряд предметов. На выставке и съезде Головацкий возглавлял группу русофильски настроенных украинцев-галичан (подданных Австрийской империи), которые были сторонниками объединения галичан с Россией. Последствием участия Головацкого в этнографической выставке и съезде было его отстранение от преподавания во Львовском университете и вынужденный отъезд в Россию. В 1868 г. Головацкий переехал в Россию и принял русское подданство. Он поселился в Вильне, был назначен председателем Виленской археографической комиссии и прожил там до конца своих дней. Головацкому, как и другим зарубежным славянам, сочувствующие общественные круги в России, особенно славянофилы, оказывали материальную помощь.

[5] Подразумевается заседание Московской городской думы 5 марта 1866 г., посвященное отчету А.А. Щербатова о деятельности Думы за первое трехлетие. Тогда он заявил о своем нежелании, по состоянию здоровья, повторно баллотироваться на должность городского головы, но в конце концов дал на это согласие, т. к. его просило большинство гласных.

[6] Ю.Ф. Самарин с октября 1867 г. находился в Праге, куда выехал для издания второго тома богословских сочинений А.С. Хомякова и первого выпуска своей книги «Окраины России». Печатание книг продолжалось более полугода, в течение этого времени Самарин несколько раз выезжал из Праги в Москву.

[7] Подразумеваются две думские комиссии: о пользах и нуждах общественных и о городской черте, в которых Ю.Ф. Самарин председательствовал.

[8] Речь идет о выступлении Ю.Ф. Самарина на заседани Московской городской думы 11 октября 1867 г., посвященном организации мелочной торговли на городских площадях. Информация об этом заседании и краткое изложение речи Самарина были напечатаны в № 125 «Русских ведомостей».

[9] 18 зеленных ларей было снесено на Моисеевской (Манежной) площади по постановлению Московской городской думы от 11 октября 1867 г., которая согласилась оставить там только 8 ларьков для торговли хлебом. Дума отклонила предложения занимавшейся данным вопросом комиссии об освобождении от ларей всех площадей. Решено было снести все лари только на двух площадях: Кудринской и Сенной. На Арбатской и на Варварской площадях все лари были оставлены (см.: Приговоры Московской городской думы. С. 142–148).

См. также комментарий 11 к «Отчету...».

[10] Имеется в виду строительство Бородинского моста и ремонт Хамовнических казарм (см. соответствующий раздел «Отчета...»).

[11] 30 июня 1867 г. император Александр II утвердил доклад министра финансов о пересмотре таможенного тарифа 1857 г. 6 октября того же года была учреждена так называемая тарифная комиссия из представителей заинтересованных ведомств и купеческого сословия. Перед ней поставили задачу изучения подготовленных Министерством финансов материалов и разработки проекта нового таможенного тарифа. Комиссия была разбита на 12 экспертных подкомиссий, в которых работали представители купечества; поэтому от Москвы и поехало 12 человек, в том числе члены Московского биржевого комитета и Московского отделения Мануфактурного совета.

Заседания комиссий начались в ноябре 1867 г. Московские эксперты составили обстоятельную записку, с позиций протекционизма, по всем группам ввозимых в Россию товаров. Записка была направлена не только против сторонников свободной торговли (фритредеров), но и против проекта Министерства финансов, предусматривавшего значительное понижение таможенных пошлин на ввозимые товары. Проект таможенного тарифа был составлен к 1 марта 1868 г. и 5 июля утвержден царем. Хотя он не являлся фритредерским, но оказался либеральнее предыдущего, т. к. таможенные пошлины были существенно снижены (см.: *Соболев М. Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. С. 221–226).

[12] Речь идет о поездке М. П. Погодина в Палестину в 1867 г.

[13] *«Русский»* — политическая и литературная газета, издававшаяся М. П. Погодиным с марта 1867 г.

Уже в конце июля 1867 г. Погодин убедился, что газета не имеет успеха и одному ему ее не потянуть. В августе того же года он обратился с предложением о совместном издании газеты к В. А. Бильбасову, но соглашение между ними не было достигнуто, и с 1868 г. Погодин прекратил выпускать газету (см.: *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003. С. 280–281).

[14] Подразумевается обед, устроенный М.П.Погодиным в мае 1867 г. для участников Московского славянского съезда в своем знаменитом доме на Девичьем поле.

Этот дом (в виде русской избы), построенный мастерами-умельцами по заказу Погодина в 1856 г., до сих пор стоит на Погодинской улице. В доме хранилась собранная Погодиным знаменитая коллекция исторических документов XII-XIX вв., названная им «Древлехранилищем»; в нем в установленные дни собирались все имевшиеся налицо в Москве представители русской науки и культуры. Два раза в году Погодин устраивал в доме многолюдные литературные вечера.

Девичье поле простиралось от Плющихи до Новодевичьего монастыря, от которого и получило свое название. В 1885 г. городские власти уступили часть обширного поля Московскому университету для строительства клиник. Ныне название Девичьего поля носит небольшой парк между Большой Пироговской и Клинической улицами.

Письмо Ф.В.Чижову. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 332 (Ф.В. Чижов). Карт. 64. Ед. хр. 2. Л. 5.

[1] *Литургия* — обедня с торжественным богослужением и причастием.

Письмо Ю.Ф.Самарину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 209. Ед. хр. 9. Л. 7—10.

[1] Год установлен по упоминанию о завершении строительства Бородинского моста.

[2] Щербатов уговаривал В.А. Черкасского сменить его на посту головы. Для участия в выборах необходимо было владеть недвижимостью в Москве не менее двух лет. У Черкасского не было такого имущественного ценза, т. к. он постоянно жил в своем имении в Тульской губернии.

[3] В 1867 г. в России разразился голод, от которого больше всего пострадали северные и восточные губернии. 23 января 1868 г. правительство учредило особую комиссию для оказания дополнительной помощи этим губерниям; в нее вошли представители ряда ведомств, несколько губернаторов, предводителей дворянства и представители общественности; в числе последних был и Щербатов. Комиссия работала гласно (протоколы заседаний печатались в газетах) и очень эффективно. По завершении ее деятельности, в октябре, членам комиссии, и в том числе Щербатову, была объявлена царским рескриптом благодарность.

[4] Подразумевается Главный комитет об устройстве сельского состояния, под председательством великого князя Константина Николаевича, действовавший с 1861 г.

Часть III

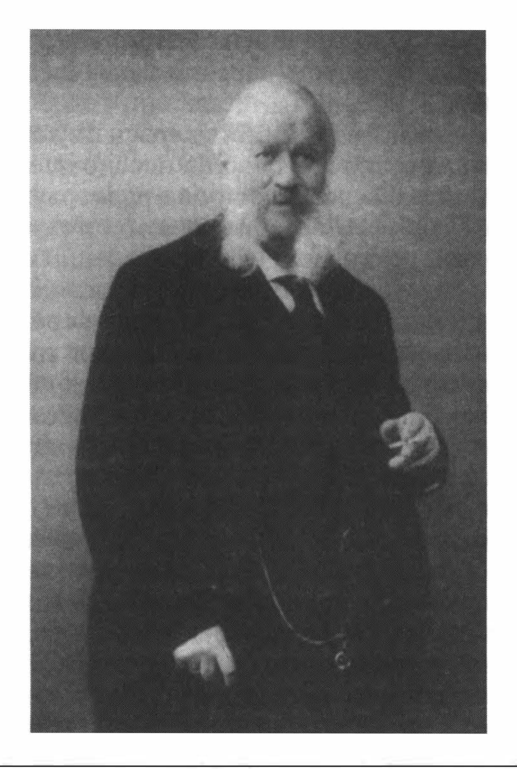
На поприще общественном и благотворительном

<Записка по вопросу о сроках военной службы>

При голосовании вопроса о сроках службы в соединенном заседании обеих комиссий 30 апреля[1] я подал голос за 4-летний срок службы в рядах, при 8-летнем сроке службы в запасе. Считаю своим долгом объяснить те соображения, которыми я при этом руководствовался.

Основная мысль предстоящей военной реформы, как она выражена в пункте первом основных начал Положения о личной военной повинности[2], состоит в том, что защита Отечества от внешних врагов есть священная обязанность, лежащая на всем народонаселении мужского пола, способного носить оружие. Применение этой мысли к практике даст государству возможность, при содержании в мирное время армии в возможно меньшем размере, в явное облегчение как народа, так и государственной казны, усиливать в военное время боевые силы быстрым призывом хорошо обученных запасных войск до громадных размеров, вполне обеспечивающих честь и безопасность государства. Мысль эта достаточно развита, как в записке господина военного министра от 7 ноября 1870 г., так и в записке о сроках службы, составленной для Комиссии об организации войск[3], чтобы следовало входить еще в какие-либо пояснения. Достаточно припомнить общий вывод, что чем более ежегодный контингент и, следовательно, чем короче срок наличной службы в рядах, тем скорее образуется запасная армия; и что в Пруссии и Австрии, осуществивших впервые военную реформу, о которой у

Князь А. А. Щербатов
Фотография И. Дьяговченко. 1889

нас идет речь, срок службы в постоянной армии определяется 3 годами, при 12-летнем общем сроке службы.

Как из вышеупомянутой записки о сроках службы, так и из прений, происходивших в заседаниях комиссий 27-го и 30-го апреля, выяснилось, что о трехлетнем сроке наличной службы в рядах, при условиях, в которых находится большинство русского народонаселения и военная у нас часть, не может быть в настоящее время и речи. Но затем представляется вопрос, на сколько срок этот должен быть продлен?

Естественно, при разрешении этого вопроса, весьма важного в экономическом народном отношении, но не менее важного в военном отношении, голос специалистов, т. е. военных, должен иметь первенствующее значение; и я считал бы вполне для себя неосновательным подавать голос за такой срок наличной в рядах службы, который отвергался бы всеми военными авторитетами. Но при некотором разноречии между самими военными относительно крайне необходимого для образования хорошего солдата срока, я не мог не подать голос за срок кратчайший, как таковой, который, удовлетворяя требованиям военных, вместе с тем, по моему убеждению, более соответствовал бы общим экономическим интересам страны и возможно близко подходил к основной мысли предполагаемой военной реформы — мысли, чтобы военная повинность, раскладываясь на большее число лиц, не отягощала, свыше необходимости, отдельные личности, ее несущие. По этим соображениям, я подал голос за 4-летний срок наличной службы как кратчайший из указанных военными специалистами. Мой взгляд на 4-летний нормальный срок наличной службы в рядах не был поколеблен теми соображениями, которые высказывались в пользу 5-летнего и, еще менее, 6-летнего срока, по следующим причинам.

Сознавая влияние всех существующих у нас, в сравнении, например, с Пруссией и Австрией, неблагоприятных условий для образования солдата — условий, на которые неоднократно указывалось, я не мог убедиться в том, что, кроме допущенного уже лишнего года пребывания в рядах, требовалось бы еще для достижения той же цели, как в Пруссии, лишние два года, еще менее — три года.

Недостаток в казарменных помещениях, несомненно, вредно влияющий на образование солдата, на который было указываемо, есть зло поправимое; и быстрота, с которою Россия покрылась сетью железных дорог, с той минуты, как этому делу был дан серьезный толчок, служит залогом и быстроты устройства казарменных помещений, если этому делу будет придано, как следует, значение государственной необходимости. При положении натураль-

ной квартирной повинности[4], правильном разложении ее на все государство и экономическом ведении дела, не полагаю, чтобы тяготы народные от того увеличились, а полагаю, напротив, скорее уменьшатся вследствие правильного их распределения. С устройством же казарм, часто приводимые соображения о невыгодных климатических условиях нашего Отечества сами собой в значительной доле отпадают.

Неудобство путей сообщения, служившее в прежнее время огромным препятствием к передвижению и комплектованию войск, с каждым годом, с развитием сети железных дорог, уже и в настоящее время перерезывающих Россию или, по крайней мере, населеннейшую ее часть, становится все менее ощутительным.

Затем, высказывались соображения более нравственного свойства в пользу продолжительности срока наличной службы в рядах: указывалось на отсутствие воинственности русского народа, требующее более продолжительного пребывания под знаменами для развития в солдатах воинского духа. Но те же самые военные, которые указывали на эту характеристическую черту славянского племени, вместе с тем заявляли о несомненных других качествах русского человека, делающих из него одного из первых солдат в мире; и вся наша военная история красноречиво свидетельствует об этих качествах.

Наконец, указывалось на невысокую степень развития образования в массе русского народа. На это надобно заметить, что многие из племен, входящих в состав Австрийской империи, где срок службы установлен 3-летний, не стоят выше русского племени в своем развитии. Нельзя не признать, что русский человек вообще щедро одарен умственными способностями; но вместе с тем, к сожалению, нельзя не признать низкого развития образования в массе русского народа, в чем, впрочем, обвинять его было бы несправедливо, так как слишком много неблагоприятных условий тому причиною. Условия эти в настоящее время отчасти улучшаются, и, по моему крайнему убеждению, предстоящая военная реформа может иметь самое суще-

ственное влияние на развитие русского народа, которое отзовется в недалеком периоде времени на всех отправлениях народной жизни, в том числе и на развитии его военной силы, т. е. армии.

Я хочу сказать о тех льготах, которые, по моему убеждению, должны быть дарованы грамотности при военной реформе.

Выделяя вопрос о грамотности из общего вопроса о льготах, которые нужно даровать образованию, я имел в виду то, что о льготах образованности (понимая под этим словом прохождение или окончание курса в средних и высших учебных заведениях или выдерживание соответственного экзамена) упоминается и без того в материалах, собранных для обсуждения вопроса о военной повинности на новых началах[5]. Принцип поощрения образования посредством льгот, которые ему даются в военной службе, признан всеми законодательствами, принимающими общую военную повинность. И нет опасения, чтобы у нас, где образованность в средних и высших слоях общества находится сравнительно на столь низкой степени развития, не было достаточно обращено внимания на то, чтобы вообще военная повинность не заглушала еще столь слабые зачатки среднего и высшего образования. Важность этого вопроса слишком очевидна, чтобы можно было опасаться за вполне благоприятное его разрешение. Хотя на грамотность, разумея под этим словом исключительно умение читать и писать, нельзя смотреть еще как на признак образования, а только как на орудие к развитию и образованию, но и в этом смысле она должна обратить на себя особое внимание, в особенности у нас.

Действительно, слабый процент поступавших по последним наборам грамотных рекрут доказывает осязательно и слабое развитие грамотности вообще в народе. Между тем, от успехов грамотности находится в зависимости как вообще развитие жизни народа, так и, в частности, улучшение армии. Значение грамотности в военном деле слишком очевидно, чтобы следовало о том распространяться, а увеличение процента грамотных в ежегодном

контингенте, призываемом для пополнения армии, очевидно зависит от развития грамотности во всем народе и от благоразумного сочетания тех условий, которые могут тому содействовать.

Действительно, если бы, например, грамотному рекруту дана была, против неграмотного, льгота в служении под знаменами хотя бы на один год, то очевидно, что эта льгота послужила бы сильнейшим поощрением простолюдину к обучению грамоте, указывая на непосредственную практическую от того пользу. Трудно ожидать, чтобы без сознания практической пользы народ, в настоящем периоде его развития, охотно бы посещал школу; это подтверждается осязательно слабым в настоящее время развитием грамотности в местностях земледельческих, сравнительно с местностями промышленными.

В даровании льгот грамотности в военной службе я вижу могущественный рычаг к поднятию общего уровня развития грамотности в народе, причем дарование этой льготы произошло бы, по моему мнению, не в ущерб, а в пользу военной организации армии. Польза эта отзовется в самом непродолжительном времени через постоянное возрастание процента грамотных людей, ежегодно поступающих в ряды армии.

Убеждение мое в пользе подобной льготы, как в общем государственном, так и в частном военном отношении, настолько сильно, что если бы было доказано, что невозможно предоставить годовую льготу грамотным при общем 4-летнем сроке наличной службы в рядах, я не усомнился бы согласиться на увеличение этого срока до пяти лет. В этом смысле я и хотел подать голос при баллотировании вопроса о сроках службы, если бы председателем не было мне указано, что всякая условность в подаче голоса не допускается.

Против дарования льготы грамотным новобранцам я слышал два главных возражения — одно общее, другое частное.

Общее заключалось в том, что представляется будто несправедливым искупать эту льготу ценою усиления

цифры ежегодного контингента, неминуемого ввиду сохранения в одинаковой норме числительности наличных войск. Действительно, подобное последствие неминуемо, и, по моему убеждению, в том нет ничего несправедливого. На льготу для грамотных никак нельзя смотреть как на привилегию, какою случайно пользуются те или другие личности: это, напротив того, право, которое, по своему существу, призвано год от году более обобщаться и тем самым поведет, самым органическим путем, к постоянному обобщению сокращенного срока службы в рядах. Увеличение ежегодного контингента ввиду льготы, предоставляемой грамотным, отнюдь не отзовется, как некоторые думают, особою тягостью на местностях, в которых грамотность уже в настоящее время более развита, а равномерно разложится на всю русскую территорию, ибо исчисление общего контингента, при соображении льготы для грамотных, будет делаться не по местностям, а по всей России в совокупности.

Другое возражение, которое делалось, основывалось на частных военных соображениях. Говорилось, что армия нуждается в грамотных людях преимущественно для своего унтер-офицерского состава и что унтер-офицерская служба, столь существенная для образования хорошей армии, требует более продолжительного срока службы, против службы рядовой, но отнюдь не допускает сокращения сего последнего срока. Вполне сознавая всю важность благонадежности во всех отношениях унтер-офицерского состава в армии, я, однако, никак не могу согласиться, что хорошим средством к достижению этой благонадежности было бы отягощение, через продление срока обязательной службы, людей, способных сделаться унтер-офицерами. Полагаю, напротив, что этот прием, если не немедленно, то в некоторый период времени, достаточный для того, чтобы народ понял невыгодность оного для себя, может иметь самое вредное влияние на развитие как его, так и нашей армии. Естественно, когда простолюдин увидит, что грамотные оставляются обязательно на службе на более продолжительный срок, против неграмотных, хотя

бы в унтер-офицерском звании, то это не только не послужит ему поощрением посылать своих детей в школу, но, напротив того, оттолкнет его от нее. Полагаю, что, при необходимой продолжительности срока службы в унтер-офицерском звании, следует привлечь к этой службе людей всякими способами, кроме обязательности, которая несомненно отзовется вредно и на самой армии.

<Май 1872>

Князь А. А. Щербатов

Письма

КНЯЗЮ В. А. ЧЕРКАССКОМУ

С. Нара. 19 августа <1872 г.>[1]

Любезный Черкасский!

Проездом через Москву (11 августа) я заезжал к тебе. К сожалению, не застал дома. Пишу тебе сегодня несколько строк, чтобы узнать, что у вас в Москве делается. В особенности интересует меня участь думской депутации в Белград[2]. Я знаю, что она не состоялась, но не знаю, как до того дело дошло.

Какие приготовления делаются к приему членов Статистического конгресса?[3] Хороши ли финансовые дела Выставки[4] вообще и Народного театра в особенности? Есть ли надежда на продолжение его существования?[5]

Как идет ваш поземельный банк?[6] Вчера я получил телеграмму, извещающую меня об утверждении <устава> Екатеринославского банка, которого я состою учредителем, вероятно, без учредительских прав. Тем не менее надеюсь, что дело будет хорошее: местность богатая и нуждающаяся в кредите; ни одного банка, кроме конторы Государственного банка[7], там не существует.

Съездил я в свое новое Волынское имение благополучно; благодаря Бога, урожай там хороший, цена на лес немного поднимается, а у меня его пропасть. В имении я пробыл всего шесть дней, засиживаться там не мог, торопившись вернуться к моей жене<*нрзб.*>; в Москву не скоро приеду. Надеюсь, что ты не откажешься черкнуть мне словечко про то, что у вас делается.

Князь В. А. Черкасский

Еще просьба: пришли мне пожалуйста некоторые брошюры и другие сведения, относящиеся до устройства ссудо-сберегательных товариществ[8]. Ты обещал мне несколько экземпляров издания Моск<овского> общества сельск<ого> хозяйства[9], но не прислал. Я читал в газетах, что на Выставке продаются разные по сему предмету брошюры; что соберешь, пришли в мой дом.

Затем прощай, дружески тебе кланяюсь и желаю всего лучшего.

Князь А. Щербатов

Б. Н. ЧИЧЕРИНУ

29 марта 1873 г.

Любезный друг Чичерин,

Истинно порадовался я твоему письму и спешу на него отвечать. Угрызения совести, что так давно тебе не писал,

отчасти устраняются тем, что я знал, что моя жена в переписке с тобою. Жена искупит прегрешения мужа. Зато я ей тотчас же принес твое письмо, и мы вместе порадовались духу его, отзывающем полным, спокойным счастьем, т. е. самым желанным, самым прочным. От себя прибавлю, что ты уж слишком увлекаешься прелестями деревенской жизни и забываешь, что и в городах живут хорошие люди, которых не грех было бы навестить <...>

Я не возвращусь к декабрьским выборам[1], ибо все, до них относящееся, тебе хорошо известно из писем моих и моей жены; скажу только, что эгоистически очень доволен, что так разыгрался вопрос о моей личности; но так как я не совсем эгоист, то для дела это очень грустно; и я слишком любил и люблю Москву, чтобы злорадствовать тому торжественному публичному уроку, который задала городскому обществу Ляминская история[2]. Эта история получила слишком большую огласку, чтобы следовало о ней много распространяться. Но из нее можно, как правительству, так и обществу, извлечь разные поучительные выводы. Дурново явился дурным орудием дурного направления администрации и сильно ее компрометировал, а Лямин.., но мне *неудобно* вдаваться в критику моего, так недолго торжествовавшего соперника; но и не вдаваясь в критику, можно, кажется, надеяться, что урок обществу проходит не даром. Кашу заварили, а расхлебывать ее нелегко.

У нас были вторичные выборы. Разумеется, я отказался при первом же заявлении, Черкасский отказался тоже; баллотировался один Пороховщиков и, разумеется, провалился[3]. А дальше что? На завтра опять назначены выборы и тоже не состоятся. Придется оставаться без головы и пробавляться его товарищем Ладыженским, к счастью, человеком довольно подходящим[4]. Как бы то ни было, город страдает из-за купеческого сословного самолюбия и административной близорукости. Долгоруков и Тимашёв были так довольны, что меня не выбрали!

Но довольно о городских делах, о которых достаточно пишут в газетах. О себе скажу, что, благодаря Бога, мы жи-

вем счастливо, *хотя и в городе*. Жена и дети здоровы, дети усердно занимаются, все мы заняты. Так что не видим, как время проходит, хотя развлечений мало, немногим больше, чем в деревне <...>

Прощай, любезный друг, надеюсь на свидание. Кланяюсь твоей жене.

Кн. Щербатов

Б. Н. ЧИЧЕРИНУ

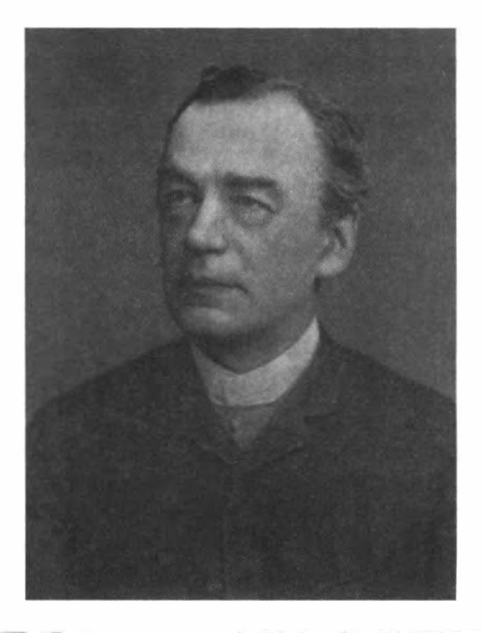
С. Нара. 2 августа 1875 г.

Любезный друг Чичерин,

Я получил твое письмо. Как досадно было, что мы с тобою не виделись в Москве, куда, как нарочно, съехались из разных сторон в один и тот же день. Иван Абрамов[1] мне сказал, что видел тебя в аптеке, но уже поздно, когда ты узнал, чтобы тебя послать в мой дом, когда ты приехал.

Ты пишешь, что предполагаешь зиму провести в Тамбове. Естественно, при этом известии возникло во мне сожаление, отчего не в Москве; но, вероятно, ты имеешь на это серьезные причины, а то как хорошо было бы провести зиму вместе. Приезжай по крайней мере хотя бы на короткое время видеться с твоими друзьями.

Тебе ложно донесли на меня, будто я не ездил в Саратов. Действительно, Машенька была больна скарлатиною после Святой[2], ее карантин кончился в начале мая, а в половине мы поехали с Сонечкою[3] сперва в <*нрзб.*> имение (из Рязани по Оке). Там провели великолепно с неделю, затем спустились по Оке до Нижнего[4], пересели на американский пароход и доехали по Волге до Вольска[5]. Заехали к брату Владимиру[5] и прогостили у него с неделю; оттуда заехали в свое Вольское имение, где я 7 лет не был. Затем, через Саратов, вернулись без остановки в Нару. Очень жаль, что вас в то время не было в Карауле[6], вследствие чего мы не могли вполне исполнить нашу программу. В Наре я живу с конца июня и недели через три собираюсь со всем семейством в Хорошее[7] искать хорошей осени.

К. А. Раухфус

Прежде твоего письма, имел уже письмо о Звонарёве от кн. Екат<ерины> Андр<еевны> Гагариной. Я ей отвечал и могу повторить тебе только то же. По уставу, мною же выработанному, Совет больницы Св. Владимира[8] право приглашения всего медицинского персонала предоставляет главному доктору. Иначе, мне кажется, и быть не должно, ибо для оценки специалистов нужно быть самому специалистом. Притом, вся ответственность за медицинскую часть лежит на главном докторе, а потому ему и должна быть предоставлена возможность окружить себя личностями, которым он доверяет. Я безусловно отклоняю от себя все просьбы по медицинской части. Я бы охотно адресовал бы Звонарёва к главному доктору, но в том-то и беда, что до сих пор эта личность не существует. По *секрету* скажу тебе, что, вероятно, мы возьмем того,

на кого нам укажет д<окто>р Раухфус (знаменитость по детским болезням в Петербурге). Раухфус принимает деятельное и живое участие в устройстве Дервизской больницы[9] в Москве, а потому, если Звонарёв действительно хочет получить место при больнице Св. Владимира (Дервизской), то лучший путь — это обратиться к д<октор>у Раухфусу — главному доктору (директору) Детской больницы принца Петра Ольденбургского[10].

Я также писал княгине Гагариной, что *ординаторских* мест при больнице Св. Владимира не полагается в том смысле, как это принято в других больницах. Организация следующая: главный доктор и его помощник (врач для приходящих) квар<тируют> при больнице. Старшие врачи (жалованье 1000 р.) — без квартиры, с обязательным ежедневным посещением больницы. Утром — врачи-ассистенты (жалованье 500 р. и квартира и стол). Это предполагаются только что окончившие курс студенты, которые в течение 2-х лет будут доканчивать при больнице свое специальное клиническое воспитание.

Вот тебе достаточно подробное изложение всего дела, которое ты можешь передать Звонарёву. Считаю не лишним прибавить, что Раухфус относится к выбору врачей очень строго. Больница не будет открыта ранее будущего лета.

Затем прощай, любезный друг. Очень, очень жаль, что не виделись. Мой и моей жены усердный поклон Александре Алексеевне[11].

От души тебе преданный

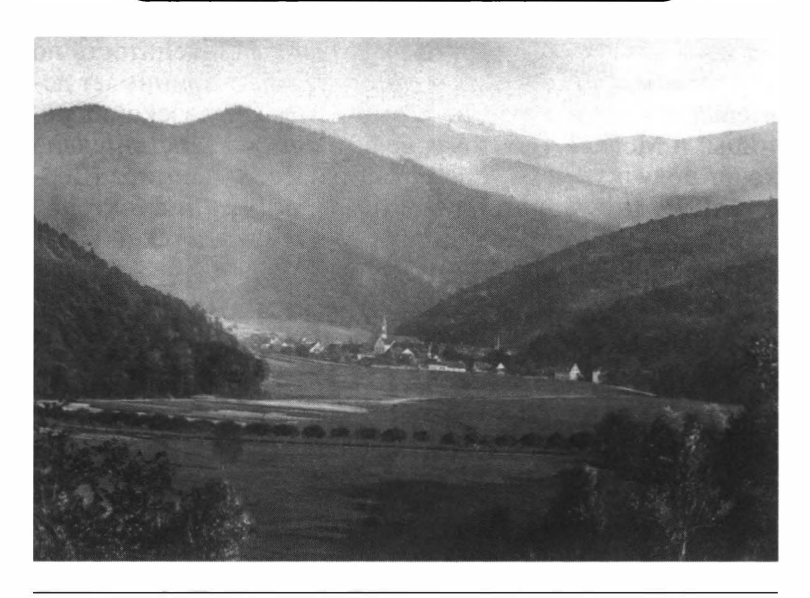
Кн. А. Щербатов

Д.Ф. САМАРИНУ

Ментон[1]. 11/23 ноября 1876 г.

Любезный Дмитрий Фёдорович,

Несмотря на благотворный воздух Ментона, несмотря на то, что я пишу Вам при растворенных окнах и блестя-

Вид Ментоны
Фотография. 1882

щем солнце, как бы в июле, мне душно здесь. Душа томится по России, и хотелось бы жить с нею в настоящее время одним биением сердца, но это для меня невозможно, и я безропотно покоряюсь моей судьбе, моля Бога, чтобы цель моего путешествия — здоровье моей дочери[2] — была бы достигнута. В жизни приходится часто жертвовать собою, и не всегда громкие жертвы самые трудные.

Тяжело мне было уезжать из Москвы, когда тучи были только на горизонте. Еще тяжелее стало, когда подробности о проезде Государя через Москву наконец дошли до меня, с последующими за тем многозначительными действиями нашего правительства[3]. Но всего труднее было мне на днях, когда я получил от Черкасского по телеграфу предложение быть одним из двух уполномоченных Красного Креста, в случае войны[4]. Я пережил одну из труднейших минут моей жизни — борьба внутренняя была страш-

но тяжелая. Скромный долг отца семейства взял верх, совесть моя меня одобряет, но тяжело было, тяжело и поднесь, и каждая приносимая газета растравляет раны. Ни в какой форме участие мое в настоящей страшной борьбе не было мне более по сердцу, как именно та, которая мне предлагалась. Я не позволял себе думать предложить мои услуги, а тут их как бы требуют! А мне пришлось отказать. Тяжко и очень тяжко, и Вы вернее поймете, что происходило и происходит в моей душе. Надобавок, всю эту борьбу я должен тщательно скрывать от семьи, в особенности от моей больной дочери.

Не посетуйте на меня за то, что я дал волю моему перу в письме к Вам: не раз уже Вы высказывали сочувствие ко мне и, верно, будете сочувствовать и теперь. Я позволил себе перенести на Вас часть тех чувств, которые питал к Юрию Фёдоровичу[5]; и как часто я вспоминаю о той нравственной опоре, которую я в нем находил — опоре для моего ума и сердца. Пишите мне, пишите мне длинные письма, я жажду новостей из России, газетных сообщений недостаточно. Мне хотелось бы проникнуть в глубину того, что думается и чувствуется у нас.

Адрес Думы (Аксакова!) великолепен, но еще более великолепна в своей простоте речь Государя[6]. Телеграмму Черкасского я получил через несколько часов по прочтении этой речи, и, находясь под живым их впечатлением, каково было мне отвечать отказом! Прибавил в утешение себе: «pour le moment»*, — но слабо это утешение. Впрочем, будущность в руках Божьих.

Вызывая Вас на длинные письма, я вряд ли могу отплатить Вам тем же. В другое время я с восторгом описал бы Вам великолепную природу, меня окружающую, прелести которой я умею ценить. Описал бы Вам, как отлично мы устроились здесь, вдали от города, от всякого шума и треволнений. Но тишь эта некстати, и во всем этом чувствуется какое-то противоречие с тем, что происходит в душе.

---

* «Пока что» (*фр.*).

Скажу только, что, благодаря Бога, в семье благополучно. Не могу еще похвалиться резкою переменою к лучшему в состоянии здоровья Машеньки, но по крайней мере ей получше. Голоса все еще нет, силы все еще мало, но уповаю на Бога, что под влиянием климата и вполне здорового образа жизни силы понемногу восстановятся, а с ними, говорят доктора, вернется и голос сам собою.

Русских в Ментоне мало, и с теми, что есть, я мало сближаюсь. Тут, впрочем, я пригласил к себе обедать профессора Киевского университета Иванова, знаменитого окулиста и симпатичного человека; но он так болен, что, того и гляди, наше знакомство закончится отпеванием.

Ницца ($1^1/_2$ часа отсюда) кишит русскими, но мало привлекательными, кроме кн. Марии Александровны Мещерской и Дмитрия Михайловича Голицына. В Ницце я был только раз и еду завтра к обедне по случаю дня рождения матушки[7].

Адрес мой, которым, я надеюсь, Вы вскоре воспользуетесь: France. Alpes Maretimes. Mentone. Villa Marguerito.

Затем прощайте. Крепко жму Вам руку. Варваре Петровне[8] мой усердный поклон, а детям, смотря по возрасту: кому пожмите руку, кого поцелуйте, а кого и ущепните.

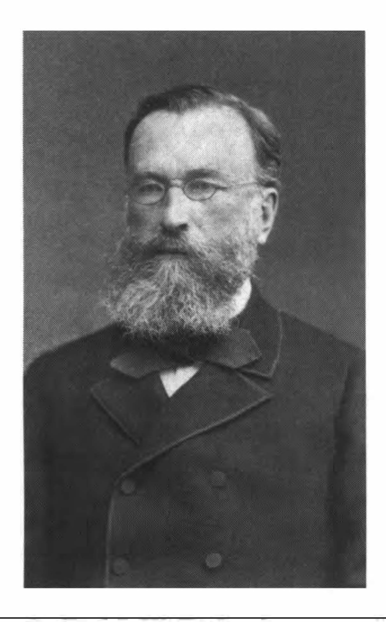
Кн. А. Щербатов

Что делается в Думе?

Д. Ф. САМАРИНУ

Ментон. 22 декабря 1876 г.

Благодарю Вас, любезный Дмитрий Фёдорович, за письмо Ваше от 7 дек<абря> и за сообщенные сведения о городских выборах[1]. Печальное явление — отсутствие политического и даже простого здравого смысла <*нрзб.*>. Вы говорите о возможности выйти из гласных, если обстоятельства на это нас вынудят[2]. Не полагаю, что такие обстоятельства встретятся, и выходить из гласных, кажется, не следует ни поодиночке, ни всем вместе, в особенности в

Д. Ф. Самарин
Фотография. 1883

теперешнее время. Жду с большим любопытством новостей о выборе головы. Читал в Моск<овских> Ведомостях, что называют Вас, Третьякова, Аксакова и меня. Обо мне и речи быть не может, а, во избежание всякого недоразумения, я послал Ладыженскому вторичный отказ[3].

Если новая Дума будет выбирать новых попечителей городских училищ, то, хотя это дело и не по мне, но так как Вера Дмитриевна Свербеева требует, чтобы я остался, то я согласен предоставить мое имя в ее распоряжение[4].

Вы осуждаете Тимирязева за его выход из Управы, а мне кажется, что он поступил как следует и даже с самопожертвованием. Не давать же, правда, Ланину и ком п<ании> оплевывать себя[5].

Что Вам написать о себе? Нам тепло, когда вам холодно. Жизнь моя течет тихо и спокойно, исключительно в

семейной среде; много гуляю, много читаю, восхищаюсь природой, изредка езжу в Ниццу к обедне и за политическими новостями, которые туда иногда заходят в лице приезжающих из России. До Ментона же никаких новостей не доходит, и единственный отголосок современных событий состоит в том, что гостиницы наполовину пусты вследствие отсутствия русских и англичан. В одном отношении я очень рад, что меня нет в России — это в том, что я не присутствую в той перемене фронта общественного мнения, отголоски которой доходят даже сюда. Кажется, достается и Черкасскому. Правда ли, что Пётр Фёдорович едет с Черкасским? Впрочем, полагаю, что вследствие продолжительного перемирия никто никуда не едет[6].

Я доволен, что в конце концов капитал, собранный на премию имени Юрия Фёдоровича, передали Моск<овскому> университету. Соглашусь, я мало доверял Географическому обществу, о котором была речь, — это, кажется, одно из тех обществ, полезная деятельность которого есть только счастливая случайность. Как велик капитал? Когда будете писать мне, сообщите и некоторые подро<бности> о назначении, которое ему дано[7].

Письмо это дойдет до Вас к Новому году. Примите мои Вам и всему семейству вашему лучшие пожелания. Что-то 1877 год готовит нам, но предшествовавший был богат всякого рода треволнениями.

Поцелуйте от меня ручки у Софьи Юрьевны и поздравьте ее и гр. Марию Фёдоровну[8] с Новым годом. Пётр Фёд<орович> остается ли губ<ернским> предв<одителем> дворянства?[9]

Вам искренне преданный

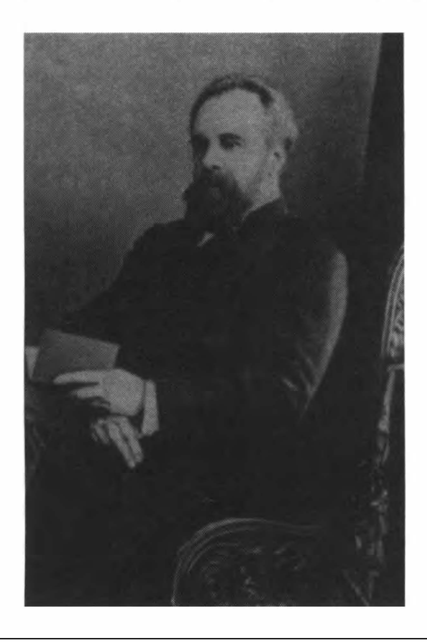
Кн. А. Щербатов

Д. Ф. САМАРИНУ

Ментон. 5/17 февраля 1877 г.

Любезный Дмитрий Фёдорович,

Благодарю Вас за письмо от 24 января и за то, что Вы поделились со мною впечатлениями, вынесенными Ва-

С. М. Третьяков

ми из Губ<ернского> земского собрания. Еще до получения вашего письма я знал, что у Вас было столкновение с Черкасским, но в чем оно состояло, я не знал[1]. Про существо дела я, не имея в руках доклада, разумеется, рассуждать не могу, но о форме прений, которые, по вашему отзыву, приняли характер раздражительный, я не могу не пожалеть, подобно тому, как и сами Вы о том сожалеете, признавая себя отчасти в том виноватым. Действительно, в ваших сношениях с Черкасским проявляется какая-то fatalité*. Я уверен, что в существе ни та, ни другая сторона вовсе не желает ссоры, даже всячески желала бы ее предупредить, а на деле выходит карамболь. Искренне желаю, чтобы последнее столкновение не оставило бы по себе серьезных последствий коренной размолвки и чтобы

* Фатальность, рок (*фр.*).

следы его помаленьку сгладились, чему время и *Пётр Фёдорович*[2] могут способствовать. Я следил по Московским Ведомостям за земским собранием. Хорошо, что земство исполнило свой долг, помянув, как следовало, Юрия Фёдоровича[3].

А что делается в Думе при новом голове? Третьяков мне как человек очень симпатичен, из купцов лучшего выбора нельзя было сделать[4]. Весь вопрос состоит в том, кем он себя окружит. Не отказывайте ему в добрых советах, за которыми он, вероятно, будет обращаться. Кто замещает Щепкина?[5] Моим кандидатом был бы В. И. Астраков, один из инспекторов по строительной части, который при мне был помощником Лосева[6] — трудолюбивый и честный человек<*нрзб.*>.

О себе могу сказать Вам мало. Жизнь течет однообразно приятно. Единственное разнообразие состояло в поездке на несколько дней во Флоренцию, где, впрочем, после Ментона мне показалось холодно.

Прощайте, любезный Дмитрий Фёдорович. Передайте мой дружеский поклон Варваре Петровне, Марии Фёдоровне, а Софье Юрьевне поцелуйте ручки.

Кн. А. Щербатов

Б. Н. ЧИЧЕРИНУ

С. Нара. 21 июля 1881 г.

Любезный друг Борис!

Как только я вернулся из Петербурга, я возымел мысль писать тебе, чтобы дать отчет о там происходившем; но первые дни я был ужасно утомлен и прихворнул, а потом свадьба дочери[1] монополизировала все мое внимание. Благодарю тебя сердечно, что ты вспомнил о нас в эту важную эпоху нашей жизни. Твое письмо пришло накануне свадьбы и заменило отчасти присутствие твое на ней. Хотя и в настоящее время я мало имею свободного времени, тем не менее откладывать письмо до другого

дня не желаю, в надежде, что оно придет к тебе к 24 июля и мои поздравления и наилучшие пожелания дойдут до тебя к этому сроку.

Что сказать тебе о Петербурге. Во-первых, грустно мне было не видеть тебя в среде нашей, и, как подумаешь, что тобою пожертвовали кн. Васильчикову[2], стало даже досадно. Мы проработали в Петербурге целый июнь и, можно сказать, работали неустанно, понимая всю нашу нравственную ответственность, как по отношению серьезного вопроса, по которому мы должны были высказать свое мнение, так и вообще успеха первого призыва экспертов. К сожалению, не все поняли это последнее соображение, и в нашей среде образовался раскол, не мотивированный серьезными причинами. Из 12-ти — 6 составили большинство: Самарин, Галаган, Дмитриев, Калачов, Колюпанов и я[3].

Первым поднял знамя раскола Васильчиков: он тщился образовать группу, но в конце концов остался один. Он поддерживал труды комиссии Домонтовича, и весьма нелогично и несвязно пристало к нему распространение меры на всю Россию[4]. Председатель Харьковской губ<ернской> управы Бекарюков представил особое мнение, дикое по существу и по форме. Наумов[5] сделался центром группы четырех: Горчакова (пред<седателя> Петербургской управы), Шаталова и Оленина (Тверской). Сей последний в последний день отделился от Наумова и не пристал ни к кому. Наумов потрудился много, но мало успешно. Он отправился с узкой точки зрения, строил на ненадежных данных и, в результате, представил труд большой, но который мы с Дмитриевым, во главе, опрокинули безусловно. Мнение большинства, т. е. наше, было принято министрами, и это — надежда, что мы поработали не напрасно.

Я принял за правило не говорить о существе нашего доклада, покуда он не явится официально на свет Божий, и мы условились не давать пищи алчущим журналистам. Скажу тебе письменно одно, — что мы остановились на мысли общего понижения для всей России, на что потребно 9 миллионов, и на специального <понижения> для

отдельных местностей, находящихся в особо неблагоприятных условиях во всей России, на что, по нашему предположению, нужно 3 миллиона, вдобавок к общему. Вероятно, последняя цифра будет увеличена в ущерб первой[6].

Мы имели 18 заседаний в июне: 4 — с министрами и 14 — отдельно. Написали огромный доклад: $^{3}/_{5}$ — Самарин, $^{1}/_{5}$ — я, $^{1}/_{5}$ — Колюпанов. Кроме того, Самарин написал 2 доклада, а я — 1, по отдельным вопросам в связи с общим. Самарин так утомился, что заболел, и притом серьезно: опять приливами к мозгу. Его отправили с сыном Федей в Киссинген, но я его видел перед отъездом, 14 июля, и он несколько оправился и окреп.

Я тоже очень устал и, в виде отдыха, должен пройти через все волнения и суету свадьбы. Слава Богу, она справилась отлично, и наша молодая чета блаженствует в тульском имении Новосильцова.

Прощай, любезный друг. Крепко тебя обнимаю. Самый дружеский поклон Александре Алексеевне и такой же поцелуй Улиньке[7].

Кн. Щербатов

<P.S.> До 20 августа предполагаю, наконец, сидеть в Наре, куда мы ждем молодых 16-го августа. Затем предполагаю путешествовать по имениям с Оленькой.

Д. Ф. САМАРИНУ

С. Александровка[1]. 24 августа 1883 г.

Любезный Дмитрий Фёдорович,

И. С. Аксаков передал Вам о моем намерении выйти из Думы вследствие Чичеринского казуса[2]. Он же сообщил мне о результате Вашего совещания с Аксёновым, на котором вы пришли к заключению, что никому выходить не следует ввиду того, что выход нескольких гласных был бы понят только как выход личных друзей Чичерина и был бы с руки начальству. Эти соображения вески, и я немало

М. А. и Ю. А. Новосильцовы
Фотография И. Дьяговченко. Начало 1880-х гг.
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

поломал над ними голову, прежде чем решиться на тот или другой поступок.

Проездом через Москву (17 августа) виделся я с Аксаковым и Аксёновым и пришел к убеждению, что мне лично все-таки выйти из Думы следует. С одной стороны, я нахожусь в исключительных личных дружеских отношениях с Чичериным со дня поступления в университет (38 лет). С другой стороны, я моим выходом не могу принести вреда учреждению, которому я последние два года так

С. А. Петрово-Соловово
Фотография А. Эйхенвальда. 1878
(Из собрания Российской государственной библиотеки)

мало был полезен и которому я и впредь полезен быть не мог, так как мое здоровье препятствует мне принимать участие в общественных делах: для этого я стал слишком впечатлительным и раздражительным, по чисто физическим причинам. Аксаков и Аксёнов признали основательность моих доводов, и я вручил <последнему> мое письмо о выходе, предоставив ему заявить о нем в тот момент, который он сам признает более удобным для спокойствия в Думе (вероятно, после первого заседания)[3]. Я не придаю моему поступку никакого вызывательного характера, не желаю показывать примера и побуждать других ему следовать, но лично я иначе поступить не мог. Никому, кроме

упомянутых 3-х лиц, я об этом в Москве не говорил, но почел себя нравственно обязанным Вам об этом написать.

Я гощу у дочери моей Соловой, затем приеду, вероятно, в Саратов заключать сделку с крестьянами о продаже им земли по 3 десятины на душу, по 40 рублей, при содействии Крест<ьянского> земельного банка[4]. Я был уже там в июне. Крестьяне переминались с ноги на ногу, несмотря на выгодные условия. Только что я уехал, прислали мне приговоры[5] — одно село, другое ждет; придется ехать вторично, ибо этого важного и нового дела поручить никому не могу; тем более, что в Саратове у меня новый управляющий, причем малограмотный, хотя дельный — из породы бурмистров. Думал ехать еще осенью в киевское и екатеринославское имения, куда перевел бывшего саратовского моего управляющего и где дела расклеились, но не хватит сил всего этого сделать. Большие путешествия стали меня очень утомлять, и, более того, я наездился за эти лета немало.

Прощайте, любезный Дмитрий Фёдорович. Крепко жму Вам руку и прошу передать дружеский поклон Варваре Петровне.

Искренне преданный

Князь А. Щербатов

Речь, произнесенная на обеде в день юбилея Д. А. Наумова 6 октября 1890 г.

Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич!

Позвольте мне, как постоянному свидетелю Вашей деятельности, как Вашему сотруднику в течение долгого времени[1], сказать Вам несколько слов.

Сегодня мы празднуем 25-летие служения Вашего, но служба службе рознь; мы чествуем в Вас 25-летний труд — труд постоянный, плодотворный, систематичный, одушевленный искренней любовью к идее и делу, которым Вы служили. Московское земство под Вашим руководством стремилось удовлетворять не только насущным потребностям, но составило целый план своей деятельности. Отчасти оно его выполнило, но, разумеется, остается еще много сделать.

Статистическими исследованиями Московской губернии Вы положили прочное основание будущей деятельности земства. Труд этот не всеми может быть оценен, но он существен. Непосредственная заслуга его принадлежит покойному В. И. Орлову[2], но за Вами заслуга находить таких людей, как Орлов, уметь ими руководить, направлять и поддерживать их деятельность.

Не стану делать перечня всего, совершенного земством за 25 лет, воздержусь воспевать ему хвалебные гимны, но сошлюсь на факты. Они налицо и невидимы только для предубежденных и легкомысленных критиков земства. Много сделано, но, очевидно, предстоит еще многое сделать; но когда же в жизни можно считать, что дело закончено. Были несомненные ошибки, но ошибки не ор-

ганические, а такие, которые могут быть и будут исправлены.

Нельзя не обратить особенного внимания еще на другую Вашу заслугу. Оберегая постоянно достоинство земства, пользуясь всеми правами, ему законом предоставленными[3], и не переходя границ, ему законом определяемых, Вы вместе с тем, по мере возможности, избегали столкновений с правительственными учреждениями и с Московской городской думой, учреждением с земством параллельным. Утверждаю, что принципиальной оппозиции правительству в московском и других земствах никогда не было и нет. Но слишком идиллично было бы думать, что всякие столкновения могут быть избегнуты. В природе жизни — столкновения и самые правительственные учреждения в своих взаимных отношениях от них не свободны. Земству, как учреждению новому, в этом отношении предстояла задача особенно трудная. Вы сумели ее посильно разрешить. Как опытный кормчий, Вы вели вверенное судно ровным ходом, избегая отмелей и подводных камней. Таково было Ваше призвание назад тому 25 лет, таково Ваше призвание и теперь, при новой реформе земских учреждений.

Этой реформе предшествовали зловещие слухи, грозящие самой идее земства в корне. Если бы им верить, можно было опасаться, что форма останется без содержания, тело — без души. Слава Богу, эти опасения не оправдались. Высочайше утвержденным 12 июня 1890 г. Положением[4] верховная власть признала и подтвердила значение земства в общем строе государственной жизни. Круг деятельности земства не умален, не уничтожен рассадник людей, могущих быть полезными обществу и государству. Горе тому обществу, где каждый гражданин сделался бы равнодушным или безучастным в деле общем, — этого на Руси не будет!

Поднимаю бокал за жизненность и развитие земства и за здоровье одного из лучших его представителей, почтенного Д. А. Наумова!

Кн. А. Щербатов

Письмо Ф. Д. Самарину

Карлсбад[1]. 2/14 июля 1894 г.

Любезный Фёдор Дмитриевич!

Получил твой доклад о школах[2] и был очень тронут тем, что ты вспомнил обо мне. Прочел с большим интересом, сочувствием и одобрением. В первый раз выяснил различие между земскими и церковно-приходскими школами — об этом часто толкуют страстно и предубежденно. В твоем докладе вопрос обсужден основательно и спокойно, и верно указано на главное различие. Жаль, что губернаторская цензура выкинула *соль* доклада, но думаю, что Победоносцев все-таки прочтет пропущенные места[3]. Надобно надеяться, что, во всяком случае, он призадумается, когда прочтет такой доклад.

Как подло представители Духовного ведомства отказались от участия в совместном обсуждении доклада[4]; могли бы придумать более приличные мотивы отказа, если уж не хватило у них духа обменяться мнениями. Не знаю, как доклад прошел в земском собрании, но не сомневаюсь, что он был принят[5].

Вот — четвертая неделя, что я с Машенькой в Карлсбаде, а Верочка с мужем — во Франценсбаде[6]. Лечение, по-видимому, всем на пользу. В Карлсбаде живется отлично, во Франценсбаде — скучно. Жена ездит сюда каждую неделю слушать симфонические концерты. Машенька и я ездим во Франценсбад (врозь) каждую неделю. Верочке позволили приехать сюда только один раз, она прове-

Княгиня М. П. Щербатова
Фотография А. Эйхенвальда. 1888

ла здесь сутки. Около 14 июля мы собираемся в обратный путь, в Нару, куда я приглашаю тебя заехать.

Прощай. Передай дружеский мой поклон Антонине Николаевне[7]. Крепко жму тебе руку.

Кн. А. Щербатов

<Записка о призрении бедных>

Призрение бедных — не только нравственная обязанность городского общества, но и возложенная на него законом. Понятие о призрении многостороннее: больные требуют устройства больниц — общих и специальных, например, для душевнобольных; беспомощные старики и старухи нуждаются в богадельнях; для профессиональных нищих необходим работный дом. Эти три вида общественной благотворительности издавна признавались Московской думой, и расходы по ним вносились в городские сметы.

Во всяком обществе, но в особенности в городском, одной из язв его является городской пролетариат, т. е. те бедные, которые не по своей вине, не вследствие лени, а вследствие тяжелых условий жизни, при желании работать, лишены возможности заработать даже насущный хлеб. Значительная категория этих лиц до учреждения городских попечительств[1] была предоставлена самой себе и могла рассчитывать только на частную благотворительность. Личная благотворительность выражалась часто в подаче милостыни, что поощряло развитие в Москве профессионального нищенства. Только с учреждением городских попечительств Городская дума положила основание правильному отношению ее к городскому пролетариату, изучению его потребностей и облегчению его участи.

Городские попечительства существуют только два года и находятся еще в периоде развития. Предположенная Думой организация центрального при них учреждения

еще не осуществлена, а до тех пор нельзя не признать деятельность участковых попечительств разрозненною и недостаточно организованною. Тем не менее, деятельность их оказалась плодотворною: в попечительства поступило в год около 25 тысяч просьб, в том числе много от семейных бедных. Полагая кругом по два лица на прошение, попечительства имели дело не менее как с 50 тысячами бедных, нуждающихся в помощи. Приблизительно двум третям этого числа была, по обстоятельном обследовании, оказана помощь, часто, однако, неудовлетворительная; причина этой неудовлетворительности — скудость денежных средств, которыми располагают попечительства. Средства эти притом — непостоянные и непрочные; они преимущественно основаны на частных пожертвованиях. Таковых поступило в 1895 г. 139.928 руб. За 1896 год общий итог еще не подведен.

Из городской кассы попечительства получили в 1895 году (за полтора года) 60.000 руб., в 1896 году внесено в смету 50.706 руб., на 1897 год — 61.630 руб. Остальные доходы попечительств, безусловно, случайные. Так, в 1895 году в кассу попечительств поступило 38.000 от базара, устроенного великой княгиней Елизаветой Фёдоровной; в 1896 году этой суммы не поступило. Концерты, спектакли и т. п., причиняя попечительствам много хлопот, дают чистой пользы мало. Необходимость обеспечить и усилить денежные средства попечительств очевидна и бесспорна. Речь идет не о поддержке какого-либо частного благотворительного общества, а о самом существовании городского учреждения, правильно задуманного, и на которое городское общество горячо откликнулось, выставив из среды себя до 1.700 бескорыстно преданных делу деятелей и внесши в 1895 году в кассу попечительств, независимо от пожертвований натурою, 139.000 руб. — цифру не малую.

Частные пожертвования должны быть краеугольным камнем попечительств, они вносят в их деятельность столь необходимый нравственный элемент. Желательно, чтобы размер пожертвований не сокращался, а увеличивался, но на это можно надеяться только в будущем, ког-

да польза городских попечительств оправдается на деле и когда городское общество сознает их пользу. Если многие существующие в Москве частные благотворительные общества, начав свою деятельность при малых, подчас ничтожных средствах, развились до крупных учреждений, расходующих ежегодно сотни тысяч рублей, и обеспечены миллионными капиталами, нет повода сомневаться в дальнейшем развитии и преуспеянии городских попечительств. Но это вопрос будущего; в настоящее время без поддержки со стороны Думы попечительства могут зачахнуть. Достоинство Думы и ее обязанность требуют этого не допускать. В каком виде и в каком размере Дума должна прийти на помощь городским попечительствам — представляется вопросом трудным. Может ли она это сделать, уделяя на этот предмет часть городских доходов, или должно установить новые специальные в пользу бедных налоги? Думаю, что второе было бы неправильно.

Установление специальных налогов в пользу бедных устанавливает право бедных или считающих себя таковыми получать пособие и даже спорить о его размере. Следует предупредить такое явление, с ним Городской думе и попечительствам не справиться. Существенно важно сохранить за пособиями, оказываемыми городскими попечительствами, значение благотворительности, на которые бедные имеют нравственное, а не юридическое право. С установлением же специального налога для бедных, является понятие и об их юридическом праве на получение пособий. Независимо от сего, установление специальных налогов в пользу бедных убьет частную благотворительность. В обществе распространится убеждение в том, что Дума, взыскивая налоги в пользу бедных, освобождает частных лиц от нравственной обязанности о сих последних и думать. Чем значительнее будет сумма налогов, тем более это убеждение будет иметь основание. Независимо от сего, громадную, если не непреодолимую трудность, представляет само установление новых специальных налогов в пользу бедных с точки зрения их правильности и справедливости. Представленный в комиссию проект

этих налогов вряд ли удовлетворительно разрешает эту последнюю задачу [2].

Первым значится сбор с работодателей, исходя из того соображения, что наибольший процент бедных, пользующихся помощью попечительств, состоит из лиц, отдающих в наем свой труд и, по старости, болезням и другим причинам, вынужденных прекратить свой труд. Соображение это не оправдывается статистической справкой, по которой оказывается, что из 25.838 лиц, обратившихся в попечительства в 1895 и 1896 годах, только 14.122 имеют определенные занятия. Из них следует, безусловно, исключить как неподходящих под категорию, указанную комиссией, бедных, состоявших на государственной и общественной службах — 291, съемщиков квартир — 284, занимавшихся педагогическим трудом — 294, состоявших на железнодорожной службе — 158 и имеющих разные занятия — 522. Итого, подлежат исключению из числа 14.122 — 1604 лица. Затем, только остальные 13.518, т. е. меньшее число призреваемых попечительствами, подходят под условия налога с работодателей. Одно это значительно подрывает понятие о справедливости налога на работодателей.

Можно привести много возражений и против предположенного специального в пользу бедных сбора с промышленников и торговцев. Некоторые трудности самостоятельного правильного обложения промышленников и торговцев указаны в самом докладе, почему в нем и дается преимущество простому увеличению на 25% существующих сборов в пользу города, причем исчисленная сумма достигает 382.029 руб.

Можно возбудить общий вопрос об увеличении сбора с торговцев и промышленников, но, кажется, это было бы преждевременным. Ввиду того, что в настоящее время вырабатывается министром финансов проект промыслового обложения[3], и ввиду предстоящего повсеместного введения винной монополии, которая, несомненно, вызовет пересмотр трактирного положения[4] и сбора с этого промысла в пользу города, столь значительного в настоящее время, возбуждать вопрос о специальном обложении тор-

В. И. Герье
Фотография. Вторая половина XIX в.

говли и промышленности в пользу бедных тоже представляется несвоевременным; и кроме того, можно возражать в принципе против специального обложения одной категории лиц в пользу другой. Во всяком случае, прием этот был бы совершенно новым в городском хозяйстве и вряд ли справедливым.

Нельзя не отнестись критически и к предположенному специальному общему сбору с состоятельных жителей Москвы в пользу бедных, исчисленного в 357.873 руб. В самом докладе высказывается, что в Саксонии, единственной стране, где он был применен, он оказался несостоятельным, и что основания добровольно-обязательного сбора крайне шатки и неопределенны. Нет никаких данных или вероятий, чтобы сбор этот в его двояком значении — добровольного и обязательного — мог бы

быть введен с успехом в Москве. На добровольные взносы, под угрозой обязательства, рассчитывать нельзя, да и вряд ли следует, — это были бы уже не пожертвования, которые имеют большое нравственное значение, а откуп от обязательного обложения. Установить минимальный размер подобного откупа, будто добровольного взноса, невозможно без инквизиционных и произвольных приемов. Остается, следовательно, отбросив эту мысль, прибегнуть к исключительно обязательному сбору, предположенного в виде добавочного квартирного налога.

Увеличение квартирного налога предлагается правительством городу сделать для усиления его средств, причем следовало бы ходатайствовать о предоставлении квартирантам столь желательного избирательного права[5]. При установлении специального в пользу бедных добавочного квартирного налога подобного ходатайства быть не может; а потому, не предрешая вопроса об установлении добавочного квартирного налога в пользу города, нельзя, кажется, желать специального его назначения в пользу бедных.

Остается еще рассмотреть проектируемый сбор с хозяев прислуги, выведенный в цифре 288.288 руб. Принципиально против него возражать нельзя, но если бы таковой был установлен, то, по вышеизложенному соображению, тоже в пользу города, как и все существующие налоги, а не специально в пользу бедных.

Относясь принципиально против установления налогов специально в пользу бедных и возлагая на Думу обязанность поддержать участковые попечительства из общей городской кассы, как она и сейчас это делает, но в слишком недостаточном размере, следует обсудить вопрос с разных сторон.

Говорят, что городскому управлению, при теперешнем состоянии его бюджета, принять увеличение ежегодной субсидии попечительствам, против входящей уже в городскую смету суммы, невозможно. Наша комиссия не призвана обсуждать бесспорность подобной невозможности; но часто происходящие увеличения бюджета по некоторым, тоже необязательным расходам, могут возбудить,

однако, некоторое сомнение в этой невозможности как в настоящем, так преимущественно в будущем времени.

Защитники специальных налогов в пользу бедных приводят то соображение, что полученные таким образом деньги поступят всецело на пользу бедных; между тем как, поступая в общую городскую кассу, новые налоги могут быть употребляемы и на другие городские надобности; и трудно будет отказывать в требовании правительства увеличения обязательных расходов, например, по содержанию полиции, и без того тяготившем столь значительно городской бюджет. Вряд ли, однако, эти соображения безусловно верны. Расход на общественное призрение, признанный обязательным для города по закону, не представляется произвольным, еще менее прихотливым. Правительство не может не сочувствовать тому, что насущная потребность общественного призрения, законом возложенная на Думу, будет удовлетворена еще менее недостаточно, чем в настоящее время, и Дума всегда будет иметь возможность оправдывать увеличение своего бюджета на благотворительность, как в настоящее время она оправдывает бюджет по народному образованию и народному здравию, не обеспеченного, однако, специальными налогами.

При безусловной необходимости поддержать городские попечительства субсидией от города в большем размере, чем внесенные в смету 1897 года 61.630 руб., вопрос о размере необходимой субсидии до сих пор не возникал и на первых порах деятельности попечительств возникнуть не мог. Для разрешения этого вопроса следует, кажется, предварительно очертить обязательный круг деятельности попечительств на будущее время.

В настоящее время деятельность их выражается, главным образом, в следующем:

1) исследование всех поступающих прошений от бедных, в исключительных случаях разыскивание крайней, но стыдящейся случаем нужды;

2) оказание помощи бедным, могущим еще трудиться, при недостаточном их заработке, выдачей денег либо припасов;

3) в облегчении матерей, способных к труду, устройством дневных приютов (яслей), куда они могли бы, идя на работу, приносить своих малолетних детей для присмотра и снабжения пищей;

4) в устройстве мастерских, где женщины могли бы работать или получать работу на дому;

5) в оказании медицинской помощи на дому, препровождение больных в больницы и погребении умерших;

6) в устройстве приютов для сирот или детей порочных родителей, в которых они имели бы постоянное пребывание на полном готовом содержании;

7) в устройстве богаделен для престарелых и увечных, лишенных возможности зарабатывать дневное пропитание.

Первые пять главных видов деятельности городских попечительств, безусловно, должны входить в их обязанность и на будущее время, и никакая централизация не может заменить деятельность попечительств, при столь большом числе их деятелей, входящих, как и требуется, в непосредственное и близкое сношение с бедными.

Нельзя безусловно того же сказать относительно богаделен и приютов. Подобно тому, как попечительства не призваны устраивать больницы, даже при недостатке существующих, вряд ли входит в непременную их обязанность устройство богаделен для престарелых, приютов для сирот. Попечительства были вынуждены устраивать богадельни, ибо наткнулись на массу старух и стариков, безусловно беспомощных, но в приеме в существующие богадельни, которым было отказано за недостатком в них свободных мест. Говорят, что богаделен в Москве много и что, сколько их не будет устроено, всегда будет мало свободных мест. Главных богаделен в Москве девять, в которых призревается 5.034 человека. Для столицы с миллионным населением цифра эта не поражает своей величиной. Из числа существующих богаделен только одна, городская Екатерининская[6] — на 978 призреваемых и три сословных — с 2.635 призреваемыми. Только эти четыре богадельни устроены исключительно для московских коренных обывателей. В остальные пять богаделен (с 1.411 койками), а

равно и в мелкие богадельни, устроенные частными лицами или благотворительными обществами, принимаются как московские, так и иногородние бедные. Призрение иногородних никак не входит в обязанность города; против наплыва их вообще в Москву следует принимать меры. Что существующих в Москве богаделен мало, доказывается тем, что в 1895 году 17 попечительств вынужденными нашлись открыть свои, так называемые временные богадельни, на 668 престарелых, преимущественно женщин, причем все-таки не удовлетворили потребности.

Казалось бы, что устройство и содержание богаделен должно входить в бюджет Думы, подобно тому, как входит в ее бюджет содержание больниц и Екатерининской богадельни. При этом попечительства были бы освобождены от непосильного им по их средствам бремени. Точную цифру того, во что обходятся попечительствам богадельни, покуда выяснить нельзя, но не ошибочно будет, кажется, принять, что призреваемый, в сложности, обходится (с наймом квартиры) 75 руб. в год, а содержание 668 призреваемых в 1895 году обошлось бы в 50.100 руб., если бы богадельни были открыты с начала года; но так как они открывались в течение года, а некоторые и в конце, то вряд ли попечительства издержали на их содержание более половины выведенной суммы, т. е. 25.000 руб. В общем отчете за 1895 год отдельно сумма содержания богаделен не выведена. Если за 1895 год остановиться на этой цифре — 25.000 руб., то на исполнение всех остальных своих обязанностей попечительства потратили в 1895 году около 212.000 рублей. Эту последнюю цифру и можно, кажется, принять в соображение для установления бюджета попечительств на будущее время, не останавливаясь, однако, на ней, а увеличив ее примерно до 240.000 руб.

В настоящее время попечительства не только бережно расходуют имеющиеся у них средства, что и навсегда должно остаться их коренным правилом, но, за скудостью средств, выдают minimum пособия, часто недостаточного для удовлетворения самых насущных потребностей. При бюджете в 240.000 руб. можно надеяться, что это грустное

явление не будет уже иметь места или, по крайней мере, значительно будет ослаблено. Указывая, хотя приблизительно, размер необходимой суммы, чтобы попечительства могли бы исполнить свое назначение, следует указать и на источники для покрытия их бюджетов.

Главным источником представляются в настоящее время частные пожертвования, выразившиеся в 1895 году в цифре, без малого, 140.000 руб. Осторожно будет рассчитывать в будущем на уменьшенную до 120.000 цифру поступления в год частных пожертвований; затем, остальные 120.000 (т. е. половина), до общей вышеуказанной бюджетной суммы в 240.000, должны быть покрываемы из общих городских средств, что потребовало, против теперешнего отпуска 61.630 руб., добавочного в 58.370 рублей. Это — при условии, что содержание устроенных попечительствами богаделен примет Городская управа на себя, по вышеизложенным соображениям.

Пожелает ли Дума устройство богаделен поручить Городской управе или оставить на ответственности попечительств — это вопрос открытый. На первое время, во всяком случае, необходимо будет оставить богадельни в заведовании попечительств, с выдачей им, по расчету числа призреваемых, денег и требований от них отдельного отчета в этих деньгах. Невозможно с точностью определить сумму, которую город призван был бы тратить на содержание богаделен, если таковые будут приняты им на городской счет, но некоторые соображения можно привести.

Екатерининская богадельня на 1000 призреваемых обходится в 100.000 руб. ежегодно, т. е. по 100 руб. призреваемый. Богадельни попечительств обходятся дешевле, вероятно, вследствие меньших расходов по администрации и меньших удобств, которые они доставляют призреваемым, но увеличение этих удобств, кажется, не следует иметь в виду. Если цифра 75 рублей содержания каждого призреваемого подтвердится отчетом всех попечительств за 1896 год, то можно принять ее за основание общего расчета. На какое именно число призреваемых следует иметь богадельни, представляется существенным вопросом. В

В детском приюте
Пресненского попечительства о бедных
Фотография. 1902

1895 году призревалось попечительствами 668 лиц. В 1896 году цифра эта, наверное, увеличилась, и указать с точностью, до какой именно она должна быть доведена, для удовлетворения действительной потребности, — невозможно. Приходится, хотя гадательно, остановиться на цифре 1000 призреваемых, содержание которых обошлось бы в 75.000 руб. Содержанием богаделен не исчерпывается, однако, сумма расходов города, потребная на учреждения, которые, по своему существу, должны быть городскими, а не содержаться за счет попечительств.

Дневные приюты для малолетних детей (ясли) должны навсегда оставаться в ведении попечительств и содержаться за их счет, ибо никакая тут централизация немыслима. Но, независимо от них, почти все попечительства сознают необходимым устройство таких приютов, где сироты, дети порочных родителей и т. п. имели бы постоянное пребывание. Немногие из попечительств, однако, имели возможность их устроить за недостатком средств.

Устройство и содержание таковых приютов должны, кажется, входить в обязанность Думы, независимо от попечительств. Определить размер и стоимость подобных приютов требует особого обсуждения, для которого пока нет достаточных данных. Гадательно можно указать на цифру 25.000 руб. как на достаточную для достижения цели.

В общем виде бюджет общественной городской благотворительности выразится в следующих цифрах: 120.000 руб. — участковым попечительствам для выдачи пособий бедным на дому, для содержания дневных приютов, на содержание мастерских и на исполнение остальных обязанностей попечительств, независимо от 120.000 руб. пожертвований; 75.000 руб. — на содержание 1000 призреваемых в богадельнях, вновь устроенных Думой или существующих богадельнях попечительств; 25.000 руб. — на устройство приютов для принятых в них на полное содержание сирот или вполне бесприютных детей. Общий итог расхода Думы, таким образом, выразится в цифре 220.000 руб., из которых 61.630 руб. уже в настоящее время она вносит в смету, а недостающие 158.370 руб. следует иметь в виду для внесения в городскую смету.

Все вышеозначенные исчисления представляются только приблизительно верными, будучи основаны только на одном, за 1895 год, отчете. Отчет за 1896 год дает некоторую возможность проверить эту правильность, но и затем можно будет судить о потребностях городского призрения только относительно настоящего и ближайшего времени. Нет сомнения в том, что дело городского призрения, которому только положено правильное начало, будет и должно развиваться.

Возникнут многие вопросы, из которых один уже возбужден, а именно: о возможности устройства городским или частным обществом домов, в которых бедные, за посильную им плату, могли бы найти более сносные и гигиенические условия жизни. Вопрос трудный и сложный, который потребует всестороннего обсуждения. Можно на него указать, но преждевременно было бы говорить о том, в каком виде он будет разрешен.

Настоящая записка представляется попыткой, не предрешая будущего, установить некоторые руководящие начала общественного призрения в настоящее и ближайшее время. Представляется полезным очертить круг самостоятельной деятельности городских попечительств, с указанием необходимых на то денежных средств. Представляется правильным выделить из круга обязательных для попечительств обязанностей содержание богаделен для престарелых и постоянных приютов для детей, с возложением их на город только с содействием попечительств.

Князь А.А. Щербатов

<*Конец 1896 — январь 1897*>

Письма

А. Н. БАРАНОВУ

Киев. 17 марта 1897 г.

Милостивый государь, Александр Николаевич!

Письмо Ваше от 9 марта, адресованное в Москву, переслано было мне в Киев, куда я приехал до 7 апреля к моей дочери[1].

Весьма сочувственно отношусь к Вашему почину[2], но недоумеваю, в чем я мог бы быть полезен осуществлению вашей прекрасной христианской мысли, не зная местных казанских условий.

Задача, которою я с моей покойной сестрой княгиней Голицыной задались в Москве лет 35 тому назад, гораздо у́же, чем та, которою Вы задаетесь. Мы учредили приют Св. Магдалины для павших женщин (преимущественно даже несовершеннолетних, даже детей), которые, по неопытности или трудным условиям жизни, впали в разврат и сами желают его покинуть. Этот приют — нечто вроде спасательной лодки для нравственно утопающих. О размере принесенной им пользы Вы могли убедиться из доставленного Вам отчета за первое 25-летие его существования[3]. Результаты утешительные, хотя и не громадные.

Вы задаетесь программой гораздо более широкой, вводя в нее предупреждение разврата. От души сочувствую этой человеколюбивой мысли, но страшусь за возможность ее фактического применения в большом городе. Сколько для этого потребуется деятелей и денег! Наш приют Св. Магдалины на 30 призреваемых обходится более 4000 руб. ежегодно, при собственном доме! Вы же предпо-

Лечебница Св. Софии в Москве, основанная в 1860 г. княгиней С.С. Щербатовой
Фотография. Вторая половина XIX в.

лагаете не только учреждение подобного приюта для уже падших женщин, но и убежища для безработных девушек, с предоставлением им пропитания и временной работы.

Участвуя в городском попечительстве о бедных, устроенном Московской думой тому два года[4], я из опыта знаю, как цели, подобные отчасти вашей, трудно и неудовлетворительно достигаются; а между тем городское попечительство тратит ежегодно до 250 тыс. руб. и имеет до 1500 сотрудников и сотрудниц.

Как поставлено дело общественной благотворительности в Казани, мне неизвестно; но для большого дела и большого числа деятелей вряд ли частному обществу возможно будет осилить всю предлагаемую Вами задачу. Хорошо будет, если на первых порах оно осуществило бы приют в роде Магдалинского в Москве. Устроить его можно, и следует подумать, что на одну только частную благотворительность рассчитывать трудно, потребуется под-

держка и от Городской думы, подобно тому, как Московская дума оказывает пособие попечительству. Даже приют Св. Марии Магдалины на первых порах получал пособие от Купеческого общества, покуда не обзавелся собственным капиталом. Необходимо содействие и других учреждений. Так, наш приют находится в постоянном сношении с больницами, преимущественно сифилитической, и с полицией, которая иногда доставляет несчастные жертвы, преимущественно уличного разврата.

Когда дело будет обставлено, то не представится затруднения испросить через губернатора разрешение на открытие приюта, если таковой будет устроен самостоятельно. Но в Москве приют Св. Магдалины был приурочен к существовавшему издавна, под покровительством Государыни Императрицы, *Дамскому* попечительству о бедных[5] — особого разрешения и устава не потребовалось.

Вот некоторые мысли и сведения, какие я имею нужным Вам высказать в ответ на Ваше ко мне обращение. Повторяю, не зная местных условий, я не позволяю себе дать Вам совет, как вести начатое Вами, столь полезное и христианское дело, и могу только искренне пожелать Вам успеха. Всякое начало трудно, неизбежны и ошибки, последние жизнь и опыт исправят. Важно пустить в ход *правильно* задуманное дело; при благословении Божьем и помощи добрых людей, благородные и человеколюбивые идеи не должны заглохнуть, а постоянно развиваться.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Князь Щербатов

В.И.ГЕРЬЕ

27 ноября 1898 г.

Милостивый государь Владимир Иванович,

Вам угодно было сочувственно отнестись к мысли о постройке в Москве дома с квартирами для бедных, от-

даваемых им внаймы на льготных условиях, и принять участие в открытой на этот предмет подписке[1]. Возвратившись недавно в Москву и приступая к осуществлению предполагаемого сего полезного дела, имею честь покорнейше просить Вас пожаловать в собрание пайщиков, имеющее быть в среду, 2-го декабря, в $7^1/_2$ часов вечера, у меня в дому.

Это заседание имеет особую важность, ибо, кроме обсуждения существенных вопросов, в нем предполагается обсуждение и проекта формального договора между участниками дела; и потому, в случае невозможности Вам прибыть лично, не угодно ли будет Вам доверить кому-либо (частным письмом на мое имя) принять в нем вместо себя участие.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь А. Щербатов

В. И. ГЕРЬЕ

10 мая 1900 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Я получил от некоей Евфимии Николаевны письмо, в котором она просила о пособии, ссылаясь на то, что она когда-то жила в доме матушки и что я тогда принимал в ней участие. Так как Евфимия Николаевна живет в Хамовническом участке: Плющиха, дом Червякова, кварт. № 7, то позволяю себе обратиться к Вам с просьбой поручить одному из ваших сотрудников навести о ней справку и опросный лист доставить мне. Если действительно она нуждается, то я готов оказать ей помощь, но не непосредственно, а при Хамовническом попечительстве. Так как я вскоре уезжаю в деревню, то, в случае неотложной надобности, покорнейше прошу выдать ей пособие из сумм попечительства, которое я с благодарностью возвращу.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь А. Щербатов

Комментарии

<Записка по вопросу о сроках военной службы>. Печ. впервые. Рукописный список — ОР РГБ. Ф. 332 (Ф.В.Чижов). Карт. 80. Ед. хр. 38.

«Записка...» была составлена А.А. Щербатовым весной 1872 г., в связи с обсуждением проекта Устава о всеобщей воинской повинности в комиссии, учрежденной 17 ноября 1870 г. под председательством генерал-адъютанта Ф.Л. Гейдена. На заседания комиссии приглашались представители городов и земств. Щербатов был приглашен от Московского губернского земства. К январю 1873 г. комиссия завершила составление проекта закона о всеобщей воинской повинности, который поступил на рассмотрение в Государственный совет. 1 января 1874 г. новый Устав о воинской повинности вступил в действие, положив конец существовавшей до того времени рекрутской системе комплектования армии.

[1] Речь идет о состоявшемся 30 апреля 1872 г. совместном заседании названной выше комиссии с Комиссией для составления положения о запасных, местных и резервных войсках и государственном ополчении. На заседании развернулась дискуссия по проектируемым комиссией Ф.Л. Гейдена срокам службы призываемых лиц в сухопутных войсках: 6 лет действительной службы и 9 лет в запасе.

[2] Имеются в виду разработанные Военным министерством «Основные начала положения о всеобщей воинской повинности», утвержденные императором Александром II 4 ноября 1870 г. Были напечатаны в «Правительственном Вестнике» (№237 от 5 ноября 1870 г.).

[3] Упомянутая записка военного министра Д.А. Милютина «О главных основаниях личной военной повинности» была состав-

лена для Александра II и была ему представлена 7 ноября 1870 г. Подробное изложение записки см.: *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 304–306.

Комиссия об организации войск была образована в 1870 г. под председательством Ф.Л. Гейдена и работала до 4 января 1873 г.

[4] ***Квартирная (или постойная) повинность*** заключалась в обязанности населения отводить помещения для войск в местах их постоянного расположения или временных остановок. Она была во всех почти европейских странах главным способом снабжения армии квартирами. Обременительность квартирной повинности для населения и неудобство для войск побуждали правительства к изысканию способов ее замены казарменным расположением армии. В России строительство казарм шло очень медленно: к началу 1850-х гг. казармы могли вместить только $^1/_3$ войск. Поэтому в изданном в 1851 г. Уставе о земских повинностях было подтверждено существование квартирной повинности, отправлению которой подлежали все вообще дома частных лиц и общественные, кроме помещичьих домов в деревнях. Устав 1851 г. с незначительными изменениями сохранял силу до 20 июня 1874 г., когда вступило в действие новое «Положение о преобразовании воинской квартирной повинности».

[5] Вопрос о применении льгот по образованию вызвал в Комиссии о воинской повинности горячие споры. При рассмотрении этого вопроса предварительно в первом отделении комиссии большинство его сошлось на том, что сокращенные сроки службы должны применяться только к лицам, идущим в армию вольноопределяющимися. На лиц, призываемых на действительную службу по жребию, эти льготы не должны распространяться. Однако Общее присутствие комиссии с этой точкой зрения не согласилось и предложило распространить сокращенные сроки службы на всех лиц, получивших образование. Мотивировкой такого подхода было то, что при условии предоставления этой льготы только вольноопределяющимся многие молодые люди, стремясь скорее отбыть воинскую повинность, будут поступать на службу, не окончив полного курса учебы. Проект комиссии устанавливал следующие льготы по образованию: отсрочка от призыва до окончания полного курса средних и высших учебных заведений и сокращение срока действительной службы сообразно полученному образованию. Для завершения образования проектировались следующие возрастные сроки: в гимназиях — до 22 лет, университетах — 27, духовных академиях — 28 лет. Сроки действитель-

ной службы для лиц с высшим образованием устанавливались в 6 месяцев, со средним — 1,5 года, для окончивших прогимназии и уездные училища — 3 года, для окончивших начальные училища — 4 года (см.: *Зайончковский П. А.* Указ. соч. С. 311).

Письмо князю В.А.Черкасскому. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 327 (В.А.Черкасский). Разд. II. Карт. 15. Ед. хр. 59. Л.5–6 об.

[1] Год установлен по дате утверждения устава Екатеринославского коммерческого банка.

[2] Имеется в виду несостоявшаяся поездка делегации Московской городской думы в Белград на празднования совершеннолетия сербского князя Милана Обреновича и по случаю его вступления в самостоятельное управление княжеством.

[3] С 10 по 18 августа 1872 г. в Петербурге работала 8-я сессия Международного статистического конгресса, почетным председателем которой был великий князь Константин Николаевич. После завершения сессии группа участников конгресса должна была прибыть в Москву.

[4] Речь идет о Всероссийской политехнической выставке, которая проходила в Москве с 3 по 12 июня. Инициатором проведения выставки было Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, основанное в 1863 г. при Московском университете. Выставка размещалась в нескольких павильонах, располагавшихся внутри Кремля, в Кремлёвском саду, на набережной Москвы-реки вниз от Тайницких ворот, в Манеже. Она состояла из нескольких отделов: военного, морского, железнодорожного, промышленного и др. Исторический отдел был преимущественно посвящен Петру I, 200-летний юбилей которого отмечался в те же дни, главным образом в Петербурге. Большой интерес у москвичей вызвал военный отдел выставки. С 6 по 11 июня выставку осматривал император Александр II со свитой, он посетил все павильоны. На базе выставки позднее был создан Политехнический музей, центральное здание которого было построено в 1875–1877 гг. архитектором И.А. Монигетти.

[5] ***Народный театр*** был открыт в рамках Политехнической выставки, на три летних месяца, на Варварской (ныне Славянской) площади. Это был деревянный шатер на 1803 места, из которых 1059 были дешевыми (от 5 до 40 коп.). Во главе театра

был поставлен бывший актер Малого театра А.Ф.Федотов. Театр открылся «Ревизором» Н. В. Гоголя и посвященной Петру I одноактной пьесой Н.А. Полевого «Дедушка русского флота». В репертуаре театра большое место занимал А.Н.Островский, пьесы которого очень любили жители московских окраин — частые посетители театра. После закрытия Политехнической выставки московские власти решили закрыть и Народный театр. Однако антрепризу, как выгодное дело, взяли на себя два крупных московских чиновника из администрации генерал-губернатора — князь Ф.М.Урусов и С.В.Танеев, оба заядлые театралы. Они переименовали Народный театр в Общедоступный и содержали его до конца 1876 г., когда случившийся в нем пожар был использован Московской городской управой для закрытия театра. Здание действительно не отвечало требованиям противопожарной безопасности и вызывало беспокойство городских властей; но главной причиной закрытия театра было то, что его владельцы неисправно вносили арендную плату за земельный участок, на котором он стоял. В декабре 1876 г. городская управа приняла решение отказать Урусову и Танееву в аренде земли на Варварской площади и снести постройки театра (см.: Отчет о деятельности Московского городского общественного управления за 1876 год. М., 1878. С.45–46).

[6] Речь идет о Московском Центральном банке поземельного кредита, одним из учредителей которого был В.А.Черкасский. Устав банка был утвержден в апреле 1873 г.

[7] Имеется в виду Екатеринославское отделение Государственного дворянского земельного банка.

[8] *Ссудо-сберегательными товариществами* назывались сообщества лиц, образованные для предоставления своим членам краткосрочных кредитов и основанные на принципе взаимной ответственности. Организовывались лицами, не обладавшими капиталом, например крестьянами, ремесленниками, мелкими торговцами, — они испытывали недостаток в оборотных средствах для ведения производства, а банковский кредит был им, как правило, недоступен из-за слишком невыгодных условий.

В России ссудо-сберегательные товарищества стали возникать с конца 1860-х гг. В 1871 г. Московское общество сельского хозяйства учредило Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Комитет разработал устав товариществ, одобренный Министерством финансов. По уставу, членами товариществ могли становиться лица всех сословий и обо-

его пола, которые, вступая в товарищество, должны были внести пай в размере не более 50 рублей. После этого процесс создания ссудо-сберегательных товариществ ускорился; активное участие в нем приняли земства (подробнее см.: *Соколовский П.А.* Деятельность земств по устройству ссудо-сберегательных товариществ. СПб., 1890. С. 136–159).

[9] *Московское общество сельского хозяйства* было основано в 1818 г. с целью усовершенствования сельского хозяйства в России. Оно объединяло помещиков, интересовавшихся сельскохозяйственной наукой и новыми методами ведения хозяйства, с учеными, работавшими над этими проблемами. После отмены крепостного права к руководству Обществом пришли передовые помещики, стремившиеся создать прибыльные хозяйства на основе вольнонаемного труда. Общество имело ряд комитетов: овцеводства, шелководства, сахароварения, льняной промышленности, грамотности, земледелия, сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ и др. В ряде губернских и уездных городов были созданы отделения Общества. Московское общество сельского хозяйства немало сделало для распространения передовой агротехники и для развития в России сахароварения, шелководства и тонкошерстного овцеводства. Общество было ликвидировано в 1930 г.

При Московском обществе сельского хозяйства действовала Земледельческая школа, издавался «Земледельческий журнал».

Письмо Б.Н.Чичерину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 334 (Б. Н. Чичерин). Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 24–25.

[1] Речь идет о выборах московского городского головы, проводившихся досрочно, в декабре 1872 г., в связи с введением в действие Городового положения 1870 г. (о нем см.: *Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 162–163). На должность головы на второй срок баллотировался И.А.Лямин, которого подталкивала к участию в выборах очень сильная купеческая фракция Городской думы. Лямину противостоял А.А.Щербатов, выдвинутый от фракции потомственных дворян.

[2] Под *Ляминской историей* автор подразумевает конфликт между тогдашним московским городским головой И.А.Ляминым и губернатором П.П.Дурново, приведший к отставке Лямина. Произошло следующее. На 25 января 1873 г., по случаю своего вступления в должность, Дурново назначил представле-

ние всех подведомственных и подчиненных губернатору лиц. Городской голова на общее представление не явился, как считали тогда, преднамеренно, желая этим подчеркнуть свое особое положение как главы городского общественного управления. Лямин посетил губернатора накануне и, не застав его, оставил свою визитную карточку. Его неявка вызвала крайнее неудовольствие Дурново, о чем Лямин и был извещен через генерал-губернатора князя В.А.Долгорукова. Городской голова появился у губернатора на следующий же день, но не в мундире, а во фраке, при галстуке, и с орденом Св. Владимира. Губернатор расценил поведение головы как своего рода вызов, демонстрацию независимости от административной власти и в присутствии свидетелей, позволил себе грубо отчитать Лямина за незнание или несоблюдение норм субординации. Возмущенный этим, голова сразу же подал в отставку, заявив в письме на имя генерал-губернатора, что в его лице оскорблено все московское городское общество. Долгоруков и Дурново, в свою очередь, поспешили поставить в известность об инциденте министра внутренних дел, настаивая на принятии отставки Лямина. А.Е.Тимашёв, безусловно, поддержал Дурново, и вскоре последовало разрешение царя на увольнение Лямина.

Хотя возникший конфликт не имел под собой серьезного основания, Министерство внутренних дел решило придать инциденту принципиальное значение: до сведения всех голов был доведен циркуляр губернаторам от 9 февраля 1873 г., в котором разъяснялось, что головы подведомственны губернаторам и посему должны оказывать им должное уважение; а поскольку городским головам присвоен мундир, по «высочайше» утвержденному образцу, то его ношение обязательно во всех тех случаях, когда другие служебные чины бывают в мундирах (см.: *Чичерин Б. Н.* Указ. соч. Т. 4. С. 178–179).

[3] 24 марта 1873 г. в Москве состоялись повторные выборы головы. Кандидаты выдвигались на заседании Городской думы 19 марта. Из 26 кандидатов — 18, в том числе такие авторитетные и уважаемые личности, как В.А.Черкасский, Ю.Ф.Самарин и А.А.Щербатов, отказались сразу. В день выборов отказались остальные, кроме кандидата от купцов А.А.Пороховщикова; он действительно не был избран, получив всего 35 голосов. Московский губернатор П.П.Дурново, сообщая министру внутренних дел о провале выборов, вновь обвинил Городскую думу в намерении вывести правительство из терпения своими неосновательными действиями и поставить его в затруднительное положение

(см.: *Найдёнов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Т. 2. М., 1905. С. 32–33).

[4] П. П. Дурново внес в Министерство внутренних дел предложение о назначении головы, но А. Е. Тимашёв его не поддержал и порекомендовал занять выжидательную позицию. Между тем генерал-губернатор В. А. Долгоруков, со своей стороны, добился от царя санкции на принятие мер к отсрочке выборов городского головы до осени 1873 г. Товарищ головы С. А. Ладыженский исполнял обязанности головы до 14 декабря 1873 г.

Письмо Б. Н. Чичерину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 334. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 18–21 об.

[1] Слуга А. А. Щербатова.

[2] Т. е. после Пасхальной недели. *Машенька* — вторая дочь А. А. Щербатова, которой в то время было 15 лет.

[3] *Сонечка* — старшая дочь А. А. Щербатова.

[4] Т. е. до Нижнего Новгорода.

[5] *Вольск* — уездный город Саратовской губернии, в котором у В. А. Щербатова был дом, помимо Саратова, где он с семьей в то время преимущественно жил.

[6] *Караул* — имение Б. Н. Чичерина в Тамбовской губернии.

[7] *Хорошее* — имение А. А. Щербатова в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии.

[8] 10 января 1873 г. Московская городская дума учредила специальную комиссию под председательством А. А. Щербатова для строительства в городе второй детской больницы. Больницу решено было разместить в Лефортове, на берегу Яузы, где комиссия купила у почетного гражданина П. М. Гучкова его земельное владение (дачу). Оно включало рощу, пруд, вместительный дом бывшей фабрики из 75 комнат и много хозяйственных строений. Комиссия пригласила к участию в разработке проекта больницы известного специалиста по детским болезням К. А. Раухфуса и архитектора Р. А. Гедике. Строительство началось в 1874 г. Больница была открыта в день Святого Равноапостольного князя Владимира, 15 июля 1876 г. (подробное описание детской больницы Св. Владимира см.: Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования и капиталы, пожертвованные Московскому городскому общественному управлению в течение 1863–1904 гг. М., 1906. С. 59–70).

[9] Автор называет больницу Св. Владимира *Дервизской* потому, что инициатором ее строительства и спонсором был извест-

ный железнодорожный делец и благотворитель П. Г. фон Дервиз. 18 ноября 1872 г. он обратился с письмом к московскому генерал-губернатору, в котором предлагал городскому обществу 400 тыс. руб. на устройство детской больницы на следующих условиях: 1) больница устраивается во всех отношениях по образцу Петербургской детской больницы принца П. Г. Ольденбургского и содержится городскими властями в полном соответствии с той же больницей; 2) в больнице остаются навсегда 100 бесплатных коек для бедных детей; 3) самостоятельное и безотчетное распоряжение деньгами предоставляется совету из трех лиц (А. А. Щербатов, В. А. Черкасский и И. А. Лямин); 4) больница должна называться больницей *Св. Владимира*, т. к. Владимиром звали умершего сына фон Дервиза.

К. А. Раухфус обратился к П. Г. фон Дервизу с просьбой отменить свое условие, требующее полного подражания петербургской больнице, и допустить внесение в проект изменений, необходимость которых подсказывалась жизнью. Дервиз согласился и дал Раухфусу самые широкие полномочия. Последний, при составлении программы строительства, принял во внимание более выгодные земельные условия: в то время как участок земли под петербургскую больницу был всего 3,5 тыс. кв. саженей, под московскую больницу отводился участок в 25 тыс. кв. саженей и дополнительно еще 5 тыс. кв. саженей вблизи от Сокольничьего поля. Это дало возможность Раухфусу в своем проекте осуществить новые принципы, еще не находившие применения в больничном строительстве.

На строительство и обустройство больницы Св. Владимира были израсходованы все деньги Дервиза и еще почти 100 тыс. руб. из городского бюджета; петербургская больница обошлась в 577 тыс. руб. (описание последней см.: *Маслов М. С.* Карл Андреевич Раухфус. Л., 1960. С. 24–30). С подробным описанием больницы Св. Владимира Раухфус выступал в печати, на выставке по гигиене в Брюсселе (1876) и на Всемирной выставке в Париже (1878), где больница была признана образцовой и награждена золотой медалью. Такой же отзыв она получила и на Всероссийской выставке 1882 г. (см.: Очерк возникновения и 25-летней деятельности Московской городской детской больницы Св. Владимира. М., 1901. С. 5–9).

В советское время эта больница была известна москвичам как 2-я клиническая детская больница им. И. В. Русакова (ныне — Детская клиническая больница Св. Владимира); находится на Рубцовско-Дворцовой ул.

[10] *Детская больница принца П. Г. Ольденбургского* (ныне — Петербургская городская детская больница имени К. А. Раухфуса) была построена в 1867–1869 гг. и торжественно открыта в сентябре 1869 г. Она предназначалась для детей всех сословий, но преимущественно бедных родителей. На строительство больницы была израсходована часть остаточного капитала из денежных сумм 1864 г., находившихся в распоряжении руководимого принцем П. Г. Ольденбургским Ведомства учреждений императрицы Марии; он же был инициатором строительства этой больницы. Принц Ольденбургский привлек врача-педиатра К. А. Раухфуса к составлению программы строительства больницы, т. к. последний был хорошо знаком с состоянием больничного дела в Европе и зарекомендовал себя как опытный, энергичный и инициативный врач. В 1869–1908 гг. Раухфус был главным врачом Детской больницы принца П. Г. Ольденбургского (см.: *Папков А.* Жизнь и труды принца П. Г. Ольденбургского. СПб., 1885. С. 128–129).

[11] Т. е. супруге Б. Н. Чичерина.

Письмо Д. Ф. Самарину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 265 (Самарины). Карт. 209. Ед. хр. 6. Л. 3–6.

[1] *Ментона (Ментон)* — популярный курорт во Французской Ривьере, недалеко от Ниццы.

[2] Речь идет о Марии.

[3] Подразумевается нависшая угроза русско-турецкой войны в связи с усилением в 1875–1876 гг. национально-освободительной борьбы славянских подданных Османской империи.

В 1873 г. султанское правительство издало несколько указов, ограничивавших права христиан Боснии и Герцеговины в области народного образования, что вызвало волнения в этих провинциях. В 1874–1875 гг. Порта увеличила налоги с христианского населения, что еще более усилило протестное движение в Боснии и Герцеговине и привело к его распространению на другие территории: вспыхнуло восстание в отдельных районах Болгарии. В августе 1875 г. консулы на Балканах от России, Австрии и Германии предложили султану свою помощь по прекращению восстаний при условии, что Порта будет использовать повышение налогов на нужды местного населения, но Турция отвергла это требование. Освободительное движение на Балканах ширилось, несмотря на карательные меры турецких воена-

чальников и вопреки усилиям европейских держав принудить повстанцев прекратить военные действия. В начале 1876 г. восстание перекинулось на Сербию, остальную часть Болгарии и Черногорию. Русское правительство, понимая, что действия турок против Черногории приведут к войне с Сербией, Румынией и Болгарией, от имени Европы заявило султану о своем твердом намерении не допустить захвата Турцией Черногории. После этого предупреждения Порта на короткое время приостановила передвижения своих войск к черногорской границе.

События на Балканах находили широкий отклик в русском обществе. Все органы печати обращали внимание правительства на необходимость оказать действенную помощь единоверцам. Но пока европейские кабинеты спорили и договаривались о средствах давления на Порту, ситуация на Балканах обострялась: в апреле 1876 г. уже вся Болгария была охвачена восстанием, черногорцы усилили свою помощь населению Герцеговины. В мае 1876 г. турки зверски расправились с восставшими болгарами, а в июне Сербия и Черногория заключили военный союз против Турции и объявили ей войну. На Балканы отправилось свыше тысяч добровольцев из России.

В этих условиях в начале октября 1876 г. император Александр II провел в Ливадии несколько совещаний с ключевыми министрами по вопросу о возможном вступлении России в войну против Турции в том случае, если последняя будет продолжать военные действия против Сербии и Черногории. В результате было принято решение о самостоятельных действиях России, несмотря на то, что министр иностранных дел князь А. М. Горчаков продолжал надеяться на достижение договоренностей с европейскими державами о коллективных действиях.

На пути из Ливадии в Петербург Александр II и императрица прибыли 28 октября 1876 г. в Москву. 29 октября был царский выход из дворца с Красного крыльца в Успенский собор. Когда Государь с императрицей подошли к представителям московского городского общества и голова поднес, по обычаю, хлеб-соль, Государь принял хлеб-соль и громким голосом произнес краткую речь. В ней он заявил о своем твердом намерении действовать самостоятельно в случае провала международной конференции в Константинополе. Несколько раз во время речи Государя проносился трепет по зале, а когда Александр II сказал слова: «Я уверен, что вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту это нужным и честь России того потребует», молчать ста-

ло всем не под силу, и в залах грянуло «ура». Тогда царь сказал последние слова: «Я уверен также, что Москва, как всегда, подаст в том пример. Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание» (цит. по: *Мещерский, князь.* Воспоминания. М., 2003. С. 461–462). В тот же день Московское дворянское собрание и Городская дума собрались для составления адреса императору. В начале ноября, по решению правительства, началась частичная мобилизация русской армии.

[4] Князь В. А. Черкасский собирался ехать в Болгарию, в случае войны России с Турцией, в качестве уполномоченного Российского общества Красного Креста при действующей армии.

[5] Ю. Ф. Самарин скончался в Берлине от заражения крови 19 марта 1876 г.

[6] Подразумевается адрес Московской городской думы на имя Александра II, о котором упомянуто в комментарии 3. Проект адреса был составлен И. С. Аксаковым. В нем от имени русского народа выражалась готовность поддержать Государя в деле освобождения славянских братьев.

[7] В Ницце находилась русская православная церковь.

[8] Супруга Д. Ф. Самарина.

Письмо Д. Ф. Самарину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 209. Ед. хр. 6. Л. 9–10 об.

[1] Речь идет о выборах в Московскую городскую думу, состоявшихся в ноябре 1876 г. В ходе этих выборов впервые проявилось противостояние различных сословных групп избирателей и корпоративность со стороны торгово-промышленного слоя, составлявшего в Думе большинство. Все три курии отдали явное предпочтение купцам и почетным гражданам, резко изменив состав Думы. В результате около 80% гласных оказались представителями купеческого сословия (см.: *Писарькова Л. Ф.* Указ. соч. С. 73).

[2] Д. Ф. Самарин, как и А. А. Щербатов, был гласным Московской городской думы.

[3] 16 апреля московский голова Д. Д. Шумахер подал в отставку, и руководство Думой, на период до новых выборов, перешло к товарищу головы С. А. Ладыженскому. Выборы нового головы состоялись 7 января 1877 г. Из упомянутых в письме лиц баллоти-

ровался только старшина купеческого сословия С. М. Третьяков, который и был избран.

[4] В описываемое время в Москве было 16 женских и 2 мужских начальных городских училища, открытых Московской городской думой и содержавшихся на средства городского бюджета. При Думе функционировал Совет попечителей и попечительниц городских начальных училищ под председательством Д. Ф. Самарина, который и сам был попечителем Сущевского женского училища, открытого в 1867 г. на Новослободской улице. А. А. Щербатов был с 1871 г. попечителем Тверского женского училища, расположенного на Малой Дмитровке.

В архиве Самариных хранятся документальные материалы о деятельности Попечительского совета за 1873–1879 гг. (ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 107. Ед. хр. 1).

[5] Речь идет о гласном Московской городской думы и члене Городской управы Ф. И. Тимирязеве, вышедшем в отставку в ноябре 1876 г.

В подробном отчете о деятельности Думы за 1876 г. нет сведений о причинах отставки Тимирязева и о его взаимоотношениях с гласным от купечества Н. П. Ланиным. Известно, однако, что Тимирязев заведовал в управе 3-м отделением, которое занималось налогами — очень важным вопросом для торгово-промышленного сословия.

По отзывам современников, Ланин был грубым и бестактным человеком; некорректно вел себя по отношению к дворянским депутатам на заседаниях Думы (см.: *Голицын В. М.* Москва в семидесятых годах // Голос минувшего. 1919. № 5/12. С. 142; *Чичерин Б. Н.* Указ. соч. С. 123).

[6] Речь идет о предстоящем отъезде В. А. Черкасского и П. Ф. Самарина в Болгарию в качестве уполномоченных при русской армии от Российского общества Красного Креста. Самарин был направлен Обществом попечения о раненых и больных воинах; Черкасский — Центральным Петербургским управлением. Кроме этого, Черкасский в конце 1876 г., при содействии военного министра Д. А. Милютина, был назначен начальником русского гражданского управления в Болгарии, которое должно было состоять при Главной квартире армии. В задачи управления входило немедленное введение административного устройства на освобождаемой русской армией территории Болгарии. Для Общества Красного Креста Черкасский был человеком новым; никто не предполагал, что он займет должность, на которую бы-

ло немало желающих в петербургских кругах, поэтому чиновники отнеслись к Черкасскому с недоверием и холодностью и не оказывали ему необходимого содействия. Назначение Черкасского навлекло на него нападки и со стороны тех политических кругов в России и за рубежом, которые были недовольны русской политикой на Балканах.

В связи с кратковременным перемирием в военных действиях Турции против Сербии и Черногории отъезд Черкасского и Самарина на Балканы был отложен до апреля 1877 г., когда Россия объявила Турции войну.

[7] После смерти Ю. Ф. Самарина и в память о нем его родственники, во главе с братом Дмитрием Фёдоровичем, создали специальный фонд с первоначальным капиталом для выдачи денежных премий за сочинения, касающиеся крестьянского и земского дел в России. Все желающие могли перечислять в фонд денежные суммы. Капитал фонда было решено передать на хранение Московскому университету, потому что Юрий Фёдорович в нем учился и до конца своих дней оставался его почетным членом. Что касается Русского географического общества, то Самарин не был с ним по жизни связан.

19 мая 1877 г. министр народного просвещения утвердил «Положение о премии Ю. Ф. Самарина при Московском университете». В документе, между прочим, было прописано, что переданный университету капитал остается навсегда неприкосновенным, а премии выдаются из процентов от капитала через каждые три года. Для присуждения премий совет университета должен был учредить особую комиссию из семи человек, в число которых обязательно должны были войти по одному представителю от Московской городской думы и Московской губернской земской управы (писарской экземпляр «Положения» см. в ОР РГБ, ф. 265, карт. 131, ед. хр. 23, л. 1–2).

[8] Имеются в виду мать и сестра Д. Ф. Самарина.

[9] П. Ф. Самарин ушел с поста предводителя дворянства Тульской губернии в начале 1877 г., в связи с отъездом в Болгарию.

Письмо Д. Ф. Самарину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 209. Ед. хр. 6. Л. 11–12 об.

[1] Речь идет о заседаниях Московского губернского земского собрания 4 и 8 января 1877 г. и развернувшейся там полеми-

ке между В.А.Черкасским и Д.Ф. Самариным по докладам о шоссейно-дорожном деле и о народном образовании. Доклад о народном образовании был подготовлен под руководством Д.Ф. Самарина Училищным советом Московской губернской земской управы (об обсуждении доклада на заседании 8 января подробно см.: Журналы Московского губернского земского собрания за январь 1877 г. М., 1877. С. 23–37, 45–48, 77–113).

[2] Т. е. П.Ф. Самарин.

[3] В заседании Московского губернского земского собрания 3 января 1877 г. было единогласно решено почтить память Ю.Ф. Самарина торжественной панихидой и учредить две стипендии его имени: одну — при Московском университете, вторую — при Московской учительской семинарии. Такое решение было вызвано тем, что Ю.Ф. Самарин много сил отдал делу народного образования как земский гласный и член Училищного совета при Московской губернской земской управе. Кроме этого, он в течение длительного времени возглавлял земскую Комиссию о податях и сборах (см. книгу в комментарии 1. С. 2–4).

[4] С.М.Третьяков был утвержден в должности московского городского головы 21 января 1877 г.

[5] 11 января 1877 г. М. П. Щепкин подал в отставку с должности городского секретаря. 8 марта новым городским секретарем был избран большинством голосов А.А.Строльман.

[6] В. М. Лосев был городским секретарем в 1863–1869 гг.

Письмо Б.Н.Чичерину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 334. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 37–38 об.

[1] Имеется в виду свадьба Марии, вышедшей замуж за помещика Тамбовской губернии Ю.А. Новосильцова.

[2] В начале 1881 г. в Петербурге министром финансов была создана специальная комиссия под председательством сенатора К.И.Домонтовича для подробного рассмотрения вопроса о понижении выкупных платежей крестьян за земли, переходившие к ним от помещиков по «Положению» 19 февраля 1861 г. В течение февраля–марта комиссия детально изучила вопрос применительно к нечерноземным губерниям, т. к. именно в них предполагалось понизить выкупные платежи вследствие снижения цен на землю. Комиссия установила размеры понижения — в среднем на 35%. В апреле предложения комиссии обсуждались в Государственном совете. 9 мая император Александр III утвердил ре-

шение Государственного совета о переводе временно обязанных крестьян на обязательный выкуп и общую сумму ежегодного понижения выкупных платежей. Вместе с тем он счел необходимым обсудить еще раз распределение суммы понижения по отдельным губерниям в совещании министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ, с участием экспертов, приглашенных по их выбору. Совещания эти проходили в июне. Именно о них идет речь в письме А. А. Щербатова, который был приглашен в качестве эксперта. Кандидатура Б. Н. Чичерина также рассматривалась министрами, но он не был приглашен. Истинные причины этого до сих пор не прояснены. Сам Чичерин объяснял это тем, что в правительственных кругах не могли отказать князю А. И. Васильчикову, имевшему репутацию авторитета в данном вопросе. Чичерин же находился с Васильчиковым в напряженных отношениях, поэтому не сочли возможным включить их в одну комиссию (см.: *Чичерин Б. Н*. Указ. соч. Т. 4. С. 89).

[3] Голоса экспертов действительно разделились на две группы. Большинство, включавшее шесть перечисленных Щербатовым экспертов, полагало произвести понижение выкупных платежей в размере 20% от их общей суммы по всей России, за исключением девяти западных губерний. Они также считали возможным, независимо от общего понижения, произвести дополнительное понижение в отдельных районах России, находившихся в исключительно неблагоприятных условиях. Меньшинство экспертов предлагало понизить выкупные платежи на 10% по всей России (см.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964. С. 347).

[4] Т. е. понижение выкупных платежей.

[5] Д. А. Наумов был приглашен в качестве председателя Московской губернской земской управы.

[6] Действительно, совещание трех министров поддержало мнение большинства, увеличив сумму специального понижения выкупных платежей на 2 млн. руб. за счет суммы общего понижения.

[7] *Улинька* — дочь Б. Н. Чичерина Ульяна.

Письмо Д. Ф. Самарину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 209. Ед. хр. 6. Л. 25–28.

[1] *С. Александровка (или Савола)* Тамбовской губ. — имение В. М. Петрово-Соловово, мужа старшей дочери А. А. Щербатова Софьи.

[2] *Чичеринский казус* — отставка Б. Н. Чичерина с поста московского головы 11 августа 1883 г.

Поводом к отставке стала речь Чичерина на банкете городских голов 16 мая 1883 г., устроенном в Москве по случаю коронации императора Александра III. В ней было, в частности, высказано пожелание, чтобы собрание голов не прошло бесследно, а явилось «началом объединения земских людей» (полностью речь приведена в «Воспоминаниях» Б. Н. Чичерина, т. 4, с. 234–236). Именно в этом, на самом деле безобидном, пассаже власти усмотрели требование введения конституции. Д. Ф. Самарин убеждал Чичерина, для оправдания самого себя и для чести города, добиваться напечатания речи, но Чичерин считал это невозможным и довольствовался распространением ее копий. Краткое изложение речи было помещено И. С. Аксаковым в № 12 газеты «Русь». Эта речь была последней каплей, переполнившей чашу правительственного терпения, ибо Чичерин уже дважды, будучи московским головой, выступал с неугодными властям речами: 26 января 1882 г. — при вступлении в должность головы и 12 января 1883 г. — на традиционном обеде «старых» выпускников Московского университета. Последнее из этих выступлений было направлено против готовившейся министром внутренних дел университетской реформы и вызвало особенное недовольство царя, оценившего поступок Чичерина как не соответствующий званию городского головы. После третьей речи Чичерину в конце июля дали понять, что царь желает его отставки.

В Московской городской думе многие гласные сочувствовали Чичерину, но большинство осталось к его отставке равнодушным: одни — из раболепства перед правительством и московскими властями, другие — потому, что не считали Чичерина своим, т. е. принадлежащим к купеческому сословию. Из купеческой фракции наибольшее участие в Чичерине проявил упомянутый Щербатовым В. Д. Аксёнов (подробности отставки Чичерина см. в его «Воспоминаниях», с. 249–254).

[3] А. А. Щербатов действительно вышел в знак протеста из гласных Думы и больше не выдвигал свою кандидатуру.

[4] Речь идет о продаже земли крестьянам имения Ельшанка Саратовской губернии.

О *Крестьянском земельном банке* см. комментарий 172 к «Воспоминаниям».

[5] Т. е. постановления сельского схода.

Речь, произнесенная на обеде в день юбилея Д.А. Наумова 6 октября 1890 г. Место первой публикации не установлено. Печ. по тексту оттиска — ОР РГБ. Ф. 334. Карт. 10. Ед. хр. 5.

Речь посвящена видному земскому деятелю пореформенной России, возглавлявшему Московское губернское земство более 25 лет, с самого его открытия в 1865 г.

Не только земская, но и вся вообще жизнь и деятельность Д.А. Наумова были связаны с Москвой. После окончания в 1856 г. юридического факультета Московского университета он служил в Московском главном архиве Министерства иностранных дел; затем — цензором в Московском цензурном комитете и чиновником для особых поручений при попечителе Московского учебного округа. Д.А. Наумов много потрудился на посту секретаря, а затем вице-президента Московского общества сельского хозяйства и товарища председателя московского Музея прикладных знаний.

[1] А.А. Щербатов был гласным Московского губернского земства с 1870 г. В течение 20 лет он участвовал в работе нескольких земских комиссий: дорожной, санитарной, по народному образованию, по исследованию причин упадка сельского хозяйства Московской губернии, о приходских попечительствах и др.

[2] В 1875 г. Московское губернское земство решило провести статистическое обследование Московской губернии, для чего при Губернской земской управе образовало статистическое отделение во главе с выпускником юридического факультета Московского университета В. И. Орловым. Тот составил программы исследований, на основе последних достижений современной статистики, которые были приняты губернским земским собранием. Материалы статистических исследований по уездам были подготовлены Орловым к изданию в 9 томах под названием «Сборник статистических сведений по Московской губернии» и изданы Московским губернским земством в 1878—1884 гг. В 1885 г. опубликован составленный Орловым «Статистический ежегодник Московской губернии».

[3] Подразумевается «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., ограничивавшее круг деятельности земств исключительно местными, главным образом, хозяйственными делами, народным образованием, медицинским и ветеринарным обслуживанием, общественным призрением и пр.

[4] Имеется в виду новое «Положение о земских учреждениях». Основной его смысл заключался в пересмотре земской из-

бирательной системы, а именно: в ограничении прав буржуазии и крестьянства и в обеспечении за дворянством полного и устойчивого господства в земстве. Позиции дворян укрепились не только в собраниях, но и в исполнительных органах земства (управах). «Положение...» 1891 г. несколько усиливало административный контроль начальников губерний за деятельностью земств. Несмотря на все это, земство, как верно отметил Щербатов, не было превращено в правительственное учреждение, как того хотели его противники в правительственных верхах.

Письмо Ф.Д.Самарину. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 209. Ед. хр. 8. Л. 3.

[1] *Карлсбад* (ныне — Карловы Вары) — знаменитый курорт в Чехии.

[2] Имеется в виду доклад о начальных школах, сделанный Ф.Д.Самариным на заседании Чрезвычайного Московского губернского земского собрания 10 июня 1894 г. Первый раздел доклада назывался: «Что такое церковно-приходская школа и чем она отличается от земской <школы>?» Второй раздел был посвящен вопросу об отношении земства к церковно-приходской школе; третий раздел — «школам грамотности» и содействию со стороны земств их устройству (доклад полностью опубл.: Вопрос о церковно-приходских школах и школах грамотности в Московском губернском земстве. Саратов, 1894. С. 3–74).

[3] Доклад Ф.Д.Самарина и постановления по этому вопросу Московского губернского земского собрания должны были быть представлены К.П.Победоносцеву как обер-прокурору Святейшего Синода, в ведении которого с 1884 г. находились церковно-приходские школы и школы грамотности.

[4] В заседании земского собрания 10 июня участвовали 33 гласных, 8 уездных предводителей дворянства и только один представитель Святейшего Синода. Духовное ведомство проигнорировало собрание, т. к. усмотрело в докладе Ф.Д.Самарина отрицательное отношение земства к церковно-приходским школам. На самом деле у Московского земства и у Синода обнаружились разные подходы к управлению этими школами. Синод был недоволен тем, что земство, еще до Чрезвычайного собрания, приняло решение о прекращении финансирования церковно-приходских школ, т. к. не получало от духовного ведомства ясных отчетов о расходовании земских денег и денег, выделяемых прави-

тельством. Между тем согласно «всеподданнейшему» отчету обер-прокурора Синода с 1894 г. из 228 земств 144 выделяли деньги на церковно-приходские школы. Эти средства были значительны, т. к. школ было 31 835, а учащихся в них — почти 1 млн. человек (см.: *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Т. 3. СПб., 1910. С.491).

[5] Доклад Ф.Д. Самарина был одобрен большинством земского собрания (против — 4 голоса). Собрание также приняло предложения Московской губернской земской управы, касающиеся помощи земства церковно-приходским школам и «школам грамотности» (см.: Постановления Чрезвычайного Московского губернского земского собрания 10 июня 1894 г. М., 1894. С. 19).

[6] Младшая дочь А.А. Щербатова Вера была замужем за Е. Н. Трубецким.

Франценсбад — известный курорт в Чехии.

[7] Супруга Ф.Д. Самарина.

<Записка о призрении бедных>. Печ. по тексту, опубл. в изд.: Доклад собранию городских участковых попечителей Комиссии по вопросу о налоге на нужды городской общественной благотворительности 2 февраля 1897 г. Приложение. М., 1897. С. 25–34.

[1] *Городские участковые попечительства* о *бедных* представляли собой новую форму организации благотворительности, в основу которой были положены принципы децентрализации и индивидуализации помощи (впервые успешно примененные в Германии), т. е. каждый отдельный случай нужды подвергался тщательному рассмотрению. Попечительства начали свою деятельность в Москве в декабре 1894 г. Они были созданы Московской городской думой для оказания систематической планомерной помощи нуждающимся. 15 марта 1894 г., приговором Думы было одобрено, а затем утверждено министром внутренних дел «Временное положение о городских участковых попечительствах о бедных в г. Москве». Попечительство возглавлял председатель, избираемый Думой, по предложению городского головы, на 4 года, и совет, состоявший из постоянных и почетных членов, а также товарища участкового попечителя. Члены совета приглашались на 4 года участковым попечителем, в числе от 5 до 10 лиц, и также утверждались Думой. Совет принимал окончательные решения по всем вопросам деятельности попечительства. В состав попечительства входили члены-жертвователи, принявшие

на себя обязанности делать в кассу попечительства определенные ими самими ежегодные взносы, и сотрудники, принимающие участие в деятельности попечительства личным трудом. Источником финансирования попечительств, кроме добровольных частных пожертвований, были также бюджетные ассигнования Думы. Все имевшиеся в распоряжении попечительств денежные суммы использовались для создания благотворительных учреждений и оказания различных видов помощи нуждающимся москвичам: для них приобретались одежда, обувь, лекарства; выдавались денежные пособия, предоставлялись ссуды; им помогали устроиться на работу, оплатить жилье, в больничном лечении. В ведении попечительств находились богадельни, приюты, ясли, столовые, дешевые и бесплатные семейные и коечно-каморные квартиры, учебно-ремесленные мастерские, вечерние приюты для школьников, швейные и сапожные мастерские.

На территории Москвы было образовано 29 попечительств. Как правило, район их деятельности охватывал территорию одного или двух полицейских участков (всего в городе было 44 полицейских участка). Многие попечительства, чтобы ближе познакомиться с бедным население своего района, делили свои участки на более мелкие единицы. Органом, объединявшим все городские попечительства, было собрание участковых попечителей и их товарищей (подробнее см.: *Кузовлёва О.В.* К истории городских участковых попечительств о бедных // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М., 2000. С. 350–352). Этот институт благотворительности оказался настолько целесообразным, что циркуляр Министерства внутренних дел от 31 марта 1899 г. рекомендовал распространить опыт Москвы в других городах.

[2] Имеется в виду Комиссия по вопросу о налоге на нужды городской общественной благотворительности под председательством участкового попечителя М.В.Духовского, созданная в октябре 1896 г. по решению собрания участковых попечителей. Комиссия должна была рассмотреть ряд проектов специального налога в пользу бедных и выработать свою позицию по данному вопросу.

М. В.Духовский в своем проекте предлагал городской думе возбудить ходатайство о предоставлении Москве права взимать с увеселений и зрелищ особый сбор на нужды благотворительности, а также разработать вопрос об обложении с этой целью некоторых предметов роскоши. Участковый попечитель В. И. Герье

предлагал ходатайствовать о том, чтобы городскому управлению разрешено было, как в некоторых государствах, в дополнение к добровольным членским взносам в пользу попечительств, устанавливать обязательный взнос для тех, кто будет уклоняться от уплаты добровольных членских взносов или делать взносы, не отвечающие их имущественному положению. Обязательный взнос, по мнению Герье, мог бы взиматься в виде дополнительного к квартирному налогу. Оба эти предложения встретили сочувствие со стороны собрания попечителей.

После тщательной разработки этого вопроса, Комиссия о налоге на нужды городской общественной благотворительности составила обширный доклад, который был представлен 2 февраля 1897 г. собранию городских участковых попечителей. Комиссия предлагала установить три вида налогов: 1) сбор с хозяев квартирной прислуги; 2) дополнительный сбор с хозяев торгово-промышленных заведений (фабрик, заводов, ремесленных заведений и пр.); 3) дополнительный сбор к государственному квартирному налогу. От этих налогов ожидалось поступлений свыше 530 тыс. руб. в год. Эта сумма, по проекту комиссии, должна была идти не только на нужды попечительств, но и на расширение городских благотворительных заведений. Все три налога составили бы на каждого жителя Москвы в среднем всего 67 коп. в год; а чтобы налоговое бремя не ложилось только на работодателей, было предложено привлечь и других налогоспособных лиц, приняв за признак налогоспособности проживание в квартире не ниже определенной стоимости. Щербатов поддержал только налог с хозяев квартирной прислуги (см.: Общественное призрение Московского городского управления. М., 1914. С. 93–94).

[3] Речь идет о министре финансов С. Ю. Витте, предпринявшем попытку реформирования торгово-промышленного обложения, т. к. существовавший в то время промысловый налог был весьма незначителен.

К середине 1890-х гг. поступления от всех видов промыслового обложения составляли немногим более 3%, хотя торговля и промышленность уже давали 45% национального дохода. Осенью 1892 г. Витте представил императору Александру II доклад, в котором просил разрешение на подготовку общей реформы торгово-промышленного обложения. Подготовкой проекта реформы занялась специальная комиссия. Не дожидаясь результатов ее работы, Витте провел закон об увеличении с 1893 г. размера промыслового налога в среднем на 3–5% и привлечения к обложе-

нию предприятий, уплативших акцизные сборы. 8 июня 1898 г. император Александр III утвердил новое «Положение о промысловом налоге», суть которого заключалась в следующем. Налог, как и прежде, состоял из основного и дополнительного. Основной уплачивался путем ежегодной выборки промысловых свидетельств на право занятия торгово-промышленной деятельностью. Однако теперь его размер устанавливался в зависимости от величины и вида предприятия и от его территориального расположения. Дополнительный налог подразделялся на налог с капитала и процентный сбор с прибыли. Новое «Положение...» несколько увеличивало налог с торгово-промышленных предприятий, доля которого в общих бюджетных поступлениях все равно оставалась мизерной (см.: *Корелин А. М., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 41–43).

[4] *Винная монополия* была введена в России законами 8 июня 1893 г. и 6 июня 1894 г. сначала в четырех губерниях (Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской). В 1895–1898 гг. казенная продажа водки была распространена на 35 губерний, а затем введена в остальных районах страны. 29 мая 1897 г. был принят закон, который ужесточил порядок торговли крепкими напитками в питейных заведениях (см.: Министерство финансов. 1802–1902. Т. 2. СПб., 1902. С. 530–531).

[5] Вопрос о введении дополнительного *квартирного налога* не раз обсуждался в Московской городской думе. Впервые он был возбужден в 1876 г. и увязан с обсуждавшимся тогда вопросом о расширении круга избирателей в Думу за счет квартиронанимателей. Тогда предложение о квартирном налоге не было поддержано большинством гласных. Затем эта тема поднималась в Думе в 1878, 1882, 1886 гг., но никакого решения не было принято. В 1896 г. введение дополнительного сбора к государственному квартирному налогу было снова предложено Комиссией о налоге на нужды городской общественной благотворительности, однако не получило движения.

[6] *Екатерининская богадельня* была открыта по повелению императрицы Екатерины II в 1775 г. К началу 1860-х гг. она состояла из пяти отделений: 1) для дворян, 2) для разночинцев, 3) для неизлечимо больных, 4) для раненых офицеров, 5) для престарелых и увечных, главным образом отставных военных и их жен. Последние два отделения были созданы в конце 1850 — начале 1860-х гг. на частные пожертвования. Екатерининская богадельня перешла в ведение московского городского управления в 1887 г.

Письмо А. Н. Баранову. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 540 (А. Н. Баранов). Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–2.

[1] Речь идет о Вере, которая с 1897 г. жила в Киеве с мужем Е. Н. Трубецким — профессором Киевского университета.

[2] А. Н. Баранов был инициатором создания в Казани Общества защиты несчастных женщин. Его проект был напечатан в газете «Камско-Волжский край» 19 февраля 1897 г. Инициатива Баранова была поддержана многими жителями Казани и за ее пределами; на создание Общества стали поступать пожертвования из разных мест России. Баранов разработал устав Общества, который был утвержден на собрании членов-учредителей 31 июля 1899 г. (см.: *Баранов А. Н.* В защиту несчастных женщин. М., 1902. С. 87–96).

[3] Упомянутый отчет был издан в виде брошюры под названием «Первое 25-летие учреждения Св. Марии Магдалины в Москве ведомства Дамского попечительства о бедных». М., 1892.

Приют Св. Марии Магдалины был основан в 1866 г. по инициативе родной сестры А. А. Щербатова княгини О. А. Голицыной; она руководила им 14 лет, до самой своей смерти в 1880 г. Голицына была душой этого учреждения, не говоря уже о крупных с ее стороны денежных пожертвованиях. Щербатов был попечителем и жертвователем приюта с самого его основания. Организационно приют входил в состав благотворительных учреждений 2-го Сущевского отделения Дамского попечительства о бедных. О. А. Голицына была попечительницей и членом совета Сущевского участка Дамского попечительства и заведующей Никольской школой для девочек, находившейся на Новослободской улице. Там же с 1873 г. помещался и приют Св. Марии Магдалины, в специально построенном для него доме. За 25 лет через приют прошли 423 женщины, из которых 60% вернулись к нормальной жизни. Обычный срок пребывания в приюте был 3 года, а для несовершеннолетних до 16 лет — больше. По окончании срока пребывания в приюте девушки получали право на помощь в устройстве на работу со стороны правления приюта. Все выходившие из приюта получали единовременное пособие 25 рублей.

Приют Св. Марии Магдалины начал функционировать при капитале 1500 руб., внесенном О. А. Голицыной, а через 25 лет капитал увеличился до 54000 руб. Ежегодное его содержание обходилось в 5000 руб. Более половины суммы покрывалось процентами с основного капитала, от 1000 до 1500 руб. поступало

ежегодно от благотворителей, около 700 руб. — от совета Дамского попечительства о бедных.

[4] Щербатов возглавлял городское попечительство о бедных 1-го участка Пресненской части, открывшееся 18 декабря 1894 г. В нем работало около 100 сотрудников из самых разных слоев населения. При попечительстве были созданы два дамских комитета, которые занимались помощью женщинам и детям. В Пресненском попечительстве большое участие принимали представители известных дворянских фамилий: князей Гагариных, Римских-Корсаковых, Трубецких; Полторацких, Лопухиных, Петрово-Соловово. Дети Щербатова, Софья и Сергей, были членами совета попечительства. Главное внимание Пресненского попечительства было обращено на дряхлых и больных бедняков, которые не могли сами зарабатывать на жизнь трудом. Им выдавались постоянные ежемесячные пособия в размере 3–4 руб., частью деньгами для оплаты квартиры, частью харчевыми книжками общества потребителей при Трехгорной Прохоровской мануфактуре. В зимние месяцы попечительство выдавало срочные пособия. Деятельность Пресненского попечительства не ограничивалась выдачей пособий. Оно устроило ряд благотворительных учреждений для своих клиентов: две богадельни на 110 призреваемых стариков и инвалидов, ясли на 30 детей. В 1898 г. на деньги, пожертвованные Щербатовым и одним из владельцев Трехгорной мануфактуры, С. И. Прохоровым, на Пресне было построено новое здание для богаделен (каменное, с центральным отоплением и вентиляцией). Детский дневной приют (ясли) находился там же, в Большом Девятинском переулке. Он работал в течение года, а летом дети жили на даче, в имении князя В. Н. Гагарина. Прохоровская мануфактура поставляла бесплатно в ясли ситец. В двух устроенных Пресненским попечительством женских мастерских работало ежегодно в среднем свыше 200 женщин. Попечительство оказывало бесплатную медицинскую помощь на дому и амбулаторно в приюте имени княгини М. П. Щербатовой и больнице С. И. Прохорова (подробнее см.: Отчеты городского попечительства о бедных 1-го участка Пресненской части за 1894–1901 гг. М., 1895–1902). См. также комментарий 1 к «<Записке о призрении бедных>».

[5] Об этом см. комментарий 27 к «Воспоминаниям».

Письмо В.И.Герье. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 70 (В. И. Герье). Карт. 57. Ед. хр. 20. Л. 4–4 об.

[1] А.А.Щербатов давно вынашивал мысль о строительстве дома дешевых квартир для бедных. Впервые он высказал ее В. И. Герье (в то время возглавлявшему Комиссию о пользах и нуждах общественных Московской городской думы) в письме от 18 апреля 1889 г., предлагая учредить акционерное общество для строительства такого дома (см. ОР РГБ. Ф. 70. Карт. 57. Ед. хр. 20. Л. 1). По проекту Щербатова, в доме устраивалось 4 квартиры по 2 комнаты, с наемной ценой 8–9 руб. в месяц, и 40 однокомнатных квартир площадью от 2 до 4 кв. саженей, с наемной ценой от 3 руб. 50 коп. до 6 руб. в месяц (см.: Общественное призрение Московского городского управления. С. 87).

Письмо В.И.Герье. Печ. впервые. Автограф — ОР РГБ. Ф. 70. Карт. 57. Ед. хр. 20. Л. 5–6.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Содержание

Щербатов, Александр Алексеевич, князь (1829–1902).
Щ61 На службе Москве и Отечеству / Князь А.А. Щербатов ; [сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т.А. Медовичевой]. — М. : Русскій міръ, 2009. — 528 с. : ил. — (Большая Московская Библиотека (БМБ)). — ISBN 978-5-89577-137-2.
I. Медовичева Т.А., сост.

Агентство CIP РГБ

В книге собраны подлинные документы почётного гражданина Москвы князя А. А. Щербатова (1829–1902), славно потрудившегося на благо России. Воспоминания и письма, охватывающие период с 1829 по 1901 годы, публикуются впервые. Они содержат множество интересных сюжетов из жизни русского общества; о событиях Крымской войны, начале царствования императора Александра II, ходе крестьянской и других реформ. Страницы мемуаров насыщены яркими характеристиками выдающихся современников автора — представителей рода князей Голицыных и Мухановых, фельдмаршала И.Ф. Паскевича и генерала М.Д. Горчакова, поэта А.А. Фета, героя Севастопольской обороны адмирала В.А. Корнилова и др. «Отчёт» А.А. Щербатова о деятельности Московской городской думы — ценный источник по истории Москвы 1860-х гг.

Книга снабжена обширным научно-справочным аппаратом и большим количеством иллюстраций.

Рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 929Щербатов А. А.+94(470–25)(035)(084.121)(093.3)"1860"
ББК 63.214ю14(2)-2+63.3(2-2Москва)522

Большая Московская Библиотека

Князь Александр Алексеевич Щербатов

НА СЛУЖБЕ МОСКВЕ И ОТЕЧЕСТВУ

Генеральный директор *В. Е. Волков*
Редактор *Д. Ф. Михайлов*
Художественный редактор *Т. В. Покатов*
Верстка *Е. П. Полякова*
Корректор *Л. М. Логунова*

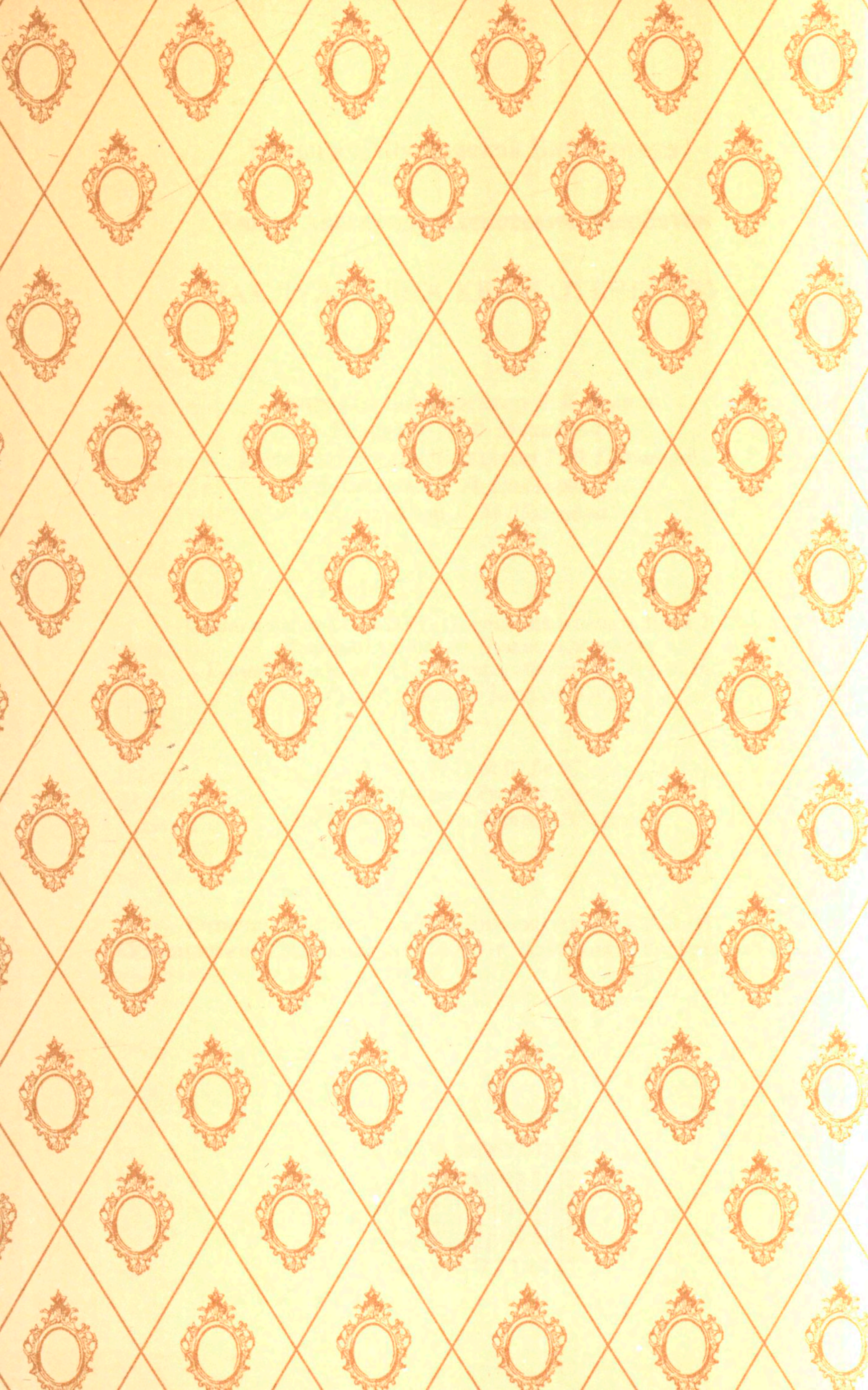
Сдано в набор 01.08.2008. Подписано в печать 10.12.2008.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Newton С». Печать офсетная. Печ. л. 16,5
Тираж 5000 экз. Заказ № 8592

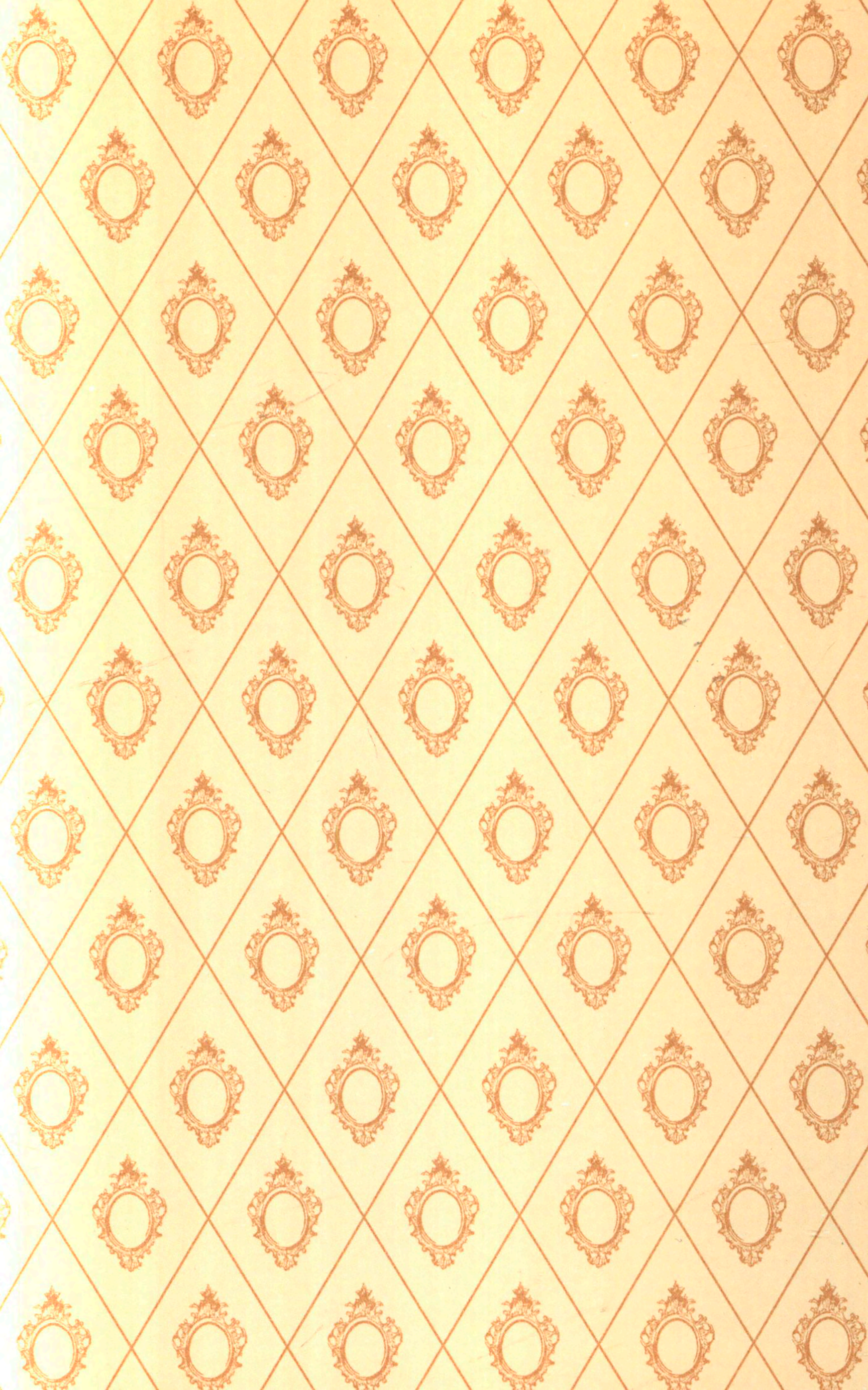
ЛР № 071422 от 07.04.97.
Издательство «Русскій міръ»
125252, Москва, ул. Зорге, д. 9А, стр. 2

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-89577-137-2

9 785895 771372

В книге собраны подлинные документы почётного гражданина Москвы князя А. А. Щербатова (1829–1902). Воспоминания и письма, охватывающие период с 1829 по 1901 годы, публикуются впервые. Книга снабжена обширным научно-справочным аппаратом и большим количеством иллюстраций.

